UNIVERSITATEA DIN BUCUREȘTI
FACULTATEA DE LIMBI ȘI LITERATURI STRĂINE
CATEDRA DE LIMBI SLAVE

PRELEGERI DE LIMBĂ ȘI LITERATURĂ RUSĂ

Vol. II

BUCUREȘTI
– 1985 –

UNIVERSITATEA DIN BUCUREŞTI
FACULTATEA DE LIMBI ŞI LITERATURI STRĂINE
CATEDRA DE LIMBI SLAVE

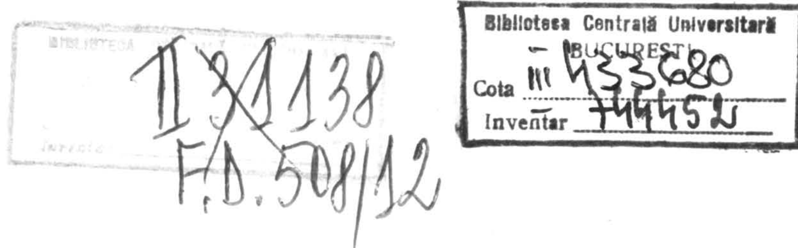
PRELEGERI DE LIMBĂ ŞI LITERATURĂ RUSĂ

vol. II

pentru

perfecţionarea profesională a cadrelor didactice

Bucureşti
1985

Colectivul de redacţie:

Prof.dr.Ecaterina Fodor
Conf.dr.Ion Oiţă
Conf.dr.Virgil Şoptereanu
Conf.dr.doc.Victor Vascenco

Prezentul volum (II) din Prelegeri cuprinde contribuţii elaborate de membrii colectivului de limbă şi literatură rusă pe baza Programei pentru perfecţionarea profesională a cadrelor didactice din învăţămîntul gimnazial, profesional şi liceal, vizînd aspecte teoretice şi practice referitoare la limba rusă contemporană, la predarea ei, precum şi la literatura rusă şi sovietică.

El este destinat perfecţionării profesionale a cadrelor didactice, în general, cît şi participanţilor la cursurile cu acest profil organizate de Universitatea din Bucureşti.

Volumul a fost discutat în şedinţă de catedră şi aprobat spre multiplicare în forma actuală.

CUVÎNT ÎNAINTE

Volumul al doilea de Prelegeri de limbă şi literatură rusă, elaborat de cadre didactice din colectivul de limba şi literatura rusă de la Catedra de limbi slave, pune la dispoziţia profesorilor participanţi la cursurile de perfecţionare (definitivat, gradul al II-lea, gradul I şi reciclare) un material bogat şi variat, rod al cercetărilor ştiinţifice şi al experienţei de predare a limbii ruse în mediul lingvistic românesc. Fiind destinate studiului individual, Prelegereile vor contribui la ridicarea calităţii şi eficienţei cursurilor de perfecţionare din cadrul celor două perioade de pregătire colectivă, cursanţii putînd participa activ la discutarea şi dezbaterea problemelor incluse în Programele de perfecţionare pentru profesorii de limba şi literatura rusă (1983).

Volumul cuprinde secţiunile: I. Lingvistică, II. Lingvodidactică, III. Literatură rusă şi sovietică şi IV. Din activitatea de cercetare ştiinţifică a membrilor catedrei - colectivul de limbă rusă.

Prelegerile incluse în primele două secţiuni abordează probleme teoretice fundamentale ale dezvoltării limbii ruse literare, ele avînd la bază rezultatele recente ale investigaţiilor,ştiinţifice ale cadrelor didactice de la catedră.

Contribuţiile privind problemele de,lingvistică aplicată, din secţiunea a doua, vizează didactica predării şi învăţării limbii ruse, motiv pentru care au un pregnant caracter contrastiv, analiza fenomenelor lingvistice avute în vedere ţinînd seama de elementele comune şi divergente din cele două coduri - rusa şi româna. Aceste materiale se încheie cu bogate exerciţii lexico-gramaticale.

Prelegerile de literatura rusă şi sovietică din secţiunea a treia se axează pe o tematică de actualitate din domeniul istoriei

literare şi al relaţiilor literare româno-ruse. Ele au în vedere exigenţele ştiinţifice pe care li implică modalităţile de desfăşurare a cursurilor de perfecţionare, reflectînd nivelul teoretic înalt la care se găseşte astăzi în ţara noastră exegeza operei scriitorilor trataţi.

Materialele din secţiunea a patra sînt consacrate analizei detaliate a Gramaticii ruse (Russkaja grammatica, sub redacţia: N.I. Švedova ş.a., vol. I, II, Moscova, 1980). Se fac o serie de propuneri şi sugestii utile pentru cadrele didactice care folosesc această lucrare de bază privind structura limbii ruse literare contemporane în scopul perfecţionării cunoştinţelor de specialitate.

Aşteptăm cu interes observaţii, sugestii şi propuneri de teme pentru următorul volum (III) al Prelegerilor din partea cadrelor didactice interesate.

Colectivul de redacţie:

Prof.dr.Ecaterina Fodor, Conf.dr. Ion Oiţă, Conf.dr.Virgil Şoptereanu, Conf.dr.doc.Victor Vascenco

I. ЛИНГВИСТИКА

ОБОГАЩЕНИЕ СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА ПУТЕМ МЕТОНИМИЗАЦИИ СЛОВ

Екатерина Фодор

Количественные и качественные параметры современного русского литературного языка меняются, особенно на уровне его словаря. "Новое,- как справедливо замечает Р.А.Будагов,- может выражаться не только и даже не столько в количественном увеличении единиц, сколько прежде всего в различных качественных трансформациях уже наличных в языке единиц и категорий" [I]. В частности, к числу активных процессов в развитии словаря русского языка следует отнести изменения в семантической структуре слов путем развития полисемии. Этот процесс получил название с е м а н т и ч е с к о г о с л о в о о б р а з о в а н и я [2]. Важную роль в семантическом развитии слов играет м е т о н и м и я. Явление метонимии чаще всего рассматривается как троп [3] или разновидность тропа [4] и в меньшей мере как средство развития полисемии [5]. Действительно метонимия выполняет двоякую функци

I Р.А.Будагов, Что такое развитие и совершенствование языка ? Изд -во "Наука", М., I977, с.225.

2 Лексика современного русского литературного языка, под ред. М.П.Панова, Изд -во "Наука", М., I968, с.I04.

3 См., например, О.С.Ахманова, Словарь лингвистических терминов, Изд - во "Советская энциклопедия", М., I966 ; А.Квятковский, Поэтический словарь, Изд -во "Советская энциклопедия", М., I966.

4 Д.Э.Розенталь, М.А.Теленкова, Справочник лингвистических терминов, Изд -во "Просвещение", М., I972.

5 А.В.Калинин, Лексика русского литературного языка, Изд -во МГУ, I97I, с.30-33.

как средство семантического развития словаря языка и как средство художественной изобразительности - троп. В последующем изложении метонимия и будет рассматриваться в двух аспектах : как вид полисемии и как троп.

I. МЕТОНИМИЯ КАК ВИД ПОЛИСЕМИИ

Метонимия - это семантический перенос по с м е ж н о с т и. Процесс метонимизации слов О.С.Ахманова определяет следующим образом :

I) ассоциация по смежности осуществляется в форме процесс - результат (идет прием студентов - новый прием студентов) ;

2) два смежных предмета находятся в отношении : материал - изделие (ложка из серебра - столовое серебро) ;

3) один предмет реализуется в другом (светлый класс - дисциплинированный класс) ;

4) один предмет проявляет себя на другом (узорное блюдо - вкусное блюдо) ;

5) смежность выявляется по линии - объект знания - отрасль знания (заниматься физикой - ядерная физика) [6].

На пять случаев проявления в языке метонимии указывают Д.Розенталь и М.Теленкова в своей Практической стилистике русского языка [7]. Связь между двумя предметами или явлениями осуществляется так :

I) между содержимым и содержащим : Я три тарелки съел. (Имеется в виду три тарелки супа,каши и т.д.) ;

2) между автором и его произведением : Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал. (Пушкин) .(Речь идет о произведениях этих

---

6 О.С.Ахманова,Словарь лингвистических терминов, с.234.

7 Д.Розенталь,М.Теленкова,Практическая стилистика русского языка, Изд -во "Русский язык",М.,1976,с.308-309.

античных писателей) ;

3) между действием или его результатом и орудием этого действия : Перо его местию дышит . (А.Н.Толстой) . (Имеется в виду письмо, написанное этим пером);

4) между предметом и материалом, из которого предмет сделан : Янтарь в устах его дымился (Пушкин). (т.е. янтарная трубка для курения) ;

5) между местом действия и людьми, находящимися на этом месте : Ложи блещут ; партер и кресла - все кипит (Пушкин) (Речь идет о зрителях, которые сидят в партере и креслах).

Сходство между обеими классификациями очевидно. Несколько иное решение вопроса дает А.В.Калинин в своем пособии Лексика русского языка. Он, в первую очередь, выделяет т.н. пространственную смежность предметов как самый простой случай метонимии. Имеются в виду такие случаи, когда один предмет помещается внутри другого и называются они одним и тем же словом. Например :

" Аудитория сыплет вопросы колючие, стараясь озадачить в записочном рвении" (Маяковский).

" Аудитория - это слушатели, находящиеся внутри зала (аудитории)".

Временная смежность сводится к тому, что одно и то же слово называет как процесс, действие, так и результат этого действия, процесса :

"Эта работа лежит на столе".

Другие разновидности метонимии, выделяемые автором, совпадают с классификациями, указанными выше. В исследовании Е.А.Некрасовой Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики [8] представлены три вида метонимии :

---

8 Е.А.Некрасова, Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики, сб."Слово в русской советской поэзии", отв.ред.В.П.Григорьев, Изд.-во "Наука", М., 1975.

I) метонимия предметная ;

2) метонимия признака ;

3) метонимия словесно-ассоциативная.

Нельзя отрицать факта,что метонимизация характерна,в первую очередь, для слов,обладающих предметностью,т.е.для имен существительных. Неслучайно,все существующие классификации метонимических переносов основываются на понятии субстанции. Однако не менее значительна метонимизация в области признаков,т.е. в области прилагательных : ср.заячий хвост и заячий воротник (воротник,сделанный из шкуры зайца) ; конский хвост и конский хвост (прическа). Глагол и глагольные формы подвергаются метонимизации значительно реже,например : взять (брать) на вооружение получает смежное значение "воспользоваться чем-либо,применять в своей деятельности" и др. Еще более редки наречия-метонимы,например : вполнакала со значением "не в полную силу, не используя всех возможностей" (ср.прямое значение : Лампочка горит вполнакала.)

Современная тенденция русского литературного языка - расширить рамки метонимизации,вовлекая в эту сферу действие,способы действия и пр.Об этом наглядно свидетельствуют показания новейших лексикологических работ,регистрирующих факты русского языка последних десятилетий нашего века [9].

---

9 См.Новые слова и значения.Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов,под ред.Н.З.Котеловой и Ю.С.Сорокина,Изд -во"Советская энциклопедия",М.,I97I ; Новое в русской лексике.Словарные материалы - 77,под ред.Н.З.Котеловой,Изд -во "Русский язык", М.,I980 ; Новое в русской лексике.Словарные материалы- 78, Изд -во "Русский язык",М.,I98I.

В области имен существительных можно неметить следующие группы слов, расширивших круг значений за счет метонимического переноса :

I) Общеупотребительная лексика

Варяг. В период древней Руси варягами называли выходцев из Скандинавии. Это значение "выходец из другой страны" получает переосмысление "выходец со стороны","работник,взятый на работу со стороны" :

"Кадры,кадры нужны.На варягов рассчитывать нечего.Не едут из Москвы и Ленинграда. Вся надежда на молодежь,выпускников" (М.Васин,На сухопутном корабле, "Сибирские огни",1966,6).

Эскимоска - представительница народности,проживающей по полярному побережью Северной Америки,в Гренландии и на северо-восточной оконечности Азии. В современном русском языке эскимоска - головной убор из меха с длинными наушниками, т.е. произошел перенос значения с лица на неодушевленный объект. Например :

"Рождается и еще одна новинка. На севере популярна меховая шапка "эскимоска". Коллектив совершенствует ее традиционную модель". ("Правда",28 июня 1977).

Переход имен собственных в нарицательные давно известен русскому языку. К числу неологизмов последних десятилетий следует отнести слово баббета,получившее в современном русском языке два значения :

I."Высокая прическа с начесанными волосами (по имени героини французского фильма)".

"Высокие прически - "баббеты","тюрбаны" сейчас не модны". ("Неделя",1966,18).

2. "О девушке с такой прической".

"У нас двадцать мальчишек и пять девчонок. И хоть у нас сейчас больше двоек,к концу года мы все исправим.А у них, глядите,какая-нибудь баббета на второй год останется". (Н.Макарова,Лыжня среди сосен, "Сибирские огни",1966,3).

Примеры подобного рода многочисленны как в письменной,так и устной речи.

Нередко название марки машины,пассажирского судна,самолета становится названием самих предметов. Например :

Волга - легковой автомобиль марки "Волга".

"Подъехал Виктор Петрович на своей "волге". (Я.Пановко, Старый клен, "Нева",1965,4) [10].

Запорожец - малолитражный легковой автомобиль марки "Запорожец"

Чайка - легковой автомобиль марки "Чайка".

"Испытания опытных образцов этого автомобиля показали хорошие результаты.Конструкторы завода начали работу над новой моделью "Чайки". ("Техника - молодежи",1966, 10).

Комета,метеор,ракета - небольшие пассажирские судна на подводных крыльях.

" На многих реках страны сейчас курсируют суда на подводных крыльях - "ракеты","метеоры","кометы". ("Советская Россия",1967,31 окт.).

Аннушка - название самолета марки АН-2.

"Из памяти никак не уходило то,позавчерашнее ; бюро, и как они вышли из обкома,как обедали потом вдвоем, летели в "аннушке". (М.Рощин,С утра до ночи, "Новый мир",1967,8).

Или,например,название спортивного клуба Советской Армии переносится на самих ее членов.Возникает слово армейцы, ранее имевшее значение "служащие в армии".

---

10 В работе использован языковой материал,содержащийся в выше указанных словарях-справочниках новых слов и значений.

"Только шесть команд продолжают претендовать на кубок СССР по хоккею после того, как воскресенский "Химик" проиграл в четвертьфинале армейцам Калинина - I:3". ("Правда", 1967, 15 апр.).

2) Терминологическая лексика

В области терминологической лексики можно отметить три разновидности метонимического переноса :

а) Расширение сферы значений термина за счет метонимического переноса

Автоматчик. Это слово ранее употреблялось с двумя значениями : I) "рабочий, обслуживающий автомат" ; 2) стрелок из автомата. Теперь оно получает значение по смежности - "тот, кто занимается вопросами автоматизации".

"Результаты автоматизации транспортных конвейеров превзошли все ожидания. А группа Щербины уже "болела" новой идеей. "Автоматчики" - так окрестили ее участников - решили использовать для управления комбайном луч лазера". ("Правда", 1977, 8 апр.).

Гамма - слово, имевшее ранее переносное значение "последовательный ряд однородных, но многообразно изменяющихся явлений, качеств предметов" получает новое значение "совокупность однотипных машин".

"Одной из первых работ, которую выполнило бюро, был художественно-конструкторский проект модернизации трех гамм токарных станков-автоматов". ("Комсомольская правда", 1965, 6 июня).

Расширили свое значение путем переноса по смежности такие географические термины,как : география,север,юг. География имеет значение "географические границы размещения,распространение чего-либо",Север - "развитые капиталистические страны", Юг -"развивающиеся страны".

"Огромен размах предстоящего фестиваля,широка его география". ("Литературная газета",1966,17 февр.).

"Местная печать нередко намекает на то,что подобное объединение 36 государств с общим населением I миллиард человек могло бы-де послужить готовым механизмом для новой темы взаимоотношений между "севером" и "югом", то есть между развитыми и развивающимися странами". ("Правда",1977,8 июня).

Аналогичные явления наблюдаются и в других терминологических системах.

б) Терминологизация общеупотребительной лексики

Слово баранка со значением "пшеничный хлебец из заварного теста в виде кольца" получает новое значение "ноль очков,баллов в спортивных соревнованиях".

"Баранка"за неявку... Фишеру засчитали поражение за неявку на встречу с Гиполисом". ("Литературная газета", 1967,31 окт.).

Второе значение представляет перенос по смежности. Аналогично развивались значения слов : елочка,лента,шлейф,память и др.

Ср. елочка. Старое значение "представитель хвойных деревьев" и новое - "доильная установка с зигзагообразно расположенными станками".

Лента. Старое значение - "украшение" и новое - "кинофильм".

Шлейф - "украшение на платье" и новое значение - "термин в технике".

Память у человека и новое значение - "функционирование автоматических устройств".

3) Детерминологизация слов

Переход термина в нетерминологическую лексическую систему может осуществляться и на основе принципа смежности. Например : слово гроссмейстер (звание в шахматах) приобретает новое значение "человек,обладающий высокой степенью мастерства в какой-либо области".

"Подлинным гроссмейстером лыж показал себя олимпиец В.Шеин". ("Комсомольская правда",1965,5 февр.).

Технический термин координаты начинает употребляться со значением "местожительство,адрес,место пребывания". Или,например,ас (летчик высшего класса) переносится на любого человека,мастерство,умение которого доведено до совершенства в чем-нибудь.

"Специалисты склонны предполагать,что выступления юны будут не менее интересными,чем состязания асов". ("Советский спорт",1966,18 нояб.).

4) Взаимодействие терминологических систем по принципу смежности предмета

Существительное лайнер является названием морского корабля определенной конструкции. Перенесение этого названия на пассажирский самолет осуществляется по смежности структур.

"С нового Барнаульского аэродрома поднялся турбовинтовой лайнер "ИЛ-18". ("Советская Россия", 1967,7 июля).

Существительное композитор переосмысляется в "составителя шахматных композиций".

" Состоявшийся в 1962-1963 годах первый командный матч дружбы собрал композиторов 20 стран. Сбор-

ная СССР в этом турнире одержала убедительную победу".
("Комсомольская правда",1967,9 апр.).

Из музыкальной терминологии происходит перенос значения в область спортивной терминологии. Так,слово дуэт получает новое значение "участники парного спортивного выступления". Из области зоологической терминологии поступают в спортивную терминологию слова морж и дельфин. Первое приобретает значение "любитель зимнего купания",а второе - "стиль плавания". Многочисленны примеры взаимодействия терминологических систем и других областей науки и техники.

Исследователи разговорной речи отмечают,что она изобилует метонимическими наименованиями.Это связано с тем,что метонимический перенос позволяет сократить наименование,превратить его в своего рода "семантический конденсат".

" Встретимся возле Пушкина". (Возле памятника Пушкину

Под воздействием разговорной речи в литературном языке закрепились такие метонимические наименования,как : золото,серебро,бронза в значении "золотая,серебряная,бронзовая медаль" ; капрон - в значении "чулки из капронового волокна" ; радио - в значении "радиовещательный центр" и многие другие.

Перенос признака по смежности может реализоваться как отдельно,в рамках прилагательного или причастия,так и в рамках (чаще всего) словосочетания : определение - определяемое слово. Третий случай представляет собой субстантивацию прилагательного при метонимическом переносе. Например,прилагательное дикий развило значение "неорганизованный,действующий в частном порядке".

"Совхоз расположен на морском побережье.Ежегодно на его территории отдыхают десятки тысяч "диких" туристов".
("Известия",1966,28 окт.).

Слово горящий употребляется с новым значением "срочный,не терпящий

отлагательств".

"Никто,однако,не влетел с "горящими" делами ,не трещали ежеминутно телефоны,- словом,ничто не напоминало суеты и треволнений последней декады". ("Литературная газета", 1967,4).

Метонимическое значение в других прилагательных как бы прикрепляется к словосочетанию,реализуясь лишь в сочетании с определенным существительным.Например,бархатный путь получает значение "бесстыковый путь". Качество бархата,очень мягкого материала,переносится на качество бесстыкового пути.

"Чем меньше стыков на рельсах,тем более мягко и плавно идет трамвай.Это достигается созданием так называемого "бархатного"пути,на который идут тяжелые длинномерные рельсы по 25 метров." ("Ленинградская правда",1966, 20 ноябр.).

Второе дыхание зарегистрировано в новых лексикографических трудах со значением "новые силы,прилив энергии,бодрости у кого-либо после периода усталости,апатии,неудач".Определение второй развивает новое значение лишь в сочетании с определяемым словом - существительным дыхание.

"После сенсационной победы на чемпионате мира в Мехико дела у московского армейца складывались не лучшим образом.Поэтому он надеялся,что весенний турнир в Ереване поможет ему наконец обрести "второе дыхание". ("Известия",1967,27 июля).

Словосочетание круглый стол развило значение "публичный обмен мнениями по какому-либо вопросу между участниками совещания на равных началах,с равными правами участников". Заседание за столом круглой формы приобрело выше указанный метонимический смысл. Субстантивация прилагательного коричневый(соответственно коричневые) со значением

"члены неонацистской национал-демократической партии в ФРГ" происходит по ассоциации с коричневой одеждой нацистов гитлеровской Германии .Устанавливается связь между нацистами и неонацистами,продолжателями нацистской идеологии.

"Среди коричневых разгорелась перепалка,в результате которой победу одержало наиболее правое крыло..." ("Сельская жизнь",1967,26 марта).

Метонимический перенос в области глагола - активный процесс в современном русском языке. Приведем несколько примеров.

Вписаться - "подойти по виду,характеру и т.п. к другим элементам целого,слиться с ним".

"Изящные воздухозаборники,удачно вписывающиеся в силуэт новой машины,расположены в зоне наименьшей запыленности". ("Наука и жизнь",1967,2).

Выбить - "отпечатать на ленте кассового аппарата стоимость покупки, заплатив деньги в кассу,получить чек с обозначенной на нем стоимостью покупки".

"Было написано : "Сом жареный"...Он выбил сома". (А.Приставкин,Голубка, "Знамя",1967,3).

Заводиться - "приходить в возбужденное состояние".

Метонимический перенос в области наречий осуществляется или путем семантической конденсации,или морфологической траспозиции. Фразеологизм вагон и маленькая тележка со значением "очень много" превращается в семантический конденсат вагон с функцией наречной конструкции "очень много".

"Я смотрю на будильник.Всего шесть вечера.Времени вагон". (А.Гладилин,История одной компании,"Юность",1965,10).

Глагольные формы закачаешься,закачаетесь используются как выражение высокой оценки чего-либо,восхищение чем-либо.

"А какой восхитительный фильм я видела...Закачаешься".

(О.Щербановский,Не оставляй надежды, "Юность",1965).

II. МЕТОНИМИЯ КАК ТРОП

Тропы представляют собою совмещение двух семантических планов в единице формы. В контексте художественного произведения новое в семантическом развитии слов может приобретать индивидуальные черты, обусловленные особенностями ассоциативного мышления того или иного мастера слова.Новые значения направлены на эмоциональное воздействие слова. Все виды метонимического переноса (метонимия предмета, признака,действия,образа действия,словесно-ассоциативная метонимия) встречаются и в художественной литературе. Выступая как поэтический оборот,троп-метонимия передает неожиданные ассоциативные связи, приводящие к созданию свежих словесных образов.Метонимия как троп широко использовалась классиками русской литературы.

Все украшало кабинет
Философа в осьмнадцать лет.
Янтарь на трубках Цареграда,
Фарфор и бронза на столе,
И чувств изнеженных отрада,
Духи в граненом хрустале. (А.С.Пушкин)
Бог веселый винограда
Позволяет нам три чаши
Выпивать в пиру вечернем.(А.С.Пушкин).

"...Лакей подсадил розовый салоп в блестящий купе,потом вскарабкалась в него медвежья шуба..."(М.Ю.Лермонтов).

"... Коварная розовая шляпка сердилась, потом заглядывала ему (чиновнику) под картуз и, пройдя несколько шагов, оборачивалась, как будто ожидая вторичного извинения..." (М.Ю.Лермонтов).

Перенося свойства одного предмета на другой, классики русской литературы - А.С.Пушкин и М.Ю.Лермонтов - дают читателю яркие словесные образы. Перечисляя предметы, находящиеся на столе восемнадцатилетнего философа, поэт прибегает к образной семантической субституции, упоминая сам материал, из которого они сделаны : янтарь, фарфор, бронза, хрусталь. Образ как бы становится объемнее, подчеркивается богатство убранства кабинета героя Евгения Онегина. Колоритность представления действующих лиц М.Ю.Лермонтовым возрастает с введением метонимических замен розовый салоп, коварная розовая шляпка, медвежья шуба.

Метонимия - действенное средство изобразительности и в современной советской прозе и поэзии.

"Гитары, скрипка и саксофон, прежде чем начать играть, выпивают по стакану пива. Протирая круглые очки, саксофон делится со скрипкой городскими новостями". (В.Инбер).

Как очень активный процесс семантического развития слов, метонимический перенос очень широко представлен в разговорной речи. Художественная литература регистрирует эти образцы словотворческого мастерства народа, знакомя с ними широкие читательские круги.

"Опять королевская авиация полетела,- сказал кто-то рядом когда еще один У-2 прожужжал над оврагом.

- "Кукурузник".

- А у нас на Северо-западе "лесником" звали.

- Ну, это как где. Где какая природа... Где кукуруза - там "кукурузник", где огородов много - там "огородник", а где лес - там лесник". Главная причина, что летает низко, землю любит". (К.Симонов).

юмористический настрой этого небольшого отрывка создается за счет введения слов-субститутов "кукурузник","огородник","лесник",которые использовали советские солдаты для названия самолета У-2.

Название марки машины,механизма,инструмента и т.д.переносится на сам предмет,например,в области военной лексики.

"Раздался...любимый всеми солдатами прерывистый и задорный грохот "катюш",гвардейских минометов".(Э.Казакевич).

"Длинными очередями стали бить "максимы".(К.Симонов).

"Танк,который шел слева,был больше - это был "тигр". (К.Симонов).

Значителен удельный вес метонимии и в поэзии.

"А в двери -
бушлаты,
шинели,
тулупы".(В.Маяковский).

"Только слышно,на улице где-то одинокая бродит
гармонь".(М.Исаковский).

"Я не ведаю в женщине той
черной речи и чуингама,
та возлюбленная со мной
разговаривала жемчугами". (А.Вознесенский).

Бушлаты,шинели,тулупы,гармонь - это слова-субституты людей,в которых поэты выделяют признак одежды или занятия (например,игры на гармони). Словосочетание разговаривала жемчугами возникает по ассоциации с белыми,как жемчуг,зубами,распространенном в русском языке.Возникает свежий словесный образ.

Иногда в поэтическом языке для создания обобщенного образа определенного социально-политического явления имена собственные превращаются в нарицательные.Например,у А.Вознесенского америки вы-

ступает со значением "американский континент".

"Я не был в америках. Что за "форгив ми" ?
Зачем не по-русски ты мучишь меня ?"

Р.Рождественский использует слова форды,херсты,вкладывая в них дополнительный смысл "миллионеры,джентельмены удачи".

"Эгей,
супермены !
Советчики !
Форды !Проныры!Варяги!
Валяйте!!
А ну,
налетай,
джентельмены удачи!"

При словесно-ассоциативной метонимии устанавливается связь между двумя словами по какому-либо признаку,например,фонетическому.

"Птице пора за моря вероломные,
пусты лимонные филармонии,
пусть не себя - из неволи и свитости -
выпусти,выпусти..." (А.Вознесенский).

Слово вероломный в литературном языке сочетается с существительным враг,нападение и др. Между этими существительными и существительным море нет общих точек соприкосновения,способствующих развитию ассоциативных связей по смежности.Ассоциация оказывается чисто поэтической,вызванной аллитерацией звука р : вероломный враг - вероломное море.Ср. также :

Февраль.Достать чернил и плакать !
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая слякоть
Весною черною горит". (Б.Пастернак).

Между глаголами плакать навзрыд и писать навзрыд отсутствует понятийная связь или ассоциация по действию. В поэтических строках советского поэта эта ассоциация носит словесно-звуковой характер : писать - плакать . Писать навзрыд,возникшее по ассоциации с плакать навзрыд, не означает "писать и плакать навзрыд" или "писать стихи, плача навзрыд". Писать навзрыд - это скорее всего "писать стихи под определенное настроение,навеянное ранней весной","писать прочувствованно". Это подтверждается последующим контекстом стихотворения Б.Пастернака. Завершающая строка стихотворения - Слагаются стихи навзрыд - является своего рода поэтическим комментарием к начальным строкам стихотворения.

Метонимический образ,созданный Б.Пастернаком,развивается в другом поэтическом контексте - стихотворении А.Вознесенского Строки Роберту Лоуэллу :

Мой милый Роберт Лоуэлл,
мир Вашему письму,
печальному навзрыд.
Я сутки прореву,
и все осточертит,
к чему играть в кулак ?
(пустой или с начинкой ?)
Узнать,каков дурак -
простой или начитанный ?"

Перекличка образов,однако лишь внешне сходна. У А.Вознесенского письмо,печальное навзрыд - метафора,где ассоциация между печалью (печальное навзрыд) и плачем навзрыд является ассоциацией в сфере близких понятий.

Таким образом,контекстуальная,или поэтическая метонимия, объемнее по своей семантике,чем другие типы метонимии. Семантическое словообразование и его частное проявление - метонимический

перенос - можно определить, перефразируя В.Хлебникова, как "взрыв языкового молчания, глухонемых пластов языка" [II]. Рядовые носители русского языка, мастера слова открывают все новые возможности в языке, его способности активно впитывать то новое, что дает ему окружающая жизнь, современная эпоха.

ЛИТЕРАТУРА

I. Ахманова, О.С., Словарь лингвистических терминов, Изд -во "Советская энциклопедия", М., 1966.

2. Будагов, Р.А., Что такое развитие и совершенствование языка ? Изд -во "Наука", М., 1977.

3. Вейнрейх, У., О семантической структуре языка, "Новое в лингвистике", вып.У, Изд -во "Наука", М., 1970.

4. Калинин, А.В., Лексика русского литературного языка, Изд -во МГУ, 1971.

5. Квятковский, А., Поэтический словарь, Изд.во "Советская энциклопедия", М., 1966.

6. Лексика современного русского литературного языка, под ред. М.П.Панова, Изд.-во "Наука", М., 1968.

7. Некрасова, Е.А., Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики, сб."Слово в русской советской поэзии", отв.ред.В.П.Григорьев, Изд -во "Наука", М., 1975.

8. Розенталь, Д., Теленкова, М., Практическая стилистика русского языка, Изд -во "Русский язык", М., 1976.

9. Розенталь, Д.Э., Теленкова, М.А., Справочник лингвистических тер-

---

II См., Тынянов, Ю., Проблема стихотворного языка. Статьи, Изд -во "Художественная литература," М., 1965, с.293.

минов, Изд -во "Просвещение",М.,1972.

10. Томашевский,Б.В.,Стилистика и стихосложение,Изд -во "Государ. учебно-педагогическое изд.Министерства Просвещения РСФСР.Ленинград отделение",Ленинград,1959.

11. Тынянов,Ю.,Проблема стихотворного языка.Статьи, Изд -во "Художественная литература",М.,1965.

12. Ульманн,С, Семантические универсалии, "Новое в лингвистике", вып.У, Изд -во "Наука",М., 1970.

13. Fodor,Ecaterina,Elemente de stilistică a limbii ruse, București 1980.

14. Fodor,Ecaterina,Probleme de semasiologie rusă, București,1978.

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ион Оицэ

Один из наиболее спорных и противоречивых вопросов грамматики вообще - это вопрос о классификации грамматических единиц. Классификация зависит от сложившейся традиции в каждой стране, от лингвистических школ, представители которых вкладывают в основу классификаций разные принципы и от многих других условий. В связи с этим возникает вопрос: наша точка зрения определяет принципы классификации или объект исследования определяет её?

Что касается классификации сложных предложений, то в этой сфере грамматики сильнее всего проявляется влияние логики. В русской грамматической традиции известны три основные классификации: I. традиционная /или логическая/, которая восходит к знаменитой грамматике Порт Рояля /первое издание появилось в 1660 году/; II. формальная классификация; III. структурно-семантическая.

Мы в дальнейшем в работе остановимся подробнее на классификации сложноподчиненных предложений, так как именно в сфере подчинения произошли, на наш взгляд, наиболее важные изменения в отношении изложения и интерпретации материала.

I. Основной принцип, вкладываемый в основу традиционной /логической/ классификации - это уподобление придаточных предложений членам предложения и наоборот. Отсюда и название придаточных предложений в соответствии

с членами предложения: сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащными, сказуемными, определительными, дополнительными и т.д. Таких названий придаточных предложений нет в структурно-семантической классификации, которая уже существует в синтаксисах в многочисленных вариантах, последний из которых встречается в "Русской грамматике" 1980 года. Однако параллелизм между придаточными предложениями и членами предложения не только сохраняется, но и очень подробно развивается, особенно когда идет речь о преобразовании, трансформации, синонимии придаточных предложений и членов предложения. Но преувеличение этого параллелизма, которое наблюдается в традиционной классификации, преодолевается.

В традиционной классификации основания, критерии для уподобления придаточных частей тому или иному члену предложения различны. Так, например, когда идет речь о придаточных предложениях, которые относятся к местоимениям, то придаточные определяются в зависимости от синтаксической роли местоимений. Ср. примеры: "Тот, кто шел вперед, молчал" /прид. подлежащее /; "Я обратился к тому, кто шел впереди" /прид. дополнительное/; "Он тот, кто шел впереди" /прид. сказуемое/; "Было так жарко, что трудно было дышать" /прид. обстоятельства образа действия/; "Наступила такая жара, что трудно было дышать" /прид. определительное/; "Жара была такая, что трудно было дышать" /прид. сказумое/. В структурно-семантиче-

ской классификации этот внешний признак, хотя и учитывается, то все разновидности указанных придаточных предложений включаются в одну большую группу, в группу придаточных предложений, которые конкретизируют, восполняют семантическую неполноту местоимений.

По указанным выше причинам критические замечания широко известного в Советском Союзе и за границей ученого-синтаксиста В.А.Белошапковой по отношению к традиционной классификации можно считать оправданными, хотя и слишком категорическими. Она, ссылаясь на приведенные выше примеры, отмечает, что "признак, положенный в основу деления на типы предложений с соотносительными словами в главной части /синтаксическая функция соотносительного слова/, является внешним, малосущественным: он не определяет конструктивных особенностей предложения и характера отношений между его частями, и поэтому однородные по структуре и значению предложения оказываются отнесенными к разным типам"[I]. Что касается первых трех примеров, то в самом деле можно сказать, что имеем дело с однородными по структуре и значению конструкциями, в последних же трех примерах положение в некоторой степени иное: наряду с конкретизацией соотносительных местоимений, прида-

I В.А.Белошапкова, Сложное предложение в современном русском языке /некоторые вопросы теории/, Изд-во "Просвещение", М., 1967, с.105; ее же, Современный русский язык /под ред. проф. Е.М.Галкиной-Федорук/, II, Изд-во МГУ, 1964, с. 553-554.

точное предложение приобретает, выражает смысловое отношение следствия. Во всяком случае общий для всех структурный признак, т.е. соотнесенность придаточных предложений с местоимениями, к которым они относятся, очевидна. И так как данный признак считается преобладающим, то В.А.Белошапкова относит все сложноподчиненные предложения, подобные вышеуказанным примерам, к одному и тому же типу предложений, к местоименно-соотносительным.

II. Большая заслуга в подробной разработке формальной классификации сложноподчиненных предложений принадлежит А.М.Пешковскому. В своей работе "Русский синтаксис в научном освещении"[I] он делит все сложноподчиненные предложения в зависимости от союзных средств, объединяющих части сложных предложений, на две группы: сложные предложения с союзами и сложные предложения с союзными словами /или союзное и относительное подчинение/. В дальнейшем он выделяет разновидности придаточных предложений не по выражаемым ими отношениям, а по союзам и союзным словам. Следовательно, этот крупный синтаксист кладет в основу классификации сложных предложений вообще, в том числе и сложноподчиненных, союзы и союзные слова, то есть слова, прежде всего без формы. Таким образом, почти весь анализ "формы" сложных предложений сводится к анализу союзов и союзных слов. Более того,

---

I См. А.М.Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении /издание седьмое/ Учпедгиз, М., 1956, с. 462-470; 480-499.

А.М.Пешковский даже при анализе бессоюзных предложений рассматривает интонацию как элемент, тождественный по значению с союзами[I].

При анализе интонации А.М.Пешковский говорит о трех видах интонаций, тождественных по значению с союзами: I. об объяснительной интонации, тождественной по значению с причинными союзами, например: "Сержусь-то я на самого себя: сам я кругом виноват" /Пушк./; 2. о предупредительной интонации, которая тождественна по значению с частью пояснительной группы союзов /именно, как-то, употребляющихся перед перечислением/: "Я это сделаю так: именно полле самого камня большую яму, землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землей" /Л.Толст./; 3. об интонации перечисления, которая тождественна по значению с соединительными союзами: "Скрипят клесты, звенят синицы, смеется кукушка, свистит иволга..." /Горьк./.

Первые два типа интонации А.М.Пешковский относит к подчинительным, а третий - к сочинительной интонации.

Безусловно, Пешковский преувеличивает тождество интонации и союзов. Это преувеличение доказывается и опровергается даже приведенными им примерами: ведь во втором примере бессоюзной конструкции "Я это сделаю так: ..." невозможно употребление союза, благодаря высокой степени отвлеченности стержневого, опорного слова так.

I Указ. соч., с. 470-47I.

Эта конструкция характеризуется абсолютным бессоюзием. Однако надо отметить, что многие положения, выдвинутые им до сих пор встречаются в специальной литературе. Стало почти общепринятым теперь положение, что бессоюзные сложные предложения являются особыми единицами особенно с точки зрения их мелодико-интонационного рисунка и структурных средств, содействующих и способствующих выражению в них синтаксических отношений. Однако никто не сомневается в часто наблюдающейся интерференции смысловых отношений, выражаемых бессоюзными и союзными конструкциями. Деление А.М.Пешковским сложноподчиненных предложений на конструкции с союзным подчинением и относительным подчинением отражается во всех существующих классификациях сложноподчиненных предложений, хотя союзы и союзные слова перестали давно быть главным классификационным критерием, за исключением редких случаев[I]. В самом деле А.М. Пешковский при анализе сложноподчиненных предложений уделяет главное внимание союзам, союзным словам и интонации, но он затрагивает и многочисленные другие вопросы, которые позже были подвергнуты подробному и глубокому анализу, как например: вопрос о роли порядка частей /с. 463-464/, вопрос о сложных предложениях, переходных между сложносочиненными и сложноподчиненными /"Хотя это и не так, но я не стану спорить" - с.468/ и многие другие.

I См. Современный русский язык под ред. Е.М.Галкиной-Федорук, Изд-во МГУ, 1957. Главу о сложноподчиненном предложении написал А.Б.Шапиро.

III. К третьей классификации относится структурно-семантическая, в основу которой вкладывается прежде всего структурный признак, т.е. установление характера соотношений между главной и придаточной частями, и лишь потом синтаксические отношения, семантические критерии. Поэтому эта классификация называется структурно-семантической. Она является в настоящее время самой распространенной в специальной литературе, появившейся в Советском Союзе. Однако отсюда нельзя сделать вывод, что структурно-семантическую классификацию можно рассматривать совершенно оторванно от традиционной и формальной классификации: она тесно связана с давней традицией русской грамматики.

Впервые в русской грамматической традиции выдвинул основные принципы, классификационные критерии анализируемой классификации В.А.Богородицкий, который при анализе сложноподчиненных предложений предлагает исходить из характера соотношений между частями. Он в связи с этим пишет: "При исследовании придаточных предложений нужно иметь в виду I/ к чему относится, 2/ какие формальные признаки применяются /также и другие средства - интонация и т.п./ и 3/ какие смысловые оттенки в каждом отдельном случае принадлежат самим придаточным предложениям /а не тому или другому члену главного предложения/"[I].

I В.А.Богородицкий, Общий курс русской грамматики, изд. 5, М.,Соцэкгиз, 1935, с. 230.

"Наиболее полно и развернуто основы структурно-семантической классификации изложены в трудах Н.С.Поспелова" - пишет В.А.Белошапкова [I]. Он выделяет, исходя из характера соотношения придаточной и главной части, два основных типа конструкций: одночленные и двучленные. В одночленных сложноподчиненных предложениях придаточная часть относится к одному слову /или словосочетанию/ в главной части, дополняя, развивая или конкретизируя его, как например: "Мы подошли к мальчику, который играл в парке"; "Друг мне говорил, что его отец болен"; "Дом, что мы видели, стоял на берегу реки"; "Утро того дня, когда произошло это странное событие, было солнечным"; "То, что он с шестнадцати лет начал работать, помогло узнать жизнь и людей". В двучленных же конструкциях придаточная часть соотносится со всей главной частью в целом, как например: "Дети легли спать, когда было уже поздно"; "Прежде чем учить мальчика, я должен узнать его душу"; "Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать" /Пушк./; "Оттого что было холодно, мы должны были одеться потеплее"; "Если я не задержусь на работе, мы с вами можем встретиться после обеда"; "Хотя ей хотелось смертельно спать, глаза ее сияли".

С самого начала надо подчеркнуть, что хотя в наше время структурно-семантическое описание оформилось как особый подход к анализу сложноподчиненных предложений,

I См. В.А.Белошапкова, Сложное предложение в современном русском языке..., с. I08.

благодаря прежде всего трудам Н.С.Поспелова, В.А.Белошапковой и других лингвистов, все-таки структурно-семантическая классификация представлена в специальной литературе в многочисленных разновидностях. Это зависит во многом от того, как разные синтаксисты понимают структурный признак сложноподчиненных предложений, как применяют структурно-семантический признак, критерий при конкретном анализе конструкций и придаточными частями. Отсюда вытекает и исключительное разнообразие и пестрота выделяемых групп и подгрупп конструкций с придаточными частями, а также предложенных терминов, употребляемых для развания разных групп и подгрупп[I].

I Ср. в этом отношении следующие работы: В.А.Белошапкова, Сложное предложение в современном русском языке ..., с. I05-I27; Современный русский язык под ред. проф. Е.М.Галкиной-Федорук, ч. II, Изд-во МУ, I964, с. 552-595 /раздел о сложном предложении написала В.А.Белошапкова/; С.Е.Крючков, Л.Ю.Максимов, Современный русский язык /синтаксис сложного предложения/, М., Изд-во "Просвещение", I977, с. 53-I30; Грамматика современного русского литературного языка под ред. Н.Ю.Шведовой, Изд-во "Наука", I970, с. 682-735 /в этой грамматике раздел о сложном предложении написала также В.А.Белошапкова/; Русская грамматика, том II, Синтаксис, под ред. Н.Ю.Шведовой, АН СССР, Изд-во "Наука", М., I980, с. 467-6I5 /в данной грамматике раздел о сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры написала И.Н.Кручинина, а раздел о сложноподчиненных предложениях расчлененной структуры написал М.В.Ляпон. Это объясняет, на наш взгляд, довольно очевидную непоследовательность, обнаруживаемую ./.

Из вышесказанного вытекает, что до сих пор не была создана последовательная и полная структурно-семантическая классификация. Однако надо отметить, что даже традиционная классификация, которая давным давно "стала традиционной", не была абсолютно последовательной и общепринятой: ведь известно, что в разных грамматиках, в которых она применяется, авторы трактуют по-разному одни и те же разновидности придаточных.

Благодаря указанной непоследовательности и противоречиям, обнаруживаемым при применении структурно-семантической классификации, мы должны выбрать один из наиболее удачных ее вариантов, который поможет нам и читателям легче понять сущность применения структурно-семантического принципа и, следовательно, механизм описания такой классификации, то общее, что объединяет все существующие в литературе варианты. И нам кажется, что самой последовательной, логически стройной и убедительнее изложенной является классификация, предложенная В.А.Белошапковой.

В.А.Белошапкова, первоначально принимая термины, предложенные Н.С.Поспеловым, делит сложноподчиненные предложения на одночленные и двучленные[I].

"В одночленных предложениях придаточная часть входит в структуру главной, дополняя, развивая или конкретизи-

./. особенно при отграничении одночленных от двучленных конструкций/.

I См. Современный русский язык /II/ под ред. Е.М.Галкиной-Федорук, Изд-во МУ, 1964, с. 556-558.

руя какое-то слово в ней" /с. 556/, как например: "Я не знал, кто приехал"; "Я не знал, когда состоится собрание"; "Нам сказали, что все уехали"; "Въедешь во двор и сразу ощутишь, что тут крепостное право еще живо" /Бунин/; "Утро того дня, когда произошло это странное событие, было солнечным"; "Он тот человек, который нам нужен"; "Трудность состояла в том, что у нас не было библиографии"; "Он не сводит глаз с того, что лежит на столе".

Однако надо заметить, что автор, при конкретном анализе одночленных конструкций, включает в данный тип конструкций и такие, в которых придаточная часть не только "дополняет, развивает или конкретизирует какое-то слово в ней", а просто заменяет отсутствующее в главной части подлежащее, как например: "Стало известно, что он уехал".

К двучленным сложноподчиненным предложениям автор относит конструкции, в которых придаточная часть соотносится с главной в целом, как например: "Дети легли спать, когда было уже поздно"; "Я жить хочу, чтобы мыслить и страдать" /А.С.Пушкин/; "Я пошел на футбол, потому что Михай отдал мне свой билет"; "Дождь лил как из ведра, так что на крыльцо нельзя было выйти" /Аксаков/; "Мы с вами можем встретиться после обеда, если я не задержусь на работе"; "Глаза ее сияли, ей хотелось смертельно спать".

Из вышесказанного вытекает, что первое деление сло-

жноподчиненных предложений проводится на основе структурного признака, т.е. характера соотнесенности придаточной части с главной. Конечно, такой признак отмечается и в формальной, и /особенно/ в традиционной классификации, но он не является в этих классификациях главным, первостепенным классификационным критерием.

Приведенные примеры позволяют нам выделить следующие основные различия между одночленными и двучленными конструкциями.

I. Одночленные конструкции характеризуются структурно-семантической неполнотой главной части. Ср. невозможность употребления главной части без придаточного предложения и в приведенных примерах одночленных конструкций и в других подобных. Это обусловлено, безусловно, синсемантичностью слов, к которым относится придаточное предложение. В двучленных же конструкциях главная часть характеризуется обычно относительной структурно-семантической полнотой: ср. возможность употребления главной части без придаточного в приведенных выше примерах двучленных конструкций.

2. Из первого различительного признака вытекает другой, а именно: в одночленных конструкциях связь между частями более тесная, чем в двучленных конструкциях.

3. Для одночленных конструкций типично употребление относительных и указательных местоимений, а также функциональных, грамматически союзов, т.е. союзов, которые

указывают лишь на синтаксическое отношение, в то время как для двучленных конструкций характерно употребление в них семантических союзов, т.е. союзов, которые указывают на смысловое соотношение частей. Поэтому каждый союз связан с определенным типом, видом придаточного предложения. Этот последний признак объясняет, почему нет существенных различий между анализом конструкций семантическими союзами в формальной, традиционной и структурно-семантической классификациях.

К одночленным конструкциям автор относит следующие сложноподчиненные предложения: с придаточными присубстантивными, с придаточными изъяснительными и с придаточными местоименно-соотносительными.

К двучленным же конструкциям относит следующие сложноподчиненные предложения /с.п.п./: с придаточными временными, условными, уступительными, причинными, следствия, цели, сравнительными,присоединительными и пояснительными.

Как мы указали выше, для двучленных предложений дифференцирующим признаком считается характер смыслового соотношения частей, находящий свое выражение в специфических /семантических/ союзах. Благодаря этому признаку, во всех классификациях /формальной, традиционной, структурно-семантической/ указанные конструкции классифицируются на основе семантики союзов. Поэтому мы остановимся подробнее лишь на анализе одночленных предложений.

Для присубстантивных предложений характерны следующие признаки придаточная часть относится лишь к субстантивам, почему и называются такие придаточные присубстантивными, а средствами связи частей являются союзные слова который, какой, чей, что, когда, где, куда, откуда, как например: I. "Тот человек, который подарил тебе эту книгу, мой друг"; 2. "Утро того дня, который так круто изменил мою жизнь, было солнечным"; 3. "Мы еще не видели таких кораблей, какие стоят сейчас в порту"; 4. "Я подарил вам такие краски, какие вы употребляете"; 5. "Из редакции Антонин пошел на Невский, где купил дорожный, военного фасона, костюм" /А.Н.Толстой/.

Придаточные присубстантивные В.А.Белошапкова делит на: придаточные определительные, которые сообщают о каком-то отличительном признаке предмета, названного определяемым именем существительным, сужая и конкретизируя его значение /см. I, 2, 3, 4 примеры/; 2. придаточные повествовательно-распространительные, которые относятся к субстантивам, имеющим определенное значение и не нуждающимся в конкретизирующем определении /см. 5 пример/.

Среди определительных предложений автор различает две структурно-семантические разновидности: I. выделительно-определительные, которые указывают на признак в целях индивидуализации, выделения конкретного предмета из общего ряда предметов, обозначаемых данным суще-

ствительным. Для таких конструкций характерна структурная схема тот..., который... /тот..., где...; тот..., когда... /см. I и 2 примеры/; 2. качественно-определительные, которые дают качественную характеристику предмета без выделения отдельного экземпляра и для которых характерна структурная схема такой..., какой...; такой ..., когда...; такой..., где... /см. 3 и 4 примеры/. Интересно отметить, что эти структурно-семантические разновидности служат средством выражения в русском языке определенности/неопределенности имени.

Придаточные изъяснительные характеризуются следующими признаками: I. обязательной неполнотой главной части, в которой отсутствует либо подлежащее /"Стало известно, что вы уедете"/, либо необходимое дополнение к глаголу сказуемому /"Я знал, что вы уедете"/ или к другому члену, нуждающемуся в распространении /"Прошел слух, что вы уедете"/; 2. тесной связью между частями, благодаря структурно-семантической неполноте главной части; 3. ограничением лексического состава главной части: придаточная часть связана со словами, имеющими значение речи, мысли, восприятия, чувства, состояния или выражающими оценку; 4. как средства связи в с.п.п. с придаточными изъяснительными употребляются как союзы /"Я боюсь, почти буря не сломила сарай"/, так и союзные слова, относительные местоимения /"Петрушка... рассматривал, кто, как, в чем и на чем ехал" /Гоголь/. В за-

висимости от средств связей с.п.п. с придаточными изъяснительными делятся на: а/ предложения с союзными словами и б/ предложения с союзами. А ведь классификация, на основе характера средств связей проводится и в формальной классификации, в которой данный критерий является ведущим классификационным критерием, и в традиционной классификации, хотя в данной классификации ведущим классификационным критерием является "уподобление придаточных предложений членам предложения". В структурно-семантической же классификации, как мы видели, ведущим классификационным критерием является "характер соотнесенности придаточной части с главной". Но на этот признак обращается внимание и в формальной, и в традиционной классификации.

Из приведенных и проанализированных выше примеров вытекает, что в с.п.п. с придаточными изъяснительными включаются следующие виды с.п.п., выделяемых в традиционной классификации: с.п.п. с придаточными дополнительными и с.п.п. с придаточными подлежащными, в которых придаточное предложение заменяет отсутствующее в главном подлежащее.

К местоимéнно-соотносительным придаточным относятся предложения, которые восполняют лексическую неполноту, синсемантичность соотносительного слова - местоимения, входящего в состав главной части в качестве ее члена и являющегося главным конституирующим признаком местоимен-

но-соотносительных конструкций. В роли соотносительных слов выступают слова типа: тот, то, там, туда, оттуда, так, такой, таков, столько, настолько, все, всё, всякий, каждый, любой, ничто, всюду, везде, нигде, никуда и другие подобные. Ср. примеры:

А. I. "Что с возу упало, то пропало"; 2. "Кто хочет, тот добьется"; 3. "Там, где раньше было болото, теперь огороды"; 4. "Иду туда, откуда слышатся голоса"; 5. "Будь там, где больше нужен"; 6. "Погода такая холодная, какой в сентябре ожидать трудно"; 7, "Стало так холодно, как в это время обычно не бывает".

Б. I. "Я так привык к одиночеству, что появление другого человека меня испугало"; 2. "Стояла такая темень, что в комнате не было видно окон"; 3. "Я так устал, будто целый день землю копал".

В. I. "Обязанность его заключалась в том, чтобы выдавать инвентарь"; 2. "То, что он с шестнадцати лет начал работать, помогло узнать жизнь и людей".

Из приведенных примеров вытекает, что в с.п.п. местоименно-соотносительного типа включаются следующие с.п.п., выделяемые в традиционной классификации: с придаточными подлежащными, которые относятся к местоимениям, выступающим в роли подлежащего /см. А.I и 2 примеры/; с придаточными дополнительными, относящимися к местоимениями, выступающим в роли дополнения /см. В.I пример/; с придаточными обстоятельства места /см. А. 3, 4, 5 при-

меры/; с придаточными образа действия /см. А.7; Б. I/ и др.

С.п.п. с местоименно-соотносительными придаточными можно разделить с точки зрения характера средств связей на две разновидности: с союзами /см. Б и В I/ и с союзными словами /см. А/.

Безусловно, учитывается и семантический принцип, в зависимости от которого можно выделить конструкции, в которых придаточная часть лишь конкретизирует соотносительное местоимение /см. А.I, 2; В.2/; конструкции, в которых придаточная часть имеет значение места /см. А. 3, 4, 5/; конструкции, в которых придаточная часть имеет значение следствия /см. Б. I, 2/, сравнения /см. Б. 3/.

В последующих работах, посвященных классификации с.п.п., В.А.Белошапкова, сохраняя основной классификационный механизм, углубляет структурно-семантический анализ и вносит некоторые уточнения. Так, например, в процитированной работе "Сложное предложение в современном русском языке", опубликованной в 1967 году, заменяет термины <u>одночленные</u> и <u>двучленные</u> конструкции, предложенные Н.С.Поспеловым, терминами <u>нерасчлененные</u> и <u>расчлененные</u> конструкции, так как последние "не вызывают нежелательной аналогии с понятиями односоставности/двусоставности простого предложения" /с. II4/. А к указанным трем типам одночленных /нерасчленных/ конструкций добавляет четвертый тип, а именно: <u>прикомпаративные</u> придаточные

думаете о нас лучше, чем мы заслуживаем". Придаточные прикомпаративные "распространяют компаратив, давая описательное обозначение одному из объектов сравнения" /см. с. 124/.

Внесенные в указанной работе изменения отражаются и в последующих работах[1], в которых главу о сложноподчиненных предложениях написала В.А.Белошапкова.

В заключение можно прийти к следующим выводам:

1. В структурно-семантической классификации отражаются наиболее важные достижения в области изучения сложноподчиненных предложений в русской грамматической традиции.

2. Она тесно связана и с формальной, и с традиционной классификациями, но отличается от этих классификаций прежде всего с точки зрения основного классификационного принципа, положенного в ее основу.

3. Проанализированные в ней структурно-семантические модели дают нам возможность с большей эффективностью сопоставлять модели сложноподчиненных предложений русского языка с соответствующими им моделями румынского языка в целях обогащения и улучшения теории и практики преподавания русского языка.

1 См. Грамматика современного русского литературного языка под ред. Н.Ю.Шведовой, Изд-во "Наука", М.,1970; В.А.Белошапкова, Современный русский язык /Синтаксис/, Изд-во "Высшая школа", М., 1977; Современный русский язык под ред. В.А.Белошапковой, Изд-во "Высшая школа", М., 1981.

СТРУКТУРНЫЕ СРЕДСТВА СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Ион Оанцэ

Определение и выявление соотношения плана выражения и плана содержания на уровне сложного предложения является одним из самых сложных вопросов синтаксиса. Установить это отношение труднее и сложнее, чем на уровне лексики, морфологии, морфосинтаксиса и синтаксиса простого предложения. Это вполне понятно: сложное предложение является самой сложной из всех единиц, анализируемых на перечисленных уровнях языка. План выражения, форма, модель, структурная схема предложения определяется по-разному специалистами-синтаксистами или совсем не определяется. А.М.Пешковский, например, почти весь анализ сложного предложения сводит к анализу союзов и союзных, относительных слов, в зависимости от чего и классифицирует сложные предложения[I]. Таким образом, "форма" предложения во многом сводится к словам, большинство которых не имеют формы. В "Грамматике современного русского литературного языка" под редакцией Н.Ю.Шведовой 1970-ого года для обозначения плана выражения употребляется термин <u>структурная схема предложения</u>[2], которая включает следующие четыре класса необходимых характеристик: I/ потенциальный количественный состав сложного предложения /или открытость/ закрытость его структуры/; 2/ синтакси-

I А.М.Пешковский, <u>Русский синтаксис в научном освещении</u>, Учпедгиз, издание седьмое, М., 1956, с.462-474;480-501.

2 <u>Грамматика современного русского литературного языка</u>, Академия Наук СССР, Изд-во "Наука", М.,1970, с. 653.

ческая связь между компонентами и средства ее выражения; 3/ порядок компонентов, т.е. их расположение относительно друг друга; 4/ особенности семантического наполнения, строения и лексического состава компонентов. Следовательно, в указанной грамматике структурная схема предложения определяется через ее основные характеристики. В "Русской грамматике 1980-ого года авторы, которые написали раздел "Сложное предложение" не предлагают никакого определения структурной схемы сложного предложения и говорят лишь об общей схеме описания сложных предложений: "В "Русской грамматике" приятна следующая схема описания сложных предложений /их классификация/. Все сложные предложения делятся на сложносочиненные и сложноподчиненные. В основе этого членения лежат различия в способах связи: сложносочиненные предложения образуются на основе сочинительной связи, сложноподчиненные - на основе связи подчинительной"[I]. И в дальнейшем анализ сложных предложений опирается прежде всего на союзы, которые являются исходной точкой и основным критерием их классификации. Это сближает "Русскую грамматику" /РГ/ с точкой зрения, выдвинутой А.М.Пешковским. Однако в РГ проводится очень тщательный анализ взаимодействия союзов, союзных слов и остальных структурных элементов сложного предложения, способствующих объединению частей сложного предложения /СП/ и выражению синтаксических отношений. Но то, что союзы и союзные средства

I Русская грамматика, том II /Синтаксис/, Академия Наук СССР, Изд-во "Наука", М., 1980, с. 466.

считаются первостепенным структурным средством СП, бесспорно. Преувеличение роли союзов и союзных слов убедительно доказывается тем, что в РГ описание бессоюзных соединений /1/ было вынесено за рамки раздела "Сложное предложение","который включает только такие конструкции, в основе которых лежит тот или иной вид формально выраженной /грамматической/ связи" /с. 465/, т.е. союзов и союзных слов. С такой слишком категорической точкой зрения с трудом можно согласиться ведь и "бессоюзные соединения" представляют собой /как указывается в процитированной "Грамматике современного русского литературного языка"/ сочетание предикативных единиц, построенное по той или иной структурной схеме и предназначенное для функционирования в качестве целостной единицы сообщения" /с. 653/.

Что касается плана содержания, значения, то между указанными грамматиками существенных различий нет. Вот как определяется значение сложного предложения в указанных грамматиках. В "Грамматике современного русского литературного языка": З н а ч е н и е м с л о ж н о г о п р е д л о ж е н и я являются определенные синтаксические и смысловые отношения между его компонентами" /с. 653/. В "Русской грамматике": "Отношения, устанавливающиеся внутри сложного предложения и выражающиеся средствами сочинительной и подчинительной связи, могут быть названы его значением" /с. 462/.

Безусловно, нет определений терминов "Форма, струк-

турная схема", "значение", "сложное предложение", в которых было бы отражено все многообразие, разнообразие и сложность структурных средств, принимающих участие в построении сложных предложений и способствующих объединению частей и выражению синтаксических отношений в сложном предложении[I]. Поэтому в дальнейшем изложении мы ставим себе целью вкратце охарактеризовать и проанализировать основные структурные средства, способствующие объединению частей и выражению синтаксических отношений в сложном предложении. Эти средства следующие: лексические элементы, роль союзов и союзных слов, соотношение глагольных форм сказуемых, порядок частей, интонация.

Прежде чем приступить к анализу каждого из указанных средств мы хотим подчеркнуть следующее положение, которое надо учитывать при анализе данных средств: Хотя между всеми указанными средствами наблюдается тесное взаимодействие, все-таки, когда одно из них играет главную роль в объединении частей и в выражении синтаксических отношений, остальные играют второстепенную, факультативную роль.

I. Роль лексических элементов в структуре сложного предложения

Мы начинаем анализ с этого средства не потому, что оно является самым главным вообще и самым распространенным, а потому, что ему уделяется меньше внимания в лите-

I Показательным в этом отношении нам кажется "описательное определение СП в "Русской грамматике" через отношение СП к простому предложению: "...определить сложное предложение - это значит в первую очередь выявить при- ./.

ратуре и что оно тесно связано с возможностью или невозможностью употребления союзов в СП. Союзы остаются, безусловно, самым типичным, специализированным и распространенным средством.

В роли главных, основных средств объединения частей и выражения синтаксических отношений выступают слова и словосочетания, характеризующиеся высокой степенью отвлеченности или противоположностью значения, обусловленной иногда контекстом. В зависимости от этого СП можно разделить на две подгруппы: I/ Одночленные, или нерасчлененные и 2/ двучленные, или расчлененные.

I. К одночленным /нерасчлененным/ относятся конструкции, в которых вторая часть, состоящая из одного или больше предложений, соотносится с одним словом или словосочетанием первой части, конкретизируя, уточняя их содержание, как например: I/ "Вывод А.М.Пешковского таков: обратимость является основным признаком сочинения"; 2/ Регламент первенства Европейской лиги таков: в турнире высшей группы 8 сильнейших команд" /Правда/; 3/ "Бывает так: никто ничего не говорит" /Л.Успенский/.

В данных примерах /и в других подобных/ вторая часть относится к выделенным словам, конкретизируя, наполняя их содержанием. Части сложного предложения нерасчленимы, т.е. первая часть не может употребляться без второй, благодаря синсемантичности, высокой степени отвлеченности выделен-

./. знаки, отличающие его от простого предложения" /с. 461, см. также 461-465/.

ных слов. По указанным причинам такие СП и называются одночленными или нерасчлененными: вторая часть относится к одному члену главной, восполняя его семантическую неполноту, почему части предложения и нельзя расчленить.

2. К двучленным, расчлененным СП относятся такие конструкции, части которых могут употребляться самостоятельно, так как они характеризуются относительной самостоятельностью в составе сложного. Ср. следующие примеры с примерами I-ой подгруппы: I/ "Впереди была жизнь, позади смерть и гибель"; 2/"Ты богат, я очень беден; Ты прозаик, я поэт" /Пушкин/; 3/ У хорошего мужа жена молодеет, а у плохого как земля чернеет"; 4/ "Одно ремонтировали, другое портили".

В данных конструкциях /и в других подобных/ главную роль в выражении отношения сопоставления играют лексические антонимы или контрасты, выраженные выделенными словами. Однако надо заметить, что в конструкциях такого типа наблюдается наличие главных лексических антонимов, которые в примерах выделяются курсивом, и второстепенных антонимов или контекстуальных /жизнь - смерть - в I-ом примере; ты - я - во 2-ом примере; одно - другое - в 4-ом примере и т.д./. В результате этого получаются антонимичные предложения, которые образуют СП и превращаются таким образом в главные грамматические средства выражения отношения сопоставления. Союзы играют факультативную роль в таких конструкциях. Это доказывается следующими причинами:

во-первых, наличие в них сопоставительного союза а не выражает, а лишь усиливает отношение сопоставления; во-вторых, сама возможность употребления союза а диктуется, обусловливается антонимичными содержательными компонентами: в подобных конструкциях можно употреблять только союз а, который нельзя заменить союзом но. Даже при интонации перечисления сопоставительное отношение является преобладающим, хотя сопоставление выступает слабее, чем при применении интонации сопоставления. Следовательно, взаимодействие антонимичных содержательных компонентов, выполняющих главную роль в выражении отношения сопоставления, и союза а и интонации, играющих факультативную роль, проявляется в следующем: вставка союза а, как и интонация сопоставления, усиливают отношение сопоставления, интонация же перечисления ослабляет такое отношение, но не нейтрализует его.

Кроме указанных примеров, которые могут употребляться с союзом а или без союза, бывают и конструкции, в которых всегда употребляются союзы, и конструкции, употребляющиеся всегда без союзов. Это обусловлено разными причинами. Так, например, если пословицы или поговорки выражены сложными предложениями с союзом а, то в них, как правило, союз сохраняется: "Муж с женой ругайся, а третий не мешайся"; "На красивого глядеть хорошо, а с умным жить легко"; "Дело делом, а любовь любовью"; "Дружба дружбой, а служба службой". Если во второй части возобновляется в

одном и том же виде общий второстепенный член из первой части /субъект, обстоятельство/ то между частями СП не употребляется союз а: ср. примеры: "И она уже не со мной, она с ним" /Ю.Казаков/; "И я туда не пошел, я остался дома"; "Я не Максим Максимыч: я штабс-капитан"; "Перед ним стоял не нищий, перед ним стоял помещик". Такое возобновление, повторение имеет стилистический характер, так что невозможность употребления союза обусловлено и стилистическими причинами. Ср. возможность употребления союза а при отсутствии такого повторения: "И она уже не со мной, а с ним"; "И я туда не пошел, а остался дома" и т.д.

I. Подробнее остановимся на одночленных /нерасчлененных/ конструкциях, так как они являются более распространенными и разнообразными и им уделяется меньше внимания в специальной литературе. Конструкции первой подгруппы можно разделить на две разновидности в зависимости от степени отвлеченности стержневых, опорных слов, к которым относится и содержание которых раскрывает вторая часть: а/ конструкции с абсолютным бессоюзием и б/ конструкции с относительным бессоюзием.

а/ К конструкциям с абсолютным бессоюзием относятся СП, в которых в роли опорных, стержневых слов выступают слова и словосочетания, характеризующиеся абсолютной отвлеченностью, как например: такой,-ая,-ое,-ие; таков,-а, -о, -ы; следующий, -ая, -ее, -ие; вот какой, -ая, -ое,-ие;

так, вот как, вот что, следующим образом, таким образом;
I/ "Впечатление такое: рассказ писали два человека"; 2/ "Наверное вам приходилось слышать такие слова: В его действиях нет состава преступления /В.Н.Иванов/"; 3/ "Мы можем выразить единство понятия и значения слова следующим образом: понятие - это логическое значение" /Л.О.Резников/; 4/ "Сделаем так: вы уезжаете в Нижний, а я останусь здесь, подумаю и напишу вам..." /Горький/; 5/ "Мы завели такой порядок: одно подразделение ведет бой, а другое готовит обед и отдыхает" /Медведь/; 6/ "И так подумал: летай иль ползай конец известен: все в землю лягут, все прахом будет" /Горький/; 7/ "Один добивался меня долго и вот что сделал: пришел, а слуга за ним" /Горький/.

Выделенные слова характеризуются абсолютной отвлеченностью: они имеют лишь указательное значение, точнее, указывают на вторую часть как на продолжение первой части. Абсолютная отвлеченность опорных, стержневых слов диктует абсолютное бессоюзие: в таких конструкциях невозможно употребление союзов. Выделенные слова, благодаря их отвлеченности не допускают употребления союзов. Интонация в них также определяется спецификой выделенных слов, на которые падает логическое ударение. Синтаксическое отношение таких конструкций - это отношение уточнения, так как вторая часть уточняет значение выделенных слов.

б/ К конструкциям с относительным бессоюзием относят-

ся сложные предложения, в которых в функции опорных слов выступают слова с относительной отвлеченностью, как например: иной, -ая, -ое, -ые; другой, -ая, -ое, -ие; иначе, по-иному, по-другому, всё; отвлеченные имена существительные типа вывод, мнение, положение или словосочетания с подобными существительными; отвлеченные глаголы с общим значением речи, мысли и т.д. Ср. следующие примеры: I/ "В структурализме положение иное: структурализм отрицательно относится к принципиальным установкам историко-сравнительного языкознания" /А.С.Чикобава/; 2/ "Мы же вместо этого сделаем другое: просто употребим слово орел в смысле герой" /Л.Успенский/; 3/"Хочу от вас только одного: не торопитесь выездом" /Ажаев/; 4/ "Все интересовало отца: как идут дела в шахте, кто сколько вырубил" /Фадеев/; 5/ "Некоторые товарищи поступают иначе: они ведут систематическую переписку с агрономами районных колхозов" /Правда/; 6/ "Есть два рода бессмыслицы: одна происходит от недостатка чувств и мыслей, заменяемого словами; другая - от полноты чувств и мыслей и недостатка слов для их выражения" /Пушкин/.

Выделенные опорные слова, в отличие от опорных слов в конструкциях подгруппы а /с абсолютным бессоюзием/, хотя и характеризуются отвлеченностью, все-таки вносят и определенный вклад в предметно-вещественное содержание первой части. Ср., с одной стороны, такой, таков, так, такое и т.д. и, с другой стороны, иной, другой, иначе,

все и т.д. Относительная отвлеченность опорных слов второй подгруппы создает возможность употребления в СП этой подгруппы союзов, но только уточнительных: а именно, именно. И в письменной, как и в устной речи, подобные конструкции употребляются то без союзов, то с уточнительными союзами. Однако союзы в них, как и в проанализированных двучленных конструкциях, выражающих отношение сопоставления, играют факультативную роль. При отсутствии союза отношение уточнения довольно четко выступает, благодаря степени отвлеченности опорных слов. Уточнительные союзы лишь "констатируют", подчеркивают то, что довольно точно выражается.

Проанализированные конструкции свидетельствуют о том, что конструкции с абсолютным бессоюзием не соотносительны со сложными предложениями с союзами, в то время как конструкции с относительным бессоюзием соотносительны. Однако в последних союзы играют факультативную роль. По выше указанным причинам, с трудом можно согласиться с точкой зрения, изложенной в "Русской грамматике", согласно которой бессоюзие не является синтаксической связью, так как в основе "бессоюзных соединений" не лежит "тот или иной вид формально выраженной /грамматической/ связи" /с. 465/, т.е. союзы. Нельзя вынести на таком основании за пределы сложного предложения бессоюзные конструкции. Правда, в проанализированных конструкциях нет союзов, но лексические средства в них становятся, превращаются в сильные грамма-

тические /не неграмматические - с. 465/ средства, способствующие выражению точных, абсолютно дифференцированных отношений[I].

II. Роль союзов и союзных слов в структуре сложного предложения и в выражении синтаксических, смысловых отношений

Союзы можно классифицировать с разных точек зрения. По характеру выражаемых ими отношений они делятся на сочинительные и подчинительные. По составу союзы делятся на простые /и, или, что, когда, чтобы и др./ и составные /так как, потому что, благодаря тому, что, оттого что, в ввиду того, что, не только... но и; в силу того что и др. Последние могут быть нерасчлененными /так как, так что и др./ и расчлененными /не только... но и, если... то, потому что, для того чтобы, из-за того что, ради того чтобы и др./. Расчлененность составных союзов является одним из часто встречающихся средств актуализации, актуального членения сложного предложения. В связи с функциональной гибкостью составных союзов, образованных с участием предложных сочетаний, возникает вопрос: при расчленении предложного сочетания и союзного элемента можно ли отнести весь состав предложного сочетания и союза к "союзу" или только союз? Однако одно ясно: "при акцентировании место-

I Подробнее о роли лексических элементов в структуре сложного предложения см. следующие работы: И.Оицэ, Роль лексических элементов в создании абсолютного и относительного бессоюзия /I/, „Romanoslavica", XУII, Bucureşti, 1970, и /II/, „Romanoslavica", XУIII, 1971.

торые никогда не зависят от контекста. А так как такие союзы выражают всегда лишь одно отношение, то они называются еще однозначными, специализированными /РГ, с. 714/. Надо подчеркнуть, что почти все составные союзы относятся к семантическим союзам.

2. К асемантическим /грамматическим, функциональным/ союзам относятся отвлеченные, синсемантичные союзы, которые обычно называют общее,обобщенное синтаксическое отношение, на фоне которого могут выражаться не союзом, а другими средствами два или больше смысловых отношений.

Сюда относятся союзы, как: и, что, когда, как, а и др. Союз и, например, выражает общую идею соединения, т.е. общее соединительное синтаксическое отношение. В собственно соединительном отношении союз и встречается в конструкциях, в которых выражается нейтральная ассоциация, соединение в чистом виде: "Он был курнос, и его толстые губы, постоянно, словно не хотя улыбались" /Вс. Иванов/. Но СП с союзом и могут выражать большинство смысловых отношений, которые выражаются расчлененными сложноподчиненными предложениями, например: отношение последовательности: "Я позвонила, и мне тотчас отворила дверь пожилая служанка в накинутом на плечи зеленом в клетку платке" /Достоевский/; причинно-следственное отношение: "Становилось жарко, и я поспешил домой" /Лермонтов/; условное отношение: "Сумейте изменить тип обмена веществ, и вы измените наследственность" и т.д. Из приведенных примеров

вытекает, что указанные частные смысловые отношения выражаются не союзом и, а другими средствами, как например: особыми, определенными временными планами, особым соотношением глагольных видовых и временных форм и другими средствами, которые, на наш взгляд, выступают как грамматические средства, хотя и второстепенные. Следовательно, союз и в подобных конструкциях играет главную роль только в выражении общего синтаксического отношения соединения двух предикативных единиц. Поэтому нельзя согласиться с утверждением, что асемантические союзы "способны оформлять различные виды смысловых отношений" /РГ, с.714/. Указанные виды смысловых отношений, как мы указали, оформляются другими средствами. Союз и как грамматический союз лишь допускает такую возможность.

Союз что, например, может употребляться в сложноподчиненных предложениях с придаточными изъяснительными объектной разновидности: "Я не знал, что он вернулся"; субъектной разновидности: "Стало известно, что он вернулся"; в сложноподчиненных предложениях с придаточными условными: "Я приду при условии, что он вернулся" и в др.

Союз чтобы также может употребляться в сложноподчиненных предложениях с разными придаточными /хотя характеризуется меньшей отвлеченностью, чем союзы и, что/: в СПП с придаточными изъяснительными: "Я просил, чтобы не мешали"; в СПП с придаточными цели: "Я выключил телефон, чтобы не мешали".

Можно разве сказать, что союзы что и чтобы оформляют указанные отношения? На наш взгляд, нельзя: в приведенных примерах отмеченные смысловые отношения оформляются по крайней мере в результате взаимодействия разных факторов, зависящих как от придаточных, так и от главных предложений.

Союзы можно было классифицировать и с других точек зрения,[I] но мы остановимся в дальнейшем только на одной классификации, которая не отражена в процитированных грамматиках русского языка и которой вообще не уделяется внимание в специальной литературе.

Союзы надо классифицировать, на наш взгляд, и с точки зрения их роли в объединении частей и в выражении синтаксических отношений. С этой точки зрения союзы можно разделить на две группы: а/ союзы как факультативные грамматические средства и б/ союзы как обязательные или основные средства выражения синтаксических отношений. О факультативной роли союзов мы говорили в I главе при анализе предложений с относительным бессоюзием.

Поэтому в дальнейшем будем говорить подробнее только о союзах второй группы, обязательность употребления которых обусловлена разными причинами. В зависимости от этого конструкции, в которых союзы выступают как необходимые элементы в объединении частей и в выражении синтаксических

I См. подробнее другие классификационные критерии в "Русской грамматике...", с. 713-720.

отношений можно разделить на две группы: I/ сложные предложения, в которых употребление союза обусловлено структурой второй части главного предложения; 2/ сложные предложения, в которых употребление союза необходимо для уточнения смысловых отношений частей сложного предложения.

I/ Обязательное употребление союзов проявляется в следующих условиях.

а/ Если в главной части стоят слова с сильным управлением, к которым относятся придаточные предложения. Причем эти слова могут быть разными с точки зрения семантической, и морфологической природы, как например.

Глаголы с ограничительным значением, т.е. которые обозначают начало или конец действия, или глаголы со значением "представлять собой что-н., состоять из чего-н., содержаться в чем-н.": начать, начаться, начинатеся /чем, с чего/; кончать, кончить, кончаться, кончиться /чем/, заключаться, заключиться, состоять и др.

"Началось с того, что Колька из озорства отнял у меня книжку" /Солоух/; "Сложность эксперимента заключается в том, что мы не располагаем нужным материалом"; "Искусство заключается в том, чтобы найти необыкновенное в обыкновенном" /Паустовский/.

Глаголы со значением эмоционального воздействия и причастия, соотносительные с ними, со значением состояния: удивлять /кого-чем/, удивлен /чем/, поражать /кого-чем/, поражен /чем/, смущать /кого-чем/, смущен /чем/ и

др. "Ее застарелая нравственность была оскорблена тем, что дочь ее позволила целовать себя до брака" /Помяловский/

Прилагательные с качественно-характеризующим значением: замечателен /чем/, хорош /чем/, удивителен /чем/, страшен /чем/. "Разумихин был еще тем замечателен, что никакие неудачи его никогда не смущали".

Изучение этих конструкций с употреблением при словах, к которым относятся придаточные предложения, представляют особый интерес для румынских преподавателей русского языка, потому что потенциальная сочетаемость указанных слов сильно расходится с потенциальной сочетаемостью соответствующих слов румынского языка. А в результате этого наблюдаются существенные различия между русским и румынским языком и на уровне структуры сложноподчиненных предложений с придаточными, относящимися к словам отмеченных групп.

В проанализированных конструкциях соотносительные местоимения служат не только средством объединения частей, сигналом обязательной объектной позиции придаточного, но и средством акцентировать значение придаточного предложения,т.е. средством актуального членения сложного предложения.

По выше указанным причинам, указанные конструкции не имеют синонимов на уровне сложноподчиненных предложений: местоимения, к которым присоединяются придаточные являются обязательным конституирующим элементом таких конструкций.

В русском языке имеются и конструкции, в которых употребление соотносительного местоимения в главной части носит факультативный характер, то есть оно может употребляться или отсутствовать. Ср. примеры: "Страшно /того/, что нельзя защищаться"; "Видимо его забавляло /то/, что он староста" /Чехов/; "Я думал, вы согласитесь /с тем/, что непримиримость нужна прежде всего именно в жизни" /Вересаев/. В этих последних примерах соотносительные местоимения, не являясь обязательными конституирующим элементом подчинения, прежде всего подчеркивают важность, знаменательность содержания придаточной части в данном акте коммуникации.

Употребление соотносительных местоимений в главной части обязательно также, если в главном предложении употребляются усилительные частицы, которые не могут непосредственно присоединяться к придаточным /"Из телеграммы я понял только то, что мне надо кого-то встречать"; "Беспокоились мы и о том, какая будет погода"; "Его раздражало даже то, что оратор постукивал пальцем по парте"/; если при поясняемом члене имеется отрицание с дальнейшим противопоставлением /"Причина его успеха состоит не в том, что он прекрасный оратор, а в том, что он говорил о самом главном"/; если придаточные предложения однородны ряду дополнений /"Вечерами старый матрос рассказывал о чудесных странах и о том, как живут там люди"/; И в этих конструкциях акцентирование содержания придаточного предложения

связано с актуальным членением. И они могли бы быть объектом контрастивного анализа, так как между ними и соответствующими конструкциями румынского языка больше расхождений, чем сходства.

2/ Сложные предложения, в которых употребление союза необходимо для уточнения смысловых отношений частей.

В данных предложениях вообще употребление союзов не обязательно, но в случае отсутствия потенциально возможных союзов отношения между частями неравнозначны, недифференцированы, то есть их можно воспринимать по-разному в зависимости от субъективного восприятия читателями. Употребление же одного из потенциально возможных союзов исключает возможность такого субъективного восприятия, выдвигая на первый план лишь одно из потенциально возможных отношений. Ср. примеры:

I/ "Термин "грамматика" употребляется в двух значениях,/а именно, так как/: во-первых, он обозначает самый грамматический строй языка; во-вторых, он обозначает науку о грамматическом строе"[I] /П.С.Кузнецов/; 2/ "... номинативная способность местоимений особая /а именно, так как/: они, хотя и существуют для именования, именуют уже наименованное как указания, на именование, но не как собственно названия" /Реформатский/; 3/ "... само понятие "предложение" раздваивается в своем значении /а именно,

I В каждом примере в скобках мы пишем союзы, которые можно потенциально употреблять между частями.

так как/: с одной стороны, это наименьший грамматический отрезок речи, соответствующий относительно законченной мысли, а, с другой - предложением называется часть сложного предложения, которая не выражает в процессе высказывания отдельной мысли..." /В.В.Виноградов/; 4/ "Между тем значение именных суффиксов - "классифицирующее " /а именно, то есть, так как, так что/: при их посредстве предметы распределяются по семантико-грамматическим категориям" /В.В.Виноградов/; 5/ "Речевые явления двусторонни /а именно, так как/: каждое из них обладает, с одной стороны, значением, с другой - звуковым составом" /А.Н.Гвоздев/; 6/ "Слово смысл многозначно /а именно, то есть, так как, так что/: звуковому комплексу "смысл" соответствует ряд значений".

В чем состоит причина возможности употребления в приведенных примерах и уточнительного /пояснительного/, и причинного союза?

На наш взгляд, причины, допускающие осуществление такой возможности следующие: во-первых, возможность употребления уточнительного союза а именно обусловлена тем, что все выделенные слова характеризуются отвлеченностью /в большей или меньшей мере/. Они довольно абстрактны, чтобы участвовали в оформлении уточнительного отношения, и довольно конкретны, чтобы допускали употребление после них союза, который выдвигает на первый план смысловое отношение уточнения; во-вторых, возможность употребления

причинного союза обусловлена тем, что все выделенные слова обозначают признак, имеют качественно-квалифицированное значение, которое присваивается субъекту через глагол сказуемое /т.е. опосредственно/ или прямо /непосредственно/: ведь они сами могут выступать в роли сказуемого /см. и ср. примеры/. А присвоение субъекту какой-либо качественной характеристики предполагает обоснование такого "присвоения"[I]. По мере уменьшения степени отвлеченности слов, к которым относится или с которыми может соотноситься придаточное предложение, создается возможность употреблять между частями таких предложений и союза <u>то есть</u> или <u>так что</u> /см. 4-ой и 6-ой примеры и ср., например, слово <u>особая</u> /2-ой пример/ и слово <u>многозначно</u> /6-ой пример/ с точки зрения степени их отвлеченности.

В результате анализа конструкций, в которых употребляются слова и выражения, которые соотносятся или могут соотноситься с придаточными предложениями, можно выделить по крайней мере три категории слов с разной степенью отвлеченности, соответствующих трем видам бессоюзных конструкций.

К первой категории относятся слова или словосочетания, характеризующиеся абсолютной отвлеченностью и создающие, оформляющие абсолютное бессоюзие.

Ко второй категории относятся слова или выражения

I См. подробнее об этом И.Оицэ, <u>Роль слов со значением признака в структуре бессоюзных сложных предложений</u>, в "Probleme de filologie rusă", Bucureşti, 1974, с.II-27.

I-ой степени относительной отвлеченности, обуславливающие, оформляющие относительное бессоюзие, т.е. конструкции, в которых возможно употребление лишь одного однозначного союза, имеющего факультативную роль.

К третьей категории относятся слова или словосочетания 2-ой степени относительной отвлеченности, которые способствуют образованию "многозначных" с точки зрения смысловых отношений бессоюзных предложений, в результате чего необходимо употребление одного из потенциально возможных союзов для преодоления "многозначности" предложений. Из этого вытекает, что при анализе сложного предложения мы должны исходить не только из союзов, являющихся, безусловно, самым типичным, специализированным и распространенным средством выражения чисто синтаксических /грамматических/ или синтаксических смысловых отношений, но и из лексики. Ведь лексика, как было доказано, часто становится сильным средством, способствующим объединению частей и выражению синтаксических отношений.

Проведенный анализ свидетельствует о сложном взаимодействии лексических, семантических, морфологических и синтаксических средств.

III. Соотношение глагольных форм сказуемых в структуре сложного предложения. В современном русском языке оно приобретает особенно важное значение прежде всего благодаря наличию у глаголов категории вида, которая отсутствует в современном румынском языке. Расхождение между

русским и румынским языками, обусловленное наличием категории вида в русском языке и отсутствием этой категории в румынском языке, приводит к тому, что часто смысловые отношения, которые в русском языке выражаются соотношением видо-временных форм, в румынском языке выражаются в основном лишь соотношением временных форм: ведь система времен в румынском языке шире и богаче, чем в русском. В связи с ролью соотношения глагольных форм сказуемых в структурной схеме сложного предложения можно выделить два основных случая: I/ Соотношение глагольных форм сказуемых как факультативное средство выражения синтаксических отношений и 2/ Соотношение глагольных форм сказуемых как главное средство выражения синтаксических отношений и объединения частей.

I/ Мы считаем, что соотношение глагольных форм сказуемых выполняет факультативную роль тогда, когда общее типовое синтаксическое отношение, как например, соединительное или временное, выражается союзами или союзными словами, а остальные смысловые отношения, оттенки выражаются разными видо-временными формами глаголов.

а/ Сложносочиненные предложения с союзом и выражают, например, соединительные отношения. Но на фоне этого общего синтаксического отношения могут выражаться видо-временными формами довольно разнообразные смысловые отношения, как например:

Одновременность: "Странное влияние имел на меня, и странные были наши отношения" /И.С.Тургенев/; "И любят

песню деревни и села, и любят песню большие города" /Лебедев Кумач/; "Прозрачный лес один чернеет, и ель сквозь иней зеленеет, и речка подо льдом блестит" /А.С.Пушкин/.

В таких сложных предложениях употребляются обычно глаголы несовершенного вида.

Последовательность: "Сверкнула молния, и послышался редкий удар" /вслед за тем/; "Облака рассеялись, и на темном небе засверкали звезды"; "Ямщик свистнул, и лошади поскакали" /А.С.Пушкин/.

В сложносочиненных предложениях, выражающих последовательность обычно употребляются глаголы совершенного вида /чаще всего в прошедшем времени/.

Причинно-следственные отношения: "С самой весны не было дождей, и хлеба на полях выгорели" /Ф.Гладков/; "Я нажал кнопку, и лифт начал подниматься"; "Действительность буржуазного общества стесняет свободу личности, и /поэтому/ личность ищет себе места за пределами действительности" /из газет/.

Такие сложносочиненные предложения частично синонимичны со сложноподчиненными предложениями с придаточными причины с препозицией придаточной части. Однако в сложносочиненных предложениях причинно-следственные отношения выражаются менее четко, чем в соответствующих сложноподчиненных и поэтому во второй части часто употребляются локализаторы /чаще всего поэтому/, подчеркивающие следствие, вытекающее из предшествующей причины.

Условно-временные отношения /значения/.

Для таких конструкций характерна следующая модель: повелительное наклонение + будущее время, например: "Сумейте изменить тип обмена веществ, и вы измените наследственность" /Лысенко/; "Сумейте создать соответствующие условия, и вы удлините жизнь растений".

Что касается же соотношения видов, то в данных конструкциях, как правило, наблюдается согласование видов: сов. вид + сов. вид; нес. вид + нес. вид /"Готовьтесь к каждому семинарскому занятию, и вы будете отвечать хорошо на всех семинарах"/.

Подобные конструкции синонимичны со сложноподчиненными предложениями с придаточными условными, которыми и могут заменяться. Разница между сложносочиненными и соответствующими сложноподчиненными предложениями носит экспрессивно-стилистический характер: сложносочиненные предложения более экспрессивны.

Уступительно-противительные /или сопоставительно-противительные/ отношения /значения/.

Союз и в таких конструкциях "часто выступает в сочетании с союзом все же, с частицей все-таки, тем не менее и нек. др."[I]: "В комнате были открыты все окна с правой стороны, и все-таки было душно" /Панова/; "В прошлом году еще хуже было. Немцы до Москвы дошли, и все-таки их отогнали" /В.Некр., В окоп Сталингр./.

I Грамматика русского языка, том II, Синтаксис, часть вторая, Изд-во АН СССР, М., 1954, с. 200.

Эти сложносочиненные предложения тоже могут заменяться сложноподчиненными предложениями с придаточными уступительными.

Проанализированные сложносочиненные предложения с союзом и свидетельствуют о том, что они могут выражать многочисленные отношения, которые выражаются сложноподчиненными предложениями. Отсутствие редкой противоположности между сочинением и подчинением с точки зрения выражаемых ими отношений,"тесное их взаимодействие и даже контаминация" и послужили основой для авторов раздела о сложном предложении в "Русской Грамматике" считать главным классификационным критерием сочинения и подчинения не синтаксические отношения, а союзы и союзные слова[2].

б/ Бывают и сложноподчиненные предложения, в которых основное общее синтаксическое отношение выражается союзами или союзными словами, а частные смысловые отношения выражаются характером соотношения видо-временных форм. Так, например, сложноподчиненные предложения с союзным словом когда выражают общее временное отношение. Соотношением же глагольно-видовых форм выражаются разные смысловые оттенки изи смысловые отношения, как, например:

Полная одновременность:"Когда он говорит, я его внимательно слушаю"; "Когда она играла внизу на рояле, я вставал и слушал ее" /Чехов/; "Когда Петр Михаилович ехал через рощу, гремел гром, и деревья шумели и гнулись от ветра" /Чехов/.

I Русская Грамматика..., с. 464.

В таких конструкциях в обеих частях, т.е. и в главном, и придаточном предложениях употребляются глаголы несовершенного вида.

Частичная одновременность: "Когда она выходила из гостиной, в передней послышался звонок"; "Когда Телегин описывал борьбу за автомобиль..., Даша страшно побледнела" /А.Н.Толстой/; "Когда Иван Ильич на цыпочках зашел потушить лампу, Рощин спал на спине..." /А.Н.Толстой/; "Когда я зашел к Володе, он играл на рояле".

Здесь действие одного из предложений, выраженное глаголом совершенного вида, происходит лишь в один из моментов длительного действия, выраженного глаголом несовершенного вида. Следовательно, в подобных конструкциях наблюдаются следующие видовые соотношения: нес. вид + сов. вид или сов. вид + нес. вид. В румынском языке эти разновидности частичной одновременности выражаются, как правило, соотношением временных форм.

Разновременность: "Когда она вошла, лейтенант быстро встал и пошел навстречу"/Симонов/; "Когда Андрей подрос, мать рассказала ему, что его дед... участвовал в восстании декабристов"; "Когда преподаватель вошел в аудиторию, студенты встали".

Эти конструкции относительно легко могут заменяться сложносочиненными с союзом и или бессоюзными конструкциями. Ср. варианты последнего примера: "Преподаватель вошел в аудиторию, и студенты встали"; "Преподаватель во-

шел в аудиторию: студенты встали".

Однако в результате такой замены временно-следственные отношения, действие и результат выступают менее четко, особенно в бессоюзных конструкциях. Во всяком случае возможность указанных замен, в результате чего получаются относительно синонимичные конструкции с менее дифференцированными отношениями, опять-таки напоминают нам об отмеченной выше контаминации между сочинением и подчинением.

2/ В конструкции второй группы мы включаем такие бессоюзные предложения, в которых соотношение глагольных форм сказуемых выступает как главное "грамматическое" средство объединения частей и выражения синтаксического отношения, именно условного отношения.

Среди этих сложных бессоюзных предложений можно также выделить две подгруппы.

а/ Для одних характерна следующая структурная схема: повелительное наклонение в функции сослагательного, условного + сослагат. накл. /или обратный порядок/. Ср. следующие примеры: "Не пригласи я его, он обидится"; "Окажись рядом настоящий друг, беды бы не случилось"; "Знай я ремесло, жил бы в городе"; "Поезжай он в одно из этих мест, он и не заметил бы, как прошло бы скучное время" /Чехов/; "Пролети пуля на палец праве, быть бы мне на том свете" /Седых/; "Кто знает, как сложились бы судьбы науки, выполняй мы просьбы о присылке оружия" /Правда/;

"Щепотки волосков лиса не пожалей, остался «б хвост у ней".

Такие предложения сильно стилистически окрашены: они свойственны речи разговорной, а не письменной. Подобные предложения специфически для русского языка. Они вступают в абсолютный контраст с соответствующими конструкциями румынского языка. Им соответствует в русском языке стилистически нейтральные модели типа "Если я не приглашу его, он обидится"; "Если оказался бы рядом настоящий друг, беды бы не случилось" и т.д., которые, имея в румынском языке сходные модели, усваиваются легче нашими учащимися.

Интересно отметить, что в "Русской Грамматике" 1980-ого года, в которой бессоюзные предложения выносятся за пределы сложного предложения и называются бессоюзными соединениями предложений", проанализированные в указанной подгруппе бессоюзные предложения считаются все-таки сложными предложениями, так как в них "отношения между соединяющимися предложениями /условные/ выражаются вполне определенным соотношением форм сказуемых..."[I].

Проанализированные нами конструкции указанной подгруппы могли бы быть объектом специального анализа в контрастивном плане с учетом прежде всего соотношения глаголов совершенного и несовершенного вида, реализующегося на фоне указанной обязательной структурной схемы.

I Русская Грамматика..., с. 465.

б/ Ко второй подгруппе можно отнести бессоюзные сложные предложения, для которых характерно соотношение форм сослагат. накл. и которые могут выражать как условное, так и временное значение. "Дифференцирующую функцию обычно берет на себя порядок слов: в сочетаниях с условным значением обусловливающая часть начинается, как правило, со сказуемого; подлежащее или остается не выраженным или следует за сказуемым: "Выпили бы водочки, сейчас бы раскуражило" /Писем/; "Бросил бы ее тогда, ничего бы не было" /Л.Толст./; "Досидела бы до конца - он бы тебя и до дому довел" /Ант/[I]; "Солгал бы - обошлось бы хуже".

Эти конструкции синонимичны со сложноподчиненными с союзом если, к которым и восходят. Разница между ними лишь экспрессивно-стилистическая: бессоюзные предложения более экспрессивны. Указанное соотношение сослагат.накл. с отмеченным порядком слов довольно точно выражает условие.

IУ. Роль порядка частей в структуре сложного предложения

Роль порядка частей в сложном предложении проявляется по-разному в зависимости от структуры предложений, от слов, к которым прикрепляются придаточные и от других условий.

В "Русской Грамматике" обращается внимание на необходимость учета порядка частей в аспекте актуального членения всего сложного предложения в предложениях не-

I Там же, с. 637.

расчлененной структуры, в которых правила расположения частей сближают их с правилами словопорядка в простом предложении. "В предложениях расчлененной структуры названная аналогия или отсутствует совсем или устанавливается нерегулярно: поэтому при характеристике позиционного соотношения их частей /во многих случаях структурно значимом/ аспект актуального членения устранен"[1].

Исходя из вышеизложенных соображений и из других причин, мы можем выделить следующие положения, связанные с влиянием изменения, перестановки частей сложных предложений.

а/ "Взаимное размещение частей в составе изъяснительных предложений определяется их коммуникативной значимостью, т.е. связано с динамическим аспектом языка, с актуальным членением, с речью. В препозиции главное предложение выражает исходную часть сообщения, т.е. тему, а придаточное - рему. Если придаточное предшествует главному, то оно является темой. Ср. примеры: "Всем известно, /тема/, что он хороший работник /рема/" - "Что он хороший работник /тема/, всем известно /рема/; "Всякий знает /тема/, что курить вредно /рема/" - "Что курить вредно /тема/, всякий знает /рема/".

Иногда местоимения выполняют экспрессивно-выделительную функцию, акцентируя содержание придаточного. Ср. примеры: "Я знаю /то/, что вы говорите правду"; "Учителя

I Там же, с. 466-467.

огорчило то, что дети не хотели его слушать"; "То правда, что петух уже не поет"; "И странно то, что я сам принял его за господина".

От указанных случаев, связанных с выражением актуального членения бывают и исключения. Сюда относятся, например, предложения с частицей ли в роли союза при словах, обозначающих незнание или непонимание, как например: "У меня несчастный характер: воспитание ли сделало таким /рема/, бог ли так меня создал /рема/, не знаю"; "То ли жарко, то ли зябно /рема/, не понять, а сна все нет" /Твард./. Благодаря выделенным глаголам, хотя придаточные предложения препозитивны, они выносятся на первое место в качестве ремы.

В связи с придаточными предложениями этой подгруппы остается открытым вопрос о соотношении темы и ремы, когда придаточное предложение интерпозитивно /"Знает, что курить вредно, всякий"/, вопрос о роли интонации в выражении темы и ремы, а также выражение темы и ремы в сложноподчиненных предложениях с придаточными изъяснительными, выражающими косвенный вопрос: ср. примеры: "Я не заметил, когда он пришел" и "Когда он пришел, я не заметил". В таких конструкциях кажется, что при препозиции косвенного вопроса значение косвенного вопроса усиливается, следовательно, он выступает как рема.

б/ В двучленных, нерасчлененных сложноподчиненных предложениях перестановка частей в меньшей мере связана

с актуальным членением. Во многих из них постпозиция или препозиция придаточного предложения связана с другими последствиями.

Так, например, в некоторых сложноподчиненных предложениях с придаточными причины при постпозиции придаточного выражается лишь причинное отношение, а при его постпозиции на отношение причины наслаивается и смысловой оттенок следствия и, следовательно, сложноподчиненное предложение выражает причинно-следственные отношения: ср. примеры: "Он шел прихрамывая и спотыкаясь, так как сильно устал". - "Так как сильно устал, то он шел прихрамывая и спотыкаясь"; "Я пошел на футбол, так как Михай отдал мне свой билет". - "Так как Михай отдал мне свой билет, я пошел на футбол"; "Он покинул компанию и углубился в лес, так как искал тишины". - "Так как искал тишины, то он покинул компанию и углубился в лес"; "Иван Петрович остановился в гостинице, так как он не хотел беспокоить своих знакомых, то он остановился в гостинице".

Аналогичное явление наблюдается и в некоторых сложноподчиненных предложениях с придаточными условными с союзом <u>если</u>. Ср.: "Я куплю подарок сестре, если получу деньги вовремя". - "Если получу деньги вовремя, я куплю подарок сестре".

Наслоение смыслового оттенка, отношения следствия на основное типовое синтаксическое отношение наблюдается и в сложноподчиненных предложениях с придаточными време-

ни, выражающими время и следствие, для которых характерно употребление глаголов совершенного вида в обеих частях: ср. примеры: "Когда взошло солнце, мы тронулись в путь". - "Мы тронулись в путь, когда взошло солнце" /во втором варианте выражается только временное отношение/.

Интерпозиция некоторых из проанализированных придаточных в расчлененных конструкциях присваивает придаточному предложению и вводный или вставной характер, который может проявляться в меньшей или большей мере: ср. примеры: "Мы, когда взошло солнце, тронулись в путь". "Мужчина, если он настоящий мужчина, не способен здраво рассчитывать в любви".

Во всех приведенных примерах в подгруппах а, б соотношение глагольных форм сказуемых играет факультативную роль в выражении синтаксических отношений, потому что первоначальное общее, основное синтаксическое отношение сохраняется в независимости от порядка частей сложного предложения.

в/ Бывают и конструкции, в которых с перемещением частей связано и изменение основного синтаксического отношения, хотя предметно-вещественное содержание сложного предложения не изменяется. Ср. следующие варианты нижеприведенных примеров:

I/ "Диалектический путь познания истины, познания объективной реальности таков: от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике"; 2/ "Вывод

А.М.Пешковского таков: обратимость является основным признаком сочинения".

I/ "От живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике - таков диалектический путь познания истины, познания объективной реальности"; 2/ "Обратимость является основным признаком сочинения - таков вывод А.М.Пешковского".

В первой группе примеров выражается синтаксическое отношение уточнения, так как вторая часть уточняет выделенные слова, характеризующиеся абсолютной отвлеченностью. Во второй же группе примеров выражается присоединительное отношение: вторая часть приобретает значение присоединения, добавочного, заключительного замечания, так как основное содержание высказывания выражается первой частью. Следовательно, порядок частей в подобных примерах играет главную роль в выражении синтаксических отношений.

У. Роль интонации в сложном предложении

Безусловно, интонация является неотъемлемым признаком любого предложения, простого или сложного. В русской грамматической традиции впервые подвергает более тщательному анализу интонацию в сложном предложении А.М.Пешковский[I].

При анализе интонации А.М.Пешковский говорит о трех

I См. А.М.Пешковский, Русский синтаксис..., с.470 и др.

видах интонации, тождественных по значению с союзами: I. об объяснительной интонации, тождественной по значению с причинными союзами, например: "Сержу   о я на самого себя: сам я кругом виноват" /Пушк./; 2. о предупредительной интонации, которая тождественна по значению с частью пояснительной группы союзов /именно, как-то, употребляющиеся перед перечислением/: "Я это сделаю так: выкопаю подле самого камня большую яму, землю из ямы развалю по площади, свалю камень в яму и заровняю землей" /Л.Толст./; 3. об интонации перечисления, которая тождественна по значению с соединительными союзами: "Скрипят клесты, звенят синицы, смеется кукушка, свистит иволга..." /Горьк./.

Первые два типа интонации А.К.Пешковский относит к подчинительным, а третий - к сочинительной интонации.

Безусловно, Пешковский преувеличивает тождество интонации и союзов. Это преувеличение доказывается и опровергается даже приведенными им примерами: ведь во втором примере бессоюзной конструкции "Я это сделаю так:..." невозможно употребление союза, благодаря высокой степени отвлеченности стержневого, опорного слова так. Эта конструкция характеризуется абсолютным бессоюзием. Однако надо отметить, что многие положения, выдвинутые им до сих пор встречаются в специальной литературе. Стало почти общепринятым теперь положение, что бессоюзные сложные предложения являются особыми единицами с точки зре-

ния их мелодико-интонационного рисунка и структ... [illegible]их средств, содействующих и способствующих выражению в них синтаксических отношений.

Исследование интонации до мельчайших подробностей в бессоюзных предложениях широко отражено в специальной литературе[I]. Поэтому мы не ставим себе целью изложить все мелодико-интонационные рисунки интонации в бессоюзных сложных предложениях. Чаще всего тот или другой вид интонации, как вытекает из изложенного нами материала, обусловлен структурными средствами, способствующими объединению частей и выражению синтаксических отношений в сложном предложении.

Мы хотим здесь выделить лишь некоторые случаи, когда интонация в самом деле играет главную роль в выражении синтаксических отношений, так как в зависимости от изменения интонации изменяется и тип синтаксического отношения. Вот несколько примеров, иллюстрирующих главную роль интонации в выражении синтаксических отношений:

"Мы все испугались, но повели себя по-разному: Я крикнул, они побежали" /здесь интонацией перечисления, графически отмеченной запятой, выражается соединительное отношение/.

При повышении тона в первой части и понижении во второй выражается условно-временное отношение, графиче-

I См. Русская Грамматика..., с. 650-656; Г.И.Блинов, Методика пунктуации в школе, Изд-во "Просвещение", М., 1978, с. 181-216.

ски отмеченной тире: "Я крикнул - они побежали".

При понижении тона в первой части выражается причинно-следственные отношения, и между частями ставится двоеточие: "Я крикнул: они побежали".

Ср. и другие примеры: "Раздался шум, я испугался /покинул дом и больше ничего не знаю/".

"Раздался шум: я испугался". /причинно-следственное отношение/.

"Придем домой, отдохнешь" /соединительное отношение/.

"Придем домой - отдохнешь" /условно-временное отношение/.

x

Анализ структурных средств сложного предложения доказал, что почти во всех сложных предложениях, с союзами или без союзов, одно из данных средств выступает как главное, а остальные как второстепенные. Под термином структурная схема сложного предложения предлагаем понимать совокупность структурных средств, способствующих объединению частей и выражению синтаксических отношений.

ОПЫТ И ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Мария Думитреску

1. Лексикография - наука, выступающая в настоящее время за обновление ряда ей принадлежащих категорий, способна не только передать опыт через книгу (словарь, указатель, материалы к ...), но, думается, и более новыми способами и средствами.

Лексикографические работы по ряду языков (в том числе русского) могут дать информацию как по линии состояния лексики на данный момент, так и по линии состояния обработки данных в отношении отдельной единицы лексики, если доступ к ним будет автоматизироваться на уровне и с привлечением современных средств (с учетом их дальнейшего совершенствования).

В отношении русского языка (однако не исключена возможность применения и к другим языкам) следует сказать, что его лексическое богатство (ср. СлРЯ XI-XУII вв.[1] составлен на основе более 1,5 мил. карточек; словарь языка В.И.Ленина - на основе 2,5 мил. карточек[2]) в настоящее время (и тем более для будущего) должно и может стать достоянием каждого.

Информация, касающаяся лингвистических единиц, имеет все возможности стать действенной, полной и максимально ф у н к ц и о н а л ь н о й по всем параметрам в любой момент, минуя книгу, книжную форму передачи.

Обращение к истории подтверждает мысль о том, что лексикография отражает состояние лексики языка в определенный период его развития. Это вытекает и из словарей, озаглавленных (на наш взгляд) условно в настоящее время или, продолжающие носить подобное наименование,

1 Словарь русского языка XI-XУII вв., вып.1, А-Б, Москва, 1975.

2 См. Бессмертие ленинского слова, "Литературная газета",№17,1984,с.1.

хотя содержанием это не оправдывается[1].

Простое сравнение словарных статей (например, материал буквы А) в словарях средневековья и словарях XIX-XX вв. указывает на ряд сходств и различий в отношении объема (полноты), трактовки, степени подготовки их авторов и цели составления. В отношении XIX-XX вв. сказанное может быть проиллюстрировано данными Словаря Даля и Словаря русского языка в четырех томах (его 2-ое изд., в сокр. МАС):

а. на уровне буквы А

Даль: со с.1 по 32 до слова авантюрин - 40 и, соот-
МАС: со с.17 по 53 ветственно, около 100 единиц;

б. на уровне одной единицы: аэрь, аэрарий (Приложение).

2. Наше время является не только итогом предшествующего развития (итогом можно было бы назвать любую эпоху), оно ознаменовано появлением лексикографических работ, дающих представление о потенциях лексики русского языка. Сопоставимы в таком случае:

а. словари, продолжающие опыт предшествующих эпох толковые. двуязычные ;

б. словари нового типа: обратные (ОС)[2], грамматический и

1 См. Словарь иностранных слов, 7-ое изд. М., 1980. Думается, что абдоминальный, абиотические, абиссальный, автоматический, агрегировать, акклиматизироваться, аккредитовать, акцентировать, амнистировать, анатомировать, анкетировать как, впрочем, и многочисленные другие - русские слова. Видимо, здесь следует уточнить статус корня. См. и Maria Dumitrescu, Lexicul limbii ruse moderne, Bucureşti, 198o, c. 87-90.

2 Обратный словарь русского языка, М., 1974 (там и список существующих ОС, с.9-10); см.также ОС, составленные в СР Румынии: Новые слова и значения. Dicţionar invers (сост. Мария Думитреску), Bucureşti, 1973; Index a tergo. Словарь языка Пушкина. Dicţionar invers (колл.раб.), Bucureşti, 1975.

частотный словари[1], словарь сочетаемости слов[2] и т.д., вышедши в последнее время.

3. Назрела необходимость создания индивидуальных словарей или хотя бы словников языка произведений крупных писателей (сперва XIX, затем XX в.). Такая работа, думается, способна обеспечить исследование фактическим материалом; она даст возможность сопоставить в количественном и качественном планах лексику разных представителей и соотнести с тем общим, что имеется в известных лексикографических работах.

Существующие словари крупных писателей можно перечислить исчерпающе[3]. Словарем, индивидуальным, является также указанный выше словарь языка В.И.Ленина.

В свое время мы внесли предложение создать словарь языка Л.Н.Толстого[4]. В настоящее время в СР Румынии началась коллективная работа над словарем (Материалы для словаря...) В.Маяковского. До сих пор имеются карточки 8,9,10,11,12 томов; для ряда томов (1,2,5,7) карточки составлены неполностью.

Итоги пройденного пути отражаются рядом лексикографических работ: историческими словарями (см. СлРЯ XI-XУII вв., вып.1-10, Москва, 1975-1983; Словарь русского языка XI-XIУ вв., т.I, М.,1984;

1 А.А.Зализняк, Грамматический словарь русского языка, М., 1977 и Частотный словарь русского языка. Под ред. Л.Н.Засориной,М.,1978.

2 Учебный словарь сочетаемости слов русского языка, М., 1978, см. и Словарь сочетаемости слов русского языка, 2-ое изд., М., 1983.

3 Словарь языка Пушкина, тт.1-4, М., 1956-1961; Словарь автобиографической трилогии М.Горького, М., 1977.

4 См.Maria Dumitrescu, Язык романа Льва Толстого "Война и мир", в ж. "Romanoslavica", XX, Bucureşti, 1981, с.337-343.

Словарь русского языка ХУIII в. Проект, М., 1977, с   рями новинок (СНСЗ-60; Новое в русской лексике.Словарные материалы -77 М., 1980, Новое в русской лексике.Словарные материалы-78, М., 1981; Новое в русской лексике.Словарные материалы-79, М., 1982; Новое в русской лексике. Словарные материалы-80, М.,1984, к чему имеются и ОС, составленные (рукопись) в Бухарестском университете к концу 1984 года).

Судить о языке XX века можно, если ряд этих работ выйдет повторно с дополнением и, в ряде случаев, недостающее - новыми изданиями (сочетаемость числительного откроет новые возможности; парадигматика любой части речи может быть дополнена материалом, относящимся к XX веку; морфемика ждет полного ОС из суммы существующих ОС; составление словарей сокращений по отдельным отраслям[1] и т.д.).

4. Вероятно, можно говорить о назревшей необходимости для составления более крупного (полного) толкового словаря русского языка.

Тип словарей будущего целесообразно предвидеть с учетом того, что крупные (возможно и другие)библиотеки будут работать на основе единого банка данных, машинного фонда языка с возможным экранным функционированием. Имеется в виду снабжение крупных библиотек соответствующей комплексной аппаратурой для заказа и приема данных (информации). Сюда относится вопрос о широте охвата материала, но и о создании лексикографического центра, о подготовке ряда специалистов и о ряде других проблем. Вероятно, сначала можно приступить к пробной доставке информации лексикографического порядка со существующих словарей (по очереди: Б У О М). Для этого повидимому необходим Словарный

[1] См. Мария Думитреску, К вопросу о сокращении в современном русском языке, в "Analele Universității București", 2, 1977.

зал в библиотеке с рядом столов с минимальной установкой экранного типа и с возможностью при нажатии кнопки получить соответствующие данные (с любой страницы) по всем 4-м, перечисленным словарям (Б У О М), об одной и той же единице лексики (азбука, ёлка, стол, янтарь). Другой ряд столов может быть снабжен установкой, настроенной на этимологические словари (или исторические). Следующий этап может объединить эту разрозненную информацию и представить желающему возможность получить комплексную информацию, т.е. на основе всех привлеченных источников об одной единице (например, космос, космонавт, летчик, самолет, СВП, агропром. Думается, что вложения окупятся достаточно быстро и максимальный эффект наступит незамедлительно (тираж не ставит больше вопросов, процесс набора может быть упрощен за счет высококачественного и функционального ненаборного способа[1]; маневрирование изданий сузит свои рамки и площадь, отводимая в настоящее время словарям, сможет быть использована в других целях; обслуживание приобретет иной темп; ускорение доставки информации обеспечит, соответственно, и объем и переработку данных). Практика откроет и другие возможности[2], другие уровни и планы.

[1] Вероятно, весь имеющийся лексический инвентарь получит и цифровой индекс; экранизация может сопровождаться и записью материала на магнитной ленте, что представляет интерес для нерусского (читателя) на уровне СССР и других стран. Своеобразный русский звуковой архив может оказаться полезным и в других случаях (целях). Исполнителями (чтецами) могут стать художники слова, артисты, преподаватели русского языка.

[2] См. В.М.Андрющенко, Машинный фонд русского языка: постановка задачи и практические шаги, "Вопросы языкознания", 2, 1985, с.54.

ПРИЛОЖЕНИЕ

АЭРЪ, *аеръ* лати. воздухъ, атмосфера, мiроколица; свѣжiй, вольный воздухъ; климатъ, погодье. ***Аэродинáмика*** ж. греч. ученiе о законахъ движенiя воздушныхъ веществъ, о теченiи воздуха. ***Аэростáтика*** ж. наука о равновѣсiи, покоѣ воздуха и плавающихъ въ немъ тѣлъ. ***Аэронáвтика*** ж. воздухоплаванiе, наука подыматься и плавать по воздуху. ***Аэродинамúчный, —ческiй,*** къ законамъ движенiя воздуха относящ. ***Аэростатúчный, —ческiй,*** къ наукѣ о равновѣсiи, покоѣ воздуха относящiйся. ***Аэростáтикъ*** м. и ***аэродинáмикъ*** м. ученый изслѣдователь законовъ покоя и движенiя воздушныхъ веществъ. ***Аэростáтъ*** м. воздушный шаръ; плотный мѣшокъ, пузыремъ, наполненный болѣе рѣдкимъ (жидкимъ, легкимъ) воздухомъ, чѣмъ колоземица (атмосфера) наша, почему онъ въ ней всплываетъ въ верхнiе, болѣе жидкiе слои, до равновѣсiя. Шары эти бываютъ двухъ родовъ: съ топкою, надуваемые согрѣтымъ воздухомъ, *монгольфьéры* и газовые, наполняемые легкимъ водороднымъ газомъ, *шарльéры*. ***Аэролóгiя*** ж. наука о воздухѣ вообще, воздухословiе; ***аэрологúчный, —гическiй,*** къ ней относящiйся. ***Аэромéтрiя*** ж. наука о физическихъ (не химическихъ) свойствахъ воздуха; законы движенiя его (вѣтровъ), упругости, тяжести (барометрiя) ипр., часть аэрологiи. ***Аэромéтръ*** м. снарядъ для измѣренiя степени густоты воздуха, воздухомѣръ. ***Аэромáнтика*** ж. наука о гаданiяхъ по воздуху, по воздушнымъ явленiямъ. ***Аэролúтъ*** м. камень, упавшiй изъ воздуха, изъ мiроколицы, съ облаковъ; воздушный, облачный камень. Полагали, что камни эти выкидываются земными либо лунными огнедышащими горами; нынѣ убѣдились, что они образуются въ пространствѣ и загораются, коснувшись нашей мiроколицы (атмосферы). Они состоятъ изъ желѣза съ примѣсью никеля, сѣры, оливина ипр., а природнаго корольковаго (металлическаго, не руднаго) желѣза нѣтъ у насъ на землѣ, кромѣ этого воздушнаго.

АЭРÁРИЙ, -я, *м.* Площадка, приспособленная для принятия воздушных ванн.

[От греч. ἀήρ – воздух]

АЭРÁЦИЯ, -и, *ж.* Проветривание, насыщение воздухом. *Аэрация зданий.*

[От греч. ἀήρ – воздух]

АЭРО... Первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению словам: а в и а ц и о н н ы й, в о з д у ш н ы й, например: **аэроклуб, аэромаяк, аэронавигация.**

[От греч. ἀήρ – воздух]

АЭРÓБНЫЙ, -ая, -ое. *Биол. Прил.* к аэробы. *Аэробные бактерии.*

АЭРÓБЫ, -ов, *мн.* (*ед.* **аэрóб**, -а, *м.*). *Биол.* Организмы, способные существовать только при наличии свободного кислорода; *противоп.* анаэробы.

[От греч. ἀήρ – воздух и βίος – жизнь]

АЭРОВИЗУÁЛЬНЫЙ, -ая, -ое. *Спец.* Производимый с летательных аппаратов (самолетов, вертолетов) визуально (невооруженным глазом или с помощью бинокля). *Аэровизуальное обследование леса.*

АЭРОДИНÁМИКА, -и, *ж.* Часть аэромеханики, изучающая законы движения воздуха и др. газов и воздействие газов на обтекаемые ими тела.

АЭРОДИНАМÍЧЕСКИЙ, -ая, -ое. *Прил.* к аэродинамика. *Аэродинамическая лаборатория. Аэродинамическая труба.*

АЭРОДРÓМ, -а, *м.* Участок земной поверхности, предназначенный для взлета, посадки и стоянки самолетов, с сооружениями и оборудованием для их обслуживания.

[Франц. aérodrome от aéro(plane) и греч. δρόμος – место для бега; бег]

АЭРОДРÓМНЫЙ, -ая, -ое. *Прил.* к аэродром. *Аэродромная площадка.*

АЭРОЗÓЛЬ, -я, *м. Спец.* Коллоидная система, состоящая из газовой среды, в которой взвешены твердые или жидкие частицы.

[От греч. ἀήρ – воздух и нем. Sol – золь]

АЭРОЗÓЛЬНЫЙ, -ая, -ое. *Прил.* к аэрозоль. *Аэрозольная установка. Аэрозольные распылители. Аэрозольная иммунизация людей и животных.*

АЭРÓЛОГ, -а, *м.* Специалист по аэрологии.

АЭРОЛОГÍЧЕСКИЙ, -ая, -ое. *Прил.* к аэрология. *Аэрологическая станция. Аэрологические наблюдения.*

АЭРОЛÓГИЯ, -и, *ж.* Раздел метеорологии, изучающий физические, химические и др. свойства слоев атмосферы вне приземного слоя.

[От греч. ἀήρ – воздух и λόγος – учение]

АЭРОМЕХÁНИКА, -и, *ж.* Раздел механики, изучающий равновесие и движение газообразных сред и механическое воздействие этих сред на погруженные в них твердые тела.

АЭРОНАВИГАЦИÓННЫЙ, -ая, -ое. Относящийся к аэронавигации. *Аэронавигационная карта. Аэронавигационное оборудование.*

АЭРОНАВИГÁЦИЯ, -и, *ж.* Наука о методах и средствах вождения летательных аппаратов по намеченному пути; воздушная навигация.

АЭРОНÁВТ, -а, *м.* Воздухоплаватель.

АЭРОНÁВТИКА, -и, *ж.* Воздухоплавание.

[От греч. ἀήρ – воздух и ναυτική – кораблевождение]

АЭРОПЛÁН, -а, *м.* Летательный аппарат тяжелее воздуха; самолет.

[Франц. aéroplane от греч. ἀήρ – воздух и франц. planer – парить, висеть (в воздухе)]

АЭРОПЛÁННЫЙ, -ая, -ое. *Прил.* к аэроплан.

АЭРОПÓРТ, -а, *м.* Расположенный на трассе воздушной линии аэродром, оборудованный всем необходимым для обеспечения регулярных полетов транспортной авиации.

АЭРОСÁНИ, -éй, *мн.* Сани, передвигающиеся по снегу и льду тягой воздушного винта.

АЭРОСТÁТ, -а, *м.* Летательный аппарат, наполненный газом легче воздуха (дирижабль, воздушный шар и т. д.).

[От греч. ἀήρ – воздух и στατός – поставленный, стоящий]

АЭРОСТÁТИКА, -и, *ж.* Часть аэромеханики, изучающая условия равновесия газов и действие неподвижных газов на погруженные в них твердые тела.

АЭРОСТАТÍЧЕСКИЙ, -ая, -ое. *Прил.* к аэростатика.

АЭРОСТÁТНЫЙ, -ая, -ое. *Прил.* к аэростат. *Аэростатные отряды. Аэростатные заграждения.*

АЭРОСЪЁМКА, -и, *ж.* Съемка местности с летательных аппаратов с помощью различных съемочных систем.

АЭРОФОТОГРÁФИЯ, -и, *ж.* Раздел фотографии, охватывающий теорию и практику аэрофотосъемки местности с летательных аппаратов.

АЭРОФОТОСЪЁМКА, -и, *ж.* Фотографирование местности с воздуха специальным аэрофотоаппаратом, установленным на самолете, вертолете, искусственном спутнике Земли или ракете.

АЭРОФОТОТОПОГРÁФИЯ, -и, *ж.* Научная дисциплина, изучающая методы создания топографических карт по материалам аэрофотосъемки.

II. ЛИНГВОДИДАКТИКА

В разделе "Лингводидактика" помещаются материалы, которые по своей структуре носят не только теоретический, но и практический характер. Сжато изложенные теоретические положения, касающиеся разных сторон морфологии русского языка, сопровождаются иллюстративными примерами. Большая часть каждого материала отведена разнообразным упражнениям, целью которых является закрепление помещённой информации. В концепции редакционного коллектива Сборника этот раздел должен представить собой методические разработки по русскому языку на темы, включенные в Программу курсов по совершенствованию преподавателей.

ШКОЛЬНЫЙ КАБИНЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ЕГО РОЛЬ В ПОВЫШЕНИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКО[illegible] ЯЗЫКА

Михаил Маринеску

Одним из важных условий повышения качества обучения иностранным языкам является кабинетная система учебных занятий. Здесь, под влиянием окружающей его языковой среды, ученик во многом отвлекается от всего постороннего, его внимание сосредоточивается больше, чем в обычном классе, на иностранном языке. С учеником происходит примерно то же самое, что в физической лаборатории на уроке по физике, в химической лаборатории на уроке по химии и т.д. Возьмем один пример: имея каждый раз перед глазами в химической лаборатории таблицу с периодической системой элементов Д.И.Менделеева, ученик "свыкается" с ней, запоминает со временем ее содержание.

Школьный кабинет иностранных языков (КИЯ) создает более благоприятные условия, чем обычный класс, для применения различного рода наглядности и экранных технических средств, с помощью которых можно ее демонстрировать. Ведь стимулировать высказывание можно не только вербально (расскажите, скажите), текстом (прочитайте и передайте или расскажите), аудио при помощи специальной аппаратуры (слушайте и повторяйте, слушайте и отвечайте), но и визуально (скажите, что вы видите, опишите картину и т.д.).

Учитывая, что учащиеся в КИЯ овладевают не предметами, а новым языковым кодом, наглядность должна быть языковой (по определению Беляева), служить и средством, которое облегчает усвоение и запоминание грамматических значений, слов и отдельных правил, и приемом создания речевых ситуаций.

С самого начала следует уточнить, что КИЯ и лингафонная (языковая) лаборатория (ЯЛ) не одно и то же: последняя лишь составная часть первого. Их назначение определяет и форму их использования: проводить занятия в лаборатории следует тогда, когда учащимся пред-

лагаются упражнения именно лингафонного типа, а проводя занятия в КИЯ, необходимо использовать все его преимущества и в первую очередь аудиовизуальные средства обучения (АВСО), находящиеся в нем, так как "в современной методике преподавания русского языка АВСО рассматриваются как важный источник повышения эффективности и качества учебного процесса"[1].

Определенное место среди технических средств, находящих в наши дни применение в процессе обучения русскому языку, занимают различного рода компьютеры, в частности миникомпьютеры. В некоторых странах испытываются также системы компьютеризированного обучения русскому языку (в качестве вспомогательного средства наряду, например, с видеомагнитофоном в роли "учителя" при индивидуализированном обучении), применяются компьютеризированные лазерные устройства (laser printer) в производстве новых учебных материалов[2] и т.д.

Сравнительно недавно работы международного симпозиума по использованию технических средств обучения (ТСО) и АВСО в преподавании русского языка иностранцам,[3] как и большое количество статей, опубликованных в журнале "Limbile moderne în şcoală", отражающих положительный опыт отечественной школы,[4] как и в зарубежных журналах, подтвердили еще раз полезность рационального применения этих средств обучения, в том числе языковых лабораторий, в преподавательской практике.

I Щукин А.Н., Состояние и перспективы развития методики использования аудиовизуальных средств обучения русскому языку, "Русский язык за рубежом", 1982, № 2, с. 68.

2 См.: Дэвидсон Д., Преподавание русского языка в англоязычных странах, "Пятый международный конгресс преподавателей русского языка и литературы", Прага, 1982, с. I3-I4.

3 См.: Vascenco Victor, Reuniunea internaţională de la Veszprem (R.P.Ungară) consacrată utilizării mijloacelor tehnice şi audio-vizuale, "Limbile moderne în şcoală", 1982, vol.I, c.133-136.

4 См.: "Limbile moderne în şcoală", 1982, vol.I, где опубликован ряд интересных статей, посвященных применению ТСО в преподавании иностранных языков в румынских школах.

Поэтому в современной методической литературе уже не обсуждается вопрос о целесообразности применения АВСО, этот вопрос решен положительно, а другой: как сделать их более результативными, т.е. как расширить объем прорабатываемого на занятиях материала и обеспечить прочность его усвоения за единицу времени.

I. Оборудование и функции КИЯ

1. Оборудование КИЯ

Оборудование кабинета должно носить отпечаток функциональности, а характер работы в нем должен подчиняться полностью задачам учебно-воспитательного процесса. Оно может включать, в зависимости от местных условий, ТСО (звукозаписывающую, звуковоспроизводящую, проекционную аппаратуру и лингафонные устройства), а также натуральную наглядность (показ предметов), графическую (таблицы по фонетике, морфологии, синтаксису, орфографии, пунктуации, развитию речи, наборы с разного рода упражнениями, схемы, дидактические раздаточные материалы) и изобразительную (иллюстрации, кроки, фотографии, рисунки, картины, диафильмы, диапозитивы, эпифильмы, учебные фильмы и т.д.).

Не обойтись в КИЯ без доски с занавесками, чтобы можно было закрыть всю или часть ее с тем, что находится на ней, до нужного момента урока.

Хорошие результаты дает работа с магнитной доской особенно в период обучения грамоте, а также и позже (на ней можно демонстрировать буквы, слова и целые предложения, картинки, таблицы и т.д.).

Для демонстрации диапозитивов, диафильмов, фильмов и эпифильмов (эпифильм - это серия открыток, рисунков, фотоснимков, объединенных сюжетно или тематически и проецируемых с помощью эпидиаскопа) необходим экран[5].

---

5 См., например: Mucica Teodor, Petrovici Minodora, Universul mijloacelor audiovizuale, Bucureşti, 1982, где специальные главы посвящены истории и применению в разных областях деятельности диапозитива, диафильма, кодоскопа, магнитофона, радио, кино, телевидения.

Больше внимания следует уделять работе с кодоскопом, который может заменить классную доску, позволяет проецировать любые рисунки или текст, выполненные заранее или же во время проецирования на прозрачной целофановой или полиэтиленовой пленке. На пленке можно делать записи, вставлять пропущенные буквы, морфемы, слова, знаки препинания тут же в классе. Проецирование делается, в увеличенном виде, на классную доску или на экран. Если изображение проецируется на доску, то задание может выполняться мелом прямо на доске. Все это делает кодоскоп "ценным средством управления подачей учебной визуальной информации"[6].

Важнейшим компонентом КИЯ должен быть книжный фонд: словари для учащихся, минимум научно-лингвистической литературы, журналы по специальности ("Limbile moderne în şcoală", "Русский язык за рубежом", "Русский язык в национальной школе", "Русский язык в школе") а также журналы по лингвистике, педагогике, психологии школьника и другие, трактующие общие вопросы лингводидактики и дидактики вообще, материалы для индивидуальных и дифференцированных занятий, для работы в кружках и для дидактических игр, журналы на румынском и русском языке, соответствующие профилю лицея, альбомы страноведческого характера и т.п.

КИЯ может стать важным фактором обмена опытом преподавания иностранных языков в школе, а в отдельных случаях, в данной местности. В КИЯ могут проводиться и обсуждаться открытые уроки с применением АВСО, должны находиться учебные программы, инструкции, доклады (или их копии), которые обсуждались на заседаниях методических комиссий, наиболее удачные методические разработки и развернутые планы трудных уроков и разделов программы, из которых нуждающиеся в помощи молодые преподаватели могли бы почерпнуть ценный опыт своих старших товарищей.

---

6 Тарве, В., Кодоскоп в УIII классе, "Русский язык в эстонской школе", I982, № 3, с. 27.

Важную мотивационную роль могли бы иметь выставки разного рода: лучших тетрадей, наиболее хороших сочинений, ложений, переводов на родной и на русский язык, выставки, посвященные отдельным историческим событиям, выставки по поводу юбилеев, включенных в календарь ЮНЕСКО и т.п.

Все "имущество" КИЯ изготовляется и накапливается постепенно заботой преподавателей иностранных языков с помощью дирекции школы, учеников и родительских комитетов. Часть аппаратуры может быть общей с кабинетами по другим дисциплинам.

Для учета, систематизации и научной организации труда учителей и учащихся, для быстрой ориентации в подборе материалов следует ввести картотеку, а в отдельных случаях, фонотеку и диатеку.

Кабинетная система обучения иностранным языкам помогает ученику превратиться из более или менее постороннего наблюдателя в активного участника-субъекта своего собственного образования. В то же время, благодаря АВСО, входящих в оборудование КИЯ, преподаватель со своим одним и тем же голосом, тембром и ритмом речи уже не единственный источник приобретения знаний учащимися, что в процессе овладения иностранным языком играет немаловажную роль.

Доказано, что при умелом использовании работы в КИЯ, учебный процесс интенсифицируется, в результате:

а) создания при помощи зрительной и слуховой наглядности речевой среды (известно, что результат развития речи зависит от образца для подражания);

б) активизации деятельности учащихся посредством их прямого контакта со зрительными и слуховыми моделями [7].

в) увеличения время говорения учащихся и продления их контакта со звучащей иноязычной средой;

г) мобилизации психических резервов учащихся, что облегчает

7 Щукин А.Н., Цит. произв., с. 69-70.

запоминание материала и снижает умственную и физическую утомляемость. Так, например, у слушателей, которым демонстрировались учебные кинофильмы, объем монологического высказывания увеличился в 2 - 2,5 раза, а количество грамматических ошибок снизилось в 2,3 раза[8].

Вследствие этих и других свежих данных следует отказаться, в равной мере, как от преувеличения роли АВСО, так и от скептического, а порой и вовсе отрицательного отношения к ним некоторых преподавателей.

Таким образом, учитывая важную роль кабинетов иностранных языков, а следовательно и языковой лаборатории как его составной части, перед ними следует ставить те методические задачи, которые они могут осуществлять, не принимать желательное за действительное, а оценивать их возможности трезво, объективно с тем, чтобы использовать максимально их учебный потенциал.

II. Языковая лаборатория как составная часть КИЯ

Интенсификация учебного процесса на уроках иностранных языков возможна лишь при комплексном использовании всех средств обучения, умелом сочетании традиции и новаторства.

Как правило, преподаватели всегда жалуются на нехватку урочного времени, из-за того, что значительная его часть уходит за тренировочные упражнения: ведь речевые умения переходят со временем в речевой навык только на основе постоянной тренировки. Следовательно, тренировка необходима, но как раз из-за ней остается сравнительно мало времени для творческих речевых упражнений. Между тем, время можно сэкономить за счет проведения тренировочных упражнений, предназначенных, например, для запоминания грамматических моделей и др.,

8 Кутузова Г.И., Использование кинофильмов в плане преемственности обучения русской речи иностранных учащихся подготовительных и основных факультетов, "Русский язык для студентов иностранцев", выпуск 19, Москва, 1980, с. 36.

в языковой лаборатории с соответствующей аппаратурой.

1. Оборудование ЯЛ.

В основном распространено три типа лингафонных устройств[9]:

а) аудиопассивное устройство, позволяющее проводить только упражнения в аудировании;

б) аудиоактивное устройство, позволяющее проводить упражнения в аудировании и говорении (одновременно могут говорить все ученики класса; в то же время, учитывая, что упражнения в говорении могут проводиться по нескольким обучающим программам параллельно, устройство делает возможной работу с элементами дифференцированного обучения);

в) аудиокомпаративное устройство, позволяющее также проводить упражнения в аудировании и говорении, но в то же время дает возможность ученику сравнивать свою речь, записанную на магнитную пленку, с образцовой, а преподавателю ввести индивидуализированное обучение (т.е. каждому ученику может предлагаться индивидуальная учебная программа). Это устройство предназначено больше для филфаков и краткосрочных интенсивных курсов.

В наших школах широко применяется аудиоактивное устройство "библиотечного" старого типа, и более нового "открытого типа", выпускаемое с 1981 г. предприятием "Didactica"[10],которое в данный момент оказывается самым адекватным и рентабельным.

2. Функции ЯЛ

а) Коммуникативная, практическая направленность обучения русскому языку предполагает обучение устной речи. Обучение же уст-

9 См.: Глускин В.М., Лингафон на уроке английского языка, 1978, с. 29-31.

10 См. Vescu Elisabeta, Probleme pedagogice privind dotarea cabinetului de limbi moderne, "Limbile moderne în şcoală", 1982, vol. I, c. 16-20.

ной речи немыслимо без выполнения устных упражнений, а любое устное упражнение, предлагаемое учителем на "классическом" уроке, выполняется вслух лишь одним из учеников. Только лингафонное устройство позволяет изменить это положение возможностью выполнения одновременно всеми учащимися одних и тех же (или дифференцированных) упражнений. Это позволяет увеличить время, отведенное на работу в классе или в КИЯ творческим речевым упражнениям, поддающимся в меньшей мере лабораторным штампам.

б) Устройства ЯЛ позволяют преподавателю предложить своим ученикам минимум 2-3 варианта устной программы (облегченный, обычный, усложненный) в зависимости от уровня знаний по русскому языку. Этим осуществляется на практике если не индивидуализация обучения, то по крайней мере ее дифференциация.

в) ЯЛ позволяет ввести в практику преподавания элементы программирования, когда материал вводится небольшими порциями, расположенными в строго логическом порядке[11].

г) ЯЛ помогает осуществить на практике принцип сочетания зрительной и звуковой наглядности: ученик не только видит слова, предложения, картинки, но и прослушивает аналогичный материал.

д) ЯЛ создает более благоприятные условия чем "классические" уроки для контроля над формированием речевых умений и навыков.

е) ЯЛ помогает улучшить качественно и количественно информацию, идущую от учителя к ученику, так как аппаратура, независимо от квалификации учителя, может представить ее всем учащимся в образцовом звучании при помощи заблаговременно отобранного языкового материала.

ё) Работа в ЯЛ компенсирует в какой-то мере отсутствие речевой среды, влияя на результаты обучения не только непосредственно,

---

11 Гурвич П.Б., Программирование коммуникативных упражнений для развития устной речи, "Иностранные языки в школе", 1973, № 5; Салистра И.Д., Вопросы программирования в учебном процессе по иностранному языку, Москва, 1977; Noveanu Eugen, Microprogramarea procesului de instruire. Obiective operaţionale şi evaluarea lor. Teză de doctorat, Iaşi, 1976.

но и опосредственно, путем мотивации. Достигается это "за счет повышения активности каждого из учеников и чувства удовлетворения от успешной практической деятельности, осуществляемой совместно с учителем и другими учениками"[12], а также немедленным подкреплением, находящимся в самом упражнении.

ж) Наконец, отметим и здесь ту большую помощь, которую может оказать ЯЛ самим преподавателям в поддержании и усовершенствовании своих языковых навыков путем постоянной тренировки на образцовых записях.

3. О характере лингафонных упражнений

Рекомендуется, чтобы лингафонные упражнения включались в систему традиционных, нелингафонных. Между первыми и вторыми должна быть полная согласованность. Не обязательно проводить лингафонные упражнения на каждом уроке: важно, чтобы они вошли органически в практику преподавания, как ее неотъемлемая часть. Такими упражнениями нельзя пренебрегать, но и не следует преувеличивать их роли, как это делалось в недалеком прошлом. Вписываясь гармонично в общую методику преподавания, они призваны восполнить некоторые пробелы в системе работы с традиционными упражнениями, которые допускают большую вариативность, но не могут решить всех вопросов лучше лингафонных (например, отработка произносительных навыков, интонационного контура различных языковых конструкций, речевого ритма, усвоение грамматических структур при помощи многократного их повторения и т.д.). Сочетаясь с традиционными, лингафонные упражнения призваны не только диверсифицировать приемы работы, что само собой уже немаловажно, но и делать их более интересными и эффективными. Поэтому с их помощью решаются такие учебные задачи, которые либо не могут выполняться без них, либо могут выполняться, но с меньшей степенью эффективности.

12 Глускин В.М., Цит. произв., с. 63.

Практика показывает, что лингафонные упражнения лучше выполнять до традиционных с целью подготовить класс к последним. В таких условиях "классические" упражнения должны носить речевой, коммуникативный характер.

Некоторые специалисты выдвигают определенные принципы, которые следует ставить в основу упражнений, предназначенных для лингафонного практикума: принцип устной основы обучения, принцип проблемности, принцип коммуникативности, принцип серийности и принцип слухового контроля и самокоррекции[13]. К ним мы бы добавили принцип контрастивности с целью предостережения учащихся от "объективных" языковых ошибок, допускаемых ими под влиянием родного языка.

При составлении лабораторных работ необходимо также помнить, что упражнения по грамматике должны включать только знакомый учащимся лексический материал, и, наоборот, упражнения по лексике должны включать только знакомый материал по грамматике.

Лингафонное упражнение должно давать учащимся все необходимые указания для его выполнения: а) ориентировку (например: "Внимание! Устное упражнение с новыми словами!"); б) инструкцию (например: "Слушайте и повторяйте!", "Слушайте и отвечайте!" и т.п.); в) сигнал об окончании упражнения ("Это все! Благодарю вас!")[14].

Хороших результатов можно добиться лишь тогда, когда преподаватель заблаговременно устанавливает логическое место каждого упражнения, разрабатывает его детали, использует рационально всякую минуту работы в ЯЛ.

Чтобы учащиеся работали быстро, они должны свыкнуться с аппаратурой, победить боязнь перед ней. Наиболее ощутимые результаты наблюдаются лишь после того, как аппаратура стала для них "своей", ког-

---

I3 Горчев А.Ю., Типовые задания для лингафонного практикума устной речи, Москва, I978.

I4 Гез И.И., Книга для учителя к учебнику немецкого языка для 9-I0 классов, Москва, I978, с. 75.

да они освоились с ее особенностями, научились быстро реагировать на стимул, ведут себя непринужденно. Вообще, лингафонную тренировку не рекомендуется прекращать. Она должна быть постоянной, иначе ученики вновь потеряют приобретенные ими навыки работы в ЯЛ.

III. Некоторые эффективные формы работы в КИЯ и ЯЛ

Перечисленные ниже формы работы не являются совсем новыми в практике преподавания иностранных языков. Тем не менее эти формы с трудом прокладывают себе дорогу в нашей школе, а некоторые из них вовсе не применяются из-за приверженности к традиционным приемам работы. Между тем, диверсификация в работе преподавателя является одним из средств устранения однообразности занятий и апатии определенной части учащихся, что, естественно, может влиять положительно на повышение эффективности преподавания.

При традиционных формах работы любое устное упражнение выполняется вслух лишь одним из учащихся класса. При фронтальной работе все ученики выполняют задание одновременно, но их деятельность основана на самоконтроле. Ведь нет возможности проверить деятельность каждого ученика, даже не можем точно знать все ли они работают, все ли готовы отвечать. Поэтому, хотя работа и совместна, она, по существу, остается индивидуальной.

К организационным формам работы, которые позволяют вовлекать всех учащихся в активную деятельность относятся[15]: хоровая работа (хоровое проговаривание, хоровое чтение и т.д.); одновременная работа всего класса, или массовая работа (слушание и проговаривание вполголоса за диктором, выполнение письменных упражнений, чтение про себя или чтение со словарем и т.д.); работа маленькими группами (когда класс делится на группы из 4-6 учеников, которые выполняют задания типа: Используя приведенные в таблице выражения, попросите...;

---

15 Рогова Г.В., Английский язык за два года. Книга для учителя. Москва, 1978, с. 8-II.

Выберите из скобок нужные обращения для следующих диалогов...); парная работа (на ней остановимся отдельно); индивидуальная работа (когда учащиеся выполняют подлинно речевые упражнения, применяя навыки, приобретенные в процессе тренировки).

Из перечисленных выше форм, одни выполняются в режиме учитель - ученик, другие в режиме ученик - ученик. Из этих последних остановимся на работе в парах, как менее практикуемый у нас, хотя ее можно организовать на всех этапах обучения: младшем, среднем и старшем, в обычном классе и в ЯЛ[16].

Для проведения такой формы работы учащиеся соединяются в пары: обычно, более успевающий ученик с менее успевающим. Могут также соединяться в пары и учащиеся, сидящие за одной партой. Работу следует хорошо продумать, приготовить соответствующий дидактический раздаточный материал (ДРМ), обеспечивающий обратную связь[17]. Естественно, материал составляется в соответствии с требованиями программы. Можно также приспособить некоторые упражнения из учебника. В этом случае выделяются графически контролирующая и исполнительская части. Для лучшего усвоения один и тот же материал учебника рекомендуется включать в разного рода упражнения с условием, чтобы они опирались на ДРМ.

Как правило, упражнения для работы в парах должны содержать четыре элемента: инструкцию, образец, стимул (задание) и ключ[18]. Это позволяет создать иллюзию общения на иностранном языке. Работа в парах подготавливается коллективной работой со всем классом и к ней

---

16 См.: Золотницкая С.П., Кузнецова Н.Н., Писаренко Е.В., Палат Е.С., Дидактический материал для парной работы в языковой лаборатории, "Иностранные языки в школе", 1973, № 1, где приводятся примерные карточки задания и даются ценные методические рекомендации по их использованию.

17 См.: Глускин В.М., Зильберг Л.И., Обратная связь и регулирование при работе в парах, "Иностранные языки в школе", 1964, № 4.

18 См.: Золотницкая С.П., Интенсификация учебного процесса на уроках французского языка, Москва, 1979, с. 35.

можно приступить лишь после того, как учащиеся усвоили материал и поняли характер работы по предложенной преподавателем схеме.

Если работа проходит в обычном классе, учитель ходит по рядам, следит за тем как выполняется задание и оказывает ученикам нужную помощь. Более успешно проходит работа в парах в ЯЛ, оборудованной лингафонной аппаратурой аудиоактивного типа, позволяющей учителю контролировать работу всех пар и вносить на месте соответствующие коррективы.

Из многочисленных видов упражнений при работе в парах выделяются следующие:[19]

I. Закрепление грамматики на упражнениях с ключом. Например, ученик А заполняет пропуски (предлогами, союзами, местоимениями), ставит окончания (глаголов, прилагательных, существительных), переводит с русского на румынский отдельные слова, а ученик В проверяет его по ключу. Затем ученики меняются ролями.

2. Опрос лексики. Ученик А спрашивает, опираясь на ключ-упражнение, а ученик В отвечает без зрительной опоры. Затем ученики меняются ролями. Такая работа походит на взаимоконтроль.

3. Чтение фонетически отработанного текста. Сначала следует внимательно отработать хором и индивидуально отрывок из данного текста. Затем ученик А читает, ученик В следит по тексту. Потом они меняются ролями. Такую работу хорошо проводить, например, перед контрольным чтением с целью увлечь всех учащихся в сжатый срок поупражняться в чтении.

---

19 См.: Бродская С.И., Виды упражнений при работе в парах на уроке иностранного языка, "Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. Выпуск I", Москва, 1968; Новицкая Т.М., Макеева В.М., Лабораторные работы. К учебнику английского языка для технических вузов, Москва, 1976; Золотницкая С.П., Цит. произв.; Калерин А.Б., Куклина В.В., Об одном из способов интенсификации урока иностранного языка в школе, "Иностранные языки в школе", 1974, № 4; Гурвич П.Б., Обучение ведению парного и группового диалога в школе, "Иностранные языки в школе",1973, № 5 и др.

4. Чтение фонетически отработанного диалога. Более сильный учащийся читает реплики более слабого; последний повторяет за первым. Затем читается в лицах весь диалог. Наконец, диалог воспроизводится каждым в отдельности наизусть. Это создает иллюзию непринужденного диалога между двумя друзьями.

5. Составление собственных микродиалогов по предложенной схеме и потом воспроизведение их наизусть. Ведь диалог - это наиболее естественное проявление устной речи. Приведем примеры таких диалогов с целью различения и усвоения глаголов <u>включить</u> и <u>выключить</u>.

- Можно включить свет?	- Можно выключить свет?
- Нет, еще видно.	- Да, пора идти спать.
- Можно включить радио?	- Можно выключить радио?
- Нет, сестра еще отдыхает.	- Да, пора готовить уроки.
- Можно включить телевизор?	- Можно выключить телевизор?
- Нет,передача начинается позже.	- Да, пора учить стихотворение.

6. Беседа по заранее отработанному вопроснику. Сначала отрабатывается со всем классом чтение вопросов и ответов, которые учащиеся должны хорошо запомнить. Потом им предлагается беседовать в парах варьируя выученные вопросы и ответы. Для того, чтобы придать диалогам более натуральный характер, учащимся можно предложить вести беседу на темы хорошо известные им. Можно также организовать "интервью": ученики расспрашивают друга о каком-нибудь известном всему классу событии, а тот отвечает на их вопросы.

7. Вопросы и ответы по тексту. Учитывая характер такого вида упражнений, его можно практиковать лишь после того, как учащиеся в состоянии строить вопросы различных типов. Они задают и отвечают на вопросы по тексту из учебника, по которому проверяется и правильность ответа. Естественно, начинает лучший ученик.

8. Обратный перевод. Ученик А читает предложение на русском языке. Ученик В переводит его на родной язык. Ученик А переводит его

на русский язык. Правильность перевода проверяется по учебнику или по ключу. Затем ученики меняются ролями.

9. Перевод с румынского на русский. Учащиеся поочередно переводят на русский язык предложения, которые даются им на родном языке и проверяют свою работу по ключу.

10. Пересказ отрывка близко к тексту. Ученик А рассказывает, ученик В проверяет. Затем они меняются ролями. Правильность изложения проверяется по тексту, который служит ключом, и должен быть, по очереди, перед глазами ученика-контролера.

Естественно, могут быть и многие другие виды упражнений для работы в парах. Все эти формы беседы, перевода и т.п. способствуют выработке самостоятельной речи диалогического и монологического характера без опоры на печатный текст, хотя сами они основываются на зрительную опору.

Как отмечают специалисты, работа в парах имеет много преимуществ, и совсем незначительные недостатки,[20] с которыми однако преподаватель должен считаться. Среди преимуществ перечисливаются: активизация класса, занятость каждого ученика, рост коэффициента полезности работы, увеличение продолжительности речевой тренировки каждого ученика, широкое использование диалогической формы речи (а язык существует в первую очередь как диалог!), рост интереса учащихся к занятиям (а следовательно и к языку). Все это стимулирует учащихся лучше готовиться к урокам, повышает их интерес к иностранному языку, так как они видят немедленно результаты своей работы. Среди недостатков отмечаются некоторые трудности в организации контроля со стороны преподавателя. Этот недочет можно устранить заблаговременным обеспечением учащихся необходимым материалом с ключем, что, следует признаться, требует высокой профессиональности, усиленного труда и преданности преподавательскому делу. Все это вознаг-

20 См.: Бродская С.И., Цит. произв., с. 24.

раждается достигнутыми положительными результатами учащихся.

Всегда надо помнить, что ученик может говорить на иностранном языке только на уроках. Не случайно этому вопросу уделяется большое внимание во многих работах, появившихся в последние годы[21]. Практика демонстрирует, что урок, как основная форма организации процесса обучения, должен бить увлекательным, интересным и в то же время до предела результативным. Ожидаемым результатам могут способствовать, кроме "обычных" дидактических приемов, хорошо налаженная деятельность в КИЯ и ЯЛ, как ее неотъемлемой части, гармоническое сочетание традиционных и современных приемов и форм работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Vescu Elisabeta, Probleme pedagogice privind dotarea cabinetului de limbi moderne, "Limbile moderne în şcoală", 1982, vol. I.
2. Вопросы оптимизации обучения иностранным языкам. Сборник статей, Минск, 1977.
3. Гурвич П.Б., Обучение ведению парного и группового диалога в школе, "Иностранные языки в школе", 1973, № 5.
4. Золотницкая С.П., Кузнецова Н.Н., Писаренко Е.В., Палет Е.С., Дидактический материал для парной работы в языковой лаборатории, "Иностранные языки в школе", 1973, № I.
5. Золотницкая С.П., Кабинет иностранного языка в общеобразовательной школе, "Иностранные языки в школе", 1974, № 4.
6. Золотницкая С.П., Интенсификация учебного процесса на уроках французского языка, Москва, 1979.
7. Липидус Б.А., Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи, Москва, 1970.
8. Щукин А.Н., Состояние и перспективы развития методики использования аудиовизуальных средств обучения русскому языку, "Русский язык за рубежом", 1982, № 2.

21 См.: Макарова Г.И., Парахина М.Ф., О путях интенсификации обучения иностранцев русскому языку, "Русский язык для студентов иностранцев. Сборник методических статей", Москва, 1971; Липидус Б.А., Интенсификация процесса обучения иноязычной устной речи, Москва, 1970; Вопросы оптимизации обучения иностранным языкам. Сборник статей, Минск, 1977 и мн. другие.

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Анатол Педестрашу

Неопределенные местоимения-существительные в современном русском языке - это разряд, состоящий из десяти слов: кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто, некто; что-то, что-нибудь, что-либо, кое-что и нечто. Эти слова образовались от местоимений кто и что при помощи частиц -то, -нибудь, -либо, кое- и не-. Местоимения с основой кто указывают на неопределенное, невыясненное, неуточненное лицо, в то время как слова с компонентом что обозначают неопределенный, неуточненный неодушевленный предмет. Следовательно, как неопределенное лицо, так и неуточненный предмет могут быть выражены в русском языке при помощи пяти разных слов:

кто-то кто-нибудь кто-либо кое-кто некто	неопределенное, неуточненное лицо (cineva)	что-то что-нибудь что-либо кое-что нечто	неопределенный, неуточненный предмет (ceva)

Слова, образованные от основ какой, который, чей и др. при помощи тех же частиц, являются местоименными неопределенными прилагательными. Неопределенные прилагательные с компонентами какой (какой-то, какой-нибудь, какой-либо, кое-какой), который (некоторый), а также некий указывают на неопределенный, неуточненный признак, в то время как прилагательные с основой чей (чей-то, чей-нибудь, чей-либо, кое-чей) указывают на принадлежность неопределенному, неуточненному, невыясненному лицу.

Неопределенность, выраженная неопределенными местоимениями-существительными и местоименными неопределенными прилагательными, зависит от частицы, при помощи которой данное местоимение или прилагательное образовалось. Эти частицы выражают разные степени

неопределенности, а в некоторых случаях одна и та же частица может иметь два, три или даже больше значений, выражая таким образом несколько степеней и оттенков неопределенности; к значениям, которые частицы придают неопределенным местоимениям и прилагательным, иногда присоединяются и разные лексические значения и оттенки.

Все это способствовало образованию в русском языке своеобразной и богатой системы неопределенных местоимений и прилагательных, способной выражать понятия "неопределенное лицо", "неопределенный предмет" и "неопределенный признак" с разными оттенками и добавочными значениями, в зависимости от степени неуточненности данного лица, предмета или признака.

Остановимся на основных значениях неопределенных местоимений и прилагательных.

I. Местоимения и прилагательные с частицей -то имеют следующие значения:

а) Предмет реально существующий, но который является неопределенным, неизвестным для говорящего[I].

"Во дворе кто-то громко закричал". În curte cineva începu să ţipe tare.

"В соседней комнате что-то гулко упало на пол". În camera vecină ceva căzu pe podea cu un zgomot surd.

"Она принесла детям какую-то новую книгу". Ea le-a adus copiilor o carte nouă.

"Мы отчетливо услышали на лестнице чьи-то осторожные шаги". Am auzit distinct pe scară nişte paşi prudenţi (paşii prudenţi ai cuiva).

б) Предмет, который был когда-то известным говорящему, но который в момент речи является неопре-

I Мы называем условно "неопределенным предметом" все значения, выраженные данными местоимениями и прилагательными, а именно: неопределенный неодушевленный предмет, неопределенное лицо, неопределенный признак, принадлежность неопределенному лицу.

д е л е н н ы м, так как говорящий не помнит точно о каком именно предмете идет речь.

"Потом он меня с кем-то познакомил". Apoi mi-a făcut cunoştinţă cu cineva.

"Мне что-то рассказывали в прошлом году об этой стройке". Mi s-a povestit ceva anul trecut despre acest şantier.

"Потом какой-то местный поэт читал нам свои стихи". Apoi un poet local ne-a citit din versurile sale.

2. Местоимения и прилагательные с частицей -нибудь могут иметь следующие значения:

а) Один из существующих предметов, не определенный говорящим, один из целой группы однородных предметов, пока еще н е в ы б р а н н ы й говорящим лицом.

"В связи с этим я должен посоветоваться с кем-нибудь". În legătură cu aceasta trebuie să mă sfătuiesc cu cineva.

"Надо пойти в "Гастроном" и купить что-нибудь на ужин". Trebuie să mă duc la "Alimentara" şi să cumpăr ceva pentru masa de seară.

"Я решил на будущий год выписать какой-нибудь литературный журнал". Am hotărît să mă abonez pentru anul viitor la o revistă literară.

б) Один из существующих предметов, б е з р а з л и ч н о к а к о й именно (со значением "любой", "безразлично кто", "безразлично что", "безразлично какой", "безразлично чей").

"Пусть кто-нибудь принесет стакан воды" (любой из вас, любой из присутствующих). Să aducă cineva un pahar de apă (oricine, indiferent cine).

"Расскажите нам что-нибудь интересное". Povestiţi-ne ceva interesant.

"Прочитай нам какое-нибудь стихотворение". Recită-ne o poezie (o poezie oarecare).

"У тебя нет с собой своего зонтика? В таком случае тебе придется взять чей-нибудь чужой". N-ai la tine umbrela ta? În cazul acesta va trebui să iei una străină.

Значения а) и б) обычно связаны с будущим, желательным, предполагаемым и т.д. действием, поэтому данные местоимения употребляются очень часто в предложениях, сказуемое которых выражено глаголом в форме будущего времени, сослагательного или повелительного наклонения, а также в условных, вопросительных, побудительных и т.д. предложениях. Например:

"Когда будешь покупать что-нибудь в магазине "Космос", не забывай, что моя квартира находится напротив магазина, и заходи ко мне" (будущее время). Cînd vei cumpăra ceva de la magazinul "Cosmos", nu uita că apartamentul meu se află vizavi de magazin şi fă-mi o vizită.

"Хотелось бы посоветоваться с кем-нибудь по этому вопросу" (сослагательное наклонение). Aş vrea să mă sfătuiesc cu cineva în această problemă.

"Спойте нам какой-нибудь стариный романс! (повелительное наклонение). Cîntaţi-ne o veche romanţă!

"Ты видел кого-нибудь из наших знакомых в театре?" (вопросительное предложение) Ai văzut la teatru pe cineva dintre cunoştinţele noastre?

"Если кто-нибудь хочет нам что-нибудь рассказать о своей работе, мы прослушаем с большим интересом его выступление" (условное предложение). Dacă cineva vrea să ne povestească ceva despre munca sa, vom asculta cu mult interes luarea sa de cuvînt.

в) Когда идет речь о повторяющихся действиях, местоимения с частицей -нибудь могут указывать на один из однородных неопределенных предметов, в с я к и й р а з к а к о й - н и б у д ь д р у г о й.

"Когда кто-нибудь к нему подходил, он вставал и вежливо кланялся". Cînd se apropia cineva, el se ridica în picioare și saluta respectuos.

"Когда он чем-нибудь недоволен, его лучше избегать". Cînd nu-i mulțumit de ceva, e mai bine să-l eviți.

"За обедом он всегда выпивал стакан какого-нибудь фруктового сока". La masă el totdeauna bea cîte un pahar de suc de fructe.

"В своих книгах он всегда что-то подчеркивал карандашом, но никогда этого не делал, когда читал чью-нибудь чужую книгу". În cărțile sale el sublinia mereu ceva, cu creionul, nu o făcea însă niciodată atunci cînd citea o (vreo) carte străină.

г) По крайней мере один из однородных неопределенных предметов, хотя бы один из неуточненных предметов, о которых идет речь.

"Она была убеждена, что в конце концов найдется кто-нибудь, кто отнесется доброжелательно к ее идее". Ea era convinsă că pînă la urmă se va găsi cineva care să aibă o atitudine binevoitoare față de ideea ei.

"Не знаю, нашли ли вы что-нибудь полезное для вас в моей статье". Nu știu dacă ați găsit ceva util pentru dv. în articolul meu.

"Просмотри все эти журналы; может быть в каком-нибудь из них найдешь то, что тебя интересует". Răsfoiește toate aceste reviste; poate că în vreuna din ele vei găsi ceea ce te interesează.

д) Местоимения кто-нибудь и что-нибудь могут указывать на незначительный, мало известный, ничем не замечательный, не имеющий существенного, важного значения предмет.

"Они ждали не кого-нибудь, а самого генерала". Îl așteptau nu pe te miri cine, ci pe însuși generalul.

"Привез он мне не <u>что-нибудь</u>, а то, о чем я мечтал уже несколько лет: новенький велосипед". Mi-a adus nu <u>te miri ce</u>, ci un lucru pe care-l visam de cîţiva ani: o bicicletă nou-nouţă.

е) Прилагательное <u>какой-нибудь</u> может указывать на незначительность количества.

"До города оставалось <u>каких-нибудь</u> десять километров". Pînă la oraş rămăseseră <u>doar vreo</u> zece kilometri.

"Денег у нас было мало, всего <u>каких-нибудь</u> пять рублей". Aveam bani puţini, una peste alta <u>vreo</u> cinci ruble.

3. Местоимения и прилагательные с частицей -<u>либо</u>, по мнению большинства исследователей, являются синонимами слов, образованных при помощи частицы -<u>нибудь</u>. Между ними существует не лексическая разница, считают эти исследователи, а стилистическая: в то время как слова с частицей -<u>либо</u> употребляются в книжном стиле, местоимения на -<u>нибудь</u> присущи разговорной, непринужденной речи. Этому же именно придерживаются и некоторые авторы лексикографических работ русского языка.

Однако более внимательный и детальный анализ этих слов выявляет и некоторые лексические расхождения.

Первые три значения местоимений на -<u>нибудь</u> совпадают со значениями слов, образованных при помощи частицы -<u>либо</u>:

а) Один из неопределенных предметов, пока еще не выбранный говорящим.

"Необходимо, чтобы <u>кто-либо</u> (<u>кто-нибудь</u>) сходил срочно к врачу". E necesar ca <u>cineva</u> să se ducă urgent la medic.

"В реферат надо включить <u>что-либо</u> (<u>что-нибудь</u>) более существенное". Trebuie inclus în referat <u>ceva</u> mai substanţial.

б) Один из неопределенных предметов, безразлично какой именно.

"Он вежливо поинтересовался, есть ли у кого-либо (у кого-нибудь) из присутствующих спички". S-a interesat politicos dacă cineva dintre cei prezenţi are chibrituri.

"На литературном вечере мы надеемся услышать что-либо (что-нибудь) из ваших воспоминаний". La serata literară sperăm să auzim ceva (cîte ceva) din amintirile dv.

в) Неопределенный предмет, о котором идет речь при повторяющихся действиях, но каждый раз какой-нибудь другой.

"Когда кто-либо (кто-нибудь) из сотрудников не сдавал работу в назначенный срок, Генадий Петрович подробно интересовался о причинах опоздания". Cînd cineva (vreunul) dintre colaboratori nu prezenta lucrarea în termenul stabilit, Ghenadi Petrovici se interesa amănunţit cu privire la cauzele întîrzierii.

"Всякий раз, когда что-либо (что-нибудь) мешало ему сосредоточиться, он нервно шагал по комнате". De fiecare dată cînd ceva îl împiedica să se concentreze, el se plimba nervos prin cameră.

г) Кроме этих трех случаев, когда местоимения с частицами -либо и -нибудь имеют общее значение, местоимения на -либо могут выступать в значении ни один из неопределенных предметов, никакой из ряда однородных неуточненных предметов. В данном случае неопределенные местоимения употребляются обычно в отрицательных предложениях и приближаются по значению к отрицательным местоимениям никто и ничто.

"После всего этого не вздумай, пожалуйста, кого-либо винить, кроме самого себя". După toate acestea, să nu-ţi treacă prin cap să dai vina pe altcineva, ci doar pe tine.

"Было невозможно увидеть что-либо через такой высокий забор". Era imposibil să zărești ceva dincolo de un gard atît de înalt.

4. Местоимения и прилагательные с частицей кое- имеют следующие значения:

а) Предмет, неизвестный собеседнику, но известный говорящему. Указанные слова употребляются в этом значении в тех случаях, когда говорящий знает о каком именно предмете идет речь (или же имеет кое-какие сведения о нем), но желает, чтобы данные об этом предмете остались неизвестными для слушающего.

В этом значении местоимения и прилагательные с частицей кое- могут указывать либо на один предмет, либо на несколько однородных предметов.

"Кое-кто не был согласен с твоим предложением". Cîte unii (unii; cîte cineva) n-au fost de acord cu propunerea ta.

"Заходи ко мне, я тебе хочу кое-что показать". Treci pe la mine, vreau să-ţi arăt ceva.

"В связи с этим вопросом у меня тоже есть кое-какие соображения". În legătură cu această problemă, am şi eu unele păreri.

б) Не все существующие предметы, а часть неопределенных предметов, некоторые из них. В этом случае местоимения кое-кто и кое-что близки по значению к неопределенному прилагательному некоторый.

"Нет возможности послать всех на курорт, придется кое-кому отказать". Nu avem posibilitatea de a-i trimite pe toţi în staţiune, va trebui să-i refuzăm pe unii dintre ei.

"Доклад его, вместо часа, продолжался всего сорок минут: видно, он опустил кое-что при чтении". Referatul lui, în loc să ţină o oră, a durat doar patruzeci de minute: se vede treaba că el a omis cîte ceva atunci cînd l-a citit.

"Кое в каких селах уже начали уборку урожая". În unele sate a început strînsul recoltei.

в) Прилагательное кое-какой может иметь значение "неважный", "плохонький".

"Вид у него был жалкий, одежда была кое-какая". Avea o înfăţişare jalnică, hainele îi erau ponosite (într-o stare de plîns).

Местоимения и прилагательные с частицей кое- допускают постановку предлога между частицей и основой: поговорить кое с кем, быть кое у кого, получить кое от кого, отказаться кое от чего, встретиться кое с какими друзьями, побывать кое в каких деревнях.

5. Местоимения с частицей не (некто и нечто) носят книжный характер и имеют всегда при себе определения. Эти местоимения употребляются только в именительном и в винительном падеже и могут иметь следующие значения:

а) Неопределенный, но р е а л ь н о с у щ е с т в у ю щ и й предмет. С этим же значением употребляются и местоимения с частицей -то.

"У калитки остановился некто (кто-то) в черном пальто". La poartă s-a oprit cineva într-un palton negru.

"Вместо ответа он процедил сквозь зубы нечто (что-то) непонятное и быстро вышел". În loc de răspuns el strecură printre dinţi ceva neintiligibil şi ieşi în grabă.

Местоимения с частицей -то употребляются как с определением, так и без определения (вошел кто-то, вошел кто-то в очках; что-то случилось, случилось что-то странное), в то время как слова с частицей не употребляются только с определением: вошел некто в очках, случилось нечто довольно странное.

б) Местоимение некто, употребляемое вместо с собственными именами-названиями лиц, обозначает м а л о и з в е с т н о е, н е з н а ч и т е л ь н о е, ничем не замечательное лицо.

"Работал у нас на заводе некто Пономарев". La noi la uzină a lucrat unul Ponomariov.

"К нам присоединился некто Птицын, бывший актер". Ni s-a alăturat unul oarecare Ptiţîn, un fost actor.

в) Неопределенное прилагательное некий употребляется в ...ной речи и является устаревшим. Это прилагательное может стоять при нарицательных существительных, указывая на то, что речь идет о неопределенном, но р е а л ь н о с у щ е с т в у ю щ е м предмете (и приближаясь по значению к прилагательному какой-то).

"В клуб приехал некий (какой-то) скульптор". La club a sosit un sculptor.

г) Прилагательное некий может стоять при собственных именах, указывая на н е з н а ч и т е л ь н о е, м а л о и з в е с т н о е, точно не известное лицо. (В этом же значении употребляется и местоимение некто).

"После обеда к тебе заходил некий (некто) Бегунов". După masă a trecut pe la tine unul (unul oarecare) Begunov.

д) Прилагательное некоторый близко по своему значению к слову какой-то (а иногда и к прилагательному некий), указывая на точно не определенный, не выясненный, но р е а л ь н о с у щ е с т в у ю щ и й предмет.

"Мне кажется, что он в некоторой (какой-то) мере прав". Mi se pare că el are dreptate într-o oarecare măsură.

е) Прилагательное некоторый (так же, как и местоимение кое-кто) может выражать неполноту явлений, частичный охват предметов, указывая, что речь идет н е о в с е х п р е д м е т а х, а т о л ь к о о ч а с т и с у щ е с т в у ю щ и х предметов.

"В некоторых (кое в каких) районах приближаются к концу озимые посевы". În unele raioane semănăturile de toamnă se apropie de sfîrşit.

Изложенный выше материал позволяет нам сделать вывод, что среди неопределенных местоимений и прилагательных существует ряд синоними-

ческих пар. Эти пары следующие:

I. Кто-то = некто (неопределенный, но реально существующий предмет): Перед окном остановился кто-то (некто) в серой шляпе.

2. Кто-нибудь = кто-либо (неопределенный, еще не выбранный предмет): Надо обратиться за помощью к кому-нибудь (к кому-либо) из друзей.

3. Кто-нибудь = кто-либо (безразлично какой неопределенный предмет, любой): Вам дать что-нибудь (что-либо) из произведений современных прозаиков?

4. Кто-нибудь = кто-либо (неопределенный предмет, всякий раз какой-нибудь другой): Когда встречает в книгах какую-нибудь (какую-либо) незнакомую пословицу, он ее записывает в специальную тетрадь.

5. Кое-кто = некоторые (не все предметы, а часть существующих предметов): Кое-кто из товарищей сомневался (некоторые товарищи сомневались) в успехе его испытаний.

6. Некто = некий (незначительное, мало известное лицо): Был там также и некто (некий) Воронин.

7. Некий = какой-то (неопределенный, но реально существующий): Приехал некий (какой-то) писатель.

8. Некоторый = какой-то (неопределенный, но реально существующий предмет): В некоторой (какой-то) степени он сам понимает, что идет не в том направлении.

УПРАЖНЕНИЯ

I. Вставьте вместо точек частицу -то или -нибудь.

I. Приведи в порядок комнату, каждую минуту кто-... может войти. Вот уже, кажется, кто-... стучит в дверь. 2. Если кто-... помог бы ей, она кончила бы работу в конце прошлого месяца. 3. Все рабочие стояли вокруг мастера и оживленно о чем-... говорили. 4. Экскурсанты решили остановиться на какой-... поляне и отдохнуть.

5. Вернувшись домой, он спросил, звонил ли ему кто-... . Ольга ответила, что в четыре часа кто-... звонил. 6. Споем какую-... веселую песенку! 7. Она о чем-... рассказывает, и все внимательно слушают ее. Вообще, когда она о чем-... рассказывает, все слушают с большим интересом ее рассказы. 8. Пусть кто-... откроет окно, здесь душно. 9. У меня есть два лишних билета. Хочет ли кто-... пойти сегодня вечером на концерт? Ю. Кто-... стучит в дверь. Пусть кто-.. пойдет и посмотрит, кто там стучит.

2. Вставьте вместо точек местоимение кто-то или кто-нибудь в требуемой форме. Обратите внимание на тот факт, что местоимение с частицей -нибудь используется чаще всего в побудительных, вопросительных, условных предложениях, а также в предложениях, сказуемое которых выражено глаголом в форме будущего времени.

I. ... знает, где живет Саша? 2. Если ... позвонит мне, скажи, что я ушел на стадион. 3. Мы слышали, как ... вошел в коридор и остановился перед нашей дверью. 4. Мне сказали, что Ирина больна. Блы ли ... из вас у нее? 5. ... поставил на стол вазу с красными тюльпанами. 6. Пошли быстро ... в аптеку за лекарством! 7. Завтра после обеда я пойду на выставку, а на обратном пути зайду к ... из друзей. 8. Как только ты ушел из дому, тебе ... позвонил. 9. Попросите, чтобы ... принес стакан воды. Ю. Если ... не хочет продолжать путь, мы можем остановиться здесь.

3. Вставьте вместо точек одно из неопределенных местоимений и прилагательных: кто-то, кто-нибудь, что-то, что-нибудь, какой-то, какой-нибудь, чей-то, чей-нибудь в требуемой форме.

I. Было слышно, как шуршали сухие листья под ... ногами. 2. Каждое воскресенье Андрей уходил к ... из своих друзей. 3. Она очень плохо выглядит, мне сказали, что она ... больна. 4. В столовой за столом сидели и пили чай ... незнакомые люди. 5. Когда поезд останавливался на ... станции, он выходил из вагона и покупал

фрукты. 6. Калитка открылась, и ... вошел во двор. 7. Дима сказал, что закончит работу в срок, если ему ... не помешает. 8. Она не могла оставаться равнодушной, когда слышала... плач. 9. Если ... придет, скажи ему, что я вернусь через два часа. 10. Смотрите! ... забыл в парке на скамейке свой зонтик!

4. Замените выделенные слова неопределенными местоимениями и прилагательными с частицей кое- (кое-кто, кое-что, кое-какой), изменяя там, где это является необходимым, структуру предложения.

1. Здесь он встретил некоторых своих товарищей. 2. Мы думали, что читальный зал пустой, но там на столах было еще немного книг. 3. На фабрике журналист уже побеседовал с некоторыми рабочими. 4. Здесь некоторые вещи придется заменить. 5. Осталось сделать еще немного покупок. 6. У него по воскресеньям обычно обедали некоторые знакомые и друзья. 7. Мы уже видели некоторые достопримечательности вашего прекрасного города. 8. Хотя ночь была темной, некоторые предметы можно было рассмотреть в темноте. 9. В доме осталось еще немного мебели. 10. Я прочитал некоторые стихотворения из этого томика.

5. Переведите на русский язык слова, данные в скобках, используя неопределенное прилагательное некоторый в требуемой форме.

1. На собрании говорили и о (unele) его недочетах. 2. (o oarecare) часть пути экскурсанты шли молча. 3. Через (cîtva) время из-за изгиба реки показался теплоход. 4. (O anumită) часть жителей деревни не будет с этим согласна. 5. Она сказала, что прочитала (unele) рассказы Паустовского. 6. Об этом он уже поговорил с (unii) рабочими. 7. На литературном вечере поэт прочитал (unele) свои новые стихотворения. 8. (Cîtva) время наш путь был не очень трудным. 9. Спортивное соревнование началось в десять часов, но (unii) из участников не пришли вовремя. 10. В своем выступлении главный инженер коснулся (unele) очень важных вопросов производства.

6. Вставьте вместо точек соответствующее по смыслу неопределенное местоимение или прилагательное.

Однажды вечером мы возвращались с охоты. В темноте не было видно дороги, и мы заблудились. Мы перешли ... незнакомый ручей и вышли на заросшую дорогу. Мы не знали, куда она нас приведет, но пошли по ней, надеясь выйти к ... деревне.

Через ... время показались огоньки: это была, несомненно, ... деревня. Мы ускорили шаг. Мы решили переночевать в ... крестьянском доме. Подойдя к одному из домов, мы вошли во двор. Споткнувшись обо ... невысокое и твердое, торчавшее посреди двора ("... пень или кусок ... бревна", - проворчал сердито Сергей Павлович, шедший впереди меня), мы подошли к двери и постучали. Никто не ответил. Мы постучали еще раз. Наконец за дверью послышались ... шаги, и ... открыл дверь. Это была старуха с сонными, мелко мигающими глазами.

ЛИТЕРАТУРА

Битехтина, Г.А., Употребление местоимений, изд-во Московского университета, 1967.

Галкина-Федорук, Е.М., Выражение неопределенности в русском языке неопределенными местоимениями и наречиями, в книге "Вопросы стилистики", изд-во Московского университета, 1966.

Дементьев, А., Употребление некоторых местоимений и наречий, Русский язык в национальной школе, 1965, I.

Маловицкий, Л.Я., О синонимии местоимений, Русский язык в школе, 1969, 4.

Педестрашу, А., Indeterminerea exprimată de pronumele nedefinite formate de la kto şi čto, Limbile moderne în şcoală, I, Bucureşti, 1974.

Педестрашу, А., К вопросу о преподавании неопределенных местоимений и наречий студентам-румынам, Русский язык за рубежом, 1973, I.

Розенталь, Д.Э., Практическая стилистика русского языка, Москва, 1965.

Селиверстова, О.Н., Опыт семантического анализа слов типа все и типа кто-нибудь, Вопросы языкознания, 1964, 4.

Сергеев, Ф., Значение и употребление неопределенных местоимений, образованных при помощи частиц кое-, -то, -нибудь (-либо), Русский язык в национальной школе, 1959, I.

Фурсенко, Д.И., О разграничении значений и условиях употребления неопределенных местоимений в современном русском языке, в сборнике "Материалы восьмого и девятого международных методических семинаров преподавателей русского языка стран социализма", Изд - во Московского университета, 1969.

Червенкова, И., Неопределенные местоимения на -нибудь и -либо, Русский язык в школе, 1961, 2.

ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ РУМЫНСКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ

Ромео Кивеску

I. Причастие как особая форма русского глагола, имеющая признаки и глагола, и прилагательного, образует вместе с зависящими от него словами - дополнениями или обстоятельствами - специфическую конструкцию, называющуюся причастным оборотом[I].

Входящие в эти конструкции причастия различны с точки зрения залога, вида и времени, к которым относятся глаголы, от которых они образуются. Точнее, несмотря на это различие, все причастия русского глагола способны образовать причастный оборот[2].

Эту способность придает им двойной характер соотносительности:

а/ С именами прилагательными[3], и в этом качестве они согласуются с определяемым словом в роде, числе и падеже; напр.:

Развиваются действия, способствующие широкому применению технического прогресса. 'Iau amploare acțiunile care favorizează larga introducere a progresului tehnic'[x].

Работающий в Констанце друг часто пишет мне. 'Prietenul care lucrează în Constanța îmi scrie des'.

б/ С глаголами, от которых сохраняют залог, вид, время и управление; напр.:

Соревнование, развернувшееся между цехами нового завода, дало хорошие трудовые результаты. 'Întrecerea care

---

I См., напр., Н.Н.Прокопович, Синтаксис причастия в кн.: Вопросы синтаксиса русского языка, М., "Высшая школа", 1974, с. 156-244; В.М.Троицкая, Приемы практического усвоения причастных и деепричастных оборотов, РЯШ, 1962, I, с. 90-94.

2 См. об этом шире И.К.Сазонова, Причастие в системе частей речи и лексико-семантическая деривация, ВЯ, 1975, 6, с. 87-99.

3 Современный русский язык, М., Изд-ство Московского государственного университета, 1964, с. 178-186. Имеется в виду прежде всего связь причастий с прилагательными с функциональной точки зрения.

[x] Здесь и дальше примеры из печати. Перевод наш.

s - a d e s f ă ş u r a t între secţiile noii uzine a dat rezultate bune în muncă.'

или: Соревнование, р а з в е р н у т о е цехами нового завода, дало хорошие трудовые результаты. 'Intrecerea d e s f ă ş u r a t ă de secţiile noii uzine a dat rezultate bune în muncă '.

I.I. Следует, как нам кажется, уточнить, что причастный оборот как особая конструкция существует и функционирует в русском предложении благодаря именно этому двойному характеру соотносительности с прилагательными и глаголами. Далее можно подчеркнуть, что он функционирует тольуо в непосредственном соотношении с определяемым словом, что причастного оборота как обстрактной, виртуальной конструкции не существует.

В целях контрастивного подхода к причастным оборотам считаем целесообразным сгруппировать причастия по трем указанным выше критериям - залогу, виду и времени. Так, мы различаем пять типов причастий[4]:

I причастие действительного залога несовершенного вида настоящего времени: <u>читающий</u>	'care citeşte';
2 причастие действительного залога несовершенного вида прошедшего времени: <u>читавший</u>	'care citea';
3 причастие действительного залога совершенного вида прошедшего времени: <u>прочитавший</u>	'care a citit';
4 причастие страдательного залога несовершенного вида настоящего времени: <u>читаемый</u>	'citit', 'care este citit';
5 причастие страдательного залога совершенного вида прошедшего времени: <u>прочитанный</u>	'citit', 'care a fost citit'.

Следует отметить, что образованные указанными типами причастий обороты могут стоять как правило, <u>после определяемого слова</u>, и

---

4 См. такое выделение причастий в кн.: Romeo Chivescu, Andrei Ivanov, Siegfried Wolf, <u>Dicţionar rus-român de structuri verbale, Bucureşti</u>, "Albatros", 1983, где при каждом глаголе-заглавном слове приводятся возможные причастия под цифры /I, 2, 3, 4, 5/.

в этом случае они выделяются запятыми, а также до определяемого слова, причем в таком положении они не выделяются запятыми. Ср.:

а/ Внедрение роботов с числовым управлением, о с в о б о ж д а ю щ и х человека от трудных операций, содействует значительному росту производительности труда. 'Introducerea roboţilor cu comandă digitală, c a r e e l i b e r e a z ă omul de operaţiuni grele, contribuie la creşterea considerabilă a productivităţii muncii'.

б/ Внедрение о с в о б о ж д а ю щ и х человека от трудных операций роботов с числовым управлением содействует значительному росту производительности труда. 'Introducerea roboţilor . . .i d e m'.

2. К русским причастиям и, следовательно, к причастным оборотам в румынском языке можно подбирать р а з н о о б р а з н ы е с р е д с т в а: как непосредственные эквиваленты-причастия и сопровождающие их конструкции, так и другие эквиваленты, которые "интерпретируют" значение причастий в причастном обороте.

2.I. Непосредственные румынские эквиваленты существуют в принципе к страдательным причастиям /4, 5/[5] и, соответственно, к оборотам, в которые они включаются. Ср.:

Книги, в ы п у с к а е м ы е молодежным издательством, очень интересны. 'Cărţile s c o a s e de editura pentru tineret sînt foarte interesante'.

выпускаемые - scoase

или: Книги, в ы п у щ е н н ы е в этом году молодежным издательством, очень интересны. 'Cărţile s c o a s e în acest an de editura pentru tineret sînt foarte interesante'.

выпущенные - scoase

В связи с румынскими эквивалентами к вышеприведенным русским причастным оборотам и причастиям надо сделать ряд уточнений:

---

5 Здесь и далее имеющиеся в виду русские причастия будут отмечены цифровыми символами, приведенными раньше для данных причастных форм.

а/ румынское причастие scoase является формальным с грамматической точки зрения эквивалентом к обоим русским причастиям - выпускаемые, выпущенные;

б/ в русских причастиях связь между залогом, видом и временем выражается формально различными суффиксами, отличающими один тип причастия от другого, в то время как в румынском причастии выражается залог - страдательный -, а соотношение значения незаконченности/продолжительности/законченности действия и времени формально не выражается, причем оно вытекает из контекста;

в/ подразумеваемое, контекстуальное значение румынских эквивалентов может быть выражено и эксплицитно благодаря способности румынского причастия выступать в конструкциях со значением настоящего или прошедшего времени, являющихся уже предложениями, а именно придаточными определительными; напр.:

'Cărţile care sînt scoase de editura pentru tineret sînt foarte interesante '.

выпускаемые - care sînt scoase

и: 'Cărţile care au fost scoase de editura pentru tineret sînt foarte interesante.'.

выпущенные - care au fost scoase

Как можно видеть, при подборе этих последних румынских эквивалентов соотношение продолжительности - 'care sînt scoase' - и законченности - 'care au fost scoase' - действия явно выражаются, правда, не только причастной формой, а прежде всего перифрастически.

Другими словами, к русским причастным оборотам с страдательными причастиями /4, 5/ можно определять двойные эквивалентные варианты, которые обозначаются и на схеме № I:

2.2. Вышесказанные соображения надо иметь в виду при передаче румынских конструкций с причастием на русский язык. Одинаковая форма

Схема № I

Русский язык	Румынский язык
Страдательное причастие	
/4/ выпускаемый	а/ причастие: scos б/ придаточное определительное предложение: care este scos
/5/ выпущенный	а/ причастие: scos б/ придаточное определительное предложение: care a fost scos

причастия[6], подбираемая к различным русским причастиям, и вызывает некоторые трудности, носящие в этом плане обсуждения объективный характер. Поэтому всегда надо знать контекстуальное время прохождения действия, подразумеваемого причастием в румынском. Вот несколько примеров:

Muzeele frecventate de mine îmi îmbogăţesc cunoştinţele despre dezvoltarea materială şi spirituală a capitalei.

В этом простом предложении конструкцию с причастием: muzeele frecventate de mine надо понять контекстуально, то есть: muzeele pe care eu le frecventez , причем тут есть и форма îmbogăţesc , которая обозначает продолжительность, незаконченность действия. Следовательно, у нас есть критерии, обязывающие нас употребить здесь при передаче на русский форму страдательного причастия настоящего времени /4/:

'Музеи, посещаемые мною, обогащают мои знания о мате-

---

6 См. подробнее о румынском причастии Gramatica limbii române, vol. I, ed. a II-a revăzută şi adăugită, coordonatori - acad. Al.Graur, Mioara Avram, Laura Vasiliu, Editura Academiei, 1963, capitolul Verbul (Laura Vasiliu), p. 267-268.

риальном и духовном развитии столицы.'

В приведенном румынском предложении достаточно заменить форму настоящего времени сказуемого формой прошедшего времени, чтобы получить уже возможность и необходимость подбора в русском варианте страдательного причастия /5/. Ср.:

Muzeele frecventate de mine mi-au îmbogățit cunoștințele despre dezvoltarea materială și spirituală a capitalei.

Благодаря форме au îmbogățit конструкцию с причастием frecventate de mine надо понять: pe care eu le-am frecventat, т.е. обнаружить значение законченности действия. В этом случае русский вариант будет включать причастный оборот с причастной формой типа /5/:

'Музеи, посещенные мною, обогатили мои знания о материальном и духовном развитии столицы.'

Однако при всем сказанном следует выделить еще один момент. Если в качестве сказуемого румынского предложения употребим форму имперфекта, то, хотя в румынском варианте и фигурирует конструкция с причастием, в русском же варианте больше н е л ь з я использовать причастного оборота. А это по двум причинам:

а/ действие не закончено;

б/ русское страдательное причастие не соотносится в прошедшем времени со значением незаконченности действия. Поэтому к румынскому варианту с имперфектом в роли сказуемого предложения, содержащего конструкцию с причастием:

Muzeele frecventate de mine îmi îmbogățeau cunoștințele despre dezvoltarea materială și spirituală a capitalei.

можно определить следующий русский вариант:

'Музеи, которые я посещал, обогащали мои знания о материальном и духовном развитии столицы.'

Обсуждаемые здесь положения можно показать и на схеме /см. схему № 2/:

Схема № 2

Румынский язык	Русский язык
а/ причастие + сказ. в наст. вр. frecventate - îmbogăţesc	а/ причастие + сказ. в наст. вр. посещаемые - обогащают
б/ причастие + перфект в роли сказ. frecventate - au îmbogăţit	б/ причастие + прош. вр. гл. сов. в. в роли сказ. посещенные - обогатили
в/ причастие + имперфект в роли сказ. frecventate - îmbogăţeau	в/ придат. предл. + прош. вр. гл. несов. в. в роли сказ. главн.предл. ..., которые я посещал, + обогащали ...

Как видно, в румынских вариантах, независимо от смыслового соотношения между причастием и глагольной формой сказуемого, форма причастия не изменяется. В русских же вариантах данное соотношение обеспечивается и формально, путем употребления различных причастных форм или даже придаточного определительного предложения.

Употребление имперфекта в роли сказуемого при наличии причастия в румынском предложении, согласно положению в/ в схеме № 2, может быть эквивалентом и для русских предложений, в которых причастный оборот содержит причастие /5/, а в роли сказуемого выступает форма прошедшего времени глагола несовершенного вида. Ср.:

Газеты, к у п л е н н ы е братом на вокзале, оставались единственным источником для получения новостей. 'Ziarele c u m - p ă r a t e de fratele meu în gară rămîneau singura sursă de aflare a noutăţilor '.

2.3. Как мы видели, румынское причастие может входить в состав сложных форм страдательного залога настоящего и прошедшего времени. Однако образование таких форм уже исключает возможность употребления причастия и причастных конструкций как эквивалентов к русским причастным оборотам с страдательными причастиями, так как румынские сложные формы страдательного залога являются сами по себе п р о с - т ы м и п р е д л о ж е н и я м и. Ср.:

Sînt aşteptat. Am fost aşteptat.
Este lăudată. Era lăudată.

Приведенные структуры и многие им подобные выступают как самостоятельные смысловые единицы, ни от какого-либо определяемого слова не зависящие и ни к какому-либо слову не относящиеся в предложении. Поэтому такого рода структуры, хотя и содержат причастие, не могут считаться эквивалентами к русским причастным оборотам.

Данное положение следует подчеркнуть во избежание попытки передать такие структуры-предложения на русский язык страдательными оборотами. Их можно считать одним из вариантов эквивалентов к русским неопределенно-личным предложениям. Напр.:

1. Sînt aşteptat. / Mă aşteaptă.
Меня ждут.
2. Este lăudată. / Pe ea o laudă.
Ее хвалят.
1.1. Am fost aşteptat. / M-au aşteptat.
Меня ждали.
2.1. Era lăudată. / O lăudau.
Ее хвалили.

Практически румынские варианты на втором месте являются способом интерпретации стоящих на первом месте вариантов, помогающим установить варианты на первом месте как эквиваленты не к страдательным, а к действительным структурам-предложениям русского языка.

3. Таким же интересным является вопрос о подборе румынских эквивалентов к русским причастным оборотам с действительными причастиями /I, 2, 3/. Необходимо уточнить, что ни к одному из русских действительных причастий нет непосредственного румынского эквивалента в виде причастия.

3.I. Самым характерным румынским эквивалентом для русских обортов с действительными причастиями /I, 2, 3/ является

придаточное определительное предложение. Впрочем, оно выступает как непосредственный эквивалент варианта русского причастного оборота - придаточного определительного предложения, которое он может заменять и которое является лексико-семантической интерпретацией его; ср.:

Для оборота с причастием типа /I/

Ученики, регулярно готовящиеся к занятиям, всегда отвечают хорошо.

Вариант: Ученики, которые регулярно готовятся к занятиям, всегда отвечают хорошо.

'Elevii care se pregătesc cu regularitate pentru ore răspund întotdeauna bine '.

Для оборота с причастием типа /2/

В прошлом году ни один член кружка по русскому языку не опаздывал на его заседания, начинавшиеся ровно в 6 часов вечера.

Вариант: В прошлом году ни один . . . заседания, которые начинались ровно в 6 часов вечера.

'Anul trecut nici un membru al cercului de limba rusă nu întîrzia/nu a întîrziat la şedinţele lui, care începeau fix la ora 6 seara '.

Для оборота с причастием типа /3/

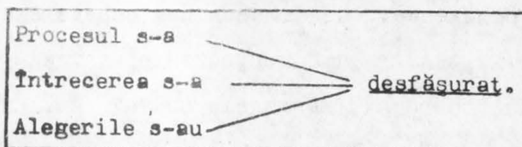
В соревнование за новое качество труда, развернувшееся во всей стране, включились многочисленные трудовые коллективы ударных строек молодежи.

Вариант: В соревнование за новое качествотруда, которое развернулось во всей стране, . . .

'În întrecerea pentru o nouă calitate a muncii care s-a desfăşurat în întreaga ţară s-au integrat numeroase colective de muncă de pe şantierele naţionale ale tineretului '.

В связи с румынским эквивалентом к последнему из трех приведенных выше примеров необходимо сделать два уточнения:

а/ Как видно, в глагольную сказуемную форму входит и причастие desfăşurat однако на этот раз речь идет о правиле морфологии румынского языка, согласно которому причастия могут входить в состав сложных форм действительного залога, и при этом они **н е с о г л а с у ю т с я** в роде и числе с подлежащим; напр.:

Поэтому такие сложные формы действительного залога нужно брать как таковые и относить к способам выражения сказуемого румынского простого предложения.

б/ В то же время надо обязательно отметить, что к причастной форме развернувшееся можно отнести в качестве румынского эквивалента причастие desfășurată; оно не соответствует формальному типу /3/ русского причастия , а только выражает значение возвратно-страдательного залога причастной формы развернувшееся.

На этой же основе и к причастиям типа /I/, образованным от глаголов указанного класса, возможно подбирать румынские эквиваленты в виде причастия, которые согласуются в роде и числе с определяемым словом-подлежащим или дополнением. Напр.:

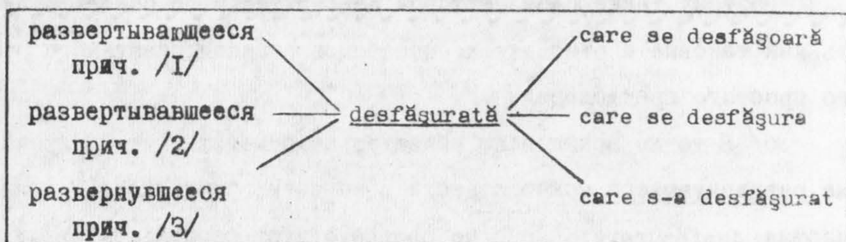
В соревнование за новое качество труда, развертывающееся во всей стране, включились многочисленные трудовые коллективы ударных строек молодежи. 'În întrecerea pentru o nouă calitate a muncii, desfășurată în întreaga țară, s-au integrat numeroase colective de muncă de pe șantierele naționale ale tineretului'.

Этот же румынский вариант подходит и к русскому варианту, содержащему оборот с причастием типа /3/ - развернувшееся. В таком случае смысл высказывания, уточнение времени прохождения действия, названного румынским причастием, должны вытекать из более расширенного контекста. Этот же румынский эквивалент можно подбирать и при употреблении причастия типа /2/ - развертывавшееся - при некотором изменении русского предложения. Ср.:

В соревнование за новое качество труда, развертывавшееся в первые годы пятилетки, включались многочисленные трудовые коллективы ударных строек молодежи. 'În întrecerea . . ., desfășurată/care se desfășura în primii ani ai cincinalului, se integraseră numeroase . . .'

Итак, положение, создающееся при определении одинакового причастия в качестве эквивалента к русским причастиям типов /I/, /2/ и /3/ в причастных оборотах, выглядело бы так /см. схему № 3/:

Схема № 3

Использование в качестве румынского эквивалента причастия возможно вообще к русским действительным причастиям /I, 2, 3/, образованным от возвратных глаголов, да и далеко не от всех. Как мы подчеркивали раньше, чаще всего от средневозвратных глаголов, напр.:

<u>удивляться</u>:

<u>остановиться</u>:

и т.д.

3.2. К русским оборотам с действительными причастиями можно подбирать и румынские конструкции с причастиями, образованными от непереходных глаголов, напр.:

Все с нетерпением ждали ученика, <u>ушедшего</u> за врачом. 'Toţi aşteptau cu nerăbdare elevul <u>plecat</u> după doctor '.

С трудом приехавшие в середине января родители сразу начали помогать нам в домашних делах. '<u>Sosiţi</u> cu greu la jumătatea lui ianuarie, părinţii au început imediat să ne ajute la treburile gospodăreşti.'

Туристов и отдыхающих, приезжающих со всех концов страны, радостно и тепло встречали на горных курортах. 'Turiştii şi cei care se odihnesc, <u>veniţi</u> din toate colţurile ţării, sînt întîmpinaţi cu bucurie şi căldură în staţiunile montane '.

3.3. Среди румынских эквивалентов к причастным оборотам находятся и структуры, в которых русским причастиям соответствуют не при-

частия, а другие части речи или другие глагольные формы.

а/ В качестве таких эквивалентов могут выступать имена существительные или прилагательные. Ср.:

В этом году мы отметили 135-ую годовщину рождения нашего величайшего поэта Михая Эминеску, о т к р ы в ш е г о новые пути в лирической поэзии. 'Anul acesta noi am marcat cea de-a 135-a aniversare a naşterii celui mai mare poet al nostru, Mihai Eminescu, deschizător de drumuri noi în poezia lirică românească '.

открывшего	–	deschizător
прич.		имя существ.

Наша молодежь с большим интересом знакомится с печатными материалами, к а с а ю щ и м и с я проведения по инициативе Румынии в 1985 году Международного года молодежи. 'Tineretul nostru ia cunoştinţă cu mult interes de materialele din presă, referitoare la marcarea, la iniţiativa României, în 1985, a Anului internaţional al tineretului '.

касающимися	–	referitoare
прич.		имя прил.

Безусловно, определение румынского эквивалента в виде прилагательного опирается на возможность употребления самого русского причастия как прилагательного. Ср.:

Новая литература воспевает народ, неустанно т р у д я щ и й с я под знаком благородных целей построения лучшей жизни. 'Literatura nouă cîntă poporul - truditor neobosit sub semnul ţelurilor generoase ale construirii unei vieţi mai bune '. /причастие в причастном обороте/ и прилагательное: Новая литература воспевает трудящийся народ - неустанного строителя лучшей жизни в нашей Родине. 'Literatura nouă cîntă poporul muncitor - constructor neobosit al vieţii noi în patria noastră '.

б/ Довольно часто в румынских структурах как эквивалент к русским причастиям в причастных оборотах выступает д е е п р и ч а с т и е. В этом сказывается, безусловно, тенденция румынского герундия употребляться в качестве прилагательного. Напр.:

Андрей вошел в читальный зал и увидел своих товарищей, ч и т а в ш и х и г о т о в и в ш и х с я к экзамену по литературе. 'Andrei a intrat în sala de lectură şi şi-a văzut colegii <u>citind</u> şi <u>pregătindu-se</u> pentru examenul de literatură '.

Румынское деепричастие как прилагательное может согласоваться с определяемым словом в роде и числе. Эта его черта и дает возможность употребляться как эквивалент к русским причастиям в причастных оборотах. Ведь причастие и сохраняет качество прилагательного - согласоваться в роде, числе и падеже с определяемым словом. Но в отличие от русского причастия, эквивалентом которого может быть, румынский герундий согласуется с определяемым словом только в роде и числе. Ср.:

Участники первомайской демонстрации любовались разноцветным полотном р а з в е в а ю щ и х с я у окон зданий флагов. 'Participanţii la demonstraţia de 1 Mai admirau pînza multicoloră a steagurilor <u>fluturînde</u> la ferestrele blocurilor '.

Как эквивалент может выступать и более книжная структура, содержащая возвратное деепричастие. Напр.:

На физическом факультете на днях была выработана программа, которая включает <u>элементы</u>, с о с т а в л я ю щ и е корпус знаний, необходимых будущим инженерам-электронистам. 'La Facultatea de fizică, zilele acestea s-a elaborat o programă care cuprinde elemente <u>constituindu-se</u> într-un corpus de cunoştinţe necesare viitorilor ingineri-electronişti '.

4. Как мы подчеркивали выше, причастный оборот может стоять и после, и до определяемого слова. Что же касается порядка его румынского эквивалента в предложении, то надо уточнить следующее:

а/ Как правило, румынские структуры, содержащие эквивалент как русского стержневого слова причастного оборота - причастия -, так и зависящих от него слов, занимают постпозитивное положение. Ср.:

Постпозитивное /более частое/ положение причастного оборота:	В Европе и во всем мире усиливаются действия, направленные на полную ликвидацию ядерного арсенала.
Препозитивное положение причастного оборота:	В Европе и во всем мире усиливаются направленные на полную ликвидацию ядерного арсенала действия.

Единственный возможный румынский вариант к двум приведенным русским вариантам: 'În Europa şi în întreaga lume se intensifică acţiunile îndreptate spre lichidarea completă a arsenalelor nucleare '.

Вот и другой пример:

Постпозитивный причастный оборот:	На мирогой арене все более главную роль играют народы всех континентов, выступающие за мир и взаимопонимание между государствами.
Препозитивный причастный оборот:	На мировой арене все более главную роль играют выступающие за мир и взаимопонимание между государствами народы.

Румынский вариант: 'Pe arena mondială un rol tot mai important joacă popoarele de pe toate continentele care se pronunţă pentru pace şi ... '.

б/ Иногда, особенно из художественных соображений, порядок эквивалента может иметь в предложении другой облик, чем обыкновенный:

'Participanţii la demonstraţia de 1 Mai admirau pînza multicoloră a fluturîndelor steaguri din ferestrele blocurilor '.

в/ И русский причастный оборот, и его румынская конструкция-эквивалент могут занимать в предложении абсолютное начальное место. Напр.:

Открытая в первые дни нового учебного года выставка работ учеников каждый месяц пополняется новыми экспонатами. 'Deschisă în primele zile ale noului an de învăţămînt, expoziţia cu lucrări ale elevilor se îmbogăţeşte în fiecare lună cu noi exponate '.

Или, пример с причастным оборотом на первом месте в предложении, но с причастием в другой, чем в начальной позиции в причастном обороте и предложении. Напр.:

Хорошо усвоенные в младших классах знания являются прочной основой для их дальнейшего закрепления и расширения. 'Cunoştinţele bine însuşite în clasele mici constituie o bază temeinică pentru fixarea şi lărgirea lor ulterioară '.

Другой румынский вариант: 'Bine însuşite în clasele mici, cunoştinţele constituie o bază temeinică pentru fixarea şi lărgirea lor ultarioară.'

5. Употребление полной формы причастия типов /4, 5/ в причастном обороте следует иметь в виду при передаче румынских конструкций с причастием на русский язык.

Ошибочное использование русских причастий /4, 5/ объективно мотивировано: у румынского причастия есть одна форма, которая выступает как таковая в двух положениях: а/ в конструкциях, играющих роль приложения, связанного с определяемым словом через причастие; б/ в роли именной части именного составного сказуемого.

Если для случаев последнего положения /б/ возможна краткая форма русского причастия, играющая ту же роль именной части, то для первого положения /а/ возможна лишь полная форма. Ср.:

а/ Tractoarele produse anul trecut de uzina braşoveană s-au bucurat de o mare cerere pe piaţa externă. 'Тракторы, произведенные в прошлом году брашовским заводом, пользовались большим спросом на международном рынке '.

б/ Tractoarele pe care noi le-am văzut anul trecut la expoziţie sînt/au fost produse de uzina braşoveană. 'Тракторы, которые мы видели в прошлом году на выставке, произведёны брашовским заводом '.

x

Итак, в румынском языке существует множество средств эквивалентов к русскому причастному обороту. Они покрывают весь состав оборота, но их разнообразие и специфика относится особенно к причастной форме, являющейся стержнем, который вместе с зависящими от него словами и составляет причастный оборот. Специфические отношения зависимости наличествуют и в румынских структурах-эквивалентах, однако тут стержневым элементом, как мы видели выше н е в с е г д а в ы с т у п а е т п р и ч а с т и е.

Разнообразие видов румынских эквивалентов к русским причастным оборотам и к их стержневому слову - причастию, в частности, можно было бы представить на схеме следующим образом /см. схему № 4/:

Схема № 4

Румынские эквиваленты	
а/ к русским причастным оборотам	- конструкции, играющие роль определения; - придаточные определительные предложения.
б/ к причастиям /I, 2, 3, 4, 5/ в русских причастных оборотах	- причастие; - деепричастие; - имя существительное; - имя прилагательное.

У П Р А Ж Н Е Н И Я

Для закрепления вышеизложенных положений предлагаются следующие примерные упражнения:

I. В следующих сложных предложениях замените придаточные определительные предложения причастными оборотами. Первоначальные и полученные варианты предложений переведите на румынский язык.

Образец:

а/ Я недавно получил письмо от друга, который живет в городе Дробете-Турну Северине. 'Nu demult (eu) am primit o scrisoare de la un prieten care locuieşte în Drobeta-Turnu Severin '.

б/ Я недавно получил письмо от друга, живущего в городе Дробете-Турну Северине. 'Nu demult (eu) am primit o scrisoare de la un prie..en care locuieşte în Drobeta-Turnu Severin '.

I. На различных участках социалистического строительства трудятся миллионы человек с высшим и средним образованием, которые посвящают свои творческие силы процветанию Родины. 2. Листки, которые призывали рабочих праздновать Первое Мая, почти каждую ночь наклеивали на заборах. 3. Работа всех тружеников все больше и больше отвечает требованиям, которые возрастают изо дня в день . 4. Зрители долго аплодировали артистам - самодеятелям, которые являются учениками одиннадцатого класса. 5. . . .

2. Переставьте причастные обороты в предложениях и определите румынский вариант к ним в пост- и препозитивных позициях. Где можно, выделите причастнй оборот запятыми.

Образец:

а/ Применение новых методов работы, выработанных молодым коллективом, способствовало росту производительности труда на один процент. 'Aplicarea noilor metode de muncă, elaborate de tînărul colectiv, a condus la creşterea productivităţii muncii cu 1% '

б/ Применение новых выработанных молодым коллективом методов работы способствовало росту производительности труда на один процент. 'Aplicarea . . . i d e m'.

I. Наша школа всех ступеней готовит квалифицированных специалистов, обладающих прочными знаниями. 2. Наша страна твердо выступает за ликвидацию любого вида ядерного оружия, угрожающего жизни и свободе всех народов. 3. Молодежь Румынии всей своей энергией включилась в усилия всего народа, воздвигающего крупные объекты в городе и селе. 4. Социализм - это единственный строй, открывающий перед народами путь свободы и развития. 5. . . .

3. При переводе следующих предложений там, где можно, употребите как эквивалент к русским причастиям подходящие по смыслу прилагательные: înfloritor, referitor, însufleţitor.

I. Вчера я читала интересное сообщение, касавшееся завоевания группой румынских учащихся первой премии на международной олимпи-

аде по математике. 2. Наша культура, процветающая в годы социализма, содействует формированию новой мировоззренческой позиции личности. 3. В выступлениях на открытии новой ударной стройки молодежи высказались слова, воодушевлявшие умы и сердца членов трудовых отрядов. 4. Слова выступавших, воодушевлявших присутствующих самоотверженно трудиться для перевыполнения плана работ, все слушали внимательно. 5. . . .

4. При переводе румынских предложений подберите к причастиям подходящие русские эквиваленты:

а/ полную или краткую форму русского причастия:

1. Producţia de echipament nuclear, electronizată prin aplicarea microprocesoarelor, atinge parametrii mondiali. 2. O mare parte a producţiei de utilaj minier este robotizată. 3. Programele analitice, elaborate pentru următorii cinci ani, asigură o pregătire armonioasă şi multilaterală a tineretului studios. 4. Au fost elaborate noi programe analitice pentru toate obiectele de studiu. 5. . . .

б/ подходящий тип причастия или производное от него прилагательное:

1. Mama aştepta întoarcerea fiului, plecat să cumpere pîine şi lapte. 2. Îndrăgostit pînă în adîncul inimii de plaiurile natale, tînărul poet îşi închină versul înaripat oamenilor şi locurilor dragi. 3. După concediul petrecut la mare, fratele meu arată bine odihnit şi are o mină viguroasă. 4. Cîmpurile ne încîntă cu peria lor de grîne, răsărite după o iarnă cu multă zăpadă şi geroasă, dar promiţătoare de recolte bogate. 5. . . .

ЛИТЕРАТУРА

I. Зарецкий, А., К изучению темы "Причастие", РЯШ, 1956, 4, с. 73-81.
2. Зеленов, А.Н., Соотносительность действительных и возвратных страдательных оборотов в современном русском языке, в сб.: "Исследования по грамматике русского языка", IУ, Ученые записки, Л., изд-ство Ленин-

градского государственного университета, 1963, с. 32-45.

3. Изменения в области причастных оборотов, в кн.: "Изменения в системе простого и осложненного предложения", М., "Наука", 1964, с. 369-407; 408-426.

4. Каншин, И.А., Причастные и деепричастные конструкции в роли членов предложения, РЯШ, 1956, 2, с. 31-36.

5. Краснов, И.А., Пути перехода причастий в прилагательные, РЯШ, 1957, 6, с. 20-26.

6. Chivescu, Romeo, Unele aspecte ale raportului determinat-determinant în construcţiile participiale din rusă şi română, în "Probleme de filologie rusă", Bucureşti, Tipografia Universităţii din Bucureşti, 1977, c. 95-100.

УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИДОВ ГЛАГОЛА

Зигфрид Вольф

I. Особенности употребления видов глагола в прошедшем времени

1. В прошедшем времени употребляются глаголы несовершенного вида, когда констатируется лишь факт совершения действия, без указания на его результат.

- Вы читали эту статью ?
- Да, читал.

В вышеуказанных примерах употреблён глагол несовершенного вида, хотя действие закончено, но в этом случае нас не интересует результат действия, а только его совершение.

Если говорящего интересует результат действия, то употребляются глаголы совершенного вида :

- Вы прочитали эту статью ?
- Да, прочитал.

2. Некоторые глаголы несовершенного вида /открывать, закрывать, брать, давать, вставлять, проходить, выходить и др./ в форме прошедшего времени могут обозначать действие в каком-либо направлении и обратно.

Утром я открывал окно. /Это означает 'Я открыл и закрыл окно', т.е. в момент речи окно закрыто/.

Я брал эту книгу у моего товарища /"Я взял книгу и вернул её," в момент речи книга находится у товарища/.

Соответствующие глаголы совершенного вида /открыть, закрыть, взять, дать, встать, прийти, выйти и др./показывают, что результат действия существует в момент речи. Это значение глаголов совершенного вида называется перфектным значением.

Утром я открыл окно. /В момент речи окно открыто/.

Я взял эту книгу у моего товарища. /В момент речи книга у меня/.

Глаголы совершенного вида со значением начала действия в форме прошедшего времени могут выражать действие, продолжающееся в момент речи. Рядом с этими глаголами могут стоять глаголы в форме настоящего времени :

Этот студент заболел /т.е. он болен/ и не посещает лекций.

3. Для обозначения действия, продолжающегосяв течение определённого промежутка времени могут употребляться как глаголы несовершенного вида, так и совершенного вида.

При глаголах несовершенного вида слова, выражающие количество времени, стоят в винительном падеже без предлога и отвечают на вопросы сколько времени ? как долго ?

Я читал этот роман три дня.

Ученик решал задачу весь вечер.

Он писал доклад неделю.

При глаголах совершенного вида слова, выражающие количество времени, стоят в винительном падеже с предлогом за /реже в/ и отвечают на вопрос за сколько времени ?

Я прочитал этот роман за три дня.

Ученик решил задачу за один вечер.

Он написал доклад за неделю.

Исключением являются глаголы совершенного вида, выражающие непродолжительное действие и имеющие приставку по- и глаголы совершенного вида с приставкой про-, обозначающие действие, которое заполняет определённый промежуток времени. При этих глаголах слова, обозначающие количество времени, стоят в винительном падеже без

предлога.

Все помолчали минуту.

Он проработал на этом заводе несколько лет.

4. Повторяемость действия выражается при помощи несовершенного вида, а однократность - при помощи совершенного вида. Сравните :

В доме отдыха я ложился спать в десять часов вечера
и вставал в шесть часов утра.
Вчера я лёг в одиннадцать часов вечера и
встал в пять часов утра.

Есть глаголы /ложиться, вставать, садиться, брать, давать, открывать, закрывать и др./, которые могут выражать повторяемость сами по себе, без специальных слов, указывающих на повторяемость.

Есть глаголы несовершенного вида, выражающие длительность действия /читать, писать, гулять, играть, заниматься и др./, которые сами по себе не могут выражать повторяемость. Для выражения повторяемости с этими глаголами употребляются обстоятельственные слова /наречия и существительные/ : всегда, иногда, часто, ежемесячно, каждый день, каждую неделю, каждый месяц, по воскресеньям, по утрам, по ночам и др.

Я читал газеты по утрам.
Он часто писал домой.
Каждый день мы гуляли в лесу.

Замечание : С вышеуказанными обстоятельственными словами глаголы несовершенного вида могут, конечно, сочетаться и в настоящем времени :

Я читаю газеты по утрам.
Я часто пишу домой.
Каждый день я гуляю в лесу.

5. В прошедшем времени при отрицании употребляются как глаголы несовершенного вида, так и глаголы совершенного вида.

При категорическом отрицании действия, которое субъект даже не намеревался осуществить, употребляются глаголы несовершенного вида :

Я не брал твоего карандаша.

Мы никакой телеграммы не получали.

Если действие ещё не произошло, но в момент речи оно ещё может произойти, то возможно употребление как совершенного, так и несовершенного вида, причём замена одного вида другим не изменяет значения предложения :

- Ты вызвал врача ? - Нет, я ещё не вызвал врача.
- Нет, я ещё не вызывал врача.

В таких предложениях часто употребляются слова ещё, пока, пока ещё.

Если действие долгое время не осуществилось, то употребляются глаголы несовершенного вида :

Мы давно не встречались.

Он долго нам не писал.

Если отрицаемое действие ожидалось, но не состоялось и в момент речи больше не ожидается, то обычно употребляются глаголы совершенного вида :

Он обещал позвонить мне вчера вечером, но почему-то не позвонил.

Если действие состоялось, но результат не был достигнут, то употребляются глаголы совершенного вида :

Он не выучил эти правила, хотя занимался целый день.

II. Особенности употребления видов глагола в будущем времени

1. В будущем времени глаголы несовершенного вида лишь называют действие, но не указывают, будет ли оно завершено.

Завтра на уроке мы будем повторять
трудные глаголы.
Вечером я буду писать письма.

2. Для обозначения повторяющегося или длительного действия также употребляются глаголы несовершенного вида.

Мы будем встречаться каждый день.
Летом я буду отдыхать на море.

3. Для обозначения законченности действия и достижения определённого результата употребляются глаголы совершенного вида :

Завтра я обязательно встречу её и
передам ей эти книги.

4. В некоторых случаях глаголы совершенного вида в форме будущего времени употребляются для выражения возможности совершения действия в настоящем или будущем.

Только он поймёт меня /означает
'Только он сможет понять меня'/.
Он выполнит любое задание /означает
'Он может выполнить любое задание'/.

5. При отрицании в будущем времени употребляются как глаголы несовершенного вида, так и глаголы совершенного вида.

Глаголы несовершенного вида с отрицанием обозначают действие, которое не состоится по разным причинам :

Он не будет рисовать картины.

Он не будет сдавать экзамен.

Невозможность достижения результата в настоящем или будущем выражается глаголами совершенного вида :

Он не поймёт этого /означает 'Не может или не сможет понять'/.

Ты не решишь этой задачи /означает 'Не можешь или не сможешь решить'/.

Если речь идёт о невозможности достижения результата действия, происходящего в момент речи, часто употребляется усилительная частица никак :

Я никак не открою дверь /означает 'Не могу открыть'/.

Никак не пойму, чего она хочет /означает 'Не могу понять'/.

Если невозможность совершить действие, относиться к любому лицу, то глагола стоит в форме второго лица единственного числа; напр.:

Не поймешь, что здесь написано.

Указанные нами особенности употребления видов глагола в прошедшем и будущем временах, конечно, не исчерпывают всего богатства оттенков этой сложнейшей грамматической категории русского глагола.

УПРАЖНЕНИЯ

1. Вместо точек вставьте глагол нужного вида :

1. Вчера весь вечер мы ... телевизор /смотрели-посмотрели/.

2. Я ... новые слова целый час. Я хорошо ... все слова /учил-выучил/. 3. Ты долго ... эту книгу /читал-прочитал/. 4. Мы... эти задачи весь урок. Андрей ... все задачи правильно /решал-решил/. 5. Мой товарищ ... русский язык два года /изучал-изучил/. 6. Рабочие ... это здание полгода/строили-построили/. 7. Вчера я ... письма два часа /писал-написал/. 8. Ты часто... книги в библиотеке /брал-взял/. 9. Я ... к этому экзамену десять дней /готовился-подготовился/. 10. Преподаватель...новое правило десять минут /объяснял-объяснил/.

2. Вместо точек вставьте соответствующий глагол в нужной форме /в настоящем или прошедшем времени/.

1. Этот студент всегда хорошо... на уроке.
   Преподаватель спросил студента. Студент правильно ... на вопрос /отвечать-ответить/.
2. Каждый день мы ... трудные глаголы. Когда мы ... трудные глаголы, мы начали писать упражнение /повторять-повторить/.
3. Сегодня утром я ... несколько газет. Каждое утро я... свежие газеты /читать-прочитать/.
4. Я ... домашнее задание и пошёл ужинать. Каждый вечер я... домашнее задание /готовить-приготовить/.
5. Сегодня Андрей хорошо ... все слова. Он всегда хорошо... слова /учить-выучить/.
6. Она иногда ... на уроки. Но сегодня она не... на урок /опаздывать-опоздать/.
7. Каждое воскресенье он... письма домой. Вчера он ...два письма /посылать-послать/.

8. В субботу мой сосед ... посылку. Он часто ... посылки.
   /получать-получить/.

3. Вставьте вместо точек нужный глагол :
   1. Художник... картину три месяца. Он ... картину за три месяца. /рисовал-нарисовал/.
   2. Этот дом... два месяца, а здание больницы ... за четыре месяца /строили-построили/.
   3. Он ... стихотворение полчаса. Он ... стихотворение за полчаса /учил-выучил/.
   4. Он... английский язык два года. Он... английский язык . за два года /изучал-изучил/.
   5. Валентин ... к выступлению на семинаре неделю. Он ... к выступлению на семинаре за неделю /готовился-подготовился/.
   6. Он... эту пьесу год. Он ... эту пьесу за год /писал-написал/.

4. Вставьте вместо точек нужный глагол в форме прошедшего времени:
   1. - Ты ... у меня книги ?
      - Да, я... твои книги и вчера вечером положил их на место.
      /брать-взять/.
   2. - Ты ... мои книги ?
      - Да, я ... твои книги. Они сейчас у меня.
      /брать-взять/.
   3. - Ко мне сегодня кто-нибудь ... ?
      - Да, к тебе ... товарищ и оставил вот эти тетради.
      /приходить-прийти/.
   4. - Кто к тебе ... ?
      - Ко мне ... мои школьные друзья. Они останутся у меня до воскресенья. /проходить-прийти/.
   5. - Вы ... окна в аудитории ?
      - Да, мы полчаса назад ... все окна в этой аудитории.
      /открывать-открыть/.

6. - Кто ... дверь в коридор ?

- Закройте, пожалуйста, дверь.

/открывать-открыть/.

7. - Профессор на кафедре ?

- Да, он уже ...

/приходить - прийти/.

8. - Профессор на кафедре ?

- Да, он ..., но потом куда-то вышел.

/приходить - прийти/.

9. Он ... мне учебник, но меня не было дома, и он не мог его оставить. Он ... мне учебник, и я готовился по нему к семинару.

/приносить-принести/.

10. Я вчера... к Виктору, но не застал его дома.

Я вчера ... к Виктору и он помог мне перевести эту статью.

/заходить-зайти/.

5. Спишите текст. Вставьте вместо точек подходящий глагол в прошедшем времени.

Сегодня на уроке мы... домашнее задание. Мы ... домашнее задание и начали читать текст. Мы... новый текст. Сначала ... преподаватель. Когда преподаватель... текст, мы внимательно... Преподаватель ... текст и ... :
„Всё понятно ?". Потом он... новые слова. Когда он... слова мы начали писать диктант.

/ Слова для справки :

проверять - проверить ; читать - прочитать ;

слушать ; спрашивать-спросить ; объяснять - объяснить/.

6. Прочитайте вопросы и дайте на них отрицательные ответы.

Образец :

Он уже позвонил ей на работу ? Нет, ещё не звонил.

Нет,ещё не позвонил.

1. Ты уже убрала комнату ? 2. Отец приехал ? 3. Он решил эти задачи ? 4. Вам уже принесли газеты ? 5. Вам уже дали задание ? 6. Вы встретили ваших друзей ? 7. Ты нашла свою тетрадь ? 8. Это ты включил радиоприёмник ? 9. Это вы сказали ей о болезни отца ? 10. Ты получил посылку ? 11. Ты уже ужинал ? 12. Мать уже помыла посуду ? 13. Он уже пришёл ?

7. Вставьте вместо точек нужный глагол в форме будущего времени.

1. Сегодня вечером я ... стихи. Стихи трудные, но я знаю, что я ... их /учить-выучить/.

2. В субботу я ... письма. Если у меня будет время, я ... три письма /писать-написать/.

3. В понедельник мы ... новый текст. Если он нетрудный, мы... его быстро /читать-прочитать/.

4. Сейчас я ... домашнее задание. Когда я ... его, я пойду в кино /делать-сделать/.

5. Завтра мы ... предложный падеж. Если мы ... эту тему, послезавтра будет контрольная работа /повторять-повторить/. 6. После перерыва преподаватель... новую тему. Когда он... новую тему, мы будем делать упражнения /объяснять-объяснить/. 7. Сегодня мы ... рано. Мы ... и пойдем в театр/ужинать-поужинать/. 8. После обеда я ... . Я немного ... и начну заниматься /отдыхать-отдохнуть/. 9. Мой брат ... мой портрет. Когда он... портрет, он подарил его мне/рисовать - нарисовать/. 10. Вечером мы ... телевизор. Мы ... телевизор и пойдём ужинать /смотреть-посмотреть/. 11. Завтра Антон ... экзамены по языкознанию. Мы уверены, что он хорошо ... его /сдавать - сдать/. 12. Я ... тебе эту книгу,когда мой брат прочитает её /давать-дать/. 13. Если я куплю билеты, я ... вам /звонить-позвонить/. 14. Если я не запишу адрес, ... его /забывать-забыть/.

8. Заполните пропуски глаголами нужного вида :

1. Сегодня вернётся с экскурсии из Дельты Дуная мой друг. Весь вечер он... о Дельте, о её красотах /рассказывать-рассказать/. 2. Вы турист. Сегодня вы гуляли по московским улицам, а завтра вы будете на берегах Невы. "Завтра я... Ленинград", - пишете вы домой /видеть-увидеть/. 3. Вы с другом едете по Долине Праховы. Вы видите горы, леса. А вот очень красивое место. Вы спрашиваете друга : „Может быть, мы здесь ... ?" /останавливаться - остановиться/. 4. У вашего друга есть книга о жизни полярников. Эта книга очень интересная. Вы спрашиваете друга : „Ты... мне эту книгу ?" /давать-дать/. 5. Ваш брат говорит по телефону уже 20 минут. А вам нужно обязательно позвонить в институт. Вы спрашиваете брата : „ Ты ещё долго ... ?"/говорить-сказать/. 6. Маленький Штефан хочет быть строителем. Он говорит : „Когда я ..., я буду строить новые города"/расти-вырости/.

9. Переделайте предложения, изменив форму сказуемого по данному образцу :

<u>Образец</u> : Ребёнок не может понять этот рассказ.
Ребёнок не поймет этот рассказ.

1. Он не может выполнить задание. 2. Ты не можешь решить эту задачу. 3. Ты не сможешь подготовиться к семинару за два часа. 4. Ты не сможешь поднять этот чемодан. 5. Я никак не могу найти свою ручку. 6. Он не может понять это правило. 7. Он никак не может привыкнуть вставать рано. 8. Ученик никак не может выучить стихотворение. 9. Только они могут нам помочь. 10. Только он может ответить на этот вопрос. 11. Он не сможет справиться с этим поручением. 12. Никто не может выполнить эту работу так хорошо, как она.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Русская грамматика, Том I, главный редактор Н.Ю.Шведова, АН СССР, М., 1980.

И.М. Пулькина, Е.Б. Захава-Некрасова, Учебник русского языка для студентов-иностранцев, М., 1979.

Е.И. Войнова, В.М. Матвеева, Г.Н. Аверьянова, Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов, М., 1981.

Marin Bucă, Galina Cernikova, Gramatica practică a limbii ruse, Bucureşti, 1980.

Romeo Ghivescu, Andrei Ivanov, Siegfried Wolf, Dicţionar rus-român de structuri verbale, Bucureşti, 1983.

ОСОБЕННОСТИ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ СТИЛЕ РЕЧИ

Мирча Георгиу

В наши дни постоянно возрастает удельный вес научно-технических текстов, что создает условия для сильного влияния на характер общений в целом, в особенности на стилевую дифференциацию языков, в частности современного русского языка.

Преподавание русского языка, следовательно, не может ограничиваться знакомством с общелитературным языком в его нейтрально-стилистической разновидности, оно должно охватить и язык научно-технической литературы в его письменной и устной форме.

Таким образом, среди основных задач преподавания русского языка как иностранного следует включить и обучение учеников чтению и пониманию литературы по специальности, слушание лекций, ведение бесед на темы, относящиеся к специальности.

Успешное осуществление этих задач требует умелого сочетания совершенствования методического мастерства с глубоким и всесторонним изучением стиля научной речи.

Лингвистическая теория, предопределяя основные элементы процесса обучения, лежит в конечном счете в основе методики. Необходимо подчеркнуть мысль многих исследователей, что специфика каждого подъязыка и стиля в современном русском языке создается не столько наличием особых, только ему присущих средств выражения, сколько особенностями /семантическими, статистическими, синтагматическими и т.д./ функционирования общеязыковых средств и особыми законами их отбора и организации.

Наличие большого числа атрибутивных словосочетаний является одной из синтаксических особенностей научного стиля современных языков.

Словосочетания указанного типа составляют 42,2 % общего объема словосочетаний, т.е. более 80% предложений содержат те или иные определения[1].

Следует отметить, что язык науки либо прибегает только к некоторым из них, поддерживая тенденцию к избирательности на синтаксическом уровне, либо использует их иначе, подчеркивая таким образом специфичность стиля научного изложения.

Атрибутивные отношения в 57 % случаев передаются препозитивными прилагательными, которые в структурном плане идентичны словосочетаниям общелитературного языка, но семантически противопоставлены им: полезные ископаемые, горное дело, белый уголь, условные рефлексы. Атрибутивные сочетания можно определить как атрибутивно-дефинитивные или как атрибутивно-квалификативные: состоящие из определяющего и определяемого компонента, они выражают единое научное понятие. Понятие, выраженное именем существительным, ограничивается, конкретизируется атрибутом, появляется новое, более узкое понятие, которое вступает с основным в отношения вида и рода.

Отображение в форме термина родо-видовых отношений выступает как одна из характерных черт терминообразования, чем и объясняется обилие терминов - атрибутивных словосочетаний в языке науки и техники.

В сочетаниях указанного типа атрибутивный элемент обычно приобретает специализацию, которая, как правило, не совпадает в сочетаниях одного и того же прилагательного с различными именами существительными:

элементарные частицы - элементарные знания
свободный кислород - свободная конечность
первичное излучение - первичный период болезни
условный рефлекс - условное наклонение

---

1 Эти и последующие цифровые данные приводятся по книге О.Д.Митрофановой, Язык научно-технической литературы, М., Изд-во Московского университета, 1973.

Специализация зависит не только от характера предмета, но также и от того, к чему относятся признаки, выражаемые прилагательными, - к орудию процесса или к предмету, подвергающемуся этому процессу:

холодный металл - холодная обработка.

Термины-словосочетания, созданные таким образом, очень удобны для восприятия, так как меньшее количество употребляемых слов и наличие часто повторяющихся словосочетаний с ними облегчают чтение и понимание научной литературы по определенной специальности. И если придерживаться мнения тех[1], кто считает, что терминология вообще является идеальным образцом лексической системы, то можно смело утверждать, что атрибутивное сочетание с препозитивным определением, будучи точным обозначением определенного понятия какой-либо специальной области науки, является образцом грамматических структур, используемых в научном стиле.

Компоненты терминологических атрибутивных словосочетаний отражают диалектическое единство общего и единичного /частного/: форма имени существительного выражает общее понятие, а форма имени прилагательного-определения - конкретное, единичное.

Существующие многочисленные определения термина выделяют термин через его понятийную соотнесенность. Для нашей практической работы подобный анализ всей иерархической системы родо-видовых отношений с трудом может быть выполнен.

Предлагается[2] установить лингвистические характеристики

---

[1] См. А.А.Реформатский, Термин как член лексической системы языка, в сб. "Конференция по применению структурных и статистических методов исследования словарного состава языка", М., Изд-во Наука, 1961.

[2] См. Б.А.Глухов, О лингвистических способах определения терминологичности атрибутивных словосочетаний, РЯР, 4, 1978, с.60.

терминологичности/нетерминологичности атрибутивных словосочетаний на морфологическом, синтаксическом, лексическом и семантическом уровнях.

Морфологические критерии терминологичности основываются на недопустимости каких-либо изменений компонентов терминологического словосочетания. Таким образом, прилагательное как компонент терминологического словосочетания:

1. Утрачивает способность изменяться по степеням сравнения:

черные металлы - *самые черные металлы

желтый окислительный фермент - *более желтый окислительный фермент

2. Утрачивает способность получать суффиксы, придающие значение усиления или уменьшения степени признака:

желтая сосна - *желтоватая сосна

белое вещество головного мозга - *беловатое вещество головного мозга

Синтаксические критерии терминологичности подтверждают мысль о неподвижности и неразложимости компонентов атрибутивных словосочетаний-терминов, что выражается в следующих признаках:

1. Невозможность изменения препозиции прилагательного по отношению к определяемому слову на постпозицию:

бурая ткань - *ткань бурая

зеленый сланец - *сланец зеленый

2. Невозможность прилагательного, входящего в состав термина-словосочетания, выступать в роли именной части составного сказуемого:

черная металлургия - *металлургия является черной

белый стафилококк - *стафилококк становится белым

3. Невозможность разворачивания терминологического атрибутивного словосочетания:

бурый уголь - *очень бурый уголь

красный костный мозг - *яркий красный костный мозг

Семантические критерии терминологичности основываются на различении оппозиций каждого данного прилагательного в терминологическом и нетерминологическом рядах. Так, например, прилагательные цветообозначения терминологического атрибутивного словосочетания противопоставляется не по их исходному смысловому содержанию /наличие некоторого цвета - его отсутствие/, а по месту в некоторой понятийной иерархии:

бурый уголь - черный уголь - антрацит

белая мышь - серая мышь - крыса

зеленая зона - жилой район - промышленный район

Лексико-синтаксические критерии терминологичности фиксируют с достаточной степенью достоверности наличие атрибутивного словосочетания как термина в стандартизованных конструкциях, в которых одна позиция Н обязательно замещается термином:

Н состоит из ...

Н входит в состав ...

в Н содержится ...

Н относится к группе /классу, ряду/ ... и т.д.

В научных текстах наряду с терминологическими атрибутивными словосочетаниями выступают и определения обычного типа, недефинитного характера - большое количество, небольшое количество, маленькие косточки, новое положение, дальнейшее построение, значительный интерес и т.д. Но они немногочисленны, и их употребление не составляет специфики научного языка.

Конструкции, содержание препозитивные и постпозитивные причастия - одиночные или в составе причастных оборотов -, занимают

второе место по употребительности /18,2 %/ среди словосочетаний атрибутивного значения:

исследуемый объект подвергается действию ...

Типичные растения и типичные животные являются организмами, резко отличающимися друг от друга по типу питания. Многие из этих веществ обильно развиваются в загрязненных органическими веществами водоемах.

Соотносительные с причастными оборотами придаточные определительные предложения со словом который не являются столь частотными в языке науки и техники /4,1 %/:

Северным называется тот полюс свободно вращающегося магнита, который обращен на географический север.

Малочисленность типов придаточных определительных предложений принято рассматривать как результат общей тенденции языка науки и техники к экономии, к сокращению избыточности, как свидетельство конденсации, компрессии высказывания на синтаксическом уровне, которая в общем виде выражается в том, что вместо развернутых эксплицитных конструкций используются сжатые, имплицитные.

Согласованные определения, выраженные порядковыми числительными и местоимениями, занимают скромное место - 4 % для числительных, 10,9 % для местоимений. Состав их ограничен, и самые частотные из них это: первый, второй, третий, четвертый, пятый, этот, тот, весь, он, они, другой, ее, его, их, свой, некоторый.

Следует второй и часто третье деление ...

Тот же результат получается при выражении ...

Примерами таких веществ являются металлы.

Характерно для научного контекста употребление в роли согласованного определения указательных и прочих местоимений в том случае,

если они определяют слова, содержание которых раскрывается в предшествующем контексте.

Широко распространены определительные отношения, выраженные различными падежными и предложно-падежными формами /до 30 %/.

Формы родительного падежа /29,4 %/ по частоте употребления занимают первое место среди атрибутивных словосочетаний указанного типа: законы природы, лучи света, вектор скорости, реакция синтеза, процесс фотосинтеза, схема выветривания, процесс обмена веществ. Такие словосочетания, выражая единое наименование научного понятия, получают узкоспециальное терминологическое значение: аргумент функции, тело отсчета, коэффициент трения и т.д.

Формы родительного падежа, выражая значение принадлежности, качественно-определительной характеристики предмета, не могут использоваться для родо-видовых отношений; поэтому употребление прилагательных в приведенных ниже примерах оказалось бы неправомерным, оно нарушило бы внутристилевую норму, узус научной речи: предположение о существовании на Луне пыльного слоя /вместо слоя пыли/; возможность ракетного полета на Луну /вместо полета ракеты/; человеческие попытки выйти в космическое пространство /вместо попытки человека/.

Словосочетания с формами родительного падежа с предлогами:

для - формула для расчетов, прибор для измерения, правила для отыскания, выражение для дифференциалов

в виде - кость в виде пластинки, конечности в виде плавников, форма в виде цилиндра

из - детали из пластмассы, заменители из дерева, стержень из диэлектрика

внутри - поле внутри плоскости, точка внутри молекулы

от - раздражения от мышц, отклонение от истинного значения

В меньшей степени используются формы родительного падежа существительных с предлогами вдоль, вокруг, вблизи.

Словосочетания форм дательного падежа с предлогами к и по имеют довольно скромную частотность:

поляризация по поверхности, перемещение по горизонтали, направление к центру, чувствительность к изменению

Словосочетания форм винительного падежа без предлога и с предлогами в и через /обычно при именах числительных/:

скорость 100 м/сек, весом в 80 кг, расстояние в 10 км, увеличение в 10 раз, поток через контур

В современном русском языке существует определенный параллелизм в употреблении рассматриваемых конструкций с предлогом и без него:

мощность в 30 квт - мощность 30 квт
размером в 200 куб.м. - размером 200 куб.м.
ширина в 10 м - ширина 10 м
площадь в 80 кв.м. - площадь 80 кв.м.

В научно-техническом стиле речи вполне определенно выявляется предпочтительная тенденция к беспредложному употреблению.

Атрибутивные отношения выражаются также формами предложного падежа с предлогами: в, на, о:

различия в свойствах, число в пределах, линия на поверхности, точка на плоскости, наука о форме, понятие о числе

Довольно широкое распространение инфинитива в определительной функции объясняется необходимостью передать не привычные процессуальность и последовательность действий, а качественную характеристику: возможность обнаружить, способность издавать звук, иметь свойство проводить тепло.

Из огромного числа возможностей языка для комбинирования падежных и предложно-падежных словосочетаний, аналогичных рассмотренным выше, научно-техническая речь ограничивает свободу выбора, отдает предпочтение лишь некоторым из возможных видов языковых единиц указанного значения.

Атрибутивные отношения в научно-техническом стиле речи выражаются преимущественно именами прилагательными /80 %/, причастиями, существительными в родительном падеже без предлога, в винительном падеже без предлога и в предложном падеже.

Ведущим принципом построения системы упражнений и на нашу тему должна быть, на наш взгляд, связь грамматики и лексики с развитием речи учащихся. Этот принцип выражается в том, что основой изучения грамматики, усвоения лексического материала должна быть синтаксическая конструкция.

Прежде всего необходимо уделить внимание прилагательным с существительными, различению прилагательных по значению, образованию прилагательных. С этой целью учащимся могут быть предложены задания на подбор и составление словосочетаний и предложений, на замену одних прилагательных другими, редактирование текста и т.д. Приведем примеры некоторых заданий:

- Подберите для термина коррозия подходящие по смыслу прилагательные и образуйте таким образом терминологические атрибутивные словосочетания /структурная, контактная, капельная, струевая, назовая, атмосферная и т.д./.

- Дополните при помощи развертывания словосочетание электрохимическая коррозия /с водородной, окислительной или металлической деполяризацией/.

18.

- Подберите антонимы к словосочетаниям чистый воздух, /грязный/, чистый кислород /смешанный/, рациональный ответ, /нерациональный/, рациональная дробь /иррациональная/.

- Составьте предложения, в которых прилагательные выступали бы то эпитетами, то определениями /золотой, каменный, холодный/.

- Составьте предложения с однокоренными прилагательными /военный - воинский, водный - водяной, огневой - огненный/.

- Объясните значение прилагательных /предварительный, элементарный, будничный/.

- Данные сочетания замените прилагательными /находящийся у берега - прибрежный, и т.п./.

При обучении перед преподавателями встают минимально три задачи разного объема, которые требуют выработки у учащихся навыков оформления, использования и синтетизирования.

Для выполнения первой задачи учащиеся должны обладать определенными, достаточно автоматизированными навыками и умениями оформления атрибутивных словосочетаний. Необходимый автоматизм достигается упражнениями типа: ответы на вопросы с употреблением нужных структур, употребление зависимых слов в нужной форме, постановка вопросов к выделенным словам, распространение словосочетаний определенными формами слов, конструирование предложений по образцам, различного рода трансформации и т.п., т.е. вся та группа упражнений, которые направлены прежде всего на преодоление языковых трудностей и которые в практике преподавания получают название языковых, или формально-грамматических.

Второй этап - выбор адекватных языковых средств, т.е. переход к формированию навыка использования. Чтобы выработать навыки использования, необходимы ситуативные упражнения, имитирующие

процесс коммуникации и обращающие внимание учащихся на обусловленность каждой формы ее функцией и задачами общения, так как использование не той нужной формы разрушает ситуацию, затрудняет понимание, искажает сообщение. Возможными типами упражнений здесь могут быть: передача содержания другими словами, ответы на вопросы с использованием определенных слов, составление предложений с данными словами, замена отдельных слов в предложении синонимами или антонимами, замена одних конструкций другими, близкими или противоположными по значению, составление ситуаций с использованием активных слов и определенных грамматических явлений и т.п. Внимание учащихся направляется, как и в естественных условиях, на содержание высказывания. Строятся упражнения на связном высказывании большей или меньшей длины.

Навыки синтетизирования требуют от учащихся знания не только того, что сказать, но и в какой последовательности. Примерными упражнениями могут быть: сокращение сложных предложений, освобождение простых предложений от распространителей, передача содержания, другими словами, расширение предложений добавлением распространителей и др.

Подобное распределение синтаксических явлений дает возможность создать динамическую систему упражнений, в которой сначала отрабатываются элементы высказывания в отдельности, с учетом их правильного морфологического оформления, затем более сложные сочетания и лишь вслед за этим, после введения средств предикации, переходится ко все более сложному оформлению предложения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глухов, Б.А., О лингвистических способах определения терминологичности атрибутивных словосочетаний, РЯР, 1978, №4.

2. Митрофанова, О.Д., Язык научно-технической литературы, М., Изд-во Московского университета, 1973.

3. Митрофанова, О.Д., Научный стиль речи: проблемы обучения, М., Изд-во "Русский язык", 1976.

4. Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии, М., Изд-во "Наука", 1970.

5. Торшина, Л.М., Крюк, Л.А., Цурков, В.Н., Учебный словарь сочетаемости терминов. Технология металлов и материаловедение, М., 1981.

ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ И РУМЫНСКОМ ЯЗЫКАХ

Мария Оицэ

Известно, что в системе любого языка разные языковые явления характеризуются различной степенью сложности в оформлении средств языкового выражения. Одни языковые явления в силу своей ограниченной грамматической оформленности и узкого круга значений на практике усваиваются легче, другие - характеризующиеся большим разнообразием форм и оттенков значений, при усвоении иностранцем представляют большие трудности. С этой точки зрения одним из сложных вопросов грамматики русского языка, особенно трудным для румын, являются способы выражения пространственных отношений.

Вопрос о выражении пространственных отношений в русском языке нашёл своё отражение в литературе по специальности. Способы выражения различных пространственных значений описаны во многих работах, а результаты наблюдений над спецификой системы данных значений являются для преподавателей русского языка ценным материалом как с теоретической, так и с практической точки зрения.

В румынском языке способам выражения пространственных отношений посвящено небольшое количество работ, хотя данные отношения наряду с временными отношениями являются самыми распространёнными в языке. Однако анализ вопроса показывает, что румынский язык располагает относительно простой системой лексико-синтаксической категории места, поскольку данные отношения реализуются, в отличие от русского языка, аналитической предложной парадигмой.

К. Доминте, анализируя способы выражения пространственных и временных отношений /при помощи предлогов/[I] выявляет ряд ситуаций,

---

I См. Constantin Dominte, Exprimarea relaţiilor spaţiale şi temporale prin prepoziţii în limba română, în Sistemele limbii, Editura Academiei R.S.R., Bucureşti, 1970.

в которых реализуются локативные значения, отмечает специфику лексико-синтаксической категории места в современном румынском литературном языке.

Основываясь на результатах исследований, можно прийти к выводу, что в русском языке для выражения пространственных отношений служит в основном падежная система.

Пространственные отношения содержат лексико-синтаксическую категорию места, категорию, которая должна рассматриваться в единстве содержания и формальных средств, выражающих данное содержание, так как единицы содержательных и формальных структур находятся во взаимной зависимости и участвуют совместно в речевой коммуникации.

В данной лексико-синтаксической категории носителями значений являются синтаксические формы слов, которые дифференцируют значения благодаря предлогам и морфологической форме имени. /Ср. сочетания за город и за городом, под стол и под столом, в которых содержание значений различают падежные флексии; сочетания типа за столом и под столом, в которых содержание значений различают предлоги.

Анализ фактического материала показывает, что в русском и румынском языках в рамках способов выражения пространственных отношений обнаруживаются как сходства, так и расхождения, причём последние преобладают над первыми. Знание и выявление содержательных и формальных соответствий и особенно несоответствий в способах выражения пространственных отношений позволяют преодолевать интерференцию, влияние родного языка над иностранным, устраняет ошибки типа "сидит на кафедру", "сидит в парте", "идёт в школе" и др.

В дальнейшем постараемся выявить некоторые расхождения между способами выражения пространственных отношений в сопоставляемых языках.

1. Известно, что в русском языке для выражения пространствен-

ных отношений используются все косвенные падежи.Данные отношения в румынском языке выражаются,за незначительными исключениями,одним падежом - акузативом.Это значит,что падежная система данных языков при выражении указанных отношений функционирует не одинаково.Родительный падеж по числу употребляемых с ним предлогов и выражаемых им локативных значений стоит на первом месте.В сочетании с предлогами он способен обозначать место действия,направление и трассу, напр.,стоит у окна /где?/,вылетел из-под крыши /откуда?/,скользит между берегов /где?/и др.

С точки зрения количесива выражаемых локативных значений,можно сказать,что родительный падеж функционирует как румынский акузатив.Однако не следует отождествлять способность этих падежей выражать пространственные значения,поскольку румынский акузатив способен выражать намного больше аспектов пространственных значений,чем родительный падеж,так как с ним сочетается подавляющее большинство предлогов и предложных сочетаний,которые дифференцируют локативные значения как в рамках сопространственности,так и несопространственности локализуемого предмета,действия с локумом.

2. В румынском языке,в отличие от русского,формальная дифференциация локативных значений чаще всего морфологически не проявляется.Сочетаниям типа в город,в городе соответствует только одно сочетание în oraş ,за шкаф,за шкафом - după dulap..Русские сочетания благодаря падежной флексии сами "подсказывают" динамический или статический характер отношения.Румынские сочетания în oraş, după dulap дают понять,что речь идёт о синтаксической категории места, но о статическом или динамическом характере отношения они информаций не дают.Это языковое явление объясняется тем,что пространственные отношения /и не только они/ реализуются аналитической предложной парадигмой,в то время как в русском языке эти же отношения мар-

кируются падежной формой, окончание существительного дополняет и конкретизирует значение предлога.

О конкретном значении вышеуказанного типа румынских конструкций можно судить только в более широком контексте, в сочетании с глаголами, в семантике которых содержится, с одной стороны, значение местонахождения, пребывания, экзистенциальности, зрительного и слухового восприятия, а с другой стороны, движения, перемещения, направленного значения, ср.: locuiesc în oraş /живу в городе/ - merg în oraş /иду в город/; doarme sub masă /спит под столом/ - a căzut sub masă /упал под стол/ сочетания, в которых только значение глагола конкретизирует характер отношения.

3. Некоторые конкретные локативные значения, выраженные предложно-падежными сочетаниями в румынском языке, отсутствуют в русском. Напр., в русском языке сочетания предлогов <u>перед</u>, <u>над</u> с творительным падежом выражают статические значения типа <u>находиться</u>, <u>стоять</u>, <u>встретиться перед университетом</u>, <u>летать</u>, <u>кружиться над озером</u>. Сочетания с данными предлогами употреблять для выражения динамики невозможно. Нельзя сказать "вернулся перед университетом", "прилетел над озером", в то время как в румынском языке аналоги этих предлогов în faţa, deasupra + генитив выражают и статику и динамику, напр., se află, stă, se întîlneşte în faţa universităţii и se duce, revine, se întoarce în faţa universităţii. В русском языке при глаголах движения, перемещения группы <u>перед+тв.п.</u>, <u>над+тв.п.</u> обозначают локум осуществления действия, а не его направление.

Однако если конечным пунктом направления действия является локум перед каким-либо предметом или над верхней частью его при каузативных глаголах <u>ставить-поставить</u>, <u>вешать-повесить</u>, <u>класть-положить</u>, <u>сажать-посадить</u>, а также при глаголах <u>лечь</u>, <u>встать</u>, <u>поместиться</u> и некоторых других, название этого другого предмета употребляется в

творительном падеже с предлогами перед, над, напр., посадить цветы перед памятником, поставить скамейки перед зданием, повесить картину над диваном, вбить гвоздь над дверью и др.

Что касается преподавания способов выражения пространственных отношений, то здесь больше, чем при преподавании каких-либо других лексико-синтаксических категорий, надо учесть специфику родного языка. Однако это не означает, что мы должны превратить изучение данных отношений в разговоры о языке, сопоставлять всё время это явление в родном и иностранном языках. Преподаватель должен использовать данные родного языка как средство обучения. Это средство помогает ему лучше организовать материал с целью выработать у учеников прочные практические навыки, создать у них возможность освободиться от мышления на родном языке.

Поскольку детальное рассмотрение вопроса о способах выражения пространственных отношений в данной статье невозможно, мы ограничимся лишь анализом предложно-падежных конструкций при глагольном управлении. В упражнениях обращается внимание и на другие способы выражения пространственных отношений, особенно на те, которые представляют наибольшие трудности для румын.

1. В конструкциях, обозначающих "местонахождение" или "пребывание" управляющий глагол имеет значение:

а/ Состояния или пребывания: висеть, лежать, сидеть, стоять, быть, находиться, присутствовать, возвышаться и др. "Селение это находится в Казбегском районе и лежит высоко в горах под остроконечными вершинами горного массива Чаухи"/В.св., I0, I977, с.22/. "При гостинице будут кафе, рестораны национальной кухни"/К., Р., с.I3/.

б/ Появления и исчезновения: возникнуть, появиться, показаться, вырасти, скрыться, погибнуть, умереть и др. "Редко-редко среди лесного царства возникали домики с побеленными стенами и черепичными крышами"/В.св., I0, I977, с.59/.

в/ Приобретения: купить, брать, взять, приобрести, получить. "Необходимые нам книги мы берем в библиотеке".

г/экзистенциальности: жить, обитать, существовать, водиться и др. "Вараны водились и в горах"/В.св., 6, 1977, с.16/.

д/ Зрительного и слухового восприятия: увидеть, услышать, встретить, узнать. "Среди зелени Измайлова можно увидеть новые корпуса Центрального института физкультуры"/К., Р., с.14/.

е/Каузативное /переходные и непереходные каузативные глаголы/ ставить, поставить, положить, класть, повесить, поместить, лечь, сесть, встать и др. "Вставая над Москвой, солнце скользит по верхушкам деревьев, ..."/К., Р., с.13/.

ж/ Движения, перемещения в пределах какого-либо пространства: бегать, ходить, бродить, кататься, гулять и др. "По широкой пологой площадке мчатся, поднимая шлейфы пыли, мощные самосвалы"/К., Р., с.25/

2. В конструкциях, обозначающих "трассу", употребляются:

а/ Бесприставочные и приставочные глаголы движения: идти, ходить, бежать, бегать, ехать, ездить, нестись, вести, пройти, обойти, обходить и др. "По этой дороге едут теперь новоселы Нагатина"/К., Р., с. 17/. "По Померанцеву переулку я шёл рядом с А.А.Померанцевым"/К., Р., с.42/.

б/ Глаголы со значением перемещения: подниматься, мчаться, двигаться, скакать, шагать и др. "Шагаю по трассе Новокировского проспекта, ..."/К., Р., с.33/.

3. В конструкциях со значением "направления" используются:

а/ Бесприставочные и приставочные глаголы движения: идти, ходить, ехать, бежать, носить, везти, вбежать, выехать, заходить, пробежать и др. "Ветер зашёл к югу и уже не жёг так колюче"/В.св.12, 1976, с.20/

б/ Глаголы, обозначающие перемещение: двигаться, скакать, вернуться, подняться, спускаться, мчаться и др. "Чёрный столб дыма высоко поднялся в небо"/В.св.12, 1976, с.19/. "А из палатки выскакивали люди, ..."/В.св.12, 1976, с.20/.

Многие русские глаголы благодаря своему лексико-грамматическому значению могут управлять разными падежами, ср.: ходить в парк, ходить по парку, ходить среди кустов, ходить между скал, ходить в лесу. При каузативных глаголах типа сесть, присесть, встать, лечь, /по-/ставить, посадить, положить, повесить, поместить/ся/ и др. возможно употребление то винительного и творительного падежей, то винительного и предложного, ср.: поставить цветы на стол, и поставить цветы перед памятником, поставит цветы на балконе; "Он вышел на опушку, сел на поваленное дерево и стал ждать"/Ю.К., с.92/. "Можно сесть на берегу озера и сидеть неподвижно"/Ю.К., с.70/.

I. Выражение местонахождения предмета предложно-падежными конструкциями

1/ Местонахождение предмета в пределах определённого пространства. Конструкции глагол+В+П.п. и глагол+НА+П.п.

Группа В+П.п. употребляется для обознаяения местонахождания предмета, выраженного названиями:

а/ Трёхмерных предметов /помещений, сооружений/: столовая, аудитория, здание, ложа, коробка, банка и др. "С марией Спиридон мы встретились в мастерской, ..."/В.св.10, 1977, с.32/. Исключения: на почте, на факультете, на фабрике, на заводе, на предприятии и др.

б/ Частей света: в Европе, в Азии, в Антарктиде; "Последней страной в Азии, в которой отмечались случаи оспы, была Республика Бангладеш"/В.св.8, 1976, с.29/.

в/ Некоторых островов и полуостровов: в Сицилии, в Сардинии, в Гренландии; "Его /проект/ уже реализуют в Сицилии, в местечке Андрано"/В.св.6, 1979, с.35/.

г/ Населённых пунктов и некоторых их составных частей: в деревне, в посёлке, в столице, в центре, в переулке, в пригороде, в районе; "А в переулках между улицами тихо"/К., Р., с.34/. "В районе Арба-

та в XIX веке жил весь цвет русской культуры"/К.,Р.,с.39/.

д/ Административных и территориальных единиц:в провинции,в области,в республике и др."Работать пришлось в районе Нонгконга в провинции Тханьхоа"/В.св.,9,1975,с.I/.

е/ Климатических зон:в тропиках,в субтропиках,в Арктике;"Какая ещё касатка? В Арктике они не водятся,.."/В.,св.,8,1976,с.19/.

ж/ Горных массивов с формой множественного числа:в Карпатах, в Альпах,в Гималаях,в Татрах,в Андах;"В Карпатах нет зон вечных снегов".

з/ Некоторых конкретных местностей,типов ландшафта и названия пустынь:в лесу,в роще,в зарослях,в долине,в горах,в саване,в тундре,в пампе,в песках и др."Удалось побывать в джунглях Ориесы" /В.св.,10,1977,с.58/."В Нагатинской пойме у нового моста построят большой стадион,манеж,теннисные корты,крытый каток"/К.,Р.,с.18/.

В этих случаях румынский эквивалент будет în, la + ac.

Сочетание НА+П.п.применяется при употреблении названий:

а/ Определённых пространств - частей населённых пунктов: на бульваре,на улице,на проспекте,на набережной,на окраине;"На бульварах,тесно прижавшись,сидят влюблённые"/Ю.К.,с.68/."На улицах совсем нет людей,только милиционеры"/Ю.К.,с.68/.

б/Спортивных площадок:на ринге,на стадионе,на катке,на баскетбольной площадке:" На катке я катался медленно и много падал,а другие катались быстро,как птицы".

в/ Стран света:на севере,на юге,на западе,на юго-востоке; "Август.И на Севере очень часто стоит плохая погода"/Ю.К.,69/.

г/ Типов суши:на материке,на континенте,на острове,на мысе; "Вулкан Килиманджаро находится на африканском континенте".

д/ Некоторых островов и полуостровов:на Сахалине,на Камчатке на Курилах:"Впочем на Командорах трудно представить день без дождя"/В.св.,II,1976,с.61/.

е/ Горных массивов с формой единственного числа: на Алтае, на Кавказе, на Памире, на Урале; "Они давно живут на Кавказе". /Исключения - на Балканах, в Тибете/.

ж/ Основных типов поверхности: на возвышенности, на перевале, на косогоре, на плато; "На вершине её Таганская площадь, а по склонам спускаются улицы и переулки" /К., Р., с.43/.

з/ При выражении пространственно-временного значения с существительными, называющими разные формы организации общественного времени или разных мероприятий: на спектакле, на концерте, на работе, на консультации. Однако и здесь встречаются сочетания в+П.п.: в командировке, в отпуске, в походе, в экспедиции/.

Перечисленным выше словосочетаниям соответствуют в румынском языке сочетания с предлогами pe, în, la в зависимости от закономерностей сочетаемости слов румынского языка, ср.: в Карпатах - în Carpaţi, на Кавказе - în Caucaz, на концерте - la concert, на острове - pe insulă, на Камчатке - în Camciatca и др.

Некоторые существительные, обозначающие место, допускают употребление как предлога в, так и предлога на: в тарелке - на тарелке, в земле - на земле, в море - на море, в траве - на траве и др. Когда имеется в виду "глубина" данных и им подобных предметов, они сочетаются с предлогом в и на румынский язык переводятся предлогом în, если же идёт речь об их поверхности, они сочетаются с предлогом на и переводятся на румынский язык предлогом pe: "А дождь всё крапал, всё шелестел в листьях и в траве..." /Ю.К., 96/. "Всё не то, всё не то, только рассвет и роса на траве, ..." /Ю.К., 90/.

2/ Обозначение м е с т о н а х о ж д е н и я одного предмета в н е другого предмета

Здесь выделяются следующие аспекты: а/ неопределённо-удалённое расстояние с оттенком пространственной близости /при употреб-

лении неодушевлённых существительных. Для выражения данного аспекта местонахождения употребляются предложно-падежные сочетания: ОКОЛО+Р.п.: около дома, около шкафа; ВОЗЛЕ+Р.п.: возле сада, возле скамейки; У+Р.п.: у окна, у доски; БЛИЗ+Р.п.: близ печки, близ деревни; БЛИЗКО ОТ+Р.п.: близко от вокзала, близко от фабрики, что в румынском языке передаётся сочетанием lîngă, aproape de + ac. ; СРЕДИ+Р.п.: среди лесов, среди озёр; МЕЖДУ /МЕЖ/+Р.п: между деревьев, между скал[1] что соответствует румынскому сочетанию în mijlocul + gen., între, preintre + ac. ЗА+Т.п.: за шкафом, за рекой, за столом, за партой, что соответствует румынским сочетаниям după, dincolo de, la, în + ac. МЕЖДУ+Т.п.: между деревьями, между рекой и лесом, что переводим сочетанием printre, între + ac. ; РЯДОМ С+Т.п.: рядом со школой, рядом со сценой, которое переводим сочетанием alături de + ac.. Несколько примеров: "Я стою у окна и смотрю в открытую форточку на лиловый снег, ..."/Ю.К., с.73/. "У подножия высотных зданий нового проспекта проходит Малая Молчановка - улица юности Лермонтова"/К., Р., с.39/."Вблизи нового парка запланирован также общегородской транспортный центр"/К., Р., с.16/. "Рядом с телефонной станцией на улице Мархлевского пристроят здание узла с переговорным залом и почтой;"/К., Р., с.33/."Можно сидеть в белую ночь на таком дворике под ивой за врытым в землю старым столом, ..."/Ю.К., с.219/

б/Параллельное расположение предмета по отношению к другому предмету, что выражается сочетанием ВДОЛЬ, МИМО+Р.п. при переходных и непереходных глаголах типа строить, громоздиться, возвышаться, подниматься, пролечь и др."Теперь городские постройки не жмутся вдоль шоссейных дорог, ..."/К., Р., с.13/."Вдоль проспекта построят крупные жилые дома, административные здания"/К., Р., с.32/."Через топь бывшего боло-

1 См. Мария Оицэ, К вопросу о синонимике предложных конструкций с пространственным значением в современном русском языке, AUB, Limbi slave, anul XXI, 1972, c. 121-131.

та пролегла мимо этого завода широкая магистраль..."/К.,Р.,с.16/. Этим конструкциям соответствуют в румынском языке конструкции de-a lungul + gen., pe lîngă + ac.

в/ Расположение предметов в ы ш е или н и ж е верхней плос кости другого предмета: НАД+Т.п.: висеть над столом, летать над городом; "Над столом прибита полка, на ней стоят банки с солью и чаем,.." /Ю.К.,с.115/; ПОД+Т.п.: под шкафом, под землёй; "Под землёй сосредоточится много технических служб"/К.,Р.,с.30/. Румынский эквивалент будет deasupra + gen., sub + ac.

г/ Расположение предмета в п е р е д и или с з а д и другого предмета. Такое обстоятельство места выражается сочетаниями ПРОТИВ, НАПРОТИВ+Р.п., ВПЕРЕДИ+Р.п., ПЕРЕД+Т.п.: против, напротив здания, впереди здания, перед зданием; СЗАДИ+Т.п., ЗА+Т.п.: сзади здания, за зданием. "Напротив строительной площадки поднялись два дома..." /К.,Р.,с.25/. "Перед старинным дворцом расстилается широчайшая улица, бывшая когда-то парадной площадью"/К.,Р.,с.64/."За Проходными сенями идет гостиная - Крестовая палата,.../К.,Р.,с.64/. Им соответствуют в румынском языке сочетания în fața + gen., în spatele + gen., după + ac.

д/ Местонахождение предмета на о п р е д е л ё н н о - у д а л ё н н о м расстоянии. Здесь выделяются два аспекта: 1/ местонахождение предмета относительно другого предмета, что выражается сочетаниями НА РАССТОЯНИИ ОТ+Р.п., В+П.п., ЗА+Т.п.: на большом расстоянии от станции, в трех километрах от города, за городом.""Володя в трех метрах от берега бил, шлёпал по воде руками,..."/Ю.К,с.13/."Где-то на огромных массивах, за Полярным кругом горели леса и тундра"/Ю. К.,с.240/. 2/Местонахождение предмета относительно нескольких других предметов, что выражается сочетаниями МЕЖДУ+Р.п., СРЕДИ, ПОСРЕДИ +Р.п., МЕЖДУ+Т.п.: между берез, среди озер, между лесом и озером. "Между деревьев растут высокие травы". "Среди построек изредка встреча-

ются дома позапрошлого века"/К.,Р.,с.45/."Широкая цветущая полоса бульвара находится как раз посредине промышленной и жилой зон"/К., Р.,с.16/."Это Таганская гора,которая находится между Яузой и Москвой-рекой"/К.,Р.,с.43/.При употреблении неоднородных существительных предлог МЕЖДУ сочетается только с творительным падежом.В румынском языке этим сочетаниям соответствуют între, printre + ac., în mijlocul + gen.

II. Обозначение трассы движения

При обозначении трассы движения в русском языке имеется в виду: а/ Трасса движения в пределах определённого пространства,которая обозначается сочетаниями ПО+Д.п.,В+П.п.,НА+П.п. при употреблении глаголов разнонаправленного движения и глаголов перемещения: ходить,гулять по лесу;ходить,гулять в лесу;ходить,гулять на площади."По полю в разных направлениях задумчиво перебегали собаки"/Ю. К.,с.243/; б/трасса движения при употреблении однонаправленных глаголов движения и других близких к ним по значению глаголов типа протекать,спускаться, ступать выражается сочетаниями ПО+Д.п.,ЧЕРЕЗ +В.п.,СКВОЗЬ+В.п. и беспредложным способом - творительным падежом. Последнему способу выражения трассы движения в румынском языке соответствует предложно-именное сочетание:идти полем,берегом - a merge (prin) pe cîmp, pe mal .Если в качестве обстоятельства места выступают существительные поле,лес,луг,чаща,село,деревня,посёлок в сочетании с предлогами ПО,ЧЕРЕЗ или беспредложной формой творительного падежа,то такие конструкции синонимичны и,следовательно,взаимозаменимы.Ср.:"Мы шли по лесу"-"Мы шли через лес"-"Мы шли лесом". Всем этим конструкциям в румынском языке соответствует prin + ac.

в/Трасса движения обозначается и группой ВДОЛЬ+Р.п.:вдоль берега,вдоль дороги.Данный способ выражения трассы обозначает,что один предмет сопровождает на протяжении какого-либо расстояния другой предмет,тянущийся в длину,напр.,"Вдоль шоссе поднимутся здания

различных институтов,..."/К.,Р.,с.I2/."Иногда вдоль дороги тянулась рожь"/Ю.К.,с.22/.Румынский эквивалент de-a lungul + gen.

г/ Трасса движения выражается и сочетанием МИМО+Р.п. Этот способ применяется,когда предмет находится в стороне от движущегося объекта.Такой способ выражения обстоятельства места возможен только при глаголах,обозначающих движение:ехать мимо института, мчаться мимо станции."Мимо этого дома и больниц ездил в Нескучный сад со своей невестой Александр Пушкин"/К.Р.,с.54/.

д/ Трасса движения может обозначаться ещё группой МЕЖДУ+Т.п. Р.п.:идти между скал,шагать между рельсами,что переводим сочетаниями între + ac., printre + ac.

III. Обозначение направления движеня

Под "направлением" надо понимать два главных аспекта движения какого-либо предмета:а/конечный пункт движения и б/исходный пункт движения,т.е. обратное движение.Оба эти аспекта в свою очередь подразделяются в зависимости от конкретной ситуации,выраженной управляющим и управляемым словами,на разные типы.

а/ Конечный пункт движения

Обстоятельства места,выраженные неодушевлёнными существительными,являющимися целью движения,выступают в группах В+В.п.,НА+Вп., ПОД+В.п.,ЗА+В.п.,ДО+Р.п.,НАД+Т.п.,ПЕРЕД+Т.п. Для выражения направления к определённому пункту группы В,НА,ЗА,ПОД+В.п. сочетаются со всеми словами,с которыми данные предлоги с предложным и творительным падежами обозначают местонахождение,ср.:упасть под стол, /куда?/- лежать под столом /где?/;"Впервые я попадаю в леса,в настоящие дикие леса,..."/Ю.К.,с.69/."Да,экспедиции отправляются в Среднюю Азию,и на Урал,и на Север"/Ю.К.,с.73/.

Группа ЗА+В.п.употребляется для выражения направления действия к месту,находящемуся сзади другого предмета:свернуть за угол, закатиться за шкаф,выбросить за борт;"И многих смывает за борт,и

тогда летят в чёрное небо тревожные ракеты,..."/Ю.К.,с.318/.

Группа ПОД+В.п. употребляется,когда конечным пунктом движения является пространство,находящееся под нижней плоскостью другого предмета:катиться под мост,спуститься под землю."Шарик попал под диван".

Группа НАД+Т.п. применяется,когда конечным пунктом и целью движения является пространство выше плоскости какого-либо предмета: повесить расписание над письменным столом,прибить таблицу над полкой. "Над диваном они повесили прекрасную картину".

Сочетание ПЕРЕД+Т.п. употребляется,когда конечным пунктом движения предмета является пространство,находящееся перед другим предметом:поставить скамейку перед окном,повесить фонарь перед избой /куда?/."Перед памятником они поставили вазу с цветами".

Последние два предложно-падежных сочетания не употребляются при глаголах "движения".

Группа К+Д.п. выражает направление,приближение предмета к какому-либо месту,являющемуся "ориентировочным" пунктом в пространстве:идти к парку,спуститься к оврагу."Рассохин,набирая высоту,шёл к морю"/Ч.,с.60/.

Группа НАВСТРЕЧУ+Д.п. обозначает движение предмета по той же линии,по которой в противоположной стороне находится или движется другой предмет. Существительное,обозначающее "другой" предмет ставится в дательном падеже:идти навстречу Северу,ехать навстречу Байкалу."...он /медведь/ поворчал немного,потом встряхнулся несколько раз и полез по крутому обрыву,навстречу огромным неподвижным соснам и елям"/Ю.К.,с. 199/.Все эти конструкции отвечают на вопрос куда?и на румынский язык переводятся соответствующими предлогами в сочетании с акузативом или генитивом.

б/ Исходный пункт движения

Если для выражения направления одного предмета к какому-либо

другому предмету могут употребляться в русском языке дательный, винительный, творительный падежи, то для обратного движения, т.е. движения от исходного пункта, употребляется только родительный падеж. В зависимости от конкретной обстановки исходные пункты действия могут выражаться группами:

а/ИЗ+Р.п. при обозначении направления изнутри трёхмерного предмета или "ограниченного" пространства: выехать из гаража, уехать из города, выбраться из лесу. "Когда они вышли из столовой, было уже совсем темно"/Ч., с.58/./Антонимичная конструкция В+В.п./.

б/ С+Р.п. при обозначении направления с поверхности какого-либо предмета: смыть с берега, сбросить со стола, взять с полки. "Ураганом сорвало крышу с дома."/Антонимичная конструкция НА+В.п./.

в/ ОТ+Р.п. обозначает исходный пункт, от которого удаляется предмет. Это сочетание соотносится с группой ДО+Р.п. "Поезд отошёл от станции". "От центра до бульвара мы шли пешком".

г/ИЗ-ЗА+Р.п. употребляется, когда исходным пунктом движения какого-либо предмета является пространство, находящееся позади другого предмета: вынуть из-за шкафа, появиться из-за угла. "Внезапно из-за елового леса вылетают маленькие санки,..."/Ю.К., с.I20/.

д/ ИЗ-ПОД+Р.п. употребляется для обозначения исходного пункта движения предмета, когда данный предмет находится под другим каким-либо предметом: вытащить книгу из-под дивана, взять карандаш из-под стола. "У риги он вытащил из-под доски ржавый косарь и стал рыть землю"/Ю.К., с.5/.

Русские конструкции, выражающие исходный пункт направления действия-движения, соответствуют румынским предложно-падежным конструкциям с акузативом. Румынские предлоги din, de pe, de la, de după, de sub соответствуют выше указанным русским предлогам, но в некоторых конструкциях это соответствие нарушается, ср. "Поезд отошёл от станции" - Trenul a plecat din staţie.

У П Р А Ж Н Е Н И Я

I. Прочитайте предложения.Задайте вопросы к словам,являющимся обстоятельством места.

I.Что это так странно звякнуло там,сзади? 2.Вода как лёд и вниз утягивает. 3.Там я сажусь и вздыхаю с облегчением.4.Прилетят утки,с шипением опускаются совсем рядом. 5.Потом опять зажигается /светлячок/,но уже ближе. 6.Вдали слышен низкий гудок, сверкает ослепительная звёздочка. 7.Нет,я не пойду никуда,никакие компании мне не нужны. 8.Я терпеливо жду.Кругом все нервничают,но я удивительно спокоен. 9.Даже издали видно какие у неё нежные руки. /Ю.Казаков/.

II. Вместо точек вставьте подходящие наречия,данные в скобках.

I.Не знаю,почему-то меня всё тянет на Север.Наверное,потому, что я .../туда,там/ охотился когда-то и был счастлив. 2.Раньше... /сюда,здесь/ был загон для скота. 3.Дверь в сторону была сорвана, и Пётр Николаевич вошёл .../внутрь,внутри/. 4.Пусто .../вперёд, впереди/,пусто .../назад,позади/,пусто .../влево,слева/,пусто ... /вправо,справа/,... /вправо,справа/ море, .../влево,слева/ лес. 5.А .../вниз,внизу/ осыпь каменная;камень воду лезет пить. 6.Шёл, шёл и упёрся /конь/,стал,ни .../вперёд,впереди/,ни .../назад,позади/,ни .../вбок,сбоку/- никуда,нигде/. 7.Лежит шхуна на боку, палуба сгнила,борта светятся, .../внутрь,внутри/ водоросли с песком. 8. .../дома,домой/ я некоторое время думаю о Лиле. 9. ... /туда,тут/ гораздо темнее,чем в поле. /Ю.Казаков/.

III. Слова,данные в скобках,переведите на румынский язык.

I.Да ничего.Забежи /acasă /пальто возьми. 2.Деревня скоро осталась /în urmă /,бесконечно потянулся низкорослый овёс,/

/поглядывала тёмная полоса леса. 3.В конце концов я могу уйти /acasă /я / aici /живу / alături /,и вовсе не обязателно мне

идти в кино. 4./ în faţă / загорается зелёный огонёк светофора. 5.Теперь он снова приехал / aici /,уже не один,а с сыном. 6. Алексей,расставив длинные в лыжных брюках ноги,смотрел /în sus /. 7.А / în dreapta / всё бревна да бревна. 8.Конь слушает внимательно,кожей передёргивает,фыркает и несёт Никишку /mai departe / всё / înainte şi înainte /. 9./ Unde/ идти? / înndreapta/ море, / în stînga/ горы,/ în spate/ камень и / în faţa / камень. IO.А земля / în faţă/ все мысы в море выставляет,будто длинные жадные пальцы.... II.Набирается конь решимости,снова скачет /înainte /, и снова щёлкают подковы./Ю.Казаков/.

IУ. Слова,данные в скобках,замените подходящими наречиями с частицей -то или -нибудь.

I.Люди идут ...-то /undeva /,спешат,чётко шагая по асфальту. 2.Он сухо катится по доскам,как по льду на реке,и затихает ...-то /undeva/на краю платформы. 3.Но мне почему-то тяжело в этот день и хочется побывать одному,посидеть ...-нибудь /undeva / с закрытыми глазами. 4.Он встал,оглянулся:/aici, pe undeva/...-то под елью был у них шалаш. 5.Раз он устроился под ёлкой,но потом проснулся и снова побрёл ...-то /undeva /. 6.Он /пёс/ пришёл ...-то /de undeva / весной и стал жить. 7.Опять белая ночь без теней,без звуков она мучительно непонятна,хотя и бродишь душой ...-то /undeva / на пороге тайны её,... 8. ...-то / undeva/ в тундре,...-то /undeva / за зоризонтом,за озёрами,за карликовыми лесами живут ненцы. 9.Убежать бы ...-нибудь /undeva /,спрятаться,чтобы только не видеть этого равнодушного,холодного лица. IO.Володя опёрся слабыми руками привстал,точно собираясь ...-то / undeva / бежать./Ю.Казаков/.

У. Для выражения обстоятельства места слова,данные в скобках, употребите в нужной форме.

I.Мы вышли на бугор,свернули вправо,/лощина/ спустились вниз, прошли /тропинка/ через льняное поле,и тут совсем неожиданно перед нами открылась река. 2.Володя готов был хоть сейчас начать ловить, но Яшка шёл всё дальше /берег/ реки. 3.И я никак не могу пройти /двор/,я подхожу к её окнам на улицу. 4.Иногда я возвращаюсь домой ночью,я иду /поле/ и мне немного страшно. 5.Мы сходим на платформе, засыпанной снегом,и идём /дорога/ через поле. 6.Мы идём /тёмная просека/. 7.Проснулись они к вечеру,когда дождь кончился,взяли ружья и пошли /мокрый лес/. 8.- Ступай всё /берег/,всё /берег/,-говорит мать. 9.Тедди прошёл /край/ поляны. I0.Он пробежал /огород/, перемахнул через плетень и помчался /поле/ к далёкому лесу. II. Он медленно шёл /кусты/... ./Ю.Казаков/.

УI. Вместо точек вставьте подходящий предлог.К предложным сочетаниям поставьте вопросы.

I.Сладок предрассветный сон,и голова валится ... подушку,глаза слипаются,но Яшка переборол себя,спотыкаясь,цепляясь ... лавки и стулья,стал бродить ... избе,разыскивая старые штаны и рубашку. 2.Поев молока с хлебом,Яшка взял ... сенях удочки и вышел ... крыльцо. 3.Кто-то проснулся раньше Яшки,стучал ... кузницы молотком; 4.Они шли ... деревне,и туман отступал ... ними,откывая всё новые и новые дома. 5. Дрозды звенят, ... рябину прилетели ... тёНасте ... огород. 6.Вода сразу ослепительно засверкала,и загорелись капли росы ... листьях,... траве и ... цветах. 7.Когда мы проходили ... афиш,я внимательно читал их. 8. ... страниц мне попадается длинный тёмный волос. 9. ... стеблей показываются большие рыбы. I0.Она сидит ... столом одна ... настольной лампы и читает. II.И вот мы встречаемся ... дороге ... пустынного поля. I2.Уже солнце поднялось высоко,и роса держалась только ... тени ... кустами,когда охотники подошли ... озеру./Ю.Казаков/.

УII. Слова,данные в скобках,употребите в нужном падаже.Вмето точек вставьте необходимые предлоги.

I.Пётр Николаевич стал лазить ... /ели/,царапал лицо и руки, оглядывался ... /поляна/,стараясь не отходит далеко. 2.А дождь всё крапал,всё шелестел ... /листья/ осин и ... /трава/,сырело и сырело кругом,только ... /ель/,где стоял шалаш,было сухо. 3.Собирался Никишка ... /отец/ ехать ... /двадцать вёрст/ ... /сухая вода/,... /горы/ и ... /лес/. 4.Перелетают... /берег/ кулички,кричат печально и стеклянно. 5.А чего только нет .../песок/ ... /море/? 6.Можно сидеть в белую ночь .../такой дворик/ .... /ива/ ... /врытый в землю старый стол/.7.И ... /всё это/ - ... /город/,... /река/, ... /суда/ тихо сияла пурпурная луна,... 8.Если побежать сейчас,то можно добежать ... /конец/ улицы и свернуть ... /угол/,прежде чем она выйдет. 9.Они,дрозды-то,жаднющие. ... /поля/ стаями летают,червяков ... /трактор/берут. IO.Внезапно я заметил собаку,бежавшую с деловитым видом ... /дорога/ ... /стадо/.II.Раньше он никогда не выбирался ... /пределы/ города./Ю.Казаков/.

УIII. Там,где можно,замените предложные обстоятельства места беспредложными.

I.Подсыпав червям свежей земли,он побежал вниз по тропинке. 2. Сколько влюблённых ходило по Тверскому бульвару! 3.По Москве можно ходить без конца. 4.По сторонам совсем чёрные ели и сосны. 5.По улице,прямо по середине,идут толпы людей. 6.Потом бродил по озёрам, лугам,по сумрачным борам,... 7.- Пошли!- громко и бодро сказал Петр Николаевич и первый зашагал по траве. 8.Но Алексей ,не слушая, свернул с тропы и хищно пошёл по беззвучному мху,по хвое и бруснике,держа ружьё в руках. 9.- Пойди вдоль озера.-Посмотри там ...Иди, иди! IO.Яшка выскочил на луг и кинулся к деревне. II.Игра началась, фигурки рассыпались по полю,мяч стал подниматься и спускаться. I2.

Весь лес,который был,в море убежал,не могли его поймать,а море выкинуло по берегам./Ю.Казаков/.

IX. Вместо точек употребите один из предлогов между,через, сквозь,среди,вдоль.Обоснуйте свой выбор.

I.Потом мы ходили ... замершую реку,и под нами гулко скрипел деревянный мост. 2.Петр Николаевич проснулся,когда ... дырявую сухую крышу начал прибиваться слабый свет. 3.Солнце давно село,леса не видно,а вверху, ... звёзд,жемчужно светится продолговатое пятнышко. 4.И вот облако медленно неуверенно вытягивается в длину, пухнет в середине,выгибается мостом-радугой ... западом и востоком. 5./Егор/ вымылся и надел чистую рубаху в сенях,а ... реку перевёз её /Аленку/ уже ночью. 6.Деревянные тротуары, ... досок лезет трава/.../. 7.Несколько смелее он прошёл ещё ... дороги,опять перешёл её и очутился теперь с другой стороны поля. 8.Он стоял,чёрный, ... бело-голубого крошева,один неподвижный ... общего движения. 9. Пёс быстро выбрался на берег и,отряхнувшись,скрылся ... штабелей леса. I0.Окно моей комнаты выходило в одичавший сад,заросший смородиной, малиной,лопухом и крапивой ... забора. II.С обрывком верёки на шее он /пёс/ сидел,забившись ... бревнами и дрожал. I2.Бедный ты пёс! Не знаешь ты,что ... седых елей и желтеющей листвы так нежно краснеют гроздья рябины и ягоды шиповника./Ю.Казаков/.

X. Вместо точек вставьте в придаточных предложениях места необходимые союзные слова.

I.А вдали,там,... летом встаёт солнце,видна звезда Кремлёвской башни. 2.Пошли! - громко и бодро сказал Пётр Николаевич и первый зашагал по траве,за поскотину,туда, ... он знал, должна быть тропинка. 3.В бору было сумрачно,глухо;только оттуда, .. за плотным рядом сосен лежала старица,робко пробивался голубой невер-

ный свет. 4./.../ там слышны все запахи - выбери для себя любой, иди туда, ... он зовет тебя! 5.Идти туда, ... пахло,он боялся,так как знал,что там люди,ненавидящие его и ненавистные,в свою очередь ему /Ю.К./. 6.Нашли его на юге Москвы,там, ... зеленеет Битцевский лес./К.,Р./ 7.На Сретенке, ... начиналась в своё время дорога к Белому морю,селились купцы/К.,Р./.

XI. Вставьте вместо точек необходимые союзные слова где,куда, откуда.Спишите в отдельные группы а/ предложения с придаточными места, б/предложения с другими типами придаточных.

I.Володя посмотрел в ту сторону, ... слышался гул трактора,и тотчас спросил: 2.Размотав удочки,он передал одну из них Володе,отсыпал ему в спичечную коробку червей и глазами показал место, ... ловить/Ю.К./. 3.Поэтому обсерватория перебазировалась на Ленинские горы,... сейчас находится Астрономический институт имени П.К.Штернберга. 4.В устье Яузы так много мостов гранита и асфальта,что не сразу видишь, ... вода,а ... суша. 5.Там,... будет расположена площадь,сегодня ещё можно увидеть остатки старого Останкина - дачные дома бывшего пригорода. 6.Дворец превратился в прекраный сквер, ... играют дети. 7.Там, ... годами устраивались свалки,возникнет набережная с бульварами и цветниками. 8.На афишах театра - имя Маяковского.Его именем назван близлежащий переулок, ... была квартира поэта. 9.Самый большой из холмов тот, ... проходят улицы Сретенка и Кирова. IO.Там, ... пролегло Дмитровское шоссе,также идёт строительство /Колодный,Рахманов/.

XII. Спишите отрывок из романа Н.Чуковского "Балтийское небо", вставляя вместо точек необходимые по смыслу слова справа от,против, до,влево,перед,вдаль,на,в,возле,слева,по направлению к,справа,между,туда,впереди,там,к,вблизи,вокруг,сюда.

I.Ленинград был ..., ... востоке,огромный,пересеченный Невой,

сейчас неразличимый,потому что ... поднималось солнце, и смотреть ... было невозможно. ... , ... длинном узком плоском острове,лежал Кронштадт,весь в заводских трубах и подъёмных кранах,... которыми возвышался собор,похожий на пасхальный кулич. ... , ... южном лесистом берегу,белели низенькие здания Петергофа и Ораниенбаума.

Рассохин довёл эскадрилью ... тучи и пошёл ... неё ... , ... восток. ... Лунина,как горный хребет,вздымались исполинские клубы пара,медленно движущиеся,с глубокими пещерами,полными то лиловым, то перламутровым светом.Дойдя ... тучи почти ... Ленинградского порта,Рассохин снова повернул ... север.Они опять пересекли Маркизову лужу - ... устья Невы - и пошли ... северного берега ... запад. ... Лисьего Носа - длинного лесистого мыса,вдавшегося ... море ... Кронштадту,- снова повернули ... юг и опять пошли ... туче.

ЛИТЕРАТУРА

Владимирский,Е.Ю.,К изучению предложно-падежных конструкций с пространственным значением,в кн."Вопросы теории и методики преподавания русского языка иностранцам",М.,1963;Предлоги при географических названиях,РЯЗР,1967,2;Выражение пространственных отношений,РЯЗР,1979,1.

Всеволодова,М.В.,Паршукова,З.Г.,Потапова,Г.Б.,Чуканова,А.Н., Способы выражения обстоятельственных отношений,Об.упр.МУ,1973.

Всеволодова,М.В.,Владимирский,Е.Ю.,Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке,М.,1982.

...

Казаков,Ю.,Голубое и зелёное,Рассказы и очерк,М.,1963,/в работе - Ю.К./.

Колодный,Л.,Рахманов,Н.,Город как мир,"Московский рабочий", /в работе - К.,Р./.

Чуковский,Н.,Избранные произведения,т.первый,Балтийское небо,М.,1977,/в работе - Ч./.

Вокруг света /журнал/:9,1975;8,11,12,1976;9,10,1977;6,1979. /в работе - В.св./.

ВОПРОСЫ СЕМАНТИЗАЦИИ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Фёдор Кирилэ

Одна из главных задач, которая должна решаться при обучении лексике иностранного языка - это адекватная семантизация лексических единиц. Семантизация - это "пропущенность" слова через сознание ученика, объяснение преподавателем и усвоение учеником смысла слова.

В методике семантизация новых слов понимается как первичный этап работы над словом, начинающийся с его предъявления, раскрытия значения и завершающийся первичным закреплением.

Вопрос о том, когда и как должны объясняться незнакомые слова, решается в зависимости от: а/ назначения текста и характера отрабатываемого материала; б/ степени трудности их усвоения; в/ цели и типа урока; г/ степени знания иностранного языка учащимися.

Семантизация предполагает объяснение новых слов не случайно, а по заранее продуманному плану. В какой-то мере это зависит от читаемых текстов. Однако круг лексики для работы на разных этапах обучения должен быть примерно определён заранее, что и требует от преподавателя иностранного языка последовательной и систематической подготовки к объяснению незнакомой лексики. Подготовка преподавателя к семантизации новой лексики сводится в основном к следующему:

а/ проводится анализ новой лексики с целью определения трудностей /формы, значения, употребления/ и, соответственно, их группировка по этим трудностям;

б/ определяется дозировка новых слов и форма организации ознакомления с ними;

в/ определяются способы семантизации лексики и методы её предъявления - индуктивный или дедуктивный;

г/ составляется комментарий /объяснение/ для каждого отдельного слова и подбирается иллюстративный материал;

д/ определяются типы и виды упражнений для первичной тренировки и последовательность их выполнения.

Имея в виду,что этап ознакомления с лексическим материалом определяет эффективность его усвоения,современная методика ставит перед преподавателем иностранного языка задачу,состоящую в том,чтобы в каждом конкретном случае выбрать такой способ семантизации,который помог бы раскрыть значение незнакомого учащимся слова с наибольшей полнотой и ясностью при минимальной затрате учебного времени.Из этого следует,что нет и не может быть универсального способа семантизации,и преподавателю приходится подбирать средства семантизации слова самому,сообразуясь со следующими требованиями к семантизации:а/ научность,т.е. соответствие современному уровню лингводидактики;б/ соответствие конкретным условиям обучения,т.е.использование тех способов,которые представляются наиболее эффективными именно для данной обстановки;в/ функциональность,т.е.приведение типичных словосочетаний,в которые входит семантизирующееся слово.

В методической литературе описаны разные способы семантизации новых слов.В настоящей статье мы попытаемся систематизировать их и выяснить специфику применения этих способов в румынской аудитории.

Способы семантизации русской лексики

1. Объяснение новых слов с помощью наглядности

Семантизация новой лексики и её лучшее запоминание опирается обычно на средства зрительной и слуховой наглядности,т.е.на а/ естественные/или натуральные/окружающие нас предметы,явления,их признаки и т.п.; б/ изобразительные средства наглядности,представляющие изображения либо самих этих предметов,признаков,действий/ в виде рисунков,картин,фотографий,диафильмов и т.п./,либо отношений и связей между ними/ в виде абстрактных моделей,схем,таблиц,карт и т.п./.Эти виды наглядности связаны с демонстрацией предметов,признаков и действий или их изображением;в/средства слуховой наглядности,к которым относятся прежде всего слухо-речевые средства / главным образом устная речь человека/ и предметно-слуховые / - это демонстрация характера звучания,свиста,скрипа,звона при помощи соответствующих предметов,например,скрипящей двери,звенящего колокольчика/; имитативные / подражание крикам животных или звукам,издаваемым пред-

метами/ и музыкальные / использование музыкальных произведений/[1].

Все средства наглядности / зрительные и слуховые/могут применяться в учебном процессе без помощи и с помощью технических средств.

Семантизирующая функция средств наглядности имеет скорее подсобный характер.Наибольшую методическую ценность они представляют тогда,когда используются для активизации речевой деятельности и прежде всего слушания и говорения[2].

Способ семантизации при помощи иллюстративной наглядности используется на всех этапах обучения,особенно при объяснении значения слов, называющих конкретные предметы.Таким способом легко можно раскрыть,например,значение слов,выражающих названия предметов ,находящихся вокруг учащегося,т.е.предметов учебной обстановки и учебной принадлежности,наименования оборудования учебных мастерских,лабораторий,библиотеки,спортивного инвентаря и т.п.При объяснении некоторых глаголов можно продемонстрировать выражаемое ими действие/например,открыть,закрыть дверь, положить,поставить,читать,рисовать,писать и т.п./.Возможен показ значения некоторых из употребляемых прилагательных,демонстрируя предметы разного цвета,формы,величины,включая их названия во фразы и микродиалоги / красный карандаш,чёрная доска,большое окно,зелёные листья,высокий/низкий человек и т.п./,а также значения некоторых наречий / быстро,медленно,громко,тихо,справа,слева,много,мало,впереди.сзади и др./,значения глаголов движения,многих предлогов и т.п.Учащиеся производят эти действия,называют предметы учебной обстановки"как бы фотографируя речь преподавателя,и таким образом усваивают их[3].

Преимущество этого способа семантизации заключается в том,что одновременное участие зрения и слуха в процессе семантизации способствует более прочному и беспереводному усвоению нового слова.Однако этот способ семантизации имеет и существенный недостаток,состоящий в том,что

1 Щукин,А.Н.,Состояние и перспективы развития методики использования аудиовизуальных средств обучения русскому языку,РЯЗР,1982,2,с.72.

2 Щукин,А.Н.,Методика использования аудиовизуальных средств,Москва, 1981,с.72.

3 Костомаров,В Г.,Митрофанова,О.Д.,Методическое руководство для преподавателей русского языка иностранцам ,Москва,1978,с.72.

при помощи его нельзя объяснить названия исторических явлений /революция, восстание, война/, абстрактных понятий/тишина, радость, тревога, способный, интересный, красивый и т.п./. При этом лексические наглядные пособия должны изображать предметы и явления, уже известные учащимся на их родном языке. Только тогда они смогут найти эквивалент русскому слову на своём языке.

2. Семантизация новых слов с помощью перевода на родной язык

Перевод на родной язык учащихся - это наиболее старый, распространённый и в то же время наиболее экономный способ семантизации новых слов. Целесообразность обращения к этому способу зависит от семантических и стилистических соотношений эквивалентов в родном и русском языках, от возраста и степени подготовленности учащихся, от типа школы и от этапов обучения.[4]

Проблема перевода, его роли и места применительно к семантизации новых слов понимается по-разному в методической литературе.[5] В условиях обучения русскому языку в румынской аудитории переводный способ целесообразно применять: а/ на всех этапах обучения, в том числе на начальном этапе, когда вполне допустимы принцип наглядности и прямой перевод; б/ когда слова не могут быть семантизированы другими способами/сюда относятся слова с абстрактным значением, русские реалии, слова, обозначающие такие явления или предметы, которые на румынском языке передаются сочетанием слов/рукавицы - mănuşi cu un deget; кипяток - apă fiartă; мизинец - degetul mic; сутки - douzeci şi patru de ore и др./; русские фразеологизмы и научная терминология, в/ при семантизации русских лексем, представляющих особые трудности для учащихся румын, в пояснении которых необходим перевод-разъяснение, т.е. толкование значения русского слова на родном языке учащихся/например, при раскрытии значения синонимов типа: иностранный, зарубежный, заграничный, иноземный, чужеземный чужестранный, к которым в румынском языке нельзя подобрать точного эквивалента/. В таких

4 Шанский, Н.М., Успенский, М.Б., Русский язык как учебный предмет в национальной школе, РЯЗР, 1973, 3, с.12.

5 См. подробно об этом: Ванников, Ю.В., Обучение переводу и переводный метод обучения, РЯЗР, 1980, 1, с.47-56.

случаях, наряду с приведением ряда соответствующих синонимов румынского языка, надо с большим вниманием и умением подбирать контексты, чтобы учащиеся осознали, как правильно использовать данные слова-синонимы; б/ при проверке понимания введенных новых слов и контроля за усвоением новой лексики.

Итак, перевод как способ семантизации нового слова необходим там, где невозможен какой-либо другой способ семантизации. При этом нужно только, чтобы перевод не становился самоцелью, занимая слишком много времени на уроке, особенно если урок - единственная возможность слушать иностранную речь.

3. Семантизация новых слов при помощи синонимов и антонимов

Семантизация при помощи синонимов и антонимов предполагает раскрытие парадигматических характеристик слова.

Слово как единица лексической системы языка усваивается прочнее и легче только в ряду других слов, близких или соотносительно противоположных по значению, что закономерно вытекает из системного подхода к лексике и к языковой структуре в целом. Однако, часто бывают случаи, когда на уроках русского языка семантизация лексики организуется с учётом не всех видов системных отношений между словами. Вне поля зрения преподавателей при обучении лексике часто оказываются такие явления русского языка, как синонимия и антонимия. Между тем, "синонимические и антонимические отношения буквально пронизывают русский язык" [6].

а/ Объяснение новых слов при помощи синонимов

Этот способ семантизации применяется на разных этапах обучения и в особенности на том этапе, когда у учащихся уже есть некоторый запас слов, на который преподаватель может опереться при объяснении. Так, например, объясняя слово замечательно, преподаватель приводит уже известные слова очень хорошо, прекрасно. Слово кинуть в контексте предложения может быть объяснено через бросить, слово тревожиться - через беспокоиться, слово послать /письмо/ - через отправить и т.п.

6 Новиков, Л.А., Антонимия в русском языке, Москва, изд-ство МГУ, 1973, с.12

Иногда слово объясняется через другое,близкое ему по значению только в данном контексте.Например,в словосочетании свежий воздух слово свежий может быть объяснено как чистый.Этого достаточно для понимания контекста.Хотя объяснение и не даёт полного представления о слове,но зато знакомит учащихся с одним из случаев его употребления,что тоже важно,так как из таких отдельных случаев складывается представление об употреблении слова в целом.Однако преподаватель должен обращать внимание учащихся на то,что в разных сочетаниях слово может иметь разные значения и поэтому синонимы могут быть различными.Для того,чтобы дать учащимся полное представление о слове,преподаватель должен объяснить разницу в значении слов-синонимов и сферу употребления каждого из них.При объяснении слова свежий преподаватель указывает,что это слово,например,в сочетании со словом воздух имеет синоним чистый /чистый воздух/,а слово свежий в сочетании со словом хлеб имеет синоним мягкий /мягкий хлеб/,свежая газета - новая,т.е. последняя,сегодняшняя газета.

Итак,применение этого способа семантизации рассчитано"не на абсолютно точную передачу смысловых или эмоциональных оттенков,а на раскрытие сущности того явления действительности,которое выражено словами-синонимами,на раскрытие основного значения,необходимого для понимания общего содержания высказывания".[7]

б/ Объяснение новых слов при помощи антонимов

К способу семантизации новых слов при помощи антонимов можно прибегать уже на начальном этапе,когда усвоено некоторое количество лексических единиц.Например,если преподаватель должен ввести такие новые слова,как начало,смерть,темнота,холод,молчать,уйти,помнить,дешёвый,сложный,там,туда,поздно и пр.,их легко объяснить при помощи уже изученных лексем: конец,жизнь,свет,тепло,говорить,прийти,забыть,дорогой,простой,тут,сюда,рано.

Целесообразнее говорить о рациональном введении новых слов-антонимов в рамках определённой разговорной темы,где вступая в определённые отношения между собой,они лишь помогают уяснить значение друг друга.Например,в теме "У врача"или"В поликлинике" можно объединить такие слова,как

7 Колесникова,А.Ф.,Проблемы обучения русской лексике,М.,1977,с.56.

болен-здоров/Он был болен,а теперь здоров/; плохо-хорошо/Ему было плохо, а теперь хорошо/;В разговоре о семье и квартире можно объединить такие антонимы,как большой-маленький,тёплый-холодный,новый-старый,молодой,высокий-низкий и т.д.Такая группировка облегчает запоминание новой лексики и повышает её коммуникативную ценность.

В процессе усвоения всё новых антонимичных слов помогаетнаглядность В данном случае можно демонстрировать непосредственно сами предметы:большой/маленький мяч,пенал,карандаш,в другом - картинки:большой/маленький медведь,дом;большое/маленькое-здание,окно.

Сопоставительный семантический анализ русского и румынского языков показывает,что наибольшее число несовпадений объёмов значений лексических единиц наблюдается в словах с переносным значением.При этом преподавателю необходимо провести работу по семантизации слов,значения которых в русском и румынском языке совпадают,т.е. со словами в прямом их значении.Так,например,русские слова толстый/тонкий в обозначении объёмов предметов:тонкое/толстое дерево,карандаш и поперечника предметов:толстая/тонкая тетрадь,книга,верёвка,которые имеют однозначный перевод в румынском языке.Эти же слова в переносном значении,к примеру тонкий намёк, вкус,подход.

Таким образом,осознательное овладение смысловым содержанием слов в их основном значении с помощью признака противоположности подготовит учащихся к усвоению и переносных значений,где первые по отношению к последним выступают как базисные.

Естественная связь антонимов в языке заставляет семантизировать их преимущественно одновременно,парами/открыть-закрыть,войти-выйти,надеть-снять,высокий-низкий,присутствовать-отсутствовать/и т.п.,что способствует быстрому запоминанию большого количества слов.Однако парами следует давать лишь чётко соотносимые слова-антонимы [8].

4. Объяснение новых слов при помощи контекстуальной догадки

Применение этого способа семантизации приносит большую пользу учащимся,так как приучает их схватывать основной смысл предложения и,исходя

8 Об антонимии как средстве семантизации см.подробно Осипова,А.И. Антонимия как средство семантизации русской лексики,РЯНШ,6,1979,с.23-26.

из понимания всего предложения, догадываться о значении незнакомого слова. Использование контекста для понимания значения слова развивает сообразительность, догадку и готовит учащихся к самостоятельной работе с книгой. Кроме того, учащиеся узнают новое слово в его связи с другими словами, а не изолированно, получают представление об его употреблении.

Презентация нового слова в контексте может осуществляться по-разному. Желая объяснить учащимся незнакомое слово, преподаватель может сказать им предложение, включающее это слово, или несколько предложений, если нет уверенности, что слово будет понято из одного предложения. Так, например, при семантизации слова принадлежать преподаватель даёт ряд предложений с этим словом. В иллюстрирующих предложениях все остальные слова уже знакомы учащимся: У меня есть книга. Это моя книга. Она принадлежит мне. Чтобы проверить правильно ли понято слово принадлежать, задаётся несколько вопросрв. Нпример: Это ваша тетрадь? Она принадлежит вам? Кому принадлежит эта тетрадь? Кроме того, преподаватель может рассказать учащимся небольшой эпизод с включением новых слов, которые они должны понять из контекста. Иногда новые слова понимаются при чтении отдельных предложений или связного текста. При этом целесообразно использовать ясный и понятный контекст, чтобы учащиеся хорошо поняли, о чём идёт речь. Например, если учащиеся уже усвоили глаголы идти, ехать, то можно показать значение нового слова лететь в контексте: Самолёт летит в Бухарест. Сейчас осень. Птицы летят на юг.

Возможность совершать маленькие открытия, самостоятельно догадываясь о значении слова, поддерживает у учащихся необходимо умственную активность и облегчает запоминание нового слова и его значения.

При семантизации новых слов по догадке можно использовать не только контекст, но и ситуативные рисунки, на которых показан комплекс явлений. Такой рисунок может иллюстрировать текст, на базе которого вводятся новые слова. Сопровождение чтения или рассказа показом ситуативных рисунков облегчает понимание текста и, кроме того, способствует развитию языковой догадки у учащихся [9].

---

[9] Штейнберг, В. О некоторых методах работы над лексикой при обучении русскому языку, РЯЗР, 4, 1968, с. 61-64.

Объяснение новых слов при помощи контекстуальной догадки требует определённого уровня владения языком. Этот способ семантизации слов может использоваться и на начальном этапе обучения, особенно тогда, когда речь идёт о чтении специальной литературы и газет на русском языке.

5. Объяснение новых слов при помощи словообразовательного анализа

Анализ состава слова как способ семантизации может широко применяться на всех этапах обучения языку. Учёт в процессе обучения лексике словообразовательных отношений предполагает презентацию словарных единиц в составе групп слов, классифицированных по единой словообразовательной модели, когда каждое изучаемое производное слово находит свою мотивацию у ранее изученного производящего или у другого производного/школа, школь-ник, школь-ниц-а, школь-н-ый; уч-и-тель, вод-и-тель; трактор, тракторист, машин-ист, велосипед-ист; писать, на-писать, на-рисовать, на-клеить/. Сопоставляя более сложные по составу слова /производные/ с менее сложными/производящими/, учащиеся устанавливают, что слово тракторист, например, отличается от слова трактор тем, что в нём появилась часть /-ист/, т.е суффикс. Под руководством преподавателя устанавливается смысловая связь и разница между этими словами. Работа с приставочными словами ведётся тоже по схеме: писать-на+писать; шёл - при+шёл.

Выработка умения догадываться о значении слова по словообразовательным элементам должна начинаться с первых шагов изучения русского языка. Например, если учащиеся усвоили слова стол, мяч, стул, карандаш и др. то для ознакомления со словами столик, мячик, стулик, карандашик и т.д. достаточно показать учащимся, что суффикс/-ик/ привносит в слово значение "маленький", и подвести таким образом к осознанию значений: столик -"маленький стол"; мячик -"маленький мяч" и т.д. Если учащимся известны уже слова книга, класс, свет и др., то на следующих занятиях к ним добавляются однокоренные: книжный, классный, светлый, светло, светить, т.е. происходит и повторение, и расширение лексики; достигается усвоение словообразовательной модели, развитие у учащихся умений выводить значение слова из его элементов, усвоенных ранее и на основе знания значения словообразовательных аффиксов.

Итак, осознание значения новых слов при помощи словообразовательного анализа даёт преподавателю возможность развить у учащихся способность к языковой догадке, значительно расширить потенциальный словарь и пассивный запас лексики вообще. Учащиеся, понимая ту функцию, которую несут аффиксы, усваивают значение слов без всякого труда. Такой способ семантизации позволяет учащимся вместо одного слова усвоить гнездо слов одной лексико-семантической структуры[10].

6. Семантизация значений слов, обозначающих видовые понятия, через слова, обозначающие родовые понятия

Сущность этого способа заключается в том, что значение слова или выражения раскрывается, отграничивается от других значений путём перечисления тех предметов, которые вместе взятые именуются данным словом, обобщающим лексико-семантическую группу слов.[11] Например: стол, стул, кровать, шкаф и т.д. - мебель; отец, мать, сын, дочь - семья; весна, лето, осень, зима - времена года; день и ночь /утро, день, вечер, ночь/ - сутки и т.п.

Применяя этот способ семантизации, раскрывается отношение части к целому, отдельного к общему, ибо новое слово передаёт более широкий объём наименования, а слово поясняющей части обозначает тот же круг предметов, явлений, который именуется поясняемым словом.

Эффективность этого способа семантизации заключается в том, что он даёт краткие, ясные определения, вызывает в сознании учащихся конкретные образы предметов, явлений, которые необходимы для правильного понимания значения слова.

7. Описательное объяснение новых слов на русском языке/дефиниция/

Способ семантизации при помощи дефиниции приносит максимальную пользу учащимся особенно среднего и продвинутого этапов обучения русскому языку, когда они уже неплохо знают русский язык. Этим способом семантизируется преимущественно безэквивалентная лексика, к которой относятся

10 См. подробно об этом: Осипова, А.И., Словообразование как средство семантизации лексики, РЯНШ, 1981, 4, с. 33-39.
11 Колесникова, А.Ф., Проблемы обучения русской лексике, Москва, 1977, с. 57.

советизмы,слова-наименования нового быта,слова-наименования предметов и явлений традиционного русского быта,историзмы,лексика фразеологических единиц,фольклорная лексика и т.д.[12] В данном случае определение семантики слова должно быть кратким,наглядным,непосредственно сводимым к элементарным словам.Ср.,например,объяснение некоторых слов из вышеуказанных группп:колхоз - коллективное хозяйство;валенки - зимняя обувь в виде сапог,сваленных из шерсти;бить баклуши - бездельничать; смотреть в оба-быть очинь внимательным,очень осторожным и т.п.Умение давать определение - это умение чётко формулировать свои мысли.Желательно,чтобы преподаватель согласовал свои объяснения с толковыми словарями,выбирая подходящие для данного слова способы его объяснения.

Описание значения нового слова на русском языке,как правило,сочетается с показом слова в контексте,что необходимо для лучшего понимания значения слова и особенностей его употребления.Этот способ семантизации подготовляет учащихся к использованию в дальнейшем толкового словаря.

Этот способ наиболее точно раскрывает значение и тренирует учащихся в понимании речи со слуха,создаёт также возможность непосредственной соотнесённости между словами русского языка и явлениями действительности без посредства родного языка.

8. Расширенное толкование значения нового слова на родном языке

Толкование значений слов на родном языке учащихся занимает особое место среди способов семантизации новых слов.Его можно использовать в тех случаях,когда новое слово не имеет эквивалента в родном языке учащихся/ самовар,баян,баня,берёза и др./,или когда объём понятий в румынском и русском языке не совпадают,и простого перевода недостаточно в целях более адекватного усвоения фоновых знаний о слове,социокультурных сведений,необходимых для аутентичного владения изучаемым языком,а также более глубокого осознания контрастов между культурными реалиями двух языков,в частности,русского и румынского[13] /Ср.,например,средняя школа -

12 Верещагин,Е.М.,Костомаров,В.Г.,Лингвострановедческая теория слова, Москва,"Русский язык",1980.с.199-200.

13 См.подробно об этом:Аурика Брановяну,В.Васченко,Безэквивалентная лексика и средства её семантизации ,"Prelegeri de limbă şi literatură rusă",vol.I,Bucureşti,1983,p.115-139.

-десятилетка в СССР и лицей с более длительным сроком в СРР;не совпадает система школьных оценок: в СССР - пятибальная система,а в СРР -десятибальная;не совпадает время каникул;различаются школьные формы,школьные праздники и т.д./.

Благодаря этому способу учащиеся не только получают ясное представление о предмете или понятии,название которого отсутствует в их родном языке,но и расширяют свой кругозор,развивают своё мышление.

Наряду с наглядностью и переводом,толкование на родном языке является самым характерным и самым доступным способом семантизации новых слов на начальном этапе обучения.

9. Объяснение новых слов с помощью этимологического анализа

Применение этимологического анализа позволяет постепенно знакомиться со структурой слова.Этимологический анализ,как правило,интересен для учащихся.Обучение таким образом разнообразится и внимание учащихся активизируется.Например,неизведанный - от слова изведать - узнать,изучить, т.е. неизученный,неузнанный;правдободобный - от слова правда и подобный, т.е.похожий на правду,вероятный,возможный.Возможность опираться при семантизации лексики на знание учащимися слов того же корня значительно облегчает понимание и запоминание большого количества слов.При использовании этого способа семантизации следует иметь в виду проведение этимологического анализа таким образом и в таком объёме,чтобы он был доступен учащимся и помог им понять первоначальную форму или значение русского слова.[14]

Как нам представляется,привлечение этимологических данных целесообразно для повышения заинтересованности учащихся,для развития у них языковой интуиции.Этот способ семантизации целесообразно применять,учитывая возрастные особенности учащихся,уровень их языковой подготовки.

10. Комбинированный способ семантизации новых слов

Ситуативно-тематическая организация учебного материала позволяет

14 Бронец,И.,Элементы этимологического анализа на занятиях по русскому языку,РЯЗР,1976,2,с.81-82.

одновременное использование на всех этапах обучения нескольких способов семантизации.Например,показ картинки,диапозитива и толкования на родном языке учащихся;показ ситуативных рисунков и объяснение на русском языке.

Причина ограниченности способа семантизации при помощи наглядности коренится,как это было уже сказано,в лингвистических особенностях лексики,в обобщающем характере значения.Именно поэтому семантизация при помощи наглядности,как правило,сопровождается другими способами - дефиницией,описанием ситуации,контекстуальной догадкой,привлечением элементов лексической парадигмы/синонимы,антонимы/.

11. Полный способ семантизации новой лексики

Этот способ рекомендуется И.П.Слесаревой как единственный,адекватный природе лексических единиц[15].В его основе лежит тезис о том,что полное и адекватное раскрытие значения слова требует полного способа семантизации,реализация которой зависит прежде всего от типа лексического значения слова.

Сущность этого способа семантизации заключается в раскрытии предметной,понятийной отнесённости слова,его парадигматических,синтагматических и прагматических характеристик,исходя из того,что коммуникативное обучение предполагает аутентичное владение активным учебным словарём во всех трёх вышеуказанных аспектах значения.К этому следует добавить,что любое слово изучаемого языка и его переводной эквивалент различаются хотя бы по одному из трёх аспектов своего содержания - по значению,нормам дистрибуции или по социокультурному компоненту.[16] Возможной формой полной семантизации лексики в этом смысле является лексико-семантическая группа /ЛСГ/слов,отражая парадигматические связи,которые способствуют тому,что слово усваивается не как изолированная,случайная единица.Взаимоотношение лексики внутри таких групп могут быть использованы для более наглядного представления семасиологических категорий/синонимических,антонимических отношений/ и вопросов лексической дистрибуции.Отдельное слово рассматривается в своём семантическом окружении,имея в виду,что

---

15 Слесарева,И.П.,Проблемы описания и преподавания русской лексики, Москва,изд-ство "Русский язык",1980,с.144-149.

16 Feodor,Chiriîă,Caracterul formativ al contrastelor etnologice în predarea limbii ruse,"Limbile moderne în şcoală",1983,vol.II,p.124-128.

лексическая дистрибуция слова обычно выступает в двух своих функциях:она указывает условия лексического окружения слова/например,у моносемичных слов/ и является средством разграничения отдельных значений/у многозначного слова/.

Однако,при полной семантизации значение слова может быть правильно раскрыто лишь путём сопоставления его с другими словами или с рядом слов в пределе ЛСГ как на уровне системы изучаемого языка,так и на уровне систем родного и изучаемого языков.Анализ значений слов на материале только изучаемого языка,т.е.сопоставление внутри изучаемой системы и межъязыковое сопоставление помогают выяснить общность и различие лексического значения слов,составляющих ЛСГ,и тем самым достаточно точно определить лексическое значение каждого из этих слов.Такой анализ безусловно способствует осуществить положительный перенос и предупредить возможную интерференцию.Так,например,значение слова мокрый раскрывается через сопоставления со словами сырой,влажный;значение наречия быстро - через сопоставление с наречием скоро;значение глагола слушать - через сопоставление с глаголом слышать и т.д.При такой семантизации в сознании изучающего иностранный язык возникают прочные и многообразные ассоциативные связи данного слова с другими словами,слово лего возникает в памяти в нужных ситуациях и т.п.То,что в методической литературе рассматривается как способы семантизации,является,по мнению Слесаревой, редуцированными способами по отношению к полному способу семантизации,ибо каждый из них в отдельности раскрывает одну из многих сторон значения слова.С помощью редуцированных способов семантизации раскрываются наиболее яркие,наиболее выраженные особенности лексического значения слова.Другие особенности раскрываются при дальнейшем знакомстве со словами.Такой вывод естественно вытекает из понимания слова как единицы лексической системы языка.

Редуцированные способы семантизации вполне соответствуют для адекватного усвоения слов,соотносящихся с понятиями или обозначающих реалии, совпадающие в русском и родном языке учащихся и не обладающие специфи-

ческими для русского языка внутриязыковыми характеристиками. В то время как полный способ семантизации включает в себя "выделяемые и отграничиваемые обычно в методике приёмы семантизации слов при помощи дефиниций, синонимов, антонимов, контекста. В этом случае полно реализуется принцип языковой наглядности, поскольку слово представляется многократно и разных ракурсах"[17].

Лексические единицы, подлежащие такой семантизации, являются слова, выделенные в ЛСГ на основе типологии закономерных, семантически обусловленных ошибок в русской речи учащихся, основным источником возникновения которых является нарушение смысла высказывания, неточной передачи смысла. Сюда можно отнести лексико-семантические группы типа: использовать, применять, употреблять; всегда, всё время, вечно, бесконечно, постоянно; тщательно внимательно, аккуратно, старательно, подробно, детально, скрупулезно; обстановка, обстоятельства, условия, атмосфера, положение, ситуация; мокрый, сырой, влажный; способный, талантливый, даровитый, одарённый и т.п.[18]

Полный способ семантизации реализует в какой то мере принцип сознательности усвоения, поскольку приходится обращаться к таким мыслительным операциям, как обобщение, аналогия, сопоставление. Таким образом, опираясь на знания о структуре значения и системности лексики, можно более эффективно и рационально семантизировать слова.

Способ полной семантизации слов в лексико-семантических группах характерен в особенности для среднего и продвинутого этапа обучения в школе и в вузе. Он может применяться на уроках введения лексики и преимущественно на этапах первичного закрепления и повторения лексического материала.

Целесообразность предложенных способов семантизации подвергалась экспериментальной проверке. Опыт обучения показал, что все имеющиеся в арсенале методики способы семантизации слов имеют достинства и свои недостатки. Их невозможно использовать одновременно, так как, во-первых, не хватит времени даже на объяснение одного слова, и, во-вторых, некоторые из этих способов разнонаправлены или исключают друг друга.

---

17 Слесарева, И.П., Указ. соч., с.144.
18 ЛСГ, выделенные на основе семантически закономерных ошибок, частично описаны в работе: Аминтова, Э. и др., Сборник упражнений по лексике русского языка, Москва, 1975.

Способы семантизации следует выбирать с учётом конкретных условий обучения русскому языку. Правильный выбор того или другого способа семантизации возможен лишь в том случае, если преподаватедь хорошо знает все слабые и сильные стороны различных способов раскрытия значения, а это значит, что эффективность семантизации новой лексики зависит во многом от мастерства преподавателя, его чувства меры. .

Необходимо добавить, что способы семантизации, о которых шла речь выше, могут успешно применяться как в школе, так и в вузах/в особенности на интенсивных курсах обучений русскому языку/ в зависимости от этапа обучения.

Упражнения на первичное закрепление лексики

Первичный этап семантизации новых слов хотя и является очень важным моментом словарной работы, сам по себе ещё не обеспечивает активного усвоения словаря. Одним из основных правил эффективного усвоения слов является выполнение первых лексико-семантических упражнений сразу же после их введения, на том же занятии. Для активизации лексики учащихся используется серия тренировочных упражнений по произношению, письму и употреблению новых слов в речи. Цель таких упражнений - углубление понимания и закрепление семантизированной лексики русского языка. Содержание и характер упражнений определяется целевой установкой урока, характером материала и степенью подготовленности учащихся. Ниже даются примерные упражнения.

Упражнение 1. Прочитайте предложения. Вместо точек вставьте глаголы посещать/посетить, быть, навещать/навестить:

1. Много иностранных делегаций ... Музей села. 2. Ребята часто ... своего больного учителя. 3. Вчера я ... в Оперном театре. 4. Рекламы предлагают ... ресторан "Бухарест". 5. Преподаватель был болен, и учащиеся часто его... . 6. Вчера он ... больного товарища. 7. Делегация из СССР... завод "23 Августа".

Упражнение 2. Ответьте на данные вопросы, употребляя глаголы слышать или слушать.

1. Почему вы сели близко к сцене? 2. Вы уже знаете эту новость? 3. Что

вы делали в лингафонном кабинете? 4. Что вы говорите, когда слышите телефонный звонок? и снимаете трубку? 5. Вы были на симфоническом концерте? 6. Почему вы включили радио так громко? 7. Не знаете, будет сегодня урок по русскому языку?

Упражнение 3. Ответьте на вопросы, употребляя глаголы смотреть, рассматривать/рассмотреть, осматривать/осмотреть:

1. Что вы делали вчера вечером? 2. Вы уже познакомились с городом? 3. На какой балет идёт сегодня ваш класс? 4. Почему они так долго стоят у витрины магазина? 5. Зачем туристы приехали в Бухарест? 6. Вы уже видели новый фильм? 7. Какой совет вы даёте человеку, который хочет перейти улицу? 8. Какая картина в Национальной галерее привлекла ваше внимание?

Упражнение 4. Подберите румынские эквиваленты к словам: объяснение, изучение, источник, являться, проводить.

Упражнение 5. Укажите различные значения глагола идти в приводимых ниже предложениях:

1. Усталая лошадь идёт шагом. 2. Он уверенно идёт к намеченной цели. 3. Брат не решался идти против воли родителей. 4. Письма, отправленные авиапочтой, идут очень быстро. 5. Стало заметно теплее: уже идёт весна. 6. С утра идёт мелкий дождь. 7. Речь идёт о новом романе. 8. Дорога сначала идёт лесом, затем полем. 9. Свежие овощи идут в пищу и зимой. 10. Ей очень идёт новое платье. 11. Сегодня в нашем кинотеатре идёт новый фильм. 12. Время идёт быстро, уже вечер.

Упражнение 6. Подберите синонимы к следующим словам: больной, учиться, учить, ухаживать, зверь, работа, работать!

Упражнение 7. Объясните, какие значения приобретают прилагательные и глаголы, сочетаясь с существительными, приведёнными в скобках:

1. Узкий /платье, круг друзей, взгляды/. 2. Корень /дуба, зла, слова/. 3. Злой /человек, мухи, мороз, горчица, лицо/. 4. Твёрдый /человек, знания, шаг/. 5. Ставить/книги, в тупик, вопрос/. 6. Навести/ орудие, красоту, порядок, на мысль/. 7. Брать /в качестве примера, хитростью, верх, начало/.

Упражнение 8. Найдите их антонимы: говорить, счастье, большой, закрыть, старый, радость.

Упражнение 9. Найдите их родственные слова: море, лес, писать, отец, строить, учить.

Упражнение 10. Найдите антонимы в приведенных ниже пословицах и поговорках.

1 Ученье - свет, неученье - тьма. 2. Готовь сани летом, а телегу зимой. 3. От одного берега отстал, к другому не пристал. 4. Слушай больше, говори меньше. 5. Любишь брать, люби и отдавать. 6. Чужого не хватай, своего не бросай. 7. Богатый бедному не брат. 8. Из чёрного не сделаешь белого. 9. Глазами плачет, а сердцем смеётся. 10. Меньше говори, да больше делай.

Упражнение 11. Подберите слова видового значения к родовым: дерево, звери, животные, мебель, сутки, времена года.

Образец: семья - отец, мать, дочь, сын.

Упражнение 12. Определите прямое и переносное значение выделенных слов: каменное здание, каменное сердце; строить мост, строить планы; глухой переулок, глухой старик; войти в музей, войти в доверие.

ЛИТЕРАТУРА

Колесникова, А.Ф., Проблемы обучения русской лексике, Москва, 1977.

Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г., Лингвострановедческая теория слова, Москва, изд-ство "Русский язык", 1980.

Методика преподавания русского языка как иностранного на начальном этапе обучения, Москва, изд-ство "Русский язык", 1983.

Половинкова, В.И., Лексический аспект в преподавании русского языка как иностранного на продвинутом этапе, Москва, 1982.

Русский язык в национальной школе. Проблемы лингводидактики, под ред. Н.М. Шанского, Москва, 1977.

Слесарева, И.П., Проблемы описания и преподавания лексики, Москва, 1980

Noveanu, E.P., Pană, L.I., Didactica limbilor moderne. Metodologia cercetării experimentale, Editura Didactică şi Padagogică, Bucureşti, 1981.

Oiţă, Ion, Contextul situaţional - procedeu de semantizare a aspectului verbal, "Limbile moderne în şcoală", 1982, vol. II, p. 36-4o.

Рожкова, Г.И., К лингвистическим основам методики преподавания русского языка, Москва, 1983.

БЕСПРИСТАВОЧНЫЕ ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ

Андрей Иванов

1. Парадигматика глаголов движения

Немногочисленная группа глаголов движения занимает особое место в глагольной системе русского языка, что определяется их структурно-семантической спецификой.

В весьма богатой литературе, посвященной глаголам движения в целях их теоретического и практического освещения, они называются по-разному в зависимости от того, какая из присущих им характеристик ставится на первый план: глаголами однонаправленными и неоднонаправленными /ненаправленными/, некратными и кратными, моторно-некратными и моторно-кратными, определённого и неопределённого движения, предельными и непредельными.

Традиционно выделяются следующие соотносительные пары:

I	II	
идти́	- ходи́ть	"a merge pe jos"
е́хать	- е́здить	"a merge cu un mijloc de transport"
лете́ть	- лета́ть	"a zbura"
бежа́ть	- бе́гать	"a fugi, a alerga"
плыть	- пла́вать	"a înota"
нести́	- носи́ть	"a purta, a duce (mergînd pe jos)"
везти́	- вози́ть	"a duce, a căra (cu un mijloc de transport"
вести́	- води́ть	"a conduce"
ползти́	- по́лзать	"a se tîrî"
брести́	- броди́ть	"a hoinări; a rătăci"
лезть	- ла́зить	"a se căţăra"
гнать	- гоня́ть	"a fugări, a goni"
тащи́ть	- таска́ть	"a trage, a tîrî (un obiect greu)"
кати́ть	- ката́ть	"a rostogoli"

Спряжение глаголов движения

I группа		II группа	
идти		**ходить**	
я иду	мы идём	я хожу	мы ходим
ты идёшь	вы идёте	ты ходишь	вы ходите
он идёт	они идут	он ходит	они ходят
- Прош.вр.: шёл, шла, шло, шли		- Прош.вр.: ходил,-а,-о,-и	
- Повел.накл.: иди, -те!		- Повел.накл.: ходи, -те!	
ехать		**ездить**	
я еду	мы едем	я езжу	мы ездим
ты едешь	вы едете	ты ездишь	вы ездите
он едет	они едут	он ездит	они ездят
- Прош.вр.: ехал,-а,-о,-и		- Прош.вр.: ездил,-а,-о, -и	
- Повел.накл.: поезжай,-те!		- Повел.накл.: езди, -те!	
лететь		**летать**	
я лечу	мы летим	я летаю	мы летаем
ты летишь	вы летите	ты летаешь	вы летаете
он летит	они летят	он летает	они летают
- Прош.вр.: летел,-а,-о,-и		- Прош.вр.: летал, -а,-о, -и	
- Повел.накл.: лети, -те!		- Повел.накл.: летай, -те!	
бежать		**бегать**	
я бегу	мы бежим	я бегаю	мы бегаем
ты бежишь	вы бежите	ты бегаешь	вы бегаете
он бежит	они бегут	он бегает	они бегают
- Прош.вр.: бежал,-а,-о,-и		- Прош.вр.: бегал, -а, -о, -и	
- Повел.накл.: беги, -те!		- Повел.накл.: бегай,-те!	
плыть		**плавать**	
я плыву	мы плывём	я плаваю	мы плаваем
ты плывёшь	вы плывёте	ты плаваешь	вы плаваете
он плывёт	они плывут	он плавает	они плавают
- Прош.вр.: плыл, -а, -о, -и		- Прош.вр.: плавал,-а, -о, -и	
- Повел.накл.: плыви, -те!		- Повел.накл.: плавай, -те!	
нести		**носить**	
я несу	мы несём	я ношу	мы носим
ты несёшь	вы несёте	ты носишь	вы носите
он несёт	они несут	он носит	они носят
- Прош.вр.: нёс, несла,-о,-и		- Прош.вр.: носил,-а, -о, -и	
- Повел.накл.: неси, -те!		- Повел.накл.: носи, -те!	

везти

я везу — мы везём
ты везёшь — вы везёте
он везёт — они везут
- Прош.вр.: вёз, везла, -о, -и
- Повел.накл.: вези, -те!

вести

я веду — мы ведём
ты ведёшь — вы ведёте
он ведёт — они ведут
- Прош.вр.: вёл, вела, -о, -и
- Повел.накл.: веди, -те!

ползти

я ползу — мы ползём
ты ползёшь — вы ползёте
он ползёт — они ползут
- Прош.вр.: полз, ползла, -о, -и
- Повел.накл.: ползи, -те!

брести

я бреду — мы бредём
ты бредёшь — вы бредёте
он бредёт — они бредут
- Прош.вр.: брёл, брела, -о, -и
- Повел.накл.: бреди, -те!

лезть

я лезу — мы лезем
ты лезешь — вы лезете
он лезет — они лезут
- Прош.вр.: лез, лезла, -о, -и
- Повел.накл.: лезь, -те!

гнать

я гоню — мы гоним
ты гонишь — вы гоните
он гонит — они гонят
- Прош.вр.: гнал, -а, -о, -и
- Повел.накл.: гони, -те!

возить

я вожу — мы возим
ты возишь — вы возите
он возит — они возят
- Прош.вр.: возил, -а, -о, -и
- Повел.накл.: вози, -те!

водить

я вожу — мы водим
ты водишь — вы водите
он водит — они водят
- Прош.вр.: водил, -а, -о, -и
- Повел.накл.: води, -те!

ползать

я ползаю — мы ползаем
ты ползаешь — вы ползаете
он ползает — они ползают
- Прош.вр.: ползал, -а, -о, -и
- Повел.накл.: ползай, -те

бродить

я брожу — мы бродим
ты бродишь — вы бродите
он бродит — они бродят
- Прош.вр.: бродил, -а, -о, -и
- Повел.накл.: броди, -те!

лазить

я лажу — мы лазим
ты лазишь — вы лазите
он лазит — они лазят
- Прош.вр.: лазил, -а, -о, -и
- Повел.накл.: лазь, -те!

гонять

я гоняю — мы гоняем
ты гоняешь — вы гоняете
он гоняет — они гоняют
- Прош.вр.: гонял, -а, -о, -и
- Повел.накл.: гоняй, -те

брести		бродить	
я бреду	мы бредём	я брожу	мы бродим
ты бредёшь	вы бредёте	ты бродишь	вы бродите
он бредёт	они бредут	он бродит	они бродят
- Прош.вр.: брёл, -а, -о, -и		- Прош.вр.: бродил, -а, -о, -и	
- Повел.накл.: бреди, -те!		- Повел.накл.: броди, -те!	
катить		катать	
я качу	мы катим	я катаю	мы катаем
ты катишь	вы катите	ты катаешь	вы катаете
он катит	они катят	он катает	они катают
- Прош.вр.: катил, -а, -о, -и		- Прош.вр.: катал, -а, -о, -и	
- Повел.накл.: кати, -те!		- Повел.накл.: катай, -те!	

Глаголы II группы образуются от глаголов I группы путём изменения суффиксов [лет-е-ть - лет-а-ть] с чередованием гласных [вез-ти - воз-и-ть, вес-ти - вод-и-ть] или согласных [беж-а-ть - бег-а-ть].

2. Семантика глаголов движения

Важно отметить в сравнительно-контрастивном плане относительно румынского языка, что с семантической точки зрения русский язык строго различает передвижение по способу осуществления: а/ пешее, без помощи транспортных средств [идти - ходить, бежать - бегать, брести - бродить], б/ при помощи средств транспорта: на суше [ехать - ездить], по воздуху [лететь - летать], по воде [плыть - плавать]. В румынском языке способы перемещения передаются, за некоторыми исключениями, глаголом a merge в сочетании с названием способа перемещения.

Что касается "отношения действия к субъекту", выделяются две группы: группа глаголов собственного движения, обозначающих перемещение субъекта в пространстве [идти, ехать, бежать и др.] - непереходные глаголы, и группа глаголов, обозначающих перемещение объекта [нести, вести, везти] и требующих объекта - переходные глаголы.

К вышеуказанным глаголам движения некоторые авторы добавляют

производные с частицей -ся: гнаться - гоняться " a urmări (mergînd, alergînd)", катиться " a se rostogoli" - кататься "1.a se rostogoli; 2.a se plimba (cu bicicleta, cu trăsura, călare etc.)" нестись - носиться "a alerga, a fugi", тащиться "a se tîrî" - таскаться "a umbla haihui" которые, по мнению А.В.Исаченко, не являются "возвратными формами" соответствующих невозвратных глаголов, а самостоятельными глаголами-лексемами. Тот же автор считает, что глаголы катить-катать, катиться - кататься, тащиться - таскаться являются омонимичными, так как в одних ситуациях они образуют семантически соотнесённые пары, а в других - не образуют. Ср.: катить - катать шарик по полу, но Ø - катать ребёнка в коляске[I]; Шарик катится - катается по полу, но Слеза катится - Ø по лицу или Мальчик Ø - катается на велосипеде; Подол тащился - Ø по полу или Ø - таскаться без дела по улицам.

В приведенных контекстах члены глагольных пар в одних случаях в з а и м о з а м е н и м ы, а в других - нет. На этом основании А.В.Исаченко считает необоснованным включать в список глаголов движения пару брести - бродить, не допускающую взаимозаменяемость в каком бы то ни было контексте. Ср.: Он брёл - Ø в город и Он Ø - бродил по пустой квартире. Их субституция неизбежно влечёт за собой и з м е н е н и е с м ы с л а. Ср.: катить на мотоцикле " a merge cu motocicleta" и катать на мотоцикле "a plimba cu motocicleta"[2].

Лексически глаголы движения обозначают перемещение в пространстве, поэтому их некогда называли глаголами перемещения. Данным значением обладают и такие глаголы, как блуждать "a rătăci,a hoinări" гулять "a se plimba", двигаться "a se pune în mişcare,a se porni; a se îndrepta, a merge", кочевать "a rătăci,a te deplasa din loc în loc", мчаться

I Знак Ø означает несовместимость соответствующего члена пары глаголов с данным контекстом, а, следовательно, невозможность построения аналогичного словосочетания.

2 Омонимичность значений свойственна всем глаголам движения, обладающим производными значениями. Например: Этот костюм ей идёт - Ø.

"a alerga în goană mare; a se grăbi", перемеща́ться "a-şi schimba locul, a se muta, a se deplasa", путеше́ствовать "a călători, a face un voiaj", шага́ть "a păşi, a merge" и др., которые однако не входят в группу глаголов движения, т.к. они не образуют соотносительных пар по видообразованию /т.е. являются глаголами непарного видообразования/ и не имеют общих лексикограмматических признаков, присущих глаголам движения парного видообразования типа идти́ - ходи́ть. Данное положение послужило основанием для многих авторов считать глаголы движения скорее грамматическим, точнее морфологическим, чем семантическим классом глаголов.

Следовательно, глаголы типа идти́ - ходи́ть, е́хать - е́здить и т.д. обозначают перемещение, движение в пространстве и все они несовершенного вида. Специфика их выявляется именно при обозначении того, как осуществляется движение, а это содержится в их видовых различиях. Однако выражение категории вида у них носит иной характер, не связанный с системой глагольных форм совершенного и несовершенного вида. Так, глаголы I группы [идти́, е́хать и т.д.] в своих прямых значениях - "это глаголы п р е д е л ь н ы е, называющие такое движение, которое направлено на достижение предела /в прямых значениях - пространственного/: бежа́ть [к финишу], везти́ [поклажу домой], вести [ребенка в школу], е́хать [в Москву], лезть [на дерево]", в то время как глаголы II группы [ходи́ть, е́здить и т.д.] - это "н е п р е д е л ь н ы е глаголы: они называют движение, производимое в разных направлениях, часто неоднократно" /разрядка наша/, не стремящееся к какой-либо пространственной цели: бро́дить по́ лесу, вози́ть с вокза́ла на вокза́л. Действие этих глаголов не направлено, и не может быть направлено к достижению предела действия, поскольку эти глаголы называют движение, производимое в разных направлениях и зачастую неоднократно".

3. Употребление глаголов движения

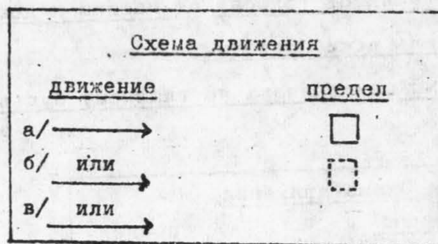
I. Предельные глаголы движения.

Настоящее время

В своей семантике эти глаголы содержат признак однонаправленности движения /движение совершается в одном направлении/:

а/ в один приём, в один конкретный отрезок времени.

В предложениях Мы е́дем в Москву́, Ма́льчик бежи́т навстре́чу ма́тери, Рабо́чий ка́тит бо́чку под наве́с глаголы е́дет, бежи́т и ка́тит обозначают движение в одном, определенном направлении /в Москву́, навстре́чу ма́тери, под наве́с/ и в определенный отрезок времени /в момент речи/. Предел движения, отвечающий в принципе на вопрос куда́? и принимающий форму винительного падежа, это или предложные конструкции с существительными и местоимениями /см. выше/ или наречия /идти́ туда́, е́хать вперёд, лете́ть обра́тно и т.д./. Предел перемещения в предложении может остаться невыраженным и его нетрудно определить в более широком контексте /В э́ту по́ру мы е́хали по поля́м Бэрэгана/ или вообще нет необходимости в его определении /По доро́ге ме́дленно бредёт же́нщина с небольши́м узелко́м в руке́/. Вопреки словесной невыраженности предела однонаправленность движения остаётся основным признаком соответствующих глаголов.

б/ в несколько приёмов /движение повторяется несколько раз, но всегда в одном направлении/. Например:

Обычно я выхожу из дому в 7 часов, иду к остановке автобуса, сажусь на автобус и еду в университет.

Схема движения

движение	предел
а/ ⟶	□
и	
б/ ⟶	□
и	
в/ ⟶	□
и т.д.	

Данное значение чаще встречается в рассказах об обычно повторяющихся движениях, причём предел движения обязательно должен быть словесно выраженным или легко восстанавливаемым из предыдущего контекста.

в/ в один приём в ближайшем будущем. Например:

Завтра я еду на море.

Прошедшее время

В прошедшем времени предельные глаголы движения употребляются для выражения:

а/ конкретного единичного движения в одном направлении в определенный отрезок времени. Предел движения может быть невыраженным при возможном выражении места движения /где?/

За окном послышались голоса: от машины к дому шли двое.

Поезд шёл вдоль реки Прахова.

На выставку мы шли сначала по главному бульвару, а потом через парк.

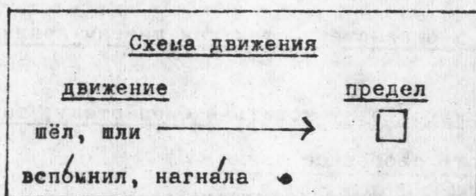
Схема движения

движение	предел
а/ ⟶	□
или	
б/ ⟶	

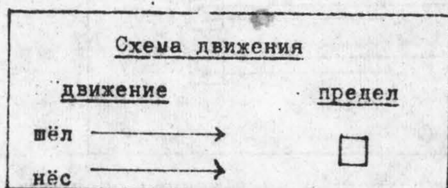
б/ конкретного е д и н и ч н о г о движения в о д н о м направлении, параллельно с которым или в какой-то момент которого происходит д р у г о е, побочное действие.

Я шёл в театр и вспомнил, что должен был позвонить другу.

Лена и Валя шли на автобусную станцию, когда их нагнала машина начальника стройки.

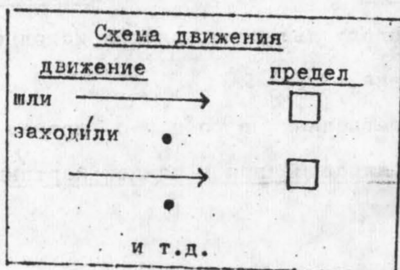
От калитки к крыльцу шёл Черных. Он нёс несколько рыбин /= шёл и нёс/

в/ конкретного п о в т о р я ю щ е г о ся действия в о д н о м направлении:

Каждый раз, когда мы шли на факультет, мы заходили в букинистический магазин.

Здесь добавочное, побочное действие /заходили/ происходит в в какой-то момент движения к пределу. Подобные конструкции допускают употребление и других слов наречного значения: часто, обычно, иногда и др.

II. Н е п р е д е л ь н ы е глаголы движения

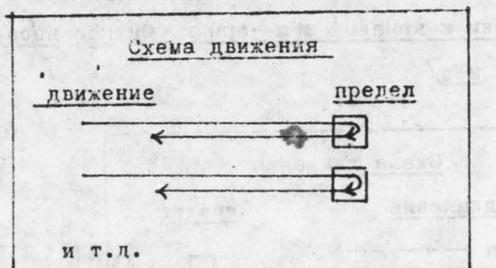
I. Непредельные глаголы движения во всех временных формах употребляются для выражения движения:

а/ в о д н о м направлении, регулярно или нерегулярно п о в т о р я ю щ е г о с я.

Я ежедневно хожу в библиотеку, так как мне там нравится заниматься.

Я часто ходил в библиотеку, так как мне там нравилось заниматься.

Я часто /ежедневно/ буду ходить в библиотеку, так как теперь у меня есть свободное время.

Глаголы движения, употреблённые в данном значении, во-первых, нуждаются в поддержке контекста, осуществляемой, как правило, наречиями со значением повторения /часто, редко, всегда, никогда, иногда, каждый день, ежемесячно и др./, а во-вторых, они равнозначны глаголу бывать и могут быть им заменены в настоящем и прошедшем временах /Я часто хожу в библиотеку = Я часто бываю в библиотеке, Я часто ходил в библиотеку = Я часто бывал в библиотеке/.

В предложении Каждый раз, когда мы ходили на факультет, мы заходили в букинистический магазин побочное действие /заходили/ могло происходить по пути либо к пределу движения, либо к исходному пункту. Нет указания на точное время.

б/ в р а з н ы х направлениях в о д н о время:

Я ходил по музею и останавливался у каждой картины.

Завтра, когда будешь ходить по музею, посмотри новую выставку.

в/ единичного в двух направлениях - туда и обратно:

Утром я ходил на вокзал /= Утром я был на вокзале/.

Летом мы с сестрой ездили в горы /= Летом мы с сестрой были в горах/

Данный характер однократного перемещения свойствен только формам прошедшего времени, а глаголы движения равнозначны глаголу быть, которым их можно заменить с одновременным изменением структуры предложения. В румынском языке в обоих случаях соответствует глагол " a fi ".

2. Непредельные глаголы движения употребляются для обозначения:

а/ постоянного свойства, которым обладают определенные существа.

Птицы летают, а рыбы плавают.

Древнейшие динозавры ходили на двух, задних ногах, позднее многие ходили на четырёх ногах.

б/ способности, умения перемещаться:

Ребёнок уже ходит.

Я научился плавать.

С точки зрения императива /повелительного наклонения/ среди всех глаголов движения особняком стоит глагол ехать, для которого используется форма поезжай, -те!

Императивные формы глаголов движения с отрицанием не подчиняются общему правилу употребления глаголов с отрицанием.

Как известно, в побудительных предложениях с отрицанием глаголы несовершенного вида выражают требование или повеление, совет не

делать что-либо, а нередко з а п р е щ е н и е: Не опаздывай!, Не забывай! или требование прекратить делать что-либо со стороны адресата: Не опаздывайте больше!, Не забывайте больше!.

Глаголы же совершенного вида в побудительных предложениях с отрицанием выражают значение предостережения: говорящий предостерегает деятеля от возможных нежелательных ошибок, случайностей, в результате которых могут произойти нежелательные действия: Не опоздай!, Не забудь принести мне книгу. Оба значения [запрещение и предостережение] могут быть усилены наличием словоформы смотри, -те: Смотри, не опаздывай [не опоздай]. Если в побудительных предложениях без отрицания глаголы совершенного вида [возьми! напиши! скажи!] употребляются чаще, нежели глаголы несовершенного вида [бери! пиши! говори!], то в тех же предложениях при отрицании, наоборот, глаголы несовершенного вида употребляются сравнительно чаще [не бери! не пиши! не говори!].

Что касается глаголов движения, то для выражения запрещения или побуждения к прекращению перемещения употребляются н е п р е д е л ь н ы е глаголы движения. Так, в предложении Сегодня не ходи на реку! "Astăzi să nu te duci la rîu" запрещается п р е д с т о я щ е е осуществление однократного однонаправленного движения. В предложении же Не ходи больше на реку! "Să nu te mai duci la rîu". выражается повеление к прекращению повторяющегося передвижения.

П р е д е л ь н ы е глаголы движения в повелительных предложениях с отрицанием выражают побуждение к приостановлению у ж е с о в е р ш а ю щ е г о с я однонаправленного перемещения. Например:

Не идите так быстро, у нас есть ещё время!

Не беги так, я не успеваю за тобой!

Итак, сравним употребление глаголов движения в повелительных предложениях без отрицания и с отрицанием.

без отрицания	с отрицанием /запрещение, предостережение/
I. Иди через лес! Так ближе.	I. Не ходи через лес, ты заблудишься!
2. Плывите сюда, здесь неглубоко!	2. Не плавайте туда: там очень глубоко!
3. Поезжайте за грибами на рассвете!	3. Не ездите за грибами так рано!
4. Несите малыша в эту комнату!	4. Не носите малыша в эту комнату. Здесь сквозняк.
5. Летите в Москву на самолёте!	5. Не летайте на самолёте, вам вредно. Поезжайте лучше поездом.
6. Ведите сюда ребёнка!	6. Не водите сюда ребёнка: тут холодно.

с отрицанием	
/побуждение к приостановке совершающегося одновременного перемещения/	/побуждение не совершать предстоящее передвижение или прекратить повторяющееся предельное или непредельное перемещение/
I. Дальше пока не идите: я проверю, крепок ли лёд.	I. Не ходите в музей по воскресеньям: там всегда много народу.
2. Остановитесь! Не надо ехать дальше.	2. Не езди так часто к нему: ты отнимаешь у него много времени!
3. Не бегите: поезд уже ушёл.	3. Не бегайте здесь, ребята! Вы очень шумите.
4. Не плыви так быстро!	4. Не плавайте здесь, это опасное место!

Падежно-предложные формы с глаголами движения

Предлог	Падеж	Глагол	Существительное	Вопрос	Примеры
в, на	В		неодушевленное	куда?	идти в театр /на работу/
к	Д	идти-ходить	одушевленное	куда?	идти к родителям

из, с	Р		неодушевлённое	откуда?	идти из театра /с работы/
от	Р		одушевлённое	откуда?	идти от родителей
до	Р		неодушевлённое	до какого места?	идти до станции
за	Т		неодушевлённые одушевлённые	с какой целью	идти за билетами /за врачом/

4. Глаголы движения и привативные оппозиции

Глаголы движения подлежат анализу с точки зрения привативных грамматических оппозиций, которые, по теории Н.С.Трубецкого /Основы фонологии, М., 1960, с. 82-85/, сводятся к оппозиции двух членов, один из которых /маркированный, признаковый, сильный/ характеризуется наличием, а другой /немаркированный, беспризнаковый, слабый/ - отсутствием признака.

Сущность немаркированного члена противопоставления заключается в том, что он "принимает на себя" и те функции, которые в других условиях выражает противоположный член, в результате чего между ними аннулируется оппозиция.

В случае оппозиции видов роль немаркированного члена играет несовершенный вид. Ср.: Сегодня сижу на диване и читаю. Вдруг входит Андрей. Здесь глагол входит употреблён вместо глагола вошёл, поскольку он - немаркированный член оппозиции - выполняет функцию, которую в других условиях выполняет совершенный вид. Или в предложениях Я открывал окно и Я открыл окно, где форма несовершенного вида /открывал/ имплицитно содержит в себе семантику, которая эксплицитно выражается глаголом открыть, не взирая на то, что в первом случае /открывал/ окно, хотя и было открыто, но в момент речи оно уже закрыто, а во втором - оно ещё остается открытым. Оппозиция по виду в данном случае нейтрализована.

Бесприставочные глаголы движения, не являющиеся членами оппозиции по виду, противопоставляются либо по признаку е д и н и ч - н о г о - п о в т о р я ю щ е г о с я однонаправленного, либо п р е д е л ь н о г о /однонаправленного/ - н е п р е д е л ь н о - г о /ненаправленного, разнонаправленного/ движения. Ср.:

Ученик идёт в школу - Ученик ходит в школу, с одной стороны,

Ученик идёт в школу - Он ходит по коридору, с другой. По тому же признаку глаголы движения вступают в отношение противопоставления и в рамках повелительных предложений. Ср.:

Вы опоздаете на поезд. Идите быстрее! и

Больного не следует беспокоить. Ходите к нему только по воскресеньям,

Идите на вокзал! и Ходите чаще по музеям!,

где налицо противопоставление по признакам единое - повторяющееся однонаправленное и однонаправленное - разнонаправленное движение.

Повелительные же предложения, содержащие в себе глаголы с отрицанием не служат условием для нейтрализации оппозиции глаголов по виду, а в случае глаголов движения - по признаку предельности-непредельности движения:

Купи эту игрушку! - Не покупай этой игрушки!, где не покупай выражает значение глагола совершенного вида, и

Иди на вокзал - Не ходи на вокзал, где глагол не ходи выражает единичное однонаправленное движение. В данных ситуациях немаркированным членом является непредельный глагол /ходить/, берущий на себя обязанности глагола идти.

Теперь сравним в плане бинарных оппозиций два приведенных уже выше предложения:

Каждый раз, когда мы шли на факультет, мы заходили в букинистический магазин и

Каждый раз, когда мы ходили на факультет, мы заходили в букинистический магазин.

Не подлежит сомнению, что в первом предложении глагол шли утрачивает свой основной признак единичности движения, приобретая, благодаря специфическому контексту [наличию слов каждый раз], не свойственное ему значение повторяемости движения. Таким образом, на этот раз глагол шли становится немаркированным членом оппозиции, благодаря чему противопоставление по единичности-повторяемости движения устраняется. Семантическое различие между ними в данных предложениях касается, как уже было отмечено, локализации попутного действия: по пути к пределу, или на обратном пути.

Если те же самые глаголы рассматривать с точки зрения однонаправленности-разнонаправленности [предельности-непредельности] движения, то окажется, что глагол ходил - по своему значению непредельный, - покрывает и значение глагола шли, становясь нейтрализатором оппозиции по данному признаку.

Изучение русских глаголов движения учащимися румынской школы сопряжено с целого ряда затруднениями, обусловленными прежде всего (отсутствием в румынском языке) лексико-грамматической группы глаголов, что требует применения особой методики их подачи.

ЛИТЕРАТУРА

I. Русская грамматика, АН СССР, Институт русского языка, т. I, М., 1980, с. 591, 594.

2. А.В.Исаченко, Глаголы движения в русском языке,—ВЯ, 1961, № 4.

3. М.В.Игнатьева, Глаголы движения без приставок.—РЯР, 1980, № 3, откуда взяты некоторые упражнения.

4. Н.Ермоленко, Значение и употребление глаголов движения в русском языке, - РЯНШ, 1966, № 6.

5. А.А.Спагис, Образование и употребление видов глагола в русском языке, М., 1961.

6. Современный русский язык, ч. II. Морфология. Синтаксис, под ред. проф. Е.М.Галкиной-Федорук, М., 1964, с. 151.

7. В.П.Бондаренко, Отрицание как логико-грамматическая категория, М., 1983, с. 52, 112.

8. Л.С.Муравьёва, Глаголы движения в русском языке /для лиц, говорящих на немецком языке/, М., 1975, откуда взяты некоторые иллюстративные примеры.

9. Употребление глаголов движения в русском языке, под ред. Л.П. Юдиной, М., 1976 и 1978.

10. Г.И.Рожкова, К лингвистическим основам методики преподавания русского языка иностранцам, Издательство Московского университета, 1983, с. 90-92.

11. Н.С.Авилова, Вид глагола и семантика глагольного вида, М., 1976, с. 108-112.

12. И.К.Калинина, А.Б.Аникина. Современный русский язык. Морфология, М., 1975, § 91, с. 104.

13. А.В.Бондарко, Грамматическая категория и контекст, Л., 1971, с. 85-94.

14. А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин, Русский глагол, Л., 1967, с. 26.

15. С.С.Максименко, Справочник по русскому глаголу, М., 1968, с.71-75.

16. Е.И.Войнова, В.М.Матвеева, Г.Н.Аверьянова, Учебник русского языка для иностранных студентов-филологов. Основной курс. Первый год обучения, И., 1981, с. 55-59.

17. М.Сырбу, Глаголы перемещения в современном русском языке /Лексико-семантический анализ в сопоставлении с румынским языком/: Автореферат дис. на соискание уч.ст. канд. филол. наук, М.,1965.

18. А.Хырлэану, Некоторые особенности глаголов движения в русском языке. Сопоставительный опыт. В кн.: Limba şi literatura rusă, TUB, 1973.

19. A.Safta, Сопоставительное изучение глаголов движения русского языка в румынской школе. В кн.: Probleme de filologie rusă, TUB, 1977, с. 63-71.

20. S.Vaimberg, Observatii asupra posibilitătilor de echivalare a aspectului rus în limba română /Об эквивалентах русского вида в румынском языке/. В кн.: Elemente de gramatică confruntativă a limbilor rusă şi română, TUB, 1983, с. 286-287.

УПРАЖНЕНИЯ

I. Прочитайте предложения. Объясните разницу в значении глаголов движения.

I. Некоторое время они идут молча. Некоторое время они ходят молча. 2. Официантка несёт чай на маленьком подносе. Официантка носит чай на маленьком подносе. 3. Машина везёт в булочную хлеб. Машина возит в булочную хлеб. 4. Гуси плывут по озеру. Гуси плавают по озеру. 5. Воспитательница ведёт малышей в парк. Воспитательница водит малышей в парк.

2. Перефразируйте данные ниже предложения. Объясните разницу в значений предложений.

О б р а з е ц:

Экскурсовод ведёт туристов в этнографический музей.

—Экскурсовод водит туристов по этнографическому музею.

I. Я иду в парк, чтобы встретиться со своим другом. 2. Мать несёт ребенка на руках в поликлинику. 3. Мой брат идёт на филателистическую выставку посмотреть новые марки. 4. Это лебеди. Они летят в тёплые страны.

3. Заполните предложения одним из данных в скобках глаголов в нужной форме.

I. Он устал и еле... к автобусу. Брат сломал ногу и ... теперь с палкой. Когда я ... к тебе, я встретил Дана /идти-ходить/. 2. Куда это ты ...? И почему ты сердит? Нам пришлось долго ... по улицам и разыскивать твой дом /идти-ходить/. 3. По дереву ... жук. Он скоро доберется до вершины. Змеи - это пресмыкающиеся животные. Они ...

[ползти-ползать]. 4. Смотри! ... лодка. Он - спортсмен. Он очень хорошо ... [плыть-плавать]. 5. Вот к нам ... какой-то мальчик. Дети сегодня весь день .... по двору [бежать-бегать]. 6. Почтальон ... письма по адресам. Это почтальон. Он ... нам подписки [нести-носить]. 7. Мы едем на экскурсию. Нас ... осматривать город. По утрам эта машина ... детей в детсад [везти-возить].

4. Замените глаголы был, бывал нужным по смыслу глаголом движения.

I. Ты был вчера утром в библиотеке? 2. Я был в Советском Союзе в прошлом году. 3. Вы бывали когда-нибудь в лесу зимой? 4. Мы часто бывали в этом парке. 5. Мальчик несколько раз бывал в море с отцом. 6. Альпинисты уже были на этой вершине.

5. Превратите нижеследующие предложения в повелительные предложения с отрицанием не.

I. Идите по этой улице! 2. Вы опаздываете. Идите быстрее! 3. Бегите в сад за яблоками! 3. Плывите к тому берегу. 4. Поезжайте дальше! 5. Бегите! Поезд еще не ушёл. 6. Ведите детей к реке. 7. Неси книги в комнату.

6. Объясните, почему в одних случаях употребляются глаголы типа идти, а в других - типа ходить. Ответьте на вопросы, используя обе возможности.

I. Мы купили журнал, когда шли на выставку. Мы купили журнал, когда ходили на выставку. - Когда вы купили журнал?

2. Мы встретили его, когда шли в театр. Мы встретили его, когда ходили в театр. - Когда вы встретили его?

3. Я узнал о вашем приезде, когда шел на почту. Я узнал о вашем приезде, когда ходил на почту. - Когда ты узнал о нашем приезде?

7. Переведите на русский язык, используя бесприставочные глаголы движения.

1. Mama merge la policlinică. Ea își duce acolo copilul de doi ani. 2. Mama lunar se duce la policlinică și își duce acolo co-

pilul de doi ani. 3. Ultima oară ea a fost la policlinică în urmă cu două zile. 4. Cu ce ați mers în excursie: cu autobuzul sau cu trenul? 5. Ieri am fost în vizită la prietena mea. Cînd mergeam la prietenă, am intrat la librărie ca să-i cumpăr o carte. 6. Ieri elevii au fost la practică productivă. Cînd mergeau la practică productivă, elevii cîntau cîntece pionierești. 7. Mama spune băiatului: "Astăzi să nu te duci la bazin: mîine ai lecții grele". 8. Nu alerga așa iute: poți să-ți luxezi piciorul! 9. Să mergeți mai des la spectacole! 10. Mergeți drept înainte și apoi cotiți-o la dreapta.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ, ГРАММАТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ПОЛНЫХ И КРАТКИХ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Аурика Брашовяну

Как известно, большая часть качественных прилагательных и некоторые относительные имеют полную и краткую форму : весёлый - весел, высокий - высок ; поверхностный - поверхностен, первичный - первичен. Как указывает академик В.В.Виноградов, краткие формы присущи лишь тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое лицу или предмету[1].

В современном русском языке краткие прилагательные утратили основные синтаксические и морфологические признаки имени прилагательного : определительная функция и система падежных форм. Краткие прилагательные располагают формами рода, числа и времени и не имеют формы падежа. Не изменяясь по падежам, краткие прилагательные не могут определять другие формы существительных, кроме формы именительного падежа. Употребление кратких прилагательных в функции определения свойственно языку поэзии / ср.: „Светел месяц, ясен сокол"/ и лишь очень редко языку художественной прозы / „Терек воет, дик и злобен, меж утесистых громад ... /Лерм./; "Днепра ж светлы стремнины" (А.К.Тол.).

---

1 Русский язык. Грамматическое учение о слове, изд. второе, М., Изд-во „Высшая школа", 1972, с. 213.

В функции сказуемого употребляются обе формы, что является основанием для синонимии кратких и полных прилагательных. Однако далеко не всегда обе формы синонимичны, так как между полной и краткой формой прилагательного в роли именной части сказуемого существуют семантические, грамматические и стилистические различия.

I. Смысловое различие выражается в том, что некоторые краткие прилагательные резко отличаются от "напарных" полных своими значениями. Так, например, не соотносительны по своему значению прилагательные нужный и нужен /Это очень нужная книга /книга нужна/, видный и виден /видный специалист/ дом виден издалека/, согласный и согласен /поступок, согласный с требованиями долга /согласен с кем-либо /, готовый и готов /это платье готовое /обед готов/, живой и жив /девочка очень живая / бабушка еще жива/, глухой и глух /мальчик глухой от рождения/ друг глух к моей просьбе/, способный и способен /инженер способный/ он способен это сделать/ и т.д. Тут, как видно, глубокая семантическая грань. Ср. другие случаи несоотносительности форм:

1/ не употребляются в краткой форме некоторые прилагательные, выражающие постоянное свойство предметов или служащие терминологическими обозначениями признаков, например : Латинский и древнегреческий языки мёртвые ; Эта стена глухая ; Цветы в вазе живые ; Мальчик немой от рождения ; Это число простое/составное;

2/ не употребляется краткая форма прилагательного в роли именной части сказуемого при обозначении погоды : Мороз был крепкий ; Осень - дождливая и холодная ; Погода - ясная, солнечная ; Июль в этом году был сухой и жаркий ;

3/ предикативные прилагательные употребляются только в краткой форме : намерен, рад, должен, горазд, обязан и др.;

4/ только в краткой форме употребляются некоторые прилагательные во фразеологических сочетаниях, например : ни жив, ни мёртв ; все живы здоровы ; цел и невредим ; слаб здоровьем ; руки коротки ; совесть чиста ; у страха глаза велики, взятки гладки. В других оборотах употребляются только полные прилагательные : положение безвыходное, рука легкая, пора горячая, дело ясное, вопрос серьёзный, задача нерешимая.

Кроме указанного здесь основного лексико-семантического различия между полной и краткой формами прилагательных имеются и другие различия.

Обычно специалисты ссылаются на то, что полная форма обозначает вневременное качество, постоянный признак, а краткая - временной признак, недлительное состояние ср.замечание А.А.Шахматова : "... форма прилагательного в сказуемом даёт возможность различать в прилагательном два оттенка... : мать больна и мать больная, ногти у него грязны и ногти у него грязные ; больна, грязны означают признак во времени /теперь, в настоящее время/ ; больная, грязные означают признак постоянный, тесно сочетавшийся с субстанцией ..." [1].

Однако это положение не имеет абсолютного характера и в ряде работ последнего времени справедливо ставится под сомнение [2]. Ведь имеется большое количество предложений типа :

---

[1] Синтаксис русского языка, М, Учпедгиз, 1941, с. 291.

[2] Д.Э.Розенталь, Практическая стилистика русского языка, М., 1968, с.130.

Этот край беден лесами ; Это озеро богато рыбой, в которых краткая форма обозначает постоянный признак, качество вневременное.

В других случаях различие между краткой и полной формой прилагательных проявляется в том, что полные прилагательные обозначают абсолютный признак, не приуроченный к конкретной обстановке, а краткие - относительный признак, применительно к определенной ситуации. Например : задача сложная /безотносительно к тому, кто её будет решать/ - задача сложна /может быть для первоклассника/ ; сапоги большие /признак вообще/ - сапоги мне велики и т.п. - с выражением излишка или недостаточности размера.

II. К грамматическим различиям, помимо указанных раньше, относится способность синтаксического управления, которой обладает, как правило, краткая форма: способен на подвиг, склонен к простуде, слаб здоровьем, доволен работой и т.п.

Наличие полной формы объясняется либо отсутствием соответствующей краткой формы /например : Лицо бронзовое от загара/ или стилистическим заданием /созданием противоречной окраски, например : Я не виноватая /Шукшин/.

III. Начиная с лингвистического эксперимента, проведенного А.С. Пешковским[1], специалисты считают, что полные и краткие формы прилагательных имеют и ряд стилистических различий. Они проявляются, во-первых, в оттенке категоричности, присущем кратким формам, и оттенке смягченного признака, присущем полным формам, во-вторых, в книжном характере первых и разговорном характере вторых.

---

[1] Русский синтаксис в научном освещении, М., Учпедгиз, 1956, с. 226.

Последнее положение, как и положение о постоянном признаке, выражаемом полной формой, и временном признаке, выражаемом краткой формой, не имеет категорического характера. Как справедливо указывает Д.Э.Розенталь, данное положение верно для полярных случаев - подчеркнуто книжного и разговорно-просторечного употребления... Мужду этими полюсами находятся целые пласты письменной и устной речи, в которых употребление обеих форм равноценно или, во всяком случае, сводится к трудноуловимым оттенкам стилистического различия[1].

Представляется важным ещё раз подчеркнуть, что выбор полной или краткой формы зависит от целого ряда условий. Есть случаи, когда обязательно употребление только полной или только краткой формы. При этом использование вместо полного прилагательного краткой формы или наоборот, хотя и не изменяет, как правило, смысла предложения, но сказывается на его грамматической правильности, разрушает структуру. Поэтому, работая над какой-либо грамматической темой выборочно, знакомя учащихся с моделями, необходимыми и доступными для них на данном этапе обучения, сам преподаватель должен представлять себе весь материал в целом, знать какое место занимает конкретная модель в общей системе.[2]

---

1 Д.Э. Розенталь, цит.работа, с. 132.

2 М.В. Всеволодова, Употребление кратких и полных прилагательных, "Русский язык за рубежом", 1971, № 3, с. 65 ; см. также 1972, № 1, с. 59-64.

УПРАЖНЕНИЯ

1/. Вместо точек поставьте прилагательные из скобок в нужной форме. Где можно употребить обе формы ?

1. Идите обедать, обед уже ... /готовый/. 2. Пальто я сшила в ателье, а это платье - ... /готовый/. 3. Теперь я вижу, что правда на её стороне. Она . . . /правый/. 4. На суде мы убедились, что Олег ... /невиноватый/. 5. Нет, я уже не болею, я совсем ... /здоровый/. 6. Дедушка умер, а бабушка еще . . . /жива/. 7. Он был меньше всех. /виноватый/. 8. С вершины горы . . . вся долина Праховы /видный/. 9. Я давно не видел Влада ... он или . . . /живой, мертвый/? 10. Он уже ... ? /здоровый/ - Нет, еще ... /больной/. 11. Садись ужинать ! - Спасибо, я ... /сытый/. 12. Комната была . . . /пустой/.

2. Спишите предложения, ставя вместо точек прилагательные из скобок в нужной форме /полной или краткой/.

1. Человек он ... /видный/. 2. Спасибо за подарок. Словарь - книга очень . . . /нужный/. 3. Вид у него был. . . /неважный/. 4. При диагностике этого заболевания очень . . . также внешний вид больного /важный/. 5. Не очень то он . . . собой /видный/. 6. Следы войны на его лице ещё сильно ... /заметный/. 7. Светло так, что ... каждый пенек /видный/. 8. Результаты ещё . . . , но подготовка у него отличная... /невидный/. 9. Вам книга ещё . . ., или можно положить её на место ? /нужный/. 10. Ваша позиция в этом вопросе очень... /важный/. 11. Явка на собрание ... /обязательный/.

3. Докончите предложения, ставя вместо точек прилагательные, подходящие по смыслу, данные в справке.

1. Это ванадий. Очень ... металл.

2. Вдали . . . набережная Днепра.

3. Спасибо за информацию. Сведения очень ... 4. Ваосчка очень маленькая, на тёмном фоне она еле ... 5. Сегодня химия . . . 6. Медицина ещё . . . . Ей пока не одолеть рак. 7. Ребёнок..., ..., чувствуется заботливый уход. 7. - Вы поправились ? - Да, я уже . . .

Слова для справок : заметный, видный, нужный, бессильный, всемогущий, здоровый, сильный.

4. Прочитайте примеры. Раскройте оттенки в значении кратких прилагательных .

1. Новое платье было широко девочке. 2. Перчатки оказались мне малы : они скоро разорвутся. 3. Мясо плохо для пельменей. 4. Комната мала для столовой. 5. Эти ботинки мальчику велики, принесите другую пару. 6. Школьная форма стала Ирине тесна, надо купить ей новую. 7. Пальто не подходит отцу. Оно тесно в плечах, рукава коротки. 8. Хотя ёлка невысокая, придётся её подрубить ; она всё-таки высока для нашей комнаты.

5. Прочитайте примеры, обратите внимание на то, что краткие прилагательные в данных примерах имеют дополнительный оттенок несоответствия или чрезмерности признака.

1. В сентябре вода в море уже холодная. Вода в море уже холодна для купания.

2. Жара была ужасная. Жара была велика даже для южанина. 3. Эта задача сложная. - Эта задача сложна для дошкольника. 4. Мороз был сильный. Мороз был велик даже для северного города. 5. По вечерам в горах воздух прохладный. Вечерний воздух слишком прохладен для человека, перенёсшего длительную болезнь.

6. В данных предложениях объясните употребление полной и краткой формы прилагательных. Укажите основания выбора формы /семантические, грамматические, стилистические/ в аналогичных случаях, а также возможность синонимической замены.

1. Ты сегодня невесёлая, Маша /Чех./ 2. Мыло серо, да моет бело /Даль /. 3. В сущности - они оба глупы /Горьк./. 4. Чувствовалось, что он хорошо сложен и крепок и красив старинной русской красотой /Фад./. 5. Был я молодым, горячим, искренним, неглупым... /Чех./. 6. Мы оба сильные /Горьк/. 7. Но смысл немецкой речи был ему вполне понятен /Катаев/. 8. Это я только к тебе добрый /Горьк./. 9. Рубашку я взял серую. Она была мне мала, но зато в пути не пачкалась /Горьк./.

7. Из двух предложений составьте одно с кратким прилагательным. Обоснуйте выбор данной формы.

<u>Образец</u> : Больной еще слабый.

Он не может вставать с постели. — Больной очень слаб, чтобы вставать с постели.

1. Он еще слабый. Он не может нести такую тяжесть. 2. Бабушка совсем старенькая. Ей трудно работать в поле. 3. Ты еще маленький. Тебе рано идти в школу. 4. Вадим очень молодой. Он не может еще руководить этим цехом. 5. Больной еще слабый. Он не может ходить на работу. 6. Анна очень молодая. Она не может правильно судить о жизни.

8. Прочитайте предложения . Обратите внимание на то ; а/ как согласуется прилагательное в роли именной части сказуемого с подлежащим Вы / форма вежливости /; б/ как употребляется слова так, как, такой, какой.

I. Я знаю, вы сильный, вы умный и честный. 2. Вы слишком добры ко мне, Анна Петровна ! 3. Вы такая добрая . 4. Что с вами, Андрей Иванович ? Вы больны ? 5. Марина, будьте любезны, откройте окно ! 6. Почему вы так печальны, Ирина ? 7. Я вижу, Маша, вы такая счастливая. 8. Ольга была так красива, что трудно передать словами. 9. Вы правы, Нина Ивановна, погода будет плохая. IO. Юноши и девушки, будьте достойны великого времени !

9. Вместо точек вставьте слова как, какой, так, такой.

I. Вода в реке была ...холодная ! 2...сильный ветер ! 3... красиво ваше платье ! 4. Дерево было...старое ! 5. Я и не думал,...увлекательна может быть обыкновенная рыбная ловля. 6. Никогда город не казался мне... необыкновенным. 7. Хотя я ... занят, не могу отказаться от вашего приглашения. 8... ни легка работа, и всё же она требует сил и времени.

IO. Переведите на русский язык :

1. Băiatul e încă mic pentru asemenea excursii. 2. Articolul d-vs este prea mare pentru revista noastră; va trebui să-l mai scurtaţi. 3. Haina este prea largă, iar pantalonii prea scurţi. Vă rog să aduceţi alt costum. 4. Eşti prea tînăr pentru acest post (această muncă). In genere, fie spus, eşti prea tînăr. 5. Dulapul este prea înalt pentru această cameră.

СТРУКТУРНЫЕ СХЕМЫ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ ЭКВИВАЛЕНТЫ В РУМЫНСКОМ ЯЗЫКЕ

Михаела Морару

Вопрос о "безличности" конструкций можно отнести к числу универсалий, порожденных общностью человеческой практики и мышления. Наше высказывание о явлениях окружающей нас действительности может быть облечено в форму либо личных конструкций, либо безличных конструкций. И именно в плане синонимии безличных и личных конструкций можно наметить ряд существенных различий между русским и румынским языками. Следует указать, что на уровне синтаксиса, в отличии от уровня лексики нет абсолютной синонимии. Существующие контрасты надо выделить в две группы - относительные контрасты - проявляющиеся лишь в плане выражения и абсолютные контрасты - которые реализуются и в плане семантическом, т.е. структурные схемы предложений, которые коренным образом расходятся в сопоставляемых языках[I]. Как известно, в русском языке безличные конструкции можно классифицировать, исходя из разных точек зрения. Для того, чтобы схематичнее и более ясно указать контрасты, существующие между безличными конструкциями русского языка и их эквивалентами в румынском языке, мы условно выделили шесть групп:

I. безличные конструкции, в которых главный член выражен безличным глаголом;

2. безличные конструкции, в которых главный член выражен наречием[2];

3. безличные конструкции, в которых главный член выражен страдательным причастием в форме среднего рода;

4. безличные конструкции, в которых главный член выражен личным глаголом в безличном значении;

I Ion Oiţă, Контрастивный анализ на уровне синтаксиса, "Limbile moderne în şcoală", 1982, vol. II, pg. 113-118.

2 Следует указать, что в традиционной грамматике выделяют и предикативные наречия или категорию состояния, но по Грамматике 1980 года их включают в наречия.

5. безличные конструкции, в которых главный член выражен глаголами с постфиксом -ся.

6. отрицательно-безличные конструкции.

Первая группа, как было уже сказано, содержит конструкции с безличными глаголами типа

На дворе светает - afară se luminează

Уже вечереет - se întunecă

начинает вечереть - se lasă întunericul

Меня знобит - eu am frisoane

Эти конструкции относятся к наиболее близким моделям в обоих сопоставляемых языках. Безличному глаголу в русском варианте соответствует в румынском языке также безличный глагол: Светает - se luminează; вечереет - se întunecă и т.д. Однако надо указать, что даже при таком относительном контрасте моделей выделяются ряд различий, на которые следует обратить внимание учащихся, изучающих русский язык.

Меня знобит - типичное безличное предложение в русском языке - структура этого предложения следующая Вин. пад. + безл. глагол. Ему соответствует в румынском языке конструкция с личным глаголом и подлежащим в именительном падеже Eu am frisoane. Необходимо здесь указать, что существует и другой румынский вариант, уже безличного типа mă ia cu frisoane, но это предложение не является полным семантическим синонимом русской конструкции меня знобит, потому что в то время как меня знобит стилистически нейтральное предложение, выражение mă ia cu frisoane является стилистически окрашенным выражением.

Во вторую группу входят конструкции, в которых главный член выражен наречием, например:

Мне стыдно - mi-e rușine

Мне скучно - mi-e urît

Ему холодно - lui îi e frig

В этих конструкциях можно говорить о тождественности моделей Дат.п.

+ наречие, соответственно Dat.+ adv. однако надо обратить внимание учащихся на то, что даже среди таких совпадающих в обоих языках структурных схем можно обнаружить разные трудности, особенно в плане их употребления.

Третья группа, вмещающая безличные конструкции, в которых главный член выражен страдательным причастием в форме среднего рода, характеризуется небольшим коэффициентом употребления. Для объяснения их значения следует подбирать синонимические к ним конструкции, например: получено много писем - получили много писем

послано в разведку - послали в разведку

сделано рабочими нашего завода - сделали рабочие нашего завода.

Но надо указать на тот факт, что в плане выражения у данных конструкций есть эквиваленты в румынском языке:

получено много писем - s-au primit multe scrisori

послано в разведку - s-a trimes în cercetare

сделано рабочими нашего завода - făcut de către muncitorii uzinei noastre

Особенно интересной и богатой в контрастах между русскими и румынскими эквивалентами и вызывающей наиболее частые затруднения при выборе правильного семантического синонима русских безличных конструкций румынами является четвертая группа. В эту группу входят безличные конструкции, в которых главный член выражен личными глаголами в безличных значениях. Для того, чтобы более наглядно показать все сходства и различия, существующие при сопоставлении русских конструкций с личными глаголами в безличном значении и их румынских вариантов мы выделили несколько подгрупп:

а) Конструкции с личными глаголами в безличном значении со структурой Вин. пад. + глагол. Например:

Телегу трясет - căruţa se zdruncina

Вдруг его осенило - deodată i s-a luminat mintea

Избу продувает - în căsuţă cam suflă

Ее опять укололо в сердце - iar a simţit o înţepătură în inimă

Эти предложения характеризуются абсолютным контрастом так как в румынских эквивалентах употребляются личные глаголы и Им. падеж: Verb + Nom. Также следует указать, что такие конструкции являются стилистическими окрашениями и в процессе передачи на румынский язык теряется их экспрессивность.

У батюшки от горя в глазах зарябило - de necaz tata a văzut stele verzi

Внутри у него все дрожит - el tremură tot pe dinăuntru

У него опять вздрагивало в груди - iar îi sărea sufletul din piept

При анализе этих примеров необходимо применять сопоставительный анализ, в результате чего ясно выделяется, что русские модели безличного типа не имеют сходных моделей в родном языке, а переводятся на румынский язык лишь посредством личных предложений с выраженными оба главными членами, откуда и вытекают многочисленные трудности при усвоении данных русских конструкций румынскими учащимися. Интересным фактом здесь также является и вопрос о неотождествлении стилистической наполненности эквивалентов одного и другого языков, так как если в русском языке все примеры в той или иной мере принадлежат устойчивым сочетаниям, воспроизводящимся как таковые, то румынские переводы принадлежат нейтральному стилю.

в) Конструкции с личными глаголами в безличном значении со структурой Тв. пад. + глагол. Здесь можно выделить несколько разновидностей:

- в форме побудительного наклонения в значении желательности: пусть + тв.п. + гл. Например:

Пойду погулять, пусть немного ветром обдует

Пусть меня убъет громом.

Пусть хлебом пахнет, темным, ржаным.

См. румынские варианты: 1) mă duc să mă plimb să mă bată puţin vîntul.

2) Să mă trăsnească tunetul...

3) Să miroase a pîine...

- предложения с субъектным и субъектно-орудийным значением типа Тв. + глагол + Вин.п.

1) Ветром снесло крышу.

2) Снегом занесло улицу.

3) Молнией зажгло дом.

4) Льдом забило канал.

5) Ветром унесло полотенце.

Эти конструкции вступают в абсолютный контраст в плане выражения и в относительный с точки зрения семантической структуры - Тв.п. + глагол - причем во всех предложениях главный член выражен личным глаголом в прошедшем времени, среднего рода в безличном значении. Важным фактом здесь является синонимия безличных и личных конструкций в русском языке. Обычно румынские учащиеся предпочитают употреблять вместо безличных конструкций другие синонимичные с ними личные конструкции, например:

Ветром снесло крышу	Ветер снес крышу
Снегом занесло улицу	Снег занес улицу
Молнией зажгло дом	Молния зажгла дом
Льдом забило канал	Лед забил канал
Ветром унесло полотенце	Ветер унес полотенце.

Во всех этих примерах, которые составляют семантические пары, объединяющиеся общим инвариантом значения, можно проследить следующие замены:

Тв.пад. безличных конструкций переходит в Им. пад. в личных конструкциях.

Глагол в прош. вр. среднего рода переходит в глагол прошедшего времени, но согласуется в роде с подлежащим. В румынском языке

находят семантические варианты лишь личные предложения, которые являются полными синонимами с точки зрения значения безличных русских конструкций. Следовательно, мы переводим лишь личные конструкции русского языка, находящиеся в синонимии с безличными, т.е. переводим содержание, но облеченное в другой форме, в форме личных предложений, которые не могут передать всю красоту и художественность русских конструкций этого типа. Очень интересными и своеобразными по своим структурам являются безличные конструкции, в которых главный член выражен возвратными глаголами с постфиксом -ся. Например:

Мне все труднее пишется

Ему все лучше читается

Как хорошо будет нам житься

Ей даже покойнее чувствовалось

Ему об этом не рассуждалось

Структура здесь след. Дат. пад. + гл. с постфиксом -ся. Всем этим конструкциям, которые отличаются своей выразительностью и безусловно обогащают человеческую речь, в румынском языке соответствуют личные конструкции:

1) Scriu din ce în ce mai greu.

2) El reuşeşte să citească tot mai greu.

3) Ce bine o să trăim noi.

4) Parcă se simţea mai liniştită.

5) La asta nici nu se putea gîndi.

Если сравнить русские предложения с румынскими эквивалентами, то мы обнаружим много расхождений как в семантическом плане, так и в структурах этих конструкций, что и объясняет трудность при усвоении такого рода конструкций и многочисленные ошибки при их переводе с румынского на русский язык.

Тип отрицательно-безличных предложений широко представлен в русском языке. Связывая появление безличности (характерной чертой

которого, по традиционной лингвистике, является отсутствие подлежащего) с введением отрицания, А.М.Пешковский отмечает: "Таким образом, отсутствие подлежащего связано здесь именно с этим родительным и сам род с отрицанием". В современных работах по русскому синтаксису пересматривается традиционное деление предложения на его члены и, в частности, высказывается мысль о "недопустимости абсолютизации именительного падежа как показателя подлежащего"[1]. В этом плане, например, родительный при несогласуемом сказуемом безличного отрицательного предложения (типа Детей нет) характеризуется как родительный субъекта, т.е. как "синтаксическое подлежащее"[2], на том основании, что связь между этим родительным субъекта и несогласуемым сказуемым предложения ничем не отличается от синтаксических связей традиционного подлежащего в имен. пад. с согласуемым с ним глаголом[3].

В то же время при переводе на румынский язык следует учитывать факт чрезвычайно богатой семантической наполненности русской лексемы нет, что обусловливает семантико-синтаксические особенности конструкций, в состав которых она входит. Перевод на румынский язык показывает, что слово нет может реализоваться, по крайней мере, в следующих шести значениях:

I. Нет, звонить не надо. (А.К.) - Nu, nu trebuie să telefonezi.

2. Возражений нет (А.К.) - Nu sînt obiecţii.

3. Но и Любавы нет. Нет ее, удивительной, ни на кого не похожей (А.К.) - Dar nu mai este nici Liubava. Nu mai e, atît de uimitoare şi de neasemuitoare cu nimeni.

4. Никакой могилы младшего Саратовкина здесь нет (А.К.) - Nu există aici nici un mormînt al fiului Saratovkin.

5. Хорошо, что Олега нет, а то ... (А.К.) - E bine că Oleg nu este de faţă, căci altfel...

I А.М.Мухин, Структура предложений и их модели, Л., 1968, стр.135.

2 М.Гиро-Вебер, К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке, „Вопросы языкознания", №6, 1969, стр.64-65.

3 См. по этому поводу вышеупомянутые работы Г.А.Золотовой, А.М.Мухина.

6. Как всегда, она хотела коснуться губами лба Никиты - нет ли температуры... (А.К.) - Ca deobicei, ea a vrut să atingă cu buzele fruntea lui Nikita, ca să vadă dacă n-are temperatură...

Анализ данных предложений показывает, что за исключением первого случая, где нет - отрицательная частица, служащая для усиления отрицания, в остальных предложениях семантика предиката нет (отсутствие/несуществование/неимение) определяет постановку зависимого от него "синтаксического подлежащего" в род. падеже.

В то же время, несмотря на общий инвариант значения, эти предложения можно подразделить на три разновидности, каждая из которых отличается каким-то семантическим признаком, с чем связано своеобразие в их семантико-синтаксических структурах. Так, значение, зарегистрированное в третьем и четвертом предложениях выражает абстрактное значение несуществования денотата, выраженного род.падежом (эту модель в лингвистике называют "экзистенциально-отрицательной:), ср. - Где же справедливость-то? Нету ее на свете (А.К.) Unde este atunci dreptatea? Nu există dreptate pe lume.
Отличительной чертой этой модели является то, что данное значение лексемы нет осмысляется в ней, как информационно законченное.

В отличие от этого значения в пятом предложении лексема нет реализует иное значение - 'a nu fi prezent, de faţă, acasă' etc. В таких предложениях для законченности информации необходимы определенные речевые условия: присутствие имплицитное или эксплицитное приглагольных обстоятельств, которые примыкают к сказуемому нет, образуя вместе с ним предикатную структуру предложения[1]. Эти дополнительные компоненты несут, следовательно, настолько важную часть информации, что меняют смысл высказывания. Например, высказывание

[1] Вопрос об отношении приглагольных обстоятельства и дополнения к предикатной структуре предложения является одним из центральных вопросов синтаксиса (В.С.Юрченко, Структура предложения и система синтаксиса, „Вопросы языкознания", № 4, 1979, стр. 82).

Отца нет, представленное как информационно законченное, обозначает: 'Отца не стало, он умер'. Но если в нем имплицитно присутствует одно из приглагольных обстоятельств, то оно означает, что отец в данный момент отсутствует. Данные различия находят свое отражение в румынском переводе: Tata nu mai e în viață, Tata nu este acasă(lipsește). В предложении Хорошо, что Олега нет, а то ведь истолковал бы все по-своему подразумевается присутствие приглагольного обстоятельства дома, среди них.

Второе предложение - Возражений нет - занимает как бы промежуточное положение между первым типом и третьим, так как в этом типе предложений можно предположить присутствие "поссесора" признака, выраженного род. падежом: у нас, у вас и т.п. нет возражений. В этом последнем случае лексема нет переводится на румынский язык 'a nu avea' и вступает в образование модели с двумя родительными падежами: У нас нет такого классного руководителя (А.К.). Род.пад., вводимый предлогом у, перешел к этой модели "по наследству" от исходной утвердительной конструкции, где форма "у + род. пад." выступает "как первый организующий центр со значением субъекта владения (поссесора) или носителя состояния, признака[I]. Форма род. пад. без предлога, которой в утвердительном варианте соответствовало существительное в именительном пад., обозначавшее объект владения, - явилась следствием уже упомянутых преобразований вследствие введения в предложение отрицания.

Носителем признака в безличных предложениях может выступать также форма дательного падежа, называемого современными лингвистами в этом случае "дательным субъекта" (М.Гиро-Вебер, Г.А.Золотова и др.). Из многочисленных видов этого типа конструкций мы остановимся в данном случае лишь на модели с модальным значением сказуемого -

I Г.А.Золотова, Очерк функционального синтаксиса русского языка, М., 1973, стр. 97.

долженствования, необходимости/необязательности нецелесообразности: надо - не надо, нужно - не нужно, стоит - не стоит, следует - не следует и др. Эти модели объединяет наличие в них субъекта, носителя признака, выступающего как "организационный центр" предложения, который, кстати говоря, может быть "инклюзивным" или "эксклюзивным"). Данный тип конструкций подключает в свой состав инфинитив, который, вводя "событийный компонент", располагает возможностью для выражения широкого круга самых различных ситуаций. Эти возможности еще более увеличиваются в русском языке за счет способности инфинитивного (в этом типе предложений) глагола менять свой вид при переходе от утвердительной конструкции к отрицательной. Смена вида в этих структурах имеет место тогда, когда в исходной форме употреблен инфинитив совершенного вида, принимающий в отрицательном варианте форму несовершенного вида:

Нам нужно это сделать - Нам не надо этого делать

Надо купить эту книгу - Не надо покупать этой книги

Стоит написать об этом - Не стоит писать об этом

Следует ему все объяснить - Не следует ничего объяснять ему.

Объяснение, данное этому сложному, с точки зрения тех, кто изучает русский язык как иностранный, явлению, нам кажется убедительным и полезным для его понимания нашими студентами[I]. Вместе с тем, мы предлагаем еще одну попытку объяснения употребления в вышеупомянутых отрицательных конструкциях несовершенного вида, отправляясь на этот раз от идеи существования связей между отрицательной моделью и утвердительным предложением.

В случае взятых нами безличных отрицательных предложений с модальным значением долженствования/нецелесообразности эта связь

I Ион Оицэ, Влияние отрицательных слов на употребление видов в современном русском языке, в Probleme de rusistică şi lingvistică generală, Bucureşti, 1976 (Tip.Univ. din Bucureşti).

нам представляется наиболее тесной. Утвердительная конструкция с выходящей из нее отрицательной моделью образуют в речевом потоке своего рода "непрерывный ряд", в силу того, что отрицающий как бы продолжает мысль, выраженную в утвердительном варианте. Доказательством этого является эксплицитное или имплицитное присутствие при этих моделях наречия больше. Ср. следующий фрагмент диалога: - Ну, доказал? И хватит. Больше не надо (А.К.), где подразумевается, как продолжение мысли, глагол "доказывать" (не надо больше доказывать). Возьмем другой пример. Во фразе А убегать не надо (А.К.) также имплицитно присутствует слово больше, так как сказана она мальчику, который уже один раз убежал из детского дома. И еще одна ситуация: ученик идет к учителю с намерением рассказать ему о том, что случилось у него дома (значит, можно предположить, что в его сознании присутствовала фраза типа "надо рассказать"). Но придя к учителю, он видит, что тот в курсе всех его событий, и мальчик облегченно вздыхает: Не надо было (больше - П.М.) рассказывать про мать, про ее начальника... (А.К.). Следовательно, как показывает анализ показывает анализ подобного типа предложений, отрицательное предложение, являясь своего рода продолжением утвердительного, представляет собой континуум действия, что, собственно говоря, и является одной из характеристик несовершенного вида в русском языке.

Интересно отметить, что если бы в вышеприведенном предложении Не надо было рассказывать... не ощущалось имплицитного присутствия наречия больше, то же предложение приобрело бы совсем иной смысл: 'напрасно он рассказал, не надо было бы рассказывать...' Конструктивным средством для определения смысла и модальности предложения - повествовательное сообщение о факте или выражение ирреальной модальности (условного наклонения) - здесь выступает интонация: первое произносится с ударением на инфинитиве (расска-

зывать), второе - на модальном глаголе (не надо). Соответственно, на румынском языке эти два смысловых варианта, оформленных одинаково, получают разные переводы: Nu trebuia (nu era nevoie) să povestească despre mama, despre șeful ei,... - и - N-ar fi trebuit să povestească.

Поднятыми в нашем сообщении вопросами, конечно, далеко не исчерпывается проблема соответствий русских безличных конструкций и их румынских эквивалентов. Мы остановились только на некоторых, показавшихся нам наиболее интересными аспектами этой обширной темы, с которой мы постоянно сталкиваемся в нашей практике преподавания русского языка румынским студентам.

III. РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ALEKSEI NIKOLAEVICI TOLSTOI

- 100 de ani de la naştere -

Virgil Şoptereanu

S-au împlinit 100 de ani de la naşterea lui A.N.Tolstoi, eveniment înscris de către U.N.E.S.C.O. în calendarul marilor aniversări culturale pe anul 1983.

Continuînd seria manifestărilor ştiinţifice consacrate unor date marcante din istoria literaturii ruse, aşa cum au fost în ultimii ani aniversarea a 150 de ani de la naşterea lui L.N.Tolstoi (1978), centenarul naşterii lui A.A.Blok (1980), comemorarea a 100 de ani de la moartea lui F.M.Dostoievski (1981), Catedra de filologie rusă din cadrul Facultăţii de limbi şi literaturi străine a Universităţii din Bucureşti a organizat la 26 februarie 1983 un simpozion dedicat personalităţii creatoare a lui A.N.Tolstoi, la care au participat cadre didactice, cercetători şi studenţi.

Literatura rusă a dat trei mari scriitori cu numele Tolstoi. Titanul de la Iasnaia Poliana, Lev Nikolaevici (1828-1910), şi doi Aleksei, Aleksei Konstantinovici (1817-1875), autor de versuri, unele devenite antologice, şi de romane istorice, atribuite uneori, în mod eronat, aşa cum se poate observa în sursele bibliografice care ne stau la îndemînă privind traducerile din literatura rusă, celuilalt Aleksei, Aleksei Nikolaevici (1883-1945), evocat în paginile de faţă.

Scriitor fertil, A.N.Tolstoi a lăsat o operă vastă - înmănunchere multicoloră de genuri şi specii literare, de la poezie, povestire, nuvelă, roman, basm, dramă şi comedie pînă la reportaj şi articole de critică literară. Drumul său de creaţie n-a fost însă deloc un drum simplu, neted, fără asperităţi. Dimpotrivă,

el se caracterizează prin căutări febrile în domeniul tematic şi al formelor artistice; n-a fost ocolit nici de crize puternice vizînd opţiunile social-politice în momentele istorice de răscruce ale patriei sale. Cunoscut ca autor talentat de povestiri, nuvele şi romane cu mult înainte de Revoluţia din Octombrie, înfăţişînd tablouri vii, cu subliniate accente critice, din viaţa nobilimii ruse a epocii declinului ei social, A.N.Tolstoi a trebuit să-şi verifice şi să se convingă de unele adevăruri istorice cu preţul unei experienţe dureroase, cu preţul "pierderii şi recîştigării" patriei.

Perioada de după "recîştigarea patriei" este hotărîtoare pentru creaţia scriitorului. Acesteia îi aparţin capodoperele sale, marile construcţii epice - Calvarul, cronică artistică a revoluţiei şi a războiului civil, şi epopeea istorică Petru I, consfinţind încoronarea unui efort creator de peste un sfert de veac.

A.N.Tolstoi a fost, în acelaşi timp, şi un militant neobosit pentru pace, împotriva fascismului, pentru apărarea culturii, vocea lui făcîndu-se auzită de la tribuna congreselor internaţionale din anii '30 de la Paris, Londra şi Madrid. În timpul celui de-al doilea război mondial, el s-a manifestat ca unul din cei mai străluciţi publicişti, punîndu-şi condeiul în slujba demascării ororilor săvîrşite de fascişti pe teritoriile ocupate.

Activitatea lui A.N.Tolstoi pe tărîmul creaţiei şi pe tărîmul obştesc a fost răsplătită cu cele mai înalte onoruri ale Statului Sovietic: membru al Academiei de Ştiinţe a U.R.S.S., deputat în Sovietul Suprem al U.R.S.S., decorat cu ordinul Lenin şi cu alte ordine sovietice, laureat al Premiului de Stat al U.R.S.S. pentru romanele Petru I, Calvarul ş.a.

A.N.Tolstoi şi-a încheiat drumul vieţii la numai 62 de ani, fără a apuca să-şi desăvîrşească marele său roman istoric închinat

epocii lui Petru, aşa după cum neterminate au rămas şi multe din planurile şi proiectele sale de creaţie.

Primele ecouri în presa literară românească despre A.N.Tolstoi au început să pătrundă încă de prin 1922-1923. Dar opera propriu-zisă a scriitorului era puţin cunoscută. După eliberare au fost asigurate condiţii reale pentru buna cunoaştere a creaţiei lui A.N.Tolstoi, ca, de altfel, şi a tuturor celorlalţi scriitori ruşi şi sovietici. Astfel, în ultimele patru decenii capodoperele tolstoiene - Calvarul şi Petru I - au cunoscut în limba română cîte 7-8 editări. Pe lîngă traducerile în ediţii aparte ale celor mai multe din scrierile lui A.N.Tolstoi, ca, de pildă, Copilăria lui Nikita, Aelita, Hiperboloidul inginerului Garin, Vipera, Cheiţa de aur sau minunatele păţănii ale lui Buratino, Ivan cel Groaznic, Gobelinul reginei Marie-Antoinette şi alte povestiri, Povestirile lui Ivan Sudariov ş.a., a fost editată seria de Opere în 6 volume. Printre traducătorii cei mai constanţi ai scriitorului sovietic se numără Otilia Cazimir, G.C.Stere, Al.Ştefănescu-Medeleni, R.Donici, Eusebiu Camilar, Cezar Petrescu ş.a. S-a tradus, de asemenea, şi o lucrare monografică închinată lui A.N.Tolstoi, aparţinînd istoricului literar Vladimir Şcerbina.

Traducerile din A.N.Tolstoi n-au rămas fără ecou în critica noastră literară, ele fiind însoţite de prefeţe, recenzii, articole, semnate de profesori universitari, critici literari, scriitori.

Simpozionul organizat cu prilejul aniversării centenarului naşterii lui A.N.Tolstoi şi-a propus să desprindă cîteva concluzii şi să jaloneze noi perspective privind cercetarea în continuare a creaţiei tolstoiene la catedrele de specialitate din România.

Referatele şi comunicările prezentate au reflectat nivelul teoretic înalt la care se găseşte astăzi exegeza operei scriitorului sovietic în ţara noastră. De aici s-a conturat şi ideea ca

pe baza variantelor româneşti ale unor comunicări susţinute la simpozion autorii să elaboreze în limba rusă un ciclu de prelegeri destinate cursurilor de perfecţionare a cadrelor didactice de specialitate din învăţămîntul gimnazial şi liceal. Am reunit, astfel, sub o tematică generală - Caracterul şi funcţiile structurilor narative în opera lui A.N.Tolstoi - patru prelegeri axate pe investigarea capodoperelor tolstoiene: A.N.Tolstoi şi romanul istoric sovietic contemporan (conf.dr. V.Şoptereanu), Discursul în nuvela lui A.N.Tolstoi "Oraşe albastre" (lect.dr. Aneta Dobrea), Metafora în trilogia "Calvarul" de A.N.Tolstoi (prof.dr. Ecaterina Fodor, lect.dr. Maria Arvinte), Unele aspecte ale stilului şi limbajului în "Calvarul" de A.N.Tolstoi (asist.dr. Aurica Braşoveanu).

Profesorii de limba şi literatura rusă cuprinşi într-una din formele de perfecţionare vor beneficia, în felul acesta, de roadele unor cercetări care vin direct în sprijinul desăvîrşirii lor profesionale. Rezultatele acestor demersuri analitice se constituie, totodată, într-o mărturie concretă a contribuţiilor româneşti la investigarea şi interpretarea operei unuia din cei mai mari scriitori ai literaturii sovietice.

Prelegerile sînt însoţite de scurte rezumate în limba română, ideile exprimate de autori putînd fi cunoscute, astfel, de un public românesc mai larg, de către toţi acei care se interesează de creaţia artistică a lui Aleksei Nikolaevici Tolstoi şi, în genere, de literatura rusă şi sovietică.

ХАРАКТЕР И ФУНКЦИИ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫХ СТРУКТУР В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н.ТОЛСТОГО

А.Н.ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННЫЙ СОВЕТСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Вирджил Шоптеряну

В богатом и многостороннем творчестве Алексея Толстого по своей значимости выделяются два крупных произведения: монументальная трилогия, художественная летопись ркссокой революции и гражданской войны, Хождение по мукам, и исторический роман Петр Первый.

Петр Первый стоит на особом месте не только в творчестве этого писателя, но и в истории советской литературы. .Этот роман Алексея Толстого начинает выходить в свет в 1929 году. К этому времени в советской литературе уже можно было зарегистрировать первые не безуспешные попытки разработки исторического жанра: Разин Степан А.Чапыгина, Одеты камнем О.Форш, Кюхля и Смерть Вазир Мухтара Ю.Тынянова и др.

Примерно в этот же период исторический жанр успешно разрабатывается и в румынской литературе, расцвет которого связан, в первую очередь, с творчеством М.Садовяну.

Советская литература в разрпботке исторического жанра, опираясь как на традиции русской классической литературы, так и на опыт европейского исторического романа, в то же время делает заявку на создание "совершенно новой советской полосы в этом искусстве" /К.Федин/. В этом плане появление толстовского романа /книга первая - 1929-1930, книга вторая - 1933-1934, книга третья, незаконченная - 1944- 1945/ рассматривается как важный вклад в формирование жанра советского исторического романа.

Произведение А.Толстого посвящено одной из эпох, оставивших заметный след в русской истории. Речь идет о периоде царствования

Петра I, когда по образному выражению Пушкина Россия была "вздернута на дыбы" - настолько неожиданны, резки и коренными были петровские преобразования всего старого русского уклада. Роман насыщен событиями того времени, среди которых важное место занимает описания Азовского похода и начала Северной войны, основания Петербурга, и в нем действует множество реально существовавших в тот период лиц. Уже вскоре после опубликования толстовского романа в советской литературе были напечатаны произведения, в которых общность с Петром Первым отдельных эпизодов, сцен и бытовых деталей трудно объяснить лишь общностью исторического материала, легшего в их основу. С другой стороны, появляются произведения, посвященные какой-то теме, разработанной и у Алексея Толстого, и в которых дает о себе знать творческое освоение художественных принципов этого писателя при подходе к истории, к работе над историческим документом и т.п./см., например, роман Ю.Германа Россия молодая, в котором описывается строительство русского флота на севере/.

Речь шла не о каком-то обязательном "оглядывании" на роман А. Толстого, а о его большой притягательной силе, как художественного произведения. Образы людей, живших почти триста лет тому назад, описания исторических событий, деталей давно ушедшего в прошлое быта, образность языка - все это настолько колоритно, живо и убедительно, что читателя не оставляет ощущение, будто все описанное было увидено, услышано и пережито очевидцем. Одним словом, роман вызывал доверие советского читателя. Отсюда, после выхода романа А. Толстого, образ Петра I, один из самых дискутируемых в русской литературе, не только в общих, но и в своих частных чертах, начинает восприниматься в том обличии, в каком он вырисовывается у Алексея Толстого.

Подобное восприятие художественного образа было плодом большой работы писателя, наделенного к тому же /как это не раз отмеча-

лось/ талантом чувствовать историю, писателя, накопившего богатый арсенал художественных приемов, который им используется для того, чтобы дать плоть ушедшим в прошлое персонажам. Не последнюю роль в зрительном, вкусовом восприятии русской старины сыграло и прекрасное знание писателем русского фольклора, обычаев, песен, обрядов, а также и его личные детские впечатления. "Если бы я родился в городе,- писал по этому поводу А.Толстой,- а не в деревне, не знал бы с детства тысячи вещей, - эту зимнюю вьюгу в степях, в заброшенных деревнях, святки, избы, гадания, сказки, лучину, овины, которые особым образом пахнут, я, наверное, не мог бы так описать старую Москву"[I].

Нельзя преуменьшать и той роли, которая выпадала на долю исследовательской работы писателя над историческими документами, относящимися к петровской эпохе. И если до сих пор мы говорили о том индивидуальном, что отличало писателя Алексея Толстого, то теперь мы отмечаем черту, характерную для советского исторического романа вообще, а именно - его заостренность на историческую достоверность. "Исторический роман, - высказывался по этому поводу Алексей Толстой,- чистая история. Работа над документами - это один из очень важных процессов в писательской деятельности"[2]. Исторический материал призван служить в советском историческом романе не фоном, на котором представлены, согласно вальтер-скоттовским традициям, вымышленные герои. В романе Петр Первый, например, не только главные, но и многие эпизодические события, имели место на самом деле. Что касается персонажей, то здесь не идет речь об обыгрывании исторических параллелей, или о том, что герои произведения имеют своих прототипов. У А.Толстого образы, говоря языком скульптора, это - слепки с натуры. Своих героев романист стремится представить потомкам

I Алексей Толстой, Собрание сочинений в десяти томах, т.7, Москва, Изд-во "Художественная литература", 1959, стр. 847.

2 См. А.В.Алпатов, Алексей Толстой - мастер исторического романа, Москва, Изд-во "Советский писатель", 1958, стр. 131.

с их собственными лицами и характерами, безусловно, насколько возможно их разглядеть сквозь наслоившуюся пыль времени. Не следует также сбрасывать со счета и современную позицию автора-историка, которая неизменно сказывается на трактовке изображаемого. Насыщенными актуальной проблематикой были и романы М.Садовяну, построенные на историческом или легендарном материале.

Но несмотря на "солидную" документальную основу толстовского романа,в критике долгое время бытовало представление, согласно которому богатое воображение, художественная интуиция избавили, дескать, Алексея Толстого от необходимости "рыться" в архивной пыли. Подобное мнение можно понять, имея в виду тот факт, что разрозненные документальные источники спаяны в романе в органическое художественное целое самостоятельной творческой мыслью писателя. Владение историческим материалом, "вхождение" в него и его художественная переработка были таковы, что, читая произведение, трудно провести границу между документальными вставками и авторским вымыслом. Этой своей чертой роман А.Толстого противостоял тем советским произведениям 30-х гг. на историческую тематику, в которых документальный материал был подвергнут лишь первичной обработке /см., например, роман В.Шишкова Емельян Пугачев/.

Одним из художественных принципов А.Толстого было: не нарушая исторической достоверности, не следовать, однако, эмпирически за сырым историческим материалом. Подобный принцип, кстати сказать, отвечал индивидуальной творческой манере писателя, признававшего, что он никогда не мог просто описать виденное, ибо ему "всегда казалось, что описание - плохая копия прекрасного". "Все виденное когда-то, словно мельчайшие зерна, складываются в новые сочетания и тогда только радует". По отношению к историческому роману это означало, что "исторический романист должен быть смел в своих догадках, в своем активном, творческом отношении к сырому истори-

ческому материалу"[3]. Исторические факты, сложенные в "новые сочетания" по законам писательского воображения, дадут рождение "оригиналу".

С тех пор как в 30-е годы в советской литературе выкристаллизовывались основные принципы советского исторического жанра, прошло более полстолетия. За это время советская литература пополнилась многими произведениями, обращавшимися к более или менее отдаленной истории своей страны. И можно было бы заметить, что толстовский художественный опыт не прошел бесследно для советских исследователей исторического жанра. Из множества произведений наше внимание привлек роман современного советского писателя Владимира Дружинина Державы российской посол, опубликованный в 1979-1980 годах[4].

Роман-трилогия В.Дружинина Державы российской посол /Римский орешек, С лицом открытым, Виктория парижская/ заинтересовал нас как произведение, автор которого обратился к той же, петровской, эпохе, а, следовательно, следуя логике, в нем можно искать перекличку с толстовским романом. В самом деле, первые же страницы произведения Дружинина как бы переносят нас в начало толстовского романа: читатель снова узнает молодого Петра, атмосферу и быт царского дворца того времени. Вместе с тем, по мере чтения книги Дружинина читатель убеждается, что это - только внешнее сходство начала, необходимое автору как бы для "разбега", с тем чтобы вслед за этим начать свой собственный своеобразный рассказ о событиях и лицах, часть из

3 См. А.В.Алпатов, цит. работа, стр. 162.

4 Роман состоит из трех частей: Римский орешек /"Нева", № 1, 1979/, С лицом открытым /"Нева", № 12, 1979/, Виктория парижская /"Нева", № 12, 1980/.

Владимир Дружинин - автор приключенческих повестей: К вам идет почтальон /1960/, Тропа Селим-хана /1960/, Завтра будет поздно /1963/. В 1976 году выпустил книгу Янтарная комната и другие повести. Он опубликовал путевые очерки: В нашем квадрате тайфун %

которых были отражены у Алексея Толстого, другие - нет, ибо у В. Дружинина охвачен больший промежуток времени: с 1695 года вплоть до смерти Петра I в 1725 году /тогда как толстовский роман охватывает период с детских лет Петра по 1704 год/. Помимо этого, роман Дружинина посвящен теме менее выделенной у А.Толстого, а именно: "театруму бескровной баталии" - русской дипломатии, выступившей на международной арене в начале XVIII столетия.

Но особый интерес у нас вызвал роман В.Дружинина Державы российской посол тем, что, вписываясь в вышеотмеченные линии традиций советского исторического романа, это произведение могло бы служить, по нашему мнению, примером их творческого развития на новом этапе эволюции литературы.

Прежде всего следует отметить, что и В.Дружинин делает установку на соблюдение принципа исторической достоверности: он не вводит в свое произведение ни вымышленных событий, ни вымышленных лиц /речь, конечно, не идет об отдельных эпизодический персонажах и их поступках/. В основе трилогии В.Дружинина также лежит большой исторический материал, собранный автором не только в отечественных, но и в заграничных библиотеках и музеях. Интересна в этом отношении фигура иезуита Элиаса Броджио, судьба которого прослежена по документам Ватикана. По ходу действия В.Дружинин часто цитирует французские газеты того времени /"Газетт де Франс", "Меркюр"/, мемуары Сен Симона, записки маркиза Сен Поля, Вольтера,государственного советника при Герцоге Орлеанском - аббата Дюбуа, дает высказывания Фонтенеля, Лейбница и др.

Но в отличие от толстовского романа весь этот документальный материал играет у В.Дружинина иную идейно-художественную роль: он используется автором трилогии Державы российской посол не подспудно,

---

% /1962/, Среднеевропейское время. Книга путешествий /1973/, Под парусом Лютеции. Из парижского дневника /1981/.

"скрыто" /как это мы видим у А.Толстого/, а открыто, лежа на самой поверхности произведения, составляя саму суть его композиционной структуры. Многочисленные цитирования органически вписываются в ткань повествования, которая сама по себе имеет своеобразную форму реально существовавших дневниковых записей Бориса Куракина, русского князя, ставшего во времена петровского царствования полномочным послом царя.

С подобной формой романа связан тот факт, что в романе В. Дружинина излагаются те события, в которых мог участвовать или о которых мог знать князь Куракин; представлены лица, в соприкосновении с которыми входил полномочный царский посол. Автор подчеркивает это обстоятельство, например, тогда когда речь идет о том, что такой важный момент в руской истории, как взятие крепости Полтавы, описан в книге чрезвычайно скупо. Ссылаясь на записки Бориса Куракина, автор поясняет: "Но Борис привык заносить в тетрадь обстоятельно то, что испытал и видел сам"[5]. О форме изложения у В.Куракина можно было бы сказать, что она соответствует той, что является определяющей для литературы современной эпохи, когда повествование развертывается "согласно видению" главного персонажа, отличаясь тем самым от классической формы рассказа /с которой мы встречаемся у А.Толстого/ с ее превосходством повествователя по отношению к действию, протекающему в книге.

Мемуарная форма повествования приводит к тому, что именно от оценок главного персонажа отправляется автор в своем описании лиц и событий, что дает писателю возможность проникнуть в "психологию эпохи" необычным для исторического романа, претендующего на социально-историческое осмысление взятой эпохи, способом. История вскрывается как бы изнутри, через прямой показ переживаний и эмоций человека XVIII века, рассказ о которых ведется от первого лица, рассказ

5 В.Дружинин, С лицом открытым. Вторая часть трилогии Державы российской посол, "Нева", 1979, № 12, стр. 89.

как бы прямо обращенный к читателю нашего столетия. Это была новая и смелая попытка проникнуть в "чистую историю", если иметь в виду, что до сих пор исторический роман писался от "лица" автора, а внутренний мир персонажа раскрывался - как это мы видим и у А.Толстого - опосредованно, через описание его портрета, жестов, поступков и т.п.

В тех же случаях, когда автор не удовлетворен субъективной информацией "рассказчика"- очевидца, он прибегает к свидетельствованиям-цитатам современников главного персонажа. Например, чрезвычайная сдержанность князя Куракина в оценке собственной персоны заставляет Дружинина обратиться к дневнику Сен Симона, в котором дана существенно дополняющая образ князя Куракина характеристика: "... Высокий, хорошо сложенный мужчина, хорошо сознающий свое происхождение и притом обладающий большим умом, тонким обхождением и образованностью. Он достаточно хорошо говорит по-французски и на других языках, он много путешествовал, служил в войсках, потом выполнял различные миссии"[6].

Структуру романа В.Дружинина отличает еще один штрих, придающий ему ноту своеобразия в ряду других советских исторических произведений. Изложение дневниковых записей, цитаты из исторических документов и то, что домысливается автором по законам художественной фантазии, - все это цементируется здесь так называемым авторским голосом, зачастую возникающим на страницах произведения В.Дружинина, голос, который ставит повествование между "сейчас" и "однажды".

"Открытое" появление авторского голоса это - художественный прием, к которому довольно часто прибегают писатели, для того, чтобы дать свое отношение к изображаемому, внести лирическую струю или придать произведению философскую перспективу. Использование В.Дру-

6 В.Дружинин, Виктория парижская. Третья часть трилогии Державы российской посол, "Нева", № 12, 1980, стр. 84.

жининым этого художественного приема не лишено оригинальности. Прежде всего, подобным "маневром" Дружинин как он выносит "на свет", делая частью художественной структуры произведения то, что подлежит быть скрытым в творческой лаборатории романиста: он как бы на глазах у читателя работает над старинным документом. Не имея возможности - из-за трудности понимания современником языка ХУIII столетия - предоставить целиком записки Бориса Куракина, автор начинает излагать их своим языком /стремясь сохранить в то же время многие из особенностей руского языка того времени/, как бы становясь в позицию добровольного толмача этих записок для своего современника.

В то же время, благодаря одной грамматической детали, а именно - использования настоящего времени в прямой речи автора - намечается некая дистанция между историко-эпическим элементом и драматически-дескриптивным, предназначенным для создания "иллюзии настоящего". Писатель далек от того, чтобы "злоупотреблять" этим своим "положением": "изложение речи" лишь изредка сопоставлено с "речью изложенной", "иллюзией настоящего". Особая привлекательность романа Дружинина заключена, по нашему мнению, именно в усилении конкретного и сиюминутного характера изложения: оно состоит исключительно из голоса того, кто "присутствовал" и кто делает так, чтобы его мнение дошло до нас. Писатель редко когда "вмешивается" в ход изложения событий, данного, как мы это уже отметили, через призму главного персонажа, что дает читателю полную возможность самому судить о событиях и лицах,проходящих перед ним. Отсюда создается впечатление "безоценочного" дневникового описания, которое, кстати сказать, казалось неприемлемым для А.Толстого. Подобная дружининская манера повествования вызывает доверие читателя к изображаемому, он соглашается с теми коррективами, которые автор - в целом оставаясь в русле пушкинско-толстовской оценки личности Петра I - незаметно вносит в этот образ. Коррективы эти идут по линии еще

большего расхождения со славянофильской литературой /см., в частности, роман Д.Мережковского Петр и Алексей/, в противоречие с которой вступал и А.Толстой при многолетней работе над темой Петра. Так, у В.Дружинина Петр I не только /как и у А.Толстого/ выдающийся государственный деятель и полководец, но и дальновидный политик и дипломат, а также и образованный для своего времени человек. Легкие, но уверенные коррективы добавляются Дружининым, например, и к образу главного сподвижника Петра I, Александра Меньшикова.

Известно, что у самого А.Толстого обрисовка образа Петра I не раз претерпевала изменения. Долгое время - признавался писатель - Петр I был для него "«загадкой» в историческом тумане". Отзвуки славянофильской оценки нашли свое отражение в рассказе А.Толстого День Петра /1918/, где русский царь представлен как мрачная и одинокая фигура. Иная трактовка этого образа в историческом романе А. Толстого - не только следствие большой исследовательской работы писателя, но и в известной степени - отражение настроений того времени, когда писался роман, напоминавшего автору эпоху петровских преобразований.

В романе В.Дружинина оценка личности Петра I также входит в орбиту отношения к нему главного персонажа Бориса Куракина. Но отраженный сквозь субъективную призму, блеск этого образа не тускнеет. Борис Куракин верой и правдой служит на дипломатическом поприще делу Петра, видя в бескорыстном /подчеркивается в трилогии/ служении царя своему государству пример своей жизни. Несмотря на подчас незаслуженные по отношению к нему обиды со стороны царя, Куракин привязан к нему всей душой. Смерть царя, казалось бы, должна была облегчить существование заподозренного в измене боярина. Но после смерти Петра Борис Куракин как бы теряет вкус к жизни, тон его записок становится все более меланхоличным.

В этой связи интересно вспомнить и судьбу нашего крупнейшего румынского просветителя Димитрия Кантемира, находившегося с 1711 года в России, после неудачной антиотоманской битвы русско-молдавских войск на Стэнилешти, и занимавшего в последние годы жизни ответственный пост в системе государственного управления. Между прочим, заметки Димитрия Кантемира о личности Петра, изложенные им в Исследовании монархий на основе физической философии, в Хронике и др., во многом созвучны с заметками Куракина из его дневника. Д.Кантемир говорит о Петре I как об одном из "самых мудрых и отважных" монархов, которого никто не "превосходит в человечности и благодушии". Д.Кантемир возлагал на Петра I надежду на избавление румынских княжеств от турецкого порабощения.

Князь Куракин показан в эволюции своего характера и отношения к жизни, во многом определенного политикой Петра I. Семена, брошенные Петром I в, казалось бы, непробудную /и вспоминается роман А.Толстого/ толщу боярства, проросли и дали свои всходы. На страницах романа В.Дружинина показывается, как бывший боярин-крепостник "предает" свой класс. Он, который вначале говорит Петру, что "если холопей учить", то они "лаптями нас затопчут"[7], затем - пишет автор - "все чаще опускает... взор" к "народу"[8], с тем чтобы в конце концов прийти к невероятной для его класса и времени идее: он не только отпускает на свободу своего холопа, но и рассуждает о равенстве людей независимо от их рождения. Это совсем иной ракурс в изображении русского боярства, чем тот, который мы находим у А. Толстого, давшего в своем романе сугубо отрицательный портрет этого слоя русского общества. Наиболее положительный образ из этой среды - Василий Голицын, образованнейший для своего времени человек, - представлен А.Толстым как слабый и беспочвенный мечтатель.

---

7 В.Дружинин, Римский орешек, "Нева", № I, 1979, стр. I2I.

8 В.Дружинин, С лицом открытым, "Нева", № I2, 1979, стр. 6I.

В романе В.Дружинина сказалось направление тех мутаций, которые имели место в советской литературе в последние годы. Возьмем, к примеру, в качестве опорных пунктов такие романы, как Дипломаты и Заутреня в Рапалло, принадлежащие перу С. Дангулова и посвященные русским дипломатам, вышедшим из самых недр русской аристократии и, тем не менее, примкнувшим к Ленину. Главный персонаж романа В.Дружинина - князь Куракин, талантливый дипломат, не раз выигравший "бескровные баталии", примыкает к этой галерее образов людей, оторвавшихся от своего класса.

Имея форму дневника, произведение В.Дружинина тем не менее относится не к мемуарному жанру, а к жанру исторического романа, в котором частная человеческая судьба оказывается подчиненной тому, что называется "большой историей" и которая здесь выдвигаеся на первый план. Архитектоника подобного исторического повествования нуждается в расширении рамок дневника, что и делает писатель, прослеживая в своем произведении значительные для того времени события и факты: участие в международной игре папского двора в Риме, быт начала XУIII века Венеции, Вены Габсбургов, Парижа эпохи Герцога Орлеанского, борьбу за престол в Плоше, "сосредоточие машинаций политических" XУIII века - Гаага, рассказывает о событиях и лицах, связанных с Пруссией, Амстердамом, Карлсбадом и т. д. Остается пожалеть только, что в этом калейдоскопе событий и фактов нет упоминания и о румынских княжествах, боровшихся в те годы за независимость от Отоманской империи. Можно предположить, что среди близких Петру людей Куракин не мог не встретить и Димитрия Кантемира, одного из советников царя. Весь этот материал - и мемуарно-документальный, и "авторские" описания - спаян в произведении В. Дружинина в единое целое писательской мыслью, что потребовало от писателя владения той "смелостью" в "своих догадках", которая была одним из толстовских принципов работы над историческим материалом.

A.N.TOLSTOI ŞI ROMANUL ISTORIC SOVIETIC CONTEMPORAN

Apariţia romanului tolstoian Petru I a însemnat o mare realisare a genului romanului istoric în literatura sovietică. Autenticitatea evenimentelor narate, plasticitatea portretelor unor oameni care au trăit cu aproape trei secole în urmă, detaliile unui mod de viaţă demult rămas în istorie, redate atît de viu încît sînt în măsură să creeze ceea ce se numeşte "iluzia prezentului", au concurat la succesul romanului, asigurîndu-i o mare forţă de atracţie ca operă de artă.

In perioada care a trecut din anii '30, cînd s-au format trăsăturile de bază ale romanului istoric sovietic, literatura rusă şi-a adăugat noi opere de inspiraţie istorică. Dintre acestea ne-am oprit asupra unei apariţii recente - trilogia lui Vladimir Drujinin, Ambasador al statului rus (Nucşoara din Roma, Cu cărţile pe faţă, Victoria de la Paris), publicată în 1979-1980, în care este abordată aceeaşi epocă istorică despre care scrisese şi A.N.Tolstoi în Petru I. Romanul lui Drujinin ne-a reţinut atenţia îndeosebi prin faptul că el poate servi ca exemplu, după opinia noastră, al dezvoltării tradiţiilor romanului istoric sovietic în etapa actuală. Surprindem aceeaşi respectare a principiului veridicităţii istorice ca şi la A.N.Tolstoi, acelaşi bogat material documentar, aceeaşi "îndrăzneală" în prelucrarea datelor brute despre care vorbea autorul lui Petru I. In acelaşi timp, cu toate trăsăturile comune ale principiilor de creaţie, romanul lui Drujinin îşi păstrează individualitatea sa. Substanţa structurală a trilogiei o constituie un domeniu mai puţin accentuat la A.N.Tolstoi - "teatrul bătăliilor fără vărsare de sînge", diplomaţia rusă la începutul secolului al XVIII-lea. Mai mult chiar, printr-o serie de elemente ale orientării artistice romanul lui Drujinin se află, într-o anumită măsură, în termeni de opoziţie faţă de romanul lui A.N.Tolstoi. Avem în

vedere atît structura artistică declarat documentară, în care izvoarele folosite se află în prim planul operei, nu sub formă latentă, în subtext, ca la A.N.Tolstoi, cît şi forma naraţiunii, modul în care "eul" narativ face cunoscut cititorului planul evenimenţial al romanului. Ea capătă forma unor însemnări de jurnal ale personajului care coincide cu cel din realitatea istorică, cneazul Boris Kurakin, devenit în timpul domniei lui Petru ambasadorul lui plenipotenţiar. Naraţiunea se desfăşoară "conform viziunii" personajului principal, ca în multe din romanele contemporane, deosebindu-se de forma clasică a relatării lui A.N.Tolstoi, cu superioritatea naratorului faţă de enunţul pe care îl reprezintă cartea. Expunerea sub formă de însemnări de călătorie şi de jurnal are avantajul de a înlesni scriitorului să pătrundă în "psihologia epocii" printr-un procedeu mai puţin obişnuit pentru romanul istoric, constînd din prezentarea directă a trăirilor şi emoţiilor individului din secolul al XVIII-lea. Intr-o serie de cazuri, scriitorul lăgeşte cadrul jurnalului, nu se rezumă numai la datele subiective ale "povestitorului"-Kurakin. Expunerea însemnărilor de jurnal, reproducerile din documentele vremii şi ceea ce întregeşte scriitorul după legile fanteziei artistice - toate acestea se cimentează prin aşa-numita voce a autorului, adesea apărînd în paginile trilogiei, voce care situează naraţiunea între "acum" şi "odinioară". Romanul constă aproape exclusiv din vocea celui care "a fost de faţă", care face să ne parvină opinia sa, oferind în acelaşi timp şi posibilitatea ca cititorul însuşi să-şi poată forma o părere despre evenimentele şi oamenii prezentaţi. De aici şi impresia unei descrieri "neutre", care lui A.N.Tolstoi i se părea inacceptabilă. Rămînînd, de regulă, în sfera de apreciere a personalităţii lui Petru aşa cum s-a transmis de la Puşkin şi A.N.Tolstoi, Drujinin operează, pe neobservate, şi unele retuşări în tratarea acestui personaj.

СЛОВО В ПОВЕСТИ А.Н.ТОЛСТОГО "ГОЛУБЫЕ ГОРОДА"

Анета Добре

Хорошо известно изречение французского литературоведа Р.Барта, что писать значит превратить мир в слово. Развивая настоящую философию стиля, художественного слова, советский эстетик М.Бахтин выдвигает плодотворный концепт, применимый к новой критике, "диалогичности слова" /см. его работу о Достоевском, а также Слово в романе /. Согласно концепции Бахтина "всякое конкретное слово /высказывание/ находит предмет, оспоренным, оценённым, окутанным затемняющею его дымкою или, напротив, светом уже сказанных чужих слов о нём. Он опутан и пронизан общими мыслями, точками зрения, чужими акцентами, оценками. Направленное на свой предмет, слово входит в эту диалогически взволнованную и напряжённую среду чужих слов, оценок и акцентов, вплетается в их сложные взаимоотношения, сливается с одними, отталкивается от других, пересекается с третьими; и всё это может существенно формировать слово, отлагаться во всех его смысловых пластах, осложнять его экспрессию, влиять на весь стилистический облик". В этой связи, изучение стилистики романа и родственных прозаических жанров можно понимать как изучение "картины романного слова", языка, как "полифоничности" /термин был первоначально применён Бахтиным по отношению к творчеству Достоевского, а затем к роману вообще/. "Слово рождается в диалоге как живая реплика, формируется в диалогическом взаимодействии с чужим словом в предмете. Концепированное словом своего предмета - диалогично"/М.Бахтин, с. 89-90,93/.

Применяя идею Бахтина,касающуюся специфики романного языка как системы языков,находящихся во внутреннем диалогическом соотношении,мы остановились на повести А.Толстого "Голубые города",потому что,на наш взгляд,значимость этого произведения открывается не столь в плане внешнего диалога,как композиционной формы /нужно отметить, что вообще как раз внешний диалог является одним из основных элементов строения прозы данного писателя/, а,прежде всего,в силу того, что текст этой повести целесообразнее расшифровать в плане внутреннего диалога. А это потому,что в большой степени внешняя драматургия диалога в логике данного романного слова не может быть реальной. Главный персонаж,архитектор Буженинов,самой своей структурой находится вне диалога с миром,который остаётся для него чужим и в рамках которого он чувствует себя одиноким,отчуждённым. Его включение во внешний диалог не отражает реального общения,так как речи собеседников относятся к разным ,непересекающимся планам. Столкновение и выявление двух жизненных кругозоров можно прежде всего интерпретировать через диалогичность слова,как отсутствие общения между индивидуумами,говорящими "на разных языках". Между прочим, один из противных по отношению к главному персонажу голосов признаётся: "Я старался говорить с ним на его же языке". А в разговорах Буженинова и Нади явно,что каждый говорит на своём языке. В герменеутике текста - план голубого города будущего,о котором мечтает архитектор,и кровать с балдахином из надиной мечты о кон-

фортабельной жизни - символизируют два пртивоположных жизненных идеала - первый,романтический,направленный на прогресс человеческой цивилизации,другой - пошлое мещанское счастье,строящееся в инертном неподвижном мире,в котором время будто бы останавливается и любой элемент нового с враждебностью отвергается.

Но посмотрим,как моделируется слово в данной повести. В относительно небольшом произведении поражает гетеролингвизм,разноречие текста,впечатлительное накопление разных литературных стилей - элементы детективного романа,психологической прозы,научно-фантастической литературы,социальных языков,разнородные внелитературные языки - эпистолярный,юридический,политический язык дня /из этих последних выделяются в особенности ряд языковых штампов/и т.д.

В большинстве случаев это множество литературных стилей вводится во всеобщую оркестровку способом пародийной стилизации. Способ как таковой является диалогическим,поскольку пародия предполагает диалог с чужим языком,означает введение "инородной" речи в речь повествования. Для этого нет необходимости,моделируя его, прибегать к штампам прямой и косвенной речи. Ещё с первого абзаца пролога в высказывании глобальной синтаксической стуктуры ощущаем вмешательство в речь повествователя чужого голоса,который как будто предупреждает нас,что дальше будет захватывающий рассказ о преступлении и согласно правилам игры на протяжении всего произведения будут допросы,исповеди свидетелей,аудирование "преступника",

реконстукция фактов,связанных с убийством и т.д. Но в то же время читатель предупреждён на счёт их мнимого характера прежде всего ироническим тоном повествования - рассказывается о трагических событиях в анекдотическом стиле,чередуя разные сведения о данном происшествии,заключая: "...преступник находился в состоянии умоисступления. Приколачивая на столб полотнище,он спрыгнул неловко,вывихнул ногу и лишился чувств. Это спасло ему жизнь - толпа растерзала бы его". Более того,в конце пролога имеем дело,можно сказать, с декодированием речи - "Перед следователем развернулась страстная повесть мучительной,нетерпеливой и горячечной фантазии". Теперь ясно, что многочисленные напряжённые события имеют место в больном воображении главного персонажа. Ключ к пониманию текста это драматическая коллизия между романтическим воображением Буженинова и пошлой мещанской действительностью,противостоящей любому обновлению жизни. "Как человек с повышенной чувствительностью,он видел в окружающем мире лишь то,что страстно хотел увидеть. Это была почти галлюцинация наяву" отмечается в тексте,опять подчёркивается таким образом невозможность общения между двумя противоположными жизненными кругозорами,концепциями.

Повесть составлена как комплексная структура. Слово повествователя,интерпретируемо,как мы уже отметили,как своего рода пародийная стилизация,охватывая во внутреннем диалоге разноречное сознание современников; обнаруживаем при этом полемическую тональность, относящуюся к литературным и идейно-философским спорам вре-

мени. На разных языковых уровнях, выраженных в тексте, можно уловить и семантическую инстанцию автора, путём дифференциации акцентов во множестве речей - пародийно-иронический тон автора, романтическая экзальтация гланого героя, а вокруг него сосредоточение разных диссонирующих голосов - над всем этим звучит и тема авторского замысла.

В авторском слове чувствуется его симпатия к мечте и благородности романтического порыва архитектора Буженинова, и всё-таки А.Толстой делает из своего героя побеждённого в неравной и трагической дуэли с ещё сильно укоренившимся в сознании людей мировозрением. Драматизм положения Буженинова представлен не только в плане столкновения его голоса с разноголосьем мещанина, но и с характерными для той эпохи политическими точками зрения. Эти последние сформулированы только в виде вырезок из языковых штампов дня, оставаясь пустыми фразами, потому что в логике текста в мещанском мире провинциального городка эти новые политические идеи будто бы бессильны, не могут вывести жизнь из инерции. В показаниях некого тов. Хотинцева читаем: "Мещанство метлой не выметёшь - ни железной, ни огненной. Оно въедчиво./.../Перевоспитать поколения. И пройдут мучительные года, покуда у вашего Утевкина в голове не просветлеет. Для вас, поэтов, - если хотите ,соглашусь, - наше время трагическое ...". Эти слова произносятся голосом, который, хотя и носит имя, остаётся абстракцией, речь не ассоциируется с человеком, который выражает определённую мысль, а воспроизводит языковой стиль эпохи.

Тем более, что данные слова повторяют, как вариация на ту же тему, то, что мы уже мы уже услышали в речи другого, такого же безличного голоса - "Новую жизнь строить - не стихи писать. Тут надо поколения перевоспитывать. А с утопсоциализмом, покуда рот разинул, тебя живо колёсами переедут...". Эти правильные по существу идеи остаются без отклика в беспокойном романтическом сознании Буженинова, жаждущего немедленных преобразований жизни, вызванных чудесной силой человеческого творчества. В конце повести, включением в исповедь Буженинова стилевой окраски чужой речи, определяется как бы извне фактура самого литературного героя; имеем тут дело с внутренним диалогом с языковой системой определённой литературной критики, презумтивно оценивающей характер Буженинова, как романтического героя: "...я был один среди пустыни. Страшное ощущение себя, личного своего Я, - этой буквы, стоящей лапками на горячих угольках и круглым завитком - в тучах, в утренней заре. Иногда теперь мне жутко сознавать: всегда казалось, что себя утверждаешь в творчестве, в созидании... Я ж, видите, - в чём...". И чтоб лучше понять горькую недосказанную мысль, посмотрим, как выделяется главный герой в контексте повести, имеющей двуплановое построение - в обоих действует условность воображаемого. Один из планов - план мечты, где оказывается, что рассказ архитектора о своём проекте голубого города будущего ни что иное как сон, потому что, прерванный, этот сон возобновляется потом как раз с того момента, когда персонаж опять уснёт. Пока этот план

мечты не пересекается с настоящей действительностью,он остаётся светлой картиной,полной уверенности в творческих человеческих потенциях. Но с того момента,когда мечта вступает в противоречие с жизненным идеалом мещанской среды,всё облекается в настоящие кошмарные образы - это та часть текста новеллы,где повествуются события,связанные с мнимым убийством. Саму идею убийства можно интерпретировать двояким образом. С одной стороны,она отражена в самом подсознании героя,на неё намекается с желанием его "выметать огненной метлой весь этот мещанский мусор". Метафора огненной метлы рождает в свою очередь другую метафору - поджог патрирхального городка, как символический жест,означаемый очищение почвы для возведения голубого города. С другой стороны,идея убийства звучит в голосах остальных - с точки зрения мещанина само смелое человеческое воображение является преступлением. Контакт с подобным мещанским миром сходен с резким падением на лету: "И вдруг фантастический бег времени остановился. Подошвы царапнули и стали на землю. Заскрипела калитка,заговорили будничные голоса,запахло навозищем". Для Буженинова бесповоротно улетели великие годы революции,а настоящее это кошмарная картина мещанского образа жизни: "Упал я с коня в грязь, в колею,полк ушёл,а я сижу в грязище - вот ещё так представляется,- сказал он с большой горечью /.../.Мещанство.Житьишко.Семечки грызут за воротами.Да,да,товарищ Хотяинцев,отступали копыта наших коней.

Улетели великие годы". Эта"грязь" жизни затем образно развивается в главах "Уездный городок","Быт,нравы и прочее". Фактически быт городка изображается прежде всего языковыми особенностями данной среды,внешними лингвистическими чертами,как показатели социолингвистических различий,через отрывки диалогов,развёртывающихся в манере кинематографических кадров. Замысел внушить мысль об анахроничности, неподвижности и косности мещанской жизни,с особой выразительностью передаётся в языковом плане:подчёркивается,что единственные изменения,имевшие место в данной среде,касаются только появления ряда неологизмов - кооператив,милиционер,улица Карла Маркса, "гражданин" в обращении между людьми. В остальном,как вытекает из описанных сцен в трактире Ренесанс,жизнь течёт грязно и пошло. В изображении этих сцен преобладают те же языковые элементы,как способ выявления "нравов",синтезированных в конечном итоге предложением:"За столиками журчали деловые разговоры,негромкие и бедные,как это серенькое небо над площадью,над рогожными палатками,над выпряженными возами,над грачиными гнёздами на липах" /подчёркнуто нами - А.Д/.

Образ серого неба становится навязчивым репером жизни патриархального городка. Вся повесть фактически структурируется на антитезе двух навязчивых идей,образно воплощённых синим и серым.Символический смысл данных образов,выявляется,разумеется,после того, как они проходили среду чужих речей. Слова приходят сюда со значением приобретённым художественно-литературной традицией /отсылают нас,

например, к романтической символике синего/ или внелитературной. А в последнем итоге синее и серое можно интерпретировать, как слова, выражающие два социальных кругозора, два стиля бытия, как "образ социальной идеологемы, сросшейся со своим словом, со своим языком".

DISCURSUL IN NUVELA LUI A.N.TOLSTOI "ORASE ALBASTRE"

Lucrarea propune o lectură a textului nuvelei lui A.Tolstoi (publicată în 1925), pornind de la unele considerații teoretice ale lui M.Bahtin cu privire la discursul romanesc, mai exact, folosind un concept cu fertilă aplicabilitate în critica modernă, lansat de esteticianul sovietic - "cuvîntul bivoc", "discursul dialogic": "Discursul se naște în dialog, ca replica lui vie, se formează într-o interacțiune dialogică cu cuvîntul "străin" în interiorul obiectului".

In ce privește discursul nuvelei "Orașe albastre", putem remarca faptul că semnificațiile sale multiple ni se dezvăluie tocmai în planul dialogului interior, întrucît în cea mai mare parte dramatizarea exterioară a dialogului în logica operei respective nu poate fi reală. Personajul principal, arhitectul Bujeninov, prin însăși structura sa, este în afara dialogului cu o lume străină și în care este un izolat, un însingurat(este vorba de lumea și concepția de viață a filistinului). Confruntarea și relevarea a două orizonturi de viață este aici interpretabilă mai ales în planul bivocității cuvîntului, ca o "incomprehensiune reciprocă a unor indivizi care vorbesc limbi diferite". Intregul discurs al nuvelei frapează prin eterolingvismul textului - o aglomerare de stiluri literare și extraliterare. In majoritatea lor sînt încorporate în orchestrația de ansamblu printr-un procedeu de stilizare parodică (procedeu prin excelență dialogic).

Dincolo de nivelele diferitelor limbaje exprimate în text, se face simțită și instanța semantică a autorului, prin diferențierea de accente în multitudinea de discursuri - cel ironic-parodic al naratorului, exaltarea romantică a personajului principal, ca obiect ce constituie punctul de concentrare al vocilor disonante din jurul său - și în toate acestea răsună "tema intențională a autorului".

Intreaga nuvelă este, de fapt, structurată pe antiteza dintre două obsesii - albastrul și cenușiul, constituite ca simboluri ale unor moduri și concepții de viață total diferite. Sensul simbolic al imaginilor respective se relevă, evident, după ce ele au parcurs mediul unor discursuri străine. Cuvintele ajung aici cu semnificația dobîndită prin intertextualitate (într-un cunoscut limbaj literar - vezi simbolica romantică a albastrului, de pildă) sau extraliterar. In consecință, în acest context, așa cum se întîmplă în general în genul romanesc, limbajul este nu numai un obiect al reprezentării, ci deține în același timp capacitatea de a vorbi prin el însuși, găsim simultan "rezonanță a limbajului în afara și în interiorul său".

In ultimă analiză, albastrul și cenușiul pot fi interpretate ca două cuvinte ideologeme, exprimînd două orizonturi sociale, două stiluri de a trăi.

Literatura de specialitate citată

М.Бахтин, Вопросы литературы и эстетики, Москва, "Художественная литература", 1975.

M.Bahtin, Probleme de literatură și estetică, București, Ed.Univers, 1982.

МЕТАФОРА В ТРИЛОГИИ А.Н.ТОЛСТОГО "ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ"

Екатерина Фодор и Мария Арвинте

Писатель выбирает не только предметы и явления действительности, но и форму рассказа о них. Идею произведения можно раскрыть, поняв идею каждого из его компонентов. Одним из таких компонентов художественного произведения выступает м е т а ф о р а. Ею передаются особенности ассоциативного мышления писателя. С другой стороны, метафорические конструкции относятся к числу т.н. н е с т а н д а р т н ы х в ы с к а з ы в а н и й. Современные исследования убедительно показали, что выявление дополнительной семантической и стилистической информации, которая возникает в повествовании при использовании нестандартных высказываний, в значительной мере способствует изучению потенциальных выразительных возможностей языка. Метафора определяется как явление "использования потенциальных возможностей языкового кода с целью создания особой структуры и значения сообщения...путем намеренного выдвижения на первый план необычных коннотаций" [1]. Одним из основных факторов, ведущих к метафоризации слов, является нарушение правил селекционных ограничений. Основная характеристика метафорических высказываний - намеренность со стороны говорящего придать данному выражению определенный, заранее предусмотренный семантико-стилистический эффект путем необычного использования элементов семантической структуры слов (выдвижение одних компонентов значения и "блокирования" других), а также путем особого сочетания слов в высказывании [2].

---

1 N.Nowakowska, Metapher from a linguistic point of view, "Studia anglica posnaniensia", t.V, 1973, 1, c.147.

2 С.Ю.Медведева, Проблемы стилистики (аспекты лингвистической теории метафоры), М., Изд -во Академии наук СССР, 1979, с.12

Метафорические высказывания и их интерпретация тесно связаны с контекстом. Идея контекстуальной обусловленности метафор нашла подтверждение в получившей широкое распространение концепции Дж.Торна [3], согласно которой создание поэтического произведения подобно созданию нового языка (или диалекта). Задача читателя состоит в изучении,"постижении" этого нового языка,в выявлении контекстуальной связи элементов и их значений, отличных от стандартных. Контекст произведения создает свои законы, окказиональный стандарт,складывающийся в ходе повествования и определяющий грамматичность / неграмматичность заключенных в нем высказываний [4]. Отличие языка художественной литературы,насыщенного метафорами, от общеязыковых стандартных форм выражения заключается не только и не столько в отклонениях от нормы, сколько в том, что сами эти отклонения в контексте произведения могут рассматриваться как правильные,нисколько не нарушающие норму данного образца [5]. Метафора определенным образом организует восприятие текста читателем,знакомит его с чувствами и суждениями писателя,заставляет принять мир,созданный художником слова,особенности его ассоциативного мышления.

---

3 J.Thorne,Poetry,stylistics and imaginary grammars,"J.of liguistics",London,1969,vol.5,nr.1,c.147-150.

4 См.Грамматическая "правильность" и "приемлемость" высказывания. К вопросу о соотношении семантики и синтаксиса, М., Изд-во Академиии наук СССР,1979,с.45-63.

5 Ecaterina Feder, Elemente de stilistică a limbii ruse, Bucureşti,TUB,1980,c.164-175.

В трилогии А.Н.Толстого Хождение по мукам метафора в количественном отношении уступает другим тропам - таким,как эпитет и сравнение. Однако ее функциональная нагрузка обратно пропорциональна количественным параметрам. Показателен в этом отношении сам факт метафоричности названия третьей части романа - Хмурое утро. Характерной чертой стиля этого произведения является комплексность процесса развития метафорического переноса у словесных единиц. Часто метафоры выступают в романе как трансформы эпитетов. Так, путь к метафоре-символу хмурое утро, давшему название целой части трилогии, лежит через эпитет. Прилагательное хмурый мы встречаем в самом начале первой части трилогии - в романе Сестры. Например :

> „Бродя по прямым и туманным улицам,мимо мрачных домов с темными окнами,с дремлющими дворниками у ворот,глядя подолгу на многоводный и хмурый простор Невы...,сторонний наблюдатель - благонамеренный - прятал голову поглубже в воротник"[6].

Или в романе Восемнадцатый год :

> „Темна была вода в осенних хмурых тучах".

Как эпитет прилагательное хмурый выступает и в начале последней части трилогии :

> Иван Ильич и Рощин,получив короткий отпуск, приехали в дашином санитарном поезде в Москву хмурым мартовским утром,когда над городом клубились сырые тучи...

Существительное утро в сочетании с прилагательным - эпитетом хмурое отмечено и в Словаре эпитетов русского литературного языка К.С.Горбачевича и Е.П.Хабло[7].

---

6 Примеры приводятся по изданию : А.Н.Толстой,Хождение по мукам, т.I-II,Москва,Изд-во худож.литературы,1950

7 К.С.Горбачевич,Е.П.Хабло,Словарь эпитетов русского литературного языка, Ленинград,изд.-во "Наука",1979

хмурое утро перерастает в метафору-символ,завершающий трилогию. К этому образу-символу писатель ведет читателя через сложное сплетение судеб своих героев. В неясных,хмурых очертаниях утра в жизни героев открывается перспектива светлого дня,озаренного солнцем социалистической революции.Трилогия,как известно,завершается описанием заседания в Большом театре,посвященном обсуждению первого плана развития электрификации страны,т.н.плана ГОЭРЛО,когда была поставлена задача озарить Россию "немеркнущим заревом электрического костра".

Метафора хмурое утро,таким образом, составляет структурную и смысловую основу макротекста (целого произведения). Она поддерживается другими метафорами,выступающими своего рода синонимами,оттеняющими ее смысловое содержание. Например :

> Наступило то удивительное состояние,когда желания, проснувшиеся надежды устремляются в тревожный туман завтрашнего дня,а настоящее - все в развалинах,как покинутый дом.(Восемнадцатый год)

Так возникает синонимический ряд хмурое утро - тревожный туман завтрашнего дня.

Метафора возникает и на основе сравнения. Например :

> Широкая лунная дорога переливалась,как чешуя, в тяжелой громаде воды...

В следующем примере перенос значения уже носит метафорический характер :

> Ясная и круглая луна,совсем близкая,как в сказках Шахразады,висела над чешуйчатой дорогой через все море.

Небезынтересна эволюция в романе метафоры-образа белогвардейские миражи. В романе Восемнадцатый год слово мираж дается в его исконном значении :

> На восток уходили ровные степи,в волны зноя,в миражи.

Далее слово становится тропом-сравнением :

Противник возникал повсюду,как степной мираж.

И,наконец,мираж превращается в обобщающий образ белогвардейских войск,появляющихся то тут,то там на просторах России,уповающих на счастливый исход борьбы с молодой республикой,верующих в иллюзорные идеи возрождения былой императорской России :

И все лишь казалось тогда,- вокруг необъятной России бродили белогвардейские миражи... То,что казалось,- возникало в мгновенных декорациях миража.

Суровая действительность империалистической,а потом и гражданской войны воплощалась в суровые образы-метафоры.

А уж за зубчатым краем равнины мигали зарницы,рычали орудия , поднимались длинными червями ракеты...

Небо буравили,рыча и ревя,снаряды.

Ревел ураган событий,бушевало человеческое море, каждый чувствовал себя спасителем гибнущего корабля.

Суровой и беспощадной становится природа.

А в это время на землю опускалось невидимое облако, бешено крутящееся какими-то торжествующими и яростными и какими-то падающими и изнемогающими очертаниями. Пестрые лоскуты бумаги,с присохшим на них клейстером, зловеще шурша,ползли вместе со снежными змеями поземки.

Состояние природы может быть созвучным состоянию человека. Писатель проводит параллель между пылающими волнением глазами Даши и пылающим весенней яростью солнцем:

Она (Даша) шла с той стороны,откуда по лужам,по рельсам трамваев,в стекла,в спины,прохожим,под ноги им, на спицы и медь экипажей светило из синей бездны огромное солнце,косматое,пылающее весенней яростью.

Он увидел пылающие волнением глаза Даши.

В трилогии значительное место отведено сестрам Булавиным (первая часть трилогии и называется Сестры) - Кате и Даше, их взаимоотношениям, чувствам, настроениям, взглядам на жизнь. Прослеживается лирическая линия - Катя - Рощин, Даша - Телегин. В обрисовке образа Кати лейтмотивом проходит сравнение ее с птичкой. Так, она сама о себе говорит :

... любила нравиться, как птичка, встряхивая перышками.

В речевом обиходе близких ей людей (мужа, Даши) обыденное приводить себя в порядок превратилось в образно-метафорическое чистить перышки.

Сегодня был пустой вечер, и Екатерина Дмитриевна "чистила перышки", как это называлось дома.

Позже, после отъезда Кати в Париж, ее муж Николай Иванович, говорит Даше :

- Начнутся дожди, и птичка сама прилетит в дом.
А помнишь, как она перышки чистила ?

Не менее ярка, семантически объемна метафора, используемая при описании жизни Даши на фронтах гражданской войны.

Это была горячая жизнь, ворвавшись в ее прозрачное одиночество.

Метафора - это конструктивный компонент текста, наиболее яркий, образный элемент художественной речи, подготовленный всем ходом текста. Резкими, смелыми мазками создает писатель картины природы, поражающие своей необычной экспрессией, яркостью красок, тревожной динамикой. Они композиционно вписываются в контекст второй и третьей части трилогии, развивающих тему революции и гражданской войны. Например :

Часам к восьми утра сквозь несущиеся в вышине обрывки непогоды засинело вымытое небо.

Среди поблекших звезд стоял острый, пронзительно светлый серп месяца.

"Обнять его, только обнять", - и красные круги зноя плыли у Рощина перед глазами.

И, наоборот, для первой части этого монументального произведения характерна спокойная тональность красок, лирическая эмоциональность. Например :

Когда послышался голос Николая Ивановича, она поспешно пошла вдоль воды, сонно лижущей берег.

...И Даша все вспомнила : плоский песчаный берег, солнечную мглу над теплым и ленивым заливом.

Динамика цветовой гаммы лишена той концентрации и силы, которая характерна для других частей трилогии. Например :

Сквозь стекла был виден закат слева, из-за кирпичной стены соседнего дома, он разливался по небу, зеленел и линял.

Интенсивность красок значительно меньше.

Таким образом, метафора в трилогии А.Н.Толстого полна глубокого идейно-эстетического содержания. Во взаимодействии с другими изобразительными средствами она способствует созданию ярких, запоминающихся образов героев, картин природы, событий и ситуаций, трагических или лирически-нежных.

ЛИТЕРАТУРА

Грамматическая "правильность" и "приемлемость" высказывания. К вопросу о соотношении семантики и синтаксиса, М., изд.-во Академии наук СССР, 1979

Медведева, С.Ю., Проблемы стилистики / аспекты лингвистической теории метафоры /, М., изд.-во Академии наук СССР, 1979

Толстой, А.Н., Хождение по мукам, т.1 - 11, Москва, изд.-во худож.литературы, 1950

Ecaterina Feder, Elemente de stilistică a limbii ruse, Bucureşti, TUB, 1980

Nowakowska, N., Metapher from a linguistic point of view, "Studia anglica posnaniensia", t.V, 1973, 1

Thorne, J., Poetry, stylistics and imaginary grammars, J.of linguistics, London, 1969, vol.5, nr, 1

METAFORA IN TRILOGIA "CALVARUL" DE A.N.TOLSTOI

Metafora este un important component al operei beletristice, în primul rînd, exprimînd specificul gîndirii asociative a scriitorului. Pe de altă parte, construcţiile metaforice fac parte dintre e x p r e s i i l e n e s t a n d a r d, avînd conotaţii noi. Efectul stilistico-semantic se creează prin folosirea neobişnuită a elementelor de structură a cuvintelor (scoaterea în evidenţă a unora din componenţii semantici şi "blocarea" altora) şi prin îmbinarea cuvintelor în contextul respectiv.

In trilogia "Calvarul" lui A.N.Tolstoi metafora se foloseşte mai limitat decît epitetul sau comparaţia, avînd, însă, o valoare funcţională mai mare decît alţi tropi. O trăsătură caracteristică a acestei opere este reprezentată de complexitatea procesului de dezvoltare a sensurilor metaforice ale cuvintelor. Metafora apare ca o transformare a epitetului.

De pildă, metafora-simbol хмурое утро "dimineaţă mohorîtă" se dezvoltă prin epitetul хмурый (хмурый простор "întindere mohorîtă", хмурые тучи "nori mohorîţi"). Metafora хмурое утро creează baza structurală şi semantică a macrocontextului (întregii opere). Ea este susţinută de alte metafore, un fel de expresii sinonimice, de tipul : хмурое утро - тревожный туман завтрашнего дня " negura neliniştită a zilei de mîine".

Metafora se creează pe baza comparaţiei.

In articolul de faţă sînt supuse analizei şi alte metafore, ajungîndu-se la concluzia că metafora este un element artistic constructiv al textului, exprimînd varietatea de stări şi situaţii ce caracterizează personajele sau cadrul natural în care acestea evoluează, în concordanţă expresivă cu caracterul acestora (tragic sau liric, suav sau zbuciumat).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯЗЫКА И СТИЛЯ ТРИЛОГИИ А.Н.ТОЛСТОГО "ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ"

Аурика Брашовяну

А.Н. Толстой достигает словесного мастерства многообразными приёмами и средствами. Поражает у художника его искусство характеристики героев, изображения постановки, массовых сцен, батальных и так-называемых камерных эпизодов, природы. Особый интерес представляет в трилогии также образность. О всём этом написать в рамках одной статьи невозможно. Ограничимся рассмотрением некоторых аспектов языка и специфики образности.

1. Своебразием языка А.Толстого, особенно в романе „Сестры", является широкое использование двучленных однородных синтаксических единиц. Например :

"Была жизнь - удачливая и тихая ; Собиралось к ужину шумное и весёлое общество ; Лицо было задумчивое и грустное ; Содержание здесь было суровое и голодное ; Ночь была дождливая и студёная ; Его фразы были отрывочны и беспорядочны ; Бродя по прямым и туманным улицам..; Заглядывая в лица прохожих - озабоченные и бледные . Докладчик, красный и бородатый ...; ... город жил единой жизнью, напряженной и озабоченной".

Как правило - это однородные согласованные определения и однородные именные сказуемые. Наряду с ними встречаются однородные подлежащие, прямые дополнения и другие члены. Обращает на себя внимание, что использование таких структур способствует обогащению смыслового значения и ритмико-синтаксической организации предложения в целом. В результате - высказывание получается ритмичным. А ритмически организованная речь, как известно, способствует более глубокому впечатлению.

Стремление к симметрии строя предложения можно проиллюстрировать множеством примеров, особенно из первой части трилогии :

„Всё было доступно - роскошь и женщины" ; „... чувства, и добрые и здоровые, считались пошлостью и пережитком" ; „Девушки скрывали свою невинность, супруги - верность" ; „Разрушение считалось хорошим вкусом, неврастения - признаком утонченности" и др.

2. Наше внимание не может не привлечь обилие, особенно в романе „Сёстры", субстантивированных прилагательных. Естественно, возникает вопрос : Какова их функция ?

Известно, что форма среднего рода субстантивированных прилагательных обладает большой абстрактностью значения.

Отсутствие у них конкретных данных значения, их большая доля неопределенности используются автором намеренно, для того, чтобы не называть вещи своими именами. Надо думать, что причины к тому могут быть следующие : недостаточная ещё осведомлённость читателя ; преждевременность раскрытия какого-нибудь явления; говорящий торопится ; собеседникам уже известно, о чём идёт речь и т.д. Например :

„Новое и непонятное лезло из всех щелей", - читаем мы о лихорадочной жизни Петербурга зимой 1914 года.

„Необыкновенно, ново и смело, Дарья Димитриевна, разве вы сами не чувствуете, - новое, новое прёт ! Наше, новое, жадное, смелое, - говорит Даше Жиров. - Ещё две, три таких зим, - и всё затрещит, полезет по швам".

„Я должна делать обыкновенное, благородное и нужное..., но я не знаю с чего начать ?", - говорит Даша Кузьме Неведову

после того, как порвались последние нити, связывавшие её с ненавистным прошлым. „Родная сестра, Катя, сделала что-то странное и непонятное, чёрного цвета, - рассуждает Даша, узнавшая об измене Кати мужу, то, „что Николай Иванович называл изменой".

3. В обрисовке центральных персонажей выражалось стремление автора осмыслить исторические пути страны на конкретных человеческих судьбах. А. Толстой избрал своими героями людей, обладающих большой полнотой эмоциональной жизни, непреклонных и страстных в своём искании истины. Он наделил их ярко выраженной способностью к духовному росту, показав этот рост, совершающийся через драматические испытания, кризисы, через настойчивые, в конечном счёте, плодотворные попытки приобщения к жизни народа.

Неминуемость вторжения больших событий истории в „малый" мир персонажей - передана в таких пластичных тропах, как водоворот, ночь, пожар, пылающий очаг, гроза, ураган, метель, вьюга и т.д.

Сравните примеры :

„Даша первая ударилась о дно водоворота / мёртвый ребенок/, голод, темнота, декреты, где каждое слово дышало гневом и ненавистью, - вот такой предстала перед ней революция. По ночам революция свистала над крышами, кидала снегом в замёршие окна, - чужая ! - кричала она Даше вьюжными голосами".

Или же изображение кошмарного сна Даши, узнавшей о том, что Телегин пропал без вести : „Ночью ей приснилось : в пустой, узкой комнате, с окном, затянутым паутиной и пылью,

на железной койке сидит человек в солдатской рубашке. Серое лицо его обезображено болью. Обеими руками он ковыряет свой лысый череп, лупит его, как яйцо, и то, что под кожурой, берёт и ест, запихивая в рот пальцами".

Тут-тема ужасов смерти, которая через восприятие героев много раз будет отражаться. „Война только коснулась железным пальцем Даши, и теперь все смерти и все слёзы были также её делом",- говорит автор.

Романист не торопится осуждать своих героев и не ускоряет их идейного развития. Именно этим и убеждает читателя, показывая, как сложны и трагичны пути и перепутья его героев, мучительно старающихся понять происходящее, преодолеть разрыв от народа.

К событиям революции сёстры - Даша и Катя - были совершенно не подготовлены:. „Ах, я ничего не понимаю, - писала Катя своей сестре. - Нужно ли нам всем жить ? Всё разрушено... Мы, как птицы в ураган, мечемся по России".

Путь Телегина к революции был более прямым, менее трагичным, чем путь других героев трилогии. Это объясняется, с одной стороны, цельной, выдержанной, со всех точек зрения, натурой Телегина, этого человека „насквозь ясного, своего", „как тысячи таких же Иванов Ильичей". С другой стороны, влиянием, которое оказывала на формирование взглядов Ивана Ильича его работа на Балтийском заводе, среди передовых русских рабочих.

В трилогии много красочных страниц, посвященных Телегину. Художник любит своего героя, искренно любуется такими его качествами, как мужество, доброта, трудолюбие и жизне-

любие, прямота. Подтверждением высказанной мысли может служить описание путешествия Телегина на пароходе после взятия Хвалынска, где автором дана и замечательная речевая характеристика героя. Мы ограничиваемся показом более сжатых образцов речи героя. Вот разговор Телегина с инженером Струковым о революции. Телегина раздражает мнение его собеседника, и он резко реагирует : „А ну тебя к чёрту. Ничего такого нет и не будет /всеобщего хаоса и разрушения/. Ну да, - революция. Так ведь и слава богу... А ты, Струков, нет. Уж очень ты шумишь, заумно разговариваешь..."

Телегин многого ещё не понимает, он ещё не уверен в правильности пути, избранного большевиками, но он не может „сидеть и ждать, покуда всё образуется". „Нужно куда-нибудь качнуться, - говорит он Даше зимой 1917 года. - Я здоровый человек. Я не саботажник... У меня, по совести говоря, руки чешутся..."

Чувство тревоги не покидает Ивана Ильича. Ему не понятно, почему Даша разлюбила его. Но его неистощимое жизнелюбие, врождённый оптимизм не покидает его в самые трудные моменты.

„... /Иван Ильич/ намеревался-вот только минуют дни войны - построить счастливый домик для Даши. И даже когда рухнули капитальные стены империи, и все смешалось, и зарычал от гнева и боли стопятидесятимиллионный народ, - Иван Ильич всё ещё думал, что буря пролетит и лужайка у Дашиного домика мирно засияет после дождя".

Данный отрывок очень показателен для манеры А.Толстого создания и использования тропов. Здесь можно проследить, как накладываются друг на друга планы прямых и переносных значений

слов /см. подчёркнутые слова/. Заметим, что Иван Ильич на самом деле собирался обзавестись новой квартирой для Даши. Но тут подтекст другой : Иван Ильич понимает, что Даша пережила нервное потрясение после случая у Летнего сада, но он, по складу души, по своей натуре, не понимает отрешённости Даши от окружающего. Необходимо оговориться, что были моменты, когда такие черты характера Ивана Ильича, как тяготение к реальности, к делу, отталкивание от всего болезненного, изломанного являлись причиной отчуждённости отношений Даши и Ивана Ильича. Значит, если расшифровать тропы, то счастливый домик - это счастливая, в том числе семейная, жизнь. Такое понимание текста подкрепляется и следующими строками ; „Тогда казалось - будущее ясно, как на ладони. /Иван Ильич/ не задумался : полёт годов над крышей его дома был неспешен и не утомителен". Слова буря, дождь - это исторический конфликт общенародного масштаба, а лужайка - конкретная конфликтная ситуация.

Эти и другие выразительные средства дают возможность автору свободно и легко переходить от одного вопроса к другому, наталкивая читателя на ассоциации. Художник особенно прибегает к ним, когда рисует своих героев в бурном потоке исторических событий. И хотя экспрессивность некоторых средств, казалось бы, ослаблена в силу их широкой употребительности /см. такие единицы как весна, гроза и др., где перенос значения является общеязыковым/, у Толстого, благодаря очень удачной актуализации смысла слова, они приобретают новую, особую экспрессивность.

Сошлёмся снова на пример, приведенный выше с Дашиными письмами, на переживания и размышления по их поводу Ивана Ильича :

„ Обычно он /Телегин/ ..., несколько раз перечитывая листок Дашиного письма... „Милый друг мой, - писала она, - У нас в Москве осень, холодно, дожди - просвета нет... Будем ждать весны..." Даша и в письмах никогда прямо не упоминала ни о свадьбе, ни о будущей жизни вдвоём. Нужно было ждать весны. Это ожидание весны и смутной, отчаянной надежды на какое-то чудо было теперь у всех. Жизнь останавливалась, заваливалась на зиму - сосать лапу. Наяву, казалось, не было больше сил пережить это новое ожидание кровавой весны".

Интересна архитектоника этой метафоры с тремя планами ; весна - это обновление : 1/ в природе, 2/ в душе человека, в его чувствах и 3/ в социальном устройстве, в обществе. Эта параллельный раз подчёркивает идею, очень значимую и для самого автора, что не может быть личного счастья в уединении, в отрыве от жизни народа, от вопросов, волнующих общество.

Анализ единиц такого типа выявляет целую систему подобных ассоциаций, порождаемых словом весна на протяжении повествования. Трудно проиллюстрировать в рамках небольшой статьи, как наличие слова весна в приведенном выше контексте не остаётся бесследным на уровне идей всего художественного целого.

Исследователями стиля трилогии А.Толстого уже отмечено, что метафора оказывается сложным узлом, сплетением нитей, мотивов, идущих от разных уровней художественной системы, и является тем наиболее эстетически осмысленным компонентом словесной композиции, где нередко выявляются, манифестируются существенные связи явлений, идей, положенных в основу образа. В силу сказанного, метафора не только эстетически значимый, но и эстетически содержательный компонент контекста[1].

---

[1] М.В.Глушкова, Эстетическая актуализация слова в контексте художественного произведения, "Вопросы стилистики", вып.9, 1975, с. О метафоре у А.Толстого см. в этом же сборнике: Е.Фодор, Метафора в трилогии А.Н.Толстого "Хождение по мукам".

Пройдя нелёгкий путь исканий и ошибок, герои романа нашли себя в служении народу. В единстве с народом, в общей с ним борьбе за справедливость, за новую жизнь обретают герои смысл жизни и настоящее, прочное счастье. Об этом, правда, еще очень смутно, думает Катя, в нелёгкий для неё момент. В письме к Даше она пишет : „Даша, зачем же все наши муки ? Не может быть, чтобы напрасно ... Мы, женщины, ты, я, - знаем свой маленький мирок ... Но то, что происходит вокруг, - вся Россия, - какой это пылающий очаг ! Должно же там родиться новое счастье...". Дальнейшая судьба Кати как бы подтверждает эту смутную надежду на будущее, что находит отражение, опять-таки, в письме к Даше, в котором она рассказывает сестре о своем труде. Чувством собственного достоинства, ощущением необходимости полезности труда проникнуто письмо : „Я вышла из долгой, долгой ночи."

Подтверждением сказанного выше может служить и сцена, описывающая разговор девушек / Даши, Анисьи и Агриппины/ весенней ночью о любви и о простом человеческом счастье /выдержку см. дальше/.

Поэтический образ весны, как источник обновления, подчеркивается и другими выразительными средствами : синий простор, чистое окно, весенний ветер, ласточки и др.

Вначале ни Даша, ни Катя не разбираются в происходящем, но уже мечтают вырваться из бессмысленного существования. Вспомним разговор Даши с Куличком, который ставит вопрос о сдаче квартиры. Даша оглядывается на буфет птичьего глаза и думает : „Безобразный, унылый буфет, как гроб ... /ЕЙ/ вспомнились ласточки, заманившие в синий простор. И ей представилось: счастье улететь в дикую, широкую жизнь из этой пыльной клетки...

Тут следует подчеркнуть, что сфера, откуда автор берет средства для образности, связанной с изображением главных героинь, - это вообще мир птиц.

4. Большое место в трилогии занимают сравнения. Поэтому о них будет особый разговор.

Первое, что напрашивается, что лежит на поверхности, это - критерий количества. Об этом надо сказать потому, что именно в количественном отношении сравнения берут верх над другими тропами. В отношении значимости выразительных средств для анализа духовной, внутренней жизни героев, сравнения уступают место метафорам.

Характерная черта стиля „Хождения по мукам", как нам кажется, это - обилие сравнений конкретных, предметных, наглядных. Достаточно вспомнить сравнения, относящиеся к слову глаза : „... сине-серые глаза /Даши/ бездонны, как два озера", думает влюбленный в Дашу Иван Ильич ; „... глаза /Бессонова/, как у больной птицы, стали прикрываться веками" ;... глаза, как городская муть" ; „ - Прости, Иван, но когда мы ехали в Самару на пароходе - у тебя были светло-голубые глаза, даже глуповатые, и меня это даже смущало... Теперь - как сталь...", - говорит Даша, радуясь не только встрече с мужем после долгой разлуки, но и перемене его внешности. Заметим, что за время разлуки Телегин прошёл полный испытаний и ответственности путь. Используя точную, ёмкую по своей значимости деталь, писатель добивается и здесь удивительной рельефности рисунка и глубокой психологической характеристики.

Подобных же сравнений немало и в речи персонажей, в их внутренней речи. Подчас они несут полемическую или сатириче-

скую функцию, а также являются средством создания юмора и сарказма, например, в речи поэта Бессонова.

„ - Мне тридцать пять лет, но жизнь окончена ... что может быть грустнее, когда увидешь, что рыцарский конь - деревянная лошадка ? И вот еще много, много времени нужно тащиться по этой жизни, как труп".

Сравнение у А.Толстого часто служит косвенным средством обнаружения психологии героев. Примером тому могут служить следующие сравнения, которые экономно, впечатляюще передают психологическое состояние главных героинь романа : „Безобразный, унылый буфет, как гроб..."; „Но лечь в постель, как в гроб, - страшно после прошедшей ночи," - думала Катя после гибели своего мужа.

Сравнения не только придают изображаемому пластическую зримость, осязаемость, но и подкрепляют обобщающую мысль автора, помогают понять подтекст. Таким является сравнение в отрывке, рассказывающем о смерти комиссара Ивана Горы.

„Иван Гора лежал ничком, большой и длинный, - как сразила его пуля в сердце, так и упал он, раскинув руки, будто обхватывая всю землю, не желая и мёртвый отдать её врагу".

Последняя часть отрывка служит ключом к пониманию не только сравнения, а вообще духовного мира данного персонажа.

Иногда сравнения имеют другое назначение. Это уже не конкретные „предметные" сравнения, придающие изображаемому пластическую зримость, осязаемость. Порой они являются как бы воплощением того чувства, ощущения, переживания, под властью которого находится в данный момент герой, а писатель не считает нужным специально объяснить, описать его.

„... письма /Даши/ были странные, точно подернутые ледком, и Иван Ильич испытывал чувство лёгонького озноба, читая их" ; /этим автор намекает читателю и на душевный кризис Даши, и на тревожные мысли Ивана Ильича о Даше, которая по непонятной ему причине разлюбила его/; „Даша думала иногда, что квадратные фигуры с геометрическими лицами, с бо́льшим, чем нужно, количеством рук и ног, глухие краски, как головная боль, - вся эта чугунная циничная поэзия слишком высока для её тупого воображения".

Иногда сравнения очень неожиданно сопрягают разные сферы жизни. Ср.: „У меня было впечатление, что зритель это губка, впитывающая искусство" ;

„Луна, по-южному яркая и живая, как медуза, высоко стояла над городом" ; „Добрармия - это всероссийская помойка ... В добрармию идут только мстители, взбесившиеся кровавые хулиганы" - говорил Рощин о белогвардейцах.

Сравнения представляют интерес и со стороны структуры. В трилогии очень широкий диапазон сравнений : от одного слова до широко развёрнутого сравнения.

Это-и краткая обрисовка ведущей черты характера или внешности персонажа - большевик Василий Рублёв в романе „Сёстры" „злой, как черт", поэт Бесонов „опасен, как тигр", артистка Чародеева „худа, как мощи" ; „Волосы /Ивана Ильича/ были гораздо светлее, чем Даша их представляла, как рожь" ; „... человек... с большими, как пельмени, ушами" - и быстро схваченная "внешность" предмета или его бросающаяся в глаза деталь : „... человек ... в шляпе грибом" ; „брови дугами, волосы, падающие шапкой..." и развернутое сравнение - „Теперь любовь их, - в особенности для Даши, - была полна и ощутима так же, как воздух ранней зимы,

когда отошли ноябрьские бури и в легкой морозной тишине первый снег пахнет разрезанным арбузом".

Представляет интерес и то, как автор использует описание природы. Взять, например, сцену, где Даша, Агриппина и Анисья тёплой весенней ночью, говорят о простом, человеческом счастье и о любви.

„Нигде не зажигали костров. Стихла перестрелка, и ночь взошла над степью такая же тихая, влажная, пахнущая цветами. Заквакали, будто ничего особенного не случилось, чагные лягушечьи хоры. Некоторым людям, спавшим ухом к земле, чудился мягкий шорох травы, раздвигающей могильную тьму нежными и сильными ростками..."

Эта сцена запоминается читателю не только глубоким оптимизмом изображаемого, но и умением автора добиваться предельной выразительности. Писатель утверждает в этом отрывке торжество жизни над смертью. Основная мысль этой сцены выражена словами Агриппины, которая как бы подытоживает их разговор о счастье : „Счастье кровью добываешь... От того оно и дорого..."

Всем ходом действия писатель утверждает мысль, что перемены, потрясения, которыми так богат изображаемый им исторический период, касаются каждого человека, никто не может и не вправе отгородиться от них. И только тогда , когда герой постиг происходящее и нашел себе место рядом с народом, только тогда его внутренняя жизнь становится глубже, богаче, интереснее и для читателя.

5. Исключительный интерес представляет в „Хождении по мукам" специфика использования некоторых цветовых прилагательных : белый, красный, чёрный /тёмный/, серый, синий и др.

Возьмем для иллюстрации прилагательное серый, имеющее в произведении весьма широкое применение. Его общеязыковые значения

'цвет земли' и переносное - 'неяркий, незаметный, будничный, ничем не примечательный',[1] актуализируются в произведении в многочисленных словосочетаниях типа серый лес, серые штаны, серые глаза, серое небо, серое утро, серая весна, серый ветер, серый обыватель и т.д.

В системе образных средств А.Толстого очень часто весьма обычные компоненты значения слова делаются эстетически значимыми.

Таков , например, эпитет серый.

"... за сплошной пеленой бурана шли бесчисленные толпы - в обнимку, кучами, крича и смеясь : шинели, шинели, полушубки, бабы, мальчишки, - валила серая, коренная Русь" - это описание картины, которую Рощин наблюдает в Самаре после того, как был объявлен мир с немцами. И тут можно проследить, как художник мастерски вводит в действие большие массы людей. Прилагательное серый сохраняет связи с прямым значением /ср. метонимию - шинели, шинели, где повтор усиливает впечатление о множественности/, но одновременно обогащается новыми ассоциациями, идущими от эпитета, вернее говоря, от метонимии коренная Русь. Нет возможности привести и другие примеры, чтобы показать, как постепенно, меняя связь слова в контексте, автор приводит читателя к восприятию нового семантического компонента слова 'основной, самый значительный'. Такой компонент значения выступает в синтагматическом единстве прилагательных серый и коренной и подкрепляется целым рядом языковых и выразительных средств : многочисленные толпы, шинели, полушубки, бабы, мальчишки. Как видно, эстетическая значимость метонимии валила Русь создана и подержана целым комплексом средств.

Всё сказанное подтверждает мысль, что процесс творчества носит глубоко индивидуальный характер, обусловлен своеобразием художника.

---

[1] Словарь современного русского литературного языка, т. 13, М-Л, изд-во АН СССР, 1962.

CÎŢEVA ASPECTE ALE ŞTILULUI SI LIMBAJULUI ÎN "CALVARUL" DE A.N.TOLSTOI

În Prin genere, se remarcă o concentrare a expresiei realizată pe spaţii de mică întindere, construcţii scurte, viguroase, adesea ritmate, simetrice, fără prea multe ornamente. Enumerările, frazele ramificate ocupă în economia scrisului un spaţiu relativ restrîns.

Un loc de seamă în operă este rezervat subtextului realizat prin împletirea, suprapunerea, în acelaşi context, sau în fragmente de text aflate la distanţă, a denotatiilor şi conotaţiilor unor cuvinte cum ar fi primăvară, noapte, vîrtej, furtună, uragan, pîrjol, torent, casă şi altele.

Concentrarea exprimării este realizată în „Calvarul" prin metaforă. Aceasta devine pivotul creaţiei stilistice, deşi numeric cedează locul comparaţiei. Sînt memorabile metaforele ce ilustrează destinul eroilor prinşi în vîrtejul marilor evenimente istorice din prima parte a evului nostru : metafora vieţii şi a morţii, a libertăţii, a dragostei, a fericirii, a revoluţiei, a patriei, a poporului şi altele.

Comparaţia se impune atenţiei nu doar numeric, ci mai ales prin modalităţile de realizare, sferele tematice, concreteţea expresiei şi participarea la alte figuri de stil de rang superior. Comparaţia se subsumează tehnicii detaliului (a "gestului semnificativ") care are o deosebită consistenţă în trilogie. Remarcăm, în continuare, arta portretului şi rolul unor unităţi cromatice.

Cda 138/1985 Fasc. 16

АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Думитру Балан

Андрей Вознесенский вошел в поэзию ярко, бурно во второй половине 50-х годов; с самого начала он заявил о себе как об оригинальном мастере поэтического слова; был молодым, но не "начинающим" поэтом.

Андрей Андреевич Вознесенский родился 12 мая 1933 года в Москве в семье инженера-гидроэнергетика. В 1951 г. поступил в Московский архитектурный институт (здесь учился одновременно живописи у Бехтеева и Дейнеки), окончил его в 1957 году. Дебютировал со стихами в 1958 г. в "Литературной газете". Ныне А.Вознесенский является почетным членом Американской академии искусств и литературы и Национального института искусств и литературы в Нью-Йорке, почетным членом Баварской академии изящных искусств (Мюнхен), членом-корреспондентом Французской академии им. С.Малларме. В 1978 г. был удостоен Государственной премии СССР за сборник стихов Витражных дел мастер (1976). В 1978 же году в Нью-Йорке ему была присуждена премия Международного форума поэтов за выдающиеся достижения в поэзии. Награжден почетной медалью Совета фонда мира. В 1984 г. в югославском городе Струга Вознесенскому была присуждена главная премия поэтического фестиваля "Золотой венок" (ранее этой премии были удостоены также Никита Стэнеску, Р.Рождественский, Б.Окуджава).

Небольшая поэма Вознесенского Мастера (1957) - это не только произведение о драматической судьбе непревзойденных талантливых строителей, напоминающих о судьбе зодчих из румынской баллады Мастер Маноле, это не только вариация на тему известной легенды об ослеплении древнерусских строителей Покровского собора, церкви Василия Блаженного на Красной площади в Москве (Сюжет этой легенды положен и в основу поэмы Д.Кедрина Зодчие). Поэма посвящена художникам всех времен (например, имя Бармы поставлено рядом с Микеланджело и Данте), но и всех времен Варварам, царям и тиранам, всем врагам "Пегаса, резца и кельмы"; это не только поэма об историческом прош-

лом, но и о жгучих вопросах современности. Точнее, здесь история выступает лишь как условный фон; главное - в непримиримой схватке сил жизни и красоты, с одной стороны, и сил смерти и уродства, с другой.

Помимо центральной темы о непримиримом антагонизме между искусством и произволом тиранов, деспотов, характерной и для многих других произведений Вознесенского, из художественной ткани поэмы ярко вырисовывается и идея трагичности судьбы творца-художника и жизнеутверждающей сути великого, настоящего искусства.

Уже в этой первой значительной поэтической вещи Вознесенского ощутимо проявляется виртуозность стиха, его внутренняя энергия. Поэма сразу же привлекла широкое внимание читателей и критиков. Но особенно горячие споры вокруг имени Вознесенского возникли в 1960 году, когда вышли книги Парабола (Москва) и Мозаика (Владимир). Эти сборники поэта, как и все последующие стали предметом острых полемических дискуссий. Схематично, картина выглядит примерно так: с одной стороны, огромная масса читателей, принявших безоговорочно любимого поэта (десятитысячные, а потом и стотысячные тиражи книг Вознесенского расходятся тут же с прилавок книжных магазинов), и поэты и критики, написавшие доброжелательно, с симпатией о нем (И.Сельвинский, Е.Евтушенко, Ал.Михайлов,А.Урбан, С.Владимиров и т.д.), а с другой стороны, на противоположном полюсе остро критиковавшие поэта собратья по перу (А.Прокофьев, Н.Грибачев, С.Наровчатов, А.Передреев, В.Федоров) и литературные критики, как например, Б.Сарнов, считавший, что поэзия Вознесенского - это "словесная игра", не подтвержденная "реальностью переживания", что она "бессодержательна" ("Лит. газета" от 1 апреля 1961 г.), или Б.Кожинов, для которого А.Вознесенский не поэт, а стихотворец ("Литературное обозрение", № 1/1976).

Нередко писали об экспериментаторстве Вознесенского как о нечто зазорном, как об отрицательном увлечении; многие корили поэта за усложненность формы, забывая при этом, что еще Маяковский, не считал простоту единственным, альтернативным признаком таланта: "тот, кто постоянно ясен, тот, по-моему, просто глуп".

Смелая обработка темы, обильная звукопись, емкая метафоричность, "тонкая игра на оттенках смысла", неожиданные переходы с классического стиха на верлибр, или с тактовика на газетную прозу, все это обосновано и естественно входит в "четко организованную и глубоко индивидуальную поэтику А.Вознесенского" (В.Огнев). Поэт, всколыхнувший привычные устои советской поэзии 50-х годов (наряду с Е.Евтушенко и тогдашним Р.Рождественским), продолжает писать в своей излюбленной манере, развивая традиции предшественников, традиции на которые указывает и вышеназванный критик: "Метафорическая смелость, заострение - от Маяковского. Сцепление разных образных планов заставляет вспомнить Б.Пастернака. Очень сильное влияние М.Цветаевой, от нее - звуковая спаянность слов, экономность..."[I]. Ал.Михайлов утверждает, что самая сильная традиция, повлиявшая на молодого Вознесенского, - это народнопоэтическая традиция, что именно в ней искал поэт новые ритмы, что поэта увлекали экспрессия народной песни, частушки, прибаутки, динамика ритма, первородная семантика языка, молодецкая удаль, грубоватый народный юмор. Близка сердцу поэта и поэзия Хлебникова, и поэзия А.Белого, и поэзия Аполлинера, и поэзия Десноса (см. цикл Изопы). Еще в Мастерах наряду с классическими "спокойными" строками типа:

"И башенки буравами/ взвивались по бокам,/ и купола булавами/ грозили облакам!" встречаем строки "нервные":

"Холод, хохот, конский топот на собачий звонкий лай./ Мы, как дьяволы, работали, а сегодня - пей, гуляй!/ Гуляй!../ Девкам юбки заголяй ! / [...] Мимо ярмарок, где ярки яйца, кружки, караси./ По соборной, по собольей, по оборванной Руси - / Эх, еси! -/ Только ноги уноси!" Такие стихи напоминают известное Веселье на Руси А.Белого. И нет никакой эклектичности, а есть целостное своеобразное в стилевом и ритмическом плане произведение, отражающее своеобычно диалектику зиг-

I В.Огнев, У карты поэзии, Москва, Художественная литература, 1968, с. 81.

загов мира искусства и его творцов старых и новых времен, есть жгучее стремление поэта продолжить "ненасытный голод работы и открытий":

„Я той же артели,// Что семь мастеров.// Бушуйте в артериях,// двадцать веков!// Я тысячерукий -/ руками вашими,// Я тысячеокий -/ очами вашими.// Я осуществляю в стекле и металле,// о чем вы мечтали,/ о чем - не мечтали...// Я со скамьи студенческой// Мечтаю, чтобы здания// Ракетой/ стоступенчатой// взвивались в мирозданье!"

Стихотворные сборники 1960 года, содержащие такие антологичные вещи, как например, упомянутая выше поэма, а также Бой!, стихотворения Баллада работы, Тайгой, Гойя, Лунная Нерли, Параболическая баллада, Художник, Осень в Сигулде, поражают широтою многозначных образов и оригинальностью метафор и ассоциаций, красочной и лаконичной, яркой живописностью, размашистостью озвучения стиха.

Поэтическая новизна Вознесенского была ошеломляющей, критики стали спрашивать кто же он такой, "Кто ты?" (Ст. Рассадин) и, приходили к выводу, что ответить на вопрос нелегко, что надо ждать новых произведений поэта. И Вознесенский верный своему поэтическому кредо, в последующих сборниках 40 лирических отступлений из поэмы "Треугольная груша" (1962) и Антимиры (1964) обогащает палитру стиха новыми рационалистическими конструктивными элементами, его вытянутая "парабола" сверкает красочностью и звучностью мысли и речи, разнообразием ритмов, размеров, рифм и фонетических ассоциаций, драматической напряженностью, обобщенными живописными контрастами.

Накаляются споры вокруг поэта. Наряду с верными замечаниями и наблюдениями о поэзии Вознесенского (сюда надо включить статью с риторическим вопросом Н.Асеева Как быть с Вознесенским?) в печати появляются и разные выпады против поэта (В.Назаренко, отчасти Ал.Квятковский и др.). В разное время против его поэзии выступали Н.Грибачев А.Прокофьев, а Сергей Смирнов, недовольный большой популярностью Вознесенского (как, между прочим, и популярностью Евтушенко), его влиянием на молодую поэзию, требует принятия мер: "Мне говорили, что наши

друзья за рубежом нередко недоумевают, почему к ним присылают книги далеко не лучших наших авторов. Почему по большей части здесь оказываются одни «параболы» да набившие оскомину «треуголеные плоды»? ("Лит. газета" от 2 апреля 1963 г.). И дальше С.Смирнов сетует на то, что критики хвалят "сверхмодных поэтов" и долгие годы оставляют в тени больших, заслуженных поэтов. Кстати, двумя годами раньше А.Дымшиц в полемической статье, касающейся творчества Вознесенского, в разряд прекрасных поэтов послевоенного периода причислял и В.Инбер, и Л.Ошанина, и Н.Грибачёва (поэзию которого "накрепко полюбили"), и Е.Долматовского ("Лит. газета" от 4 апреля 1961 г.), но в этом перечислении нет Вознесенского. Неизвестно каких друзей за рубежом имел в виду С.Смирнов, но факт, что тогда и ныне поэзия Вознесенского широко переводилась и переводится, изучалась и изучается, находит многих последователей... В том числе и в Румынии.

Треугольная груша была задумана как сюжетная поэма об "открытии Америки", но была создана только книга лирических отступлений, стихотворений о нью-йоркском аэропорте, о стриптизе, о негритянском пении, об антимирах, об эмигрантском ресторане, о битниках, о рок-н-роле, о футболе и т.д. Помимо заграничных, "американских" тем поэт включает и стихи о Петре Великом и об осени в Прибалтике, а позже в 1963-1964 годах и стихотворения Тишины, Автопортрет, Ночь, Латышский эскиз, Бьёт женщина, а также Париж без рифм, Маяковский в Париже и другие.

Один из компонентов художественного видения поэта-архитектора - это постоянно наступающая современная цивилизация:

„Автопортрет мой, реторта неона, апостол небесных ворот -/ Аэропорт!/ Брезжат дюралевые витражи,/ точно рентгеновский снимок души". Аэропорт для Вознесенского - автопортрет, интерьер - отражение его души, его мыслей. В другом месте огромный аэропорт - "озона и солнца аккредитированное посольство", "стакан синевы - без стака-

на". Оригинальны, неожиданы и ассоциации такого рода: "Бруклин - дурак, твердокаменный черт"; "ночью города пляшут под самолетом электроплитками"; "Кот, как радиоприемник, зеленым глазом ловит мир", "самолет - сигаретка".

А.Урбан метко отметил, что в поэзии Вознесенского "важные метафорические сдвиги, делающие обычные предметы и явления совершенно другими, до предела односторонними, в которых выявлено необходимым для развития мысли свойство. Американские рабовладельцы - «белы, как холодильники, как марля карантинная, безжизненно мертвы». Обе метафоры жестко подчеркивают обреченность и мертвенность расизма. Они не похожи ни на психологическую деталь, ни на живописное пятно. Их переносный смысл схватывается догадкой мыслью. Художественный образ интеллектуален. Между двумя далекими реальными предметами прочерчена стремительная прямая. На мгновение объединяются их далекие свойства, подчеркивается важное сходство. Эту связь можно обнажить рационалистически, в каждом отдельном случае, почти точно формулировать ее значение. И все же она остается поэтической, потому что сближаются предметы, богатыми красками, сближаются по контрасту, лаконично, резко, без назойливого объяснения и описания. Смысл ее мы находим сами, творчески повторяя путь авторской мысли"[2].

Разнобойность ассоциаций, неожиданное сближение далеких образов и понятий Треугольной груши убедительны и оправданы; чаще двустишия и реже четверостишия составляют основу ритмической структуры стиха.

Органичная и цельная поэтика "эстрадника"-Вознесенского "формировалась в атмосфере публичных выступлений, своеобразного актерского творчества поэта [...]. От экстрады, от опыта живого контакта со слушателями у Вознесенского особая чуткость музыкальной настройки стиха"[3].

---

2 А.Урбан, Возвышение человека, Л, Сов.писатель, 1968, с. 206.

3 С.Владимиров, Стих и образ, Л., Сов.писатель, 1968, с. 40.

Сборник Антимиры содержит и новые стихи, но объединяет и стихотворения из трех предыдущих книг; между прочим, сборник носит название одного из стихотворений цикла Треугольная груша. Все последующие книги поэта наряду с новыми поэтическими вещами, включают и старые, таким образом, каждый новый сборник является избранным; часто названия для очередных сборников взяты у заглавий разных стихотворений или циклов предыдущих книг. Поэт неожиданных ассоциаций и контрастов, как раньше так и сейчас, часто сближает в одном стихотворении или - нередко, в одном образе - "несходные" явления, далекие времена с днем нынешним или будущим; часто в лирическое произведение широко вторгается сатира и гротеск.

Слово "антимир" у Вознесенского, как доказал Игорь Межаков-Корякин, может нести и отрицательную, и положительную окраску. В стихотворениях Отзовись!, Свадьба антимир - это область, мир материальных ценностей, порабощающий человека, извращающий его, это мир стяжательства, накопительства ради накопительства, который превращает женщину-идеалистку в мещанку и девушку, продающую свою молодость в неравном браке, в обычный рядовой товар.

В стихотворении Живет у нас сосед Букашкин (позднее Антимиры) антимир противопоставляется скудному, неинтересному миру бухгалтера Букашкина. И поэт смело провозглашает:

„Да здравствуют Антимиры!/ Фантасты - посреди муры./ Без глупых не было бы умных,/ оазисов - без Каракумов".

Книга Антимиры, выдвинутая в 1966 году на соискание Ленинской премии, содержит и поэму Лонжюмо (1962-1963). Важная веха в современной поэтической Лениниане, эта поэма так же как и другие крупные произведения Вознесенского является бо́льше циклом лирических стихов, объединенных общей темой, общим замыслом, общей идеей бессмертия ленинской мысли, ее сопричастности сегодняшним путям развития истории и человеческой личности. Во Франции, в Лонжюмо, под Парижем, где

когда-то была основана Лениным школа для рабочих, сейчас лесопильня. Читаем в поэме: „Ленин был/ из породы/ распиливающих, обнажающих суть/ вещей". // Связывая, переплетая разновременные явления поэт образно, свежо выявляет одну из главных ленинских мыслей, выдвинутую немного раньше в качестве основного руководства каждого художника слова: "Добирайтесь в вещах до сути".

Как и лирический герой Маяковского, так и лирический герой Вознесенского "чистит себя" под "солнцем-Лениным". Л.Лавлинский считает, что образ Ленина получился сильным и органичным, хотя "помощь Маяковского" сказалась здесь не только в приметах стилистической манеры, но и в обрисовке отдельных важных граней ленинского образа[4].

В Ахиллесовом сердце (1966) есть избранное из предыдущих сборников (стихотворения и поэмы Мастера и Лонжюмо), но в нем есть цикл стихов, дающий название книге, а также поэма 1964 года Оза, вызвавшая много нареканий (В.Чалмаев, например, усмотрел в ней "псевдофилософское великанство", а С.Наровчатов "литературный ребус, расшифровать который стоит немалых усилий даже писателям-профессионалам").

Главный мотив книги, по мнению В.Турбина - боль: главболь, главбольснаб, главбольсбыт „со своей бухгалтерией и плановым отделом, расчитывающим выпуск продукции на многие годы вперед", - на что возражает Ст.Лесневский, считающий, что лейтмотивом Ахиллесова сердца не боль, а сердце, душа, человечность.

Оба критики правы, одно не исключает другого, это видно хотя бы на примере программного заявления, содержанного в центральной вещи книги, в поэме о любви Оза:

„А может, милый друг, мы впрямь сентиментальны?/ И душу удалят, как вредные миндалины?/ Ужели и хорей, серебряный флейтист,/ погибнет, как форель погибла у плотин?/ Аминь?" Поэма Оза, написанная в виде условного дневника, "тетради, найденной - как отмечено в подзаголовке -

4 Л.Лавлинский, Сердца взрывная сила, М., Советский писатель, 1972, с. 254 и 255.

в тумбочке Дубненской гостиницы", продолжает тему антимиров, тему: технический прогресс - человечность. Лирический герой поэмы ("автор тетради", но и сам поэт), влюбленный в Озу-Зою[*], физика-специалиста в циклотронах выступает против мира уродства, "мира навыворот", против мира роботов, мещанства ("Роботы, роботы, роботы речь, мою речь прерывают") и стремится ограждать, защитить свою юную и чистую возлюбленную от враждебного окружения, от обездушенной цивилизации, от механического мира. Стихотворные главы чередуются с главами прозы (в последних, как правило выступает "автор тетради", а первые содержат комментарии и заметки от имени поэта). Имя любимой Оза (перевернутое название героини - Зоя) ассоциируется со звездным названием, но еще ощутимее в звукописном плане со словами, обозначающими прозрачную чистоту, свежесть, первоэлементы природы ("озон", "озеро" и т.д.).

Пронзительная боль, тревога за самостоятельного, свободно мыслящего человека заставляют поэта отрицать взгляды экспериментщиков-циников, риторически заявляющих: "К чему поэзия? Будут роботы. Психика - это комбинация аминокислот". Такого типа обезумевшие экспериментщики готовы погубить половину человечества для того, чтобы "вторая вкусила радость эксперимента".

На цинизм нигилиста, представленного в шестой главе поэмы в образе черного ворона, поэт с горечью замечает: „Как сказать ему, подонку,/ Что живем не чтоб подохнуть, -/ Чтоб губами тронуть чудо/ поцелуя и ручья![**] В <u>Озе</u>, драматической поэме, построенной на заостренных эмоциональных картинах, поэт видит смысл жизни в защите человека от „программированного зверя", от бездушного машинного мира: "бедна жизнь без души", "смертны техники и державы, проходящие мимо нас". И в другом месте поэмы:

[*] В поэме Вознесенский почти каждый образ обращает в свою противоположность и начинает он с переиначивания имени героини: "Зоя-Оза".

„Все прогрессы -/ реакционны,// если рушится человек." Утверждение цельности личности, воспевание духовного мира человека нашего столетия является главной связующей нитью между разделом новых стихов и избранным циклом, объединенным в разделе Эхо в книге 1970 года Тень звука. И в этом сборнике, как и в последующих Взгляд (1972), Выпусти птицу! (1974), Дубовый лист виолончельный (1975), Витражных дел мастер (1976), Соблазн (1978) большинство стихотворений выделяется не столько стройностью лирического сюжета, его занимательностью, сколько необычной мозаикой неожиданных образов, метафор, ассоциаций. Глубокие философские размышления поэта часто скрыты в подтексте; скрещивание разных областей жизни, гибридизация ассоциативных и контрастных рядов позволяют поэту выявить сложные соотношения между временем и пространством, с одной стороны, и человеком XX века технического и физического века, требующего нового поэтического освоения, с другой стороны. В статье, посвященной Вознесенскому, румынский исследователь В.Шоптеряну утверждает: "Стремление к стилевому своеобразию, образной динамике, включающее и словесный эксперимент, и увлечение игрой слов; поиски ассоциативных решений, подчас чрезмерно субъективных и усложненных, но ярко и оригинально передающих технический колорит современности; внимание к отдельному штриху, подтексту, как следствие желания поэта выразить конденсированным, лаконичным языком некий глубинный ход потока времени - все это неразрывно связано с движением этого поэта по пути все более глубокого понимания драматизма и сложности нуклеарной эры, с поисками человечности в мире современных вещей ". ("Studii de literatură universală", Nr. 12/1969).

Тропы Вознесенского свежи, они взяты большей частью из современного мира науки и техники; высокого напряжения, накала они достигают благодаря тому, что построены на диалектике отношений и оценок, раскрывающей глубинные переживания лирического героя.

На сближении "несближаемого" строится, как правило, поэтиче-

ский слог Вознесенского, поэта, стремящегося многосторонне передать особенности технизации мышления второй половины XX века, например: -белозубая улыбка в миллиард киловатт; -судьба, как ракета, летит по параболе; - по лицу проносятся очи, как буксующий мотоцикл; - Рим гремит, как аварийный отцепившийся вагон; - устарел, как Робот-6, когда Робот-8 есть; - я архаичен, как в пустыне раскопанный ракетодром; - автопортрет мой, реторта неона, апостол небесный ворот-аэропорт; - как багровые светофоры, наши лица неслись во мрак;-из псов, как из зажигалок, светят тихие языки; - дети - широкоглазые перископы мертвецов; - навоз вниз эскалатором плывет, как пассажиры в метрополитене; - коровы пятясь, как аэростаты; - авто-моя крепость, авторакушка. Чуткий к переменам, к изменениям, происходящим в мире, поэт зорко следит за бытовыми реалиями эпохи, улавливает "энергию времени", и парадоксальные, необычные сопоставления, метафоры, ассоциации монтирует "на конструкциях свободного ритма, не связан[illegible] никакими правилами канонического стихосложения и подчиненного одной-единственной повелительнице: мысли" (В.Катаев).

Отдельные заглавия стихов Вознесенского исходят из рекламно-технологических текстов, из фактов и событий массовой коммуникации (наподобие типа "Экспо 70", "Союз-25"): Июнь-68, Из дневника "София-67", Грипп "Гонконг-69", Лед-69, 2 секунды 20 июня 1970 г. в замедленном дубле.

Живо откликаясь на современные события, поэт широко вводит в ткань своих стихов не только элементы технического прогресса (циклотрон, биостанция, мир антенн, сантехнический озонатор, мотороллеры, работы, дюралевые витражи, рентгенологи, ультразвуки), но и многочисленные топографические наименования (Коломенское, Ладога, Орловщина, Шушенское, Вязьма, Клин, Сигулда, Братск, Владивосток, Енисей, Москва, Сан-Франциско, Египет, Хиросима, Зальцбург, Нью-Йорк, Флоренция, Париж, Варшава, София, Рим, Невада, Канада, Ванкувер, Восточный Пакистан, Вьетнам).

Остро поставлена проблема соотношения "технический прогресс - человечность" в стихотворении 1973 года Диалог обывателя и поэта о НТР; в строфе: „Научно-технические обмены// отмены.// Посылаем Терпсихору -// получаем «Пепсиколу»" или в последующих строфах: „Я попутчик/ Научно-технической революции.// При всем уважении к коромыслам// хочу, чтобы в самой дыре завалющей// был водопровод/ и движение мысли.// За это я стану на горло песне,// устану -/ товарищи поддержат за горло.// Но певчее горло/ с дыхательным вместе -// живу,/ не дыша от счастья и горя". Ирония не просто стилистический прием, а меткое средство для рельефирования сложных психологических и социальных проблем, возникших в эпоху научно-технической революции. Диалектический подход поэта к окружающему человека техницизму и машинизму, идея защиты духовных ценностей звучит мажорно в финале стихотворения:

„Скажу, вырываясь из тисков стишка,// Тем горлом, которым дышу и пою:// «Да здравствует Научно-техническая,// перерастающая в Духовную!»// И если для чрезвычайных мер// Революция потребует/ одного чел. поэта -// я - ЧП НТР// и следующей и этой". В этом стихотворении, как между прочим, и в другом стихотворении сборника Дубовый лист виолончельный, а, именно, в Разговоре с эпиграфом ощутима "печать" интонации стиха Маяковского. В последнем названном произведении, напоминающем по форме и структуре Юбилейное и Разговор с товарищем Лениным, Вознесенский докладывает учителю о сложных и ответственных задачах, стоящих перед современным поэтом. Тревога за будущее налицо и здесь: „Как я тоскую о поэтическом сыне// Класса "Ан" и 707-"Боинга"...// Мы научили/ свистать/ пол-России.// Дай одного/ соловья-разбойника!..."

Поэт-урбанист, певец городской цивилизации, Вознесенский обращался и продолжает обращаться и к природе, к медитации как о судьбах родной природы, так и земного шара вообще. Эмоционально воспринимал поэт природу в 60-е годы (взять хотя бы Осень в Сигулде, Тишины!);

глубоко волнуют поэта красота родной земли и в стихах сборника 1976 года Витражных дел мастер, как например, в стихотворениях Мужиковская весна, Озеро Свитязь и т.д. Перед природой с почтением преклоняет голову лирический герой Засухи:

„В саду омывая машину,/ К обочине перейду/ И вымою ноги осине,/ Как грешница ноги Христу..."// Чуткий ко всему живому, поэт рассматривает жизнь не только с точки зрения радостного бытия, но и как боль, неподдельное сострадание, горькая печаль по утраченному. В поэме Лед-69 Вознесенский исходит от реального факта - гибель студентки Светланы Поповой, замерзшей в лыжном, туристском походе, в горах под снежной лавиной. В идейно-содержательном плане поэма опирается на две стержневые темы, а именно тема материкового, нерастопимого вселенского льда (символизирующего инертность, неподвижность, безразличие, смерть) и вторая тема, связанная с первой, тема жизни. Как отмечает Елена Уманская,"поэма фиксирует состояние человечества на самой грани жизни и смерти, передает момент наивысшей вибрации «на острие ножа», когда еще одно малейшее колебание - и все полетит в тартарары, превратив земной шар в гигантского самоубийцу"; реальный случившийся факт приобретает "значение символа прямо-таки вселенских масштабов: девушка погибла от того, что не сработали «мировые истины»:«помощь», «товарищи», «костер»; человечеству грозит гибель если глобально откажут те же истины" ("Лит. обозрение", № 2/1974).

В свое время Хлебников в поэме Любхо создал от слова "люблю" 400 новых слов и словообразований в целях воспевания высокого благородного чувства. Для создания подлинного ощущения разреженно-холодного пространства, действующего на человека в прямом и переносном смысле, Вознесенский употребляет, между прочим, слово "лед" 217 раз. Повторяемое слово "лед", образующее развлетвленное метафорическое поле и усиливающее градацию боли за гибель девушки содействует раскрытию одного главного смысла произведения: необходимость борьбы с

холодом человеческой души. Иначе обстоит дело с повторением-излюбленным приемом Вознесенского - в стихотворении Исповедь; пять раз повторенная разговорная строка "Ну что тебе надо еще от меня!" (правда, в разных строфах) имеет разный смысл, и последнее повторение этой фразы - как замечает В.Шкловский-"снимает банальный смысл первоначального звучания" ("Лит. обозрение", № 2/1973).

С живописной красочностью, часто прибегая к броским метафорам, к яркой зрительной образности стиха, Вознесенский в поэмах Дама треф (с подзаголовком "Опера-детектив") и Авось! (поэма представлена в новой редакции в сб. Витражных дел мастер) смешивает, ломает традиционные литературные жанры; он иронически монтирует стихи и драму, стихи и прозу (что характерно в большей мере для Озы и Зарева, Льда-69); драматические реплики, поэтические монологи и диалоги органически переплетаются с авторскими комментариями, со стилизованными документами эпохи; в исторической поэме Авось подзаголовок дан в стилизованной манере, характерной для оглавлений титульных листов XVIII века, а именно: „ОПИСАНИЕ в сентиментальных документах, стихах и молитвах славных злоключений Действительного Камер-Герра НИКОЛАЯ РЕЗАНОВА доблестных Офицеров Флота ХВАСТОВА и ДОВЫДОВА, их быстрых парусников, "Юнона" и "Авось", сан-францисского Коменданта ДОН ХОСЕ ДАРИО АРГУЭЛЬО, любезной дочери его КОНЧИ с приложением карты странствий необычайных". Графически выделяется заглавие и разностью шрифтов. В центре поэмы - рассказ о разных неожиданных приключениях русского моряка в начале прошлого века в Америке и о трагически оборвавшейся его любви к дочери сан-францисского коменданта. Кстати, тема любви здесь, и в особенности в таких стихотворениях как Сначала, Художник и модель, Петрарка, Выпусти птицу!, "Не возвращайтесь к былым возлюбленным", У озера, Сон, Старая фотография, "Мы обручились временем с тобой" завязана в тугой узел с остро актуальными проблемами современности - с проблемами гуманизма и нравственности, с проблемой утверждения цельности личности, с проблемой соотношения време-

ни и истории и т.д. Уходит Вознесенский в историю и в цикле переводов-"переложений стихов великого флорентийца" Мемориал Микеланджело, включенном в сборник Витражных дел мастер; это объясняется не только тем, что поэт пытается столкнуть между собой старинное, традиционное и новейшее, нонконформистское, но и тем, что он постоянно ищет и у классиков новых возможностей обновления стиха: "я пытался найти черты стихотворного творца, общие с микеланджеловской пластикой".

Верность истокам, тоска по живой земле, тяга к традиции в Ностальгии по настоящему (стихотворение, давшее название первому циклу сб. Витражных дел мастер) противопоставлены "пластиковой" поверхности жизни; образ современности, настоящего времени мыслится как образ подлинности, естественности: "Я ищу не подобия-подлинника,/ по нему грущу, настоящему". Образ неподдельного и в стихотворении Хобби света является глубоко личностным, овеянным обостренным чувством "настоящего": "Я сплю на чужих кроватях,/ Сижу на чужих стульях,/ порой одет в привозное,/ ставлю свои книги на чужие стеллажи -/ но свет/ должен быть/ собственного производства./ Поэтому я делаю витражи".

Еще в 1971 году французский критик Ален Боске в статье, посвященной советскому поэту писал, что Вознесенский "est un visionnaire, et souvent un poète amoreux des fulgurances les plus profondes et les plus ésoteriques, comme on en trouve dans Gogol ou dans Boulgakov. Il s'occupe fort peu de sa clientèle, et écrit pour lui-même, à chaque instant, le journal intime d'une être exalté, parcourant la planète" ("Le Monde", 5.II.1971, p. 18). Но когда поэт пишет про себя, о себе, он пишет именно про советскую интеллигенцию, которая с честью несёт дальше знамя правды и света: "Есть русская интеллигенция./ Вы думали - нет? Есть./ Не масса индифферентная,/ а совесть страны и честь". А.Вознесенский - в высшей степени поэт-гражданин. И борясь с "перепроизводством пресности", он излагает свое неповторимое поэ-

тическое кредо: "Художник, будь спектральный./ Душой не индевей./ Чем индивидуальней/ тем ты общественней". (Цветная песенка).

Вознесенский постоянно расширяет рубежи поэзии; и хотя отдельные критики считают, что поэт сегодня стал сдержанее (меньше прибегает к сложным ассоциативным материалам и чаще пишет миниатюры - двух-трехстрофные стихотворения со "спокойными", невычурными рифмами и т.д.), он по-прежнему остается "громким" поэтом, поэтом зрелищной образности, мастером броской метафоры, мастером аллитерирования строки и строфы, мастером корневой и ассонансной рифмы, мастером гармонии звучания. Первичным строительным материалом для необычных, неповторимых поэтических метафор Вознесенского является как литературный, "книжный" язык, так и современный городской жаргон, просторечные, "грубоватые" слова и обороты ("дурачье", "научный хмырь", "шмотки", "бабец", "чтоб ее не кадрил", "хоть бы хны", "на башке", "чесала бы домой", "плоскозада как лопата", "лицо как кукиш", "ты дефективная, что ли, деваха?", "залетка", "балда", "шахуй, оторва белокурая", "вмажь майонезом лысому в подтяжках"), а также неологизмы ("полуполоумейший расчет", "агрессорка", "азбучищ", "сосердцание", "антимужчины", "рентгенокурьезы", "микроусик гитлеризма", "лизака", "пушкинианочка").

Главный разговор поэта с читателем и слушателем - это поэтический "разговор о времени и о себе", это раскрытие самого себя во времени. Но поэзия, по мнению самого Вознесенского, "неплановое хозяйство". ("Неделя", № 4/1977). "Стихи не пишутся - случаются", и когда они случаются у Андрея Вознесенского, то тогда большой праздник сердца и ума можно считать открытым. Во всех стихах Вознесенского обнаруживаются основополагающие элементы закона, названного Ю.Лотманым законом поэтического наряжения. Ю.Мориц писала об "энергетическом режиме стиха" поэта ("Юность", № 10/1981, с. 99). И в последних книгах Вознесенского Соблазн (1978) и Безотчетное (1981) каждая строка носит огромную эмоциональную нагрузку; в них

впечатляют и разноцветия словесных образов, и ритмико-мелодические краски, и разнообразие лирических раздумий, как например, в стихотворении Соблазн: "Человек - не в разгадке плазмы,/ а в загадке соблазна/ [...] Среди ангелов-миллионов,/ даже если жизнь не сбылась, -/ соболезнуй несоблазненным./ Человека создал соблазн". Во многих стихотворениях сборника Безотчетное поэт проецирует себя сквозь время и пространство (Монолог XX века, "Зашторены закаты...", Ироническая инструкция и др.). Со временем в творчестве Вознесенского все большее место занимают поэма и проза: сборник Соблазн завершается поэмой Вечное мясо, а сб. Безотчетное - поэмой Андрей Полисадов, посвященной "демократическим чувствам поэта" и повестью о Пастернаке Мне четырнадцать лет... (Этот же сборник содержит и перевод стихотворения Тудора Аргези Дыба-воевода). Журнал "Новый мир" (№ 8/1982) напечатал автобиографическую повесть поэта О. Книга 1984 года Прорабы духа больше чем наполовину написана прозой. Статьи, воспоминания, заметки, мини-эссе про стихи и прозу, живопись и архитектуру, про театры, кино, выставки, про писателей и художников и т.д. А что касается стихотворной части, то здесь как, между прочим, и в Соблазне или Безотчетном классическая, прозрачно-ясная лирическая струя соседствует со сложно-ассоциативной, условно-метафорической стилевой тенденцией. И во многих стихах этого сборника можно наблюдать процесс растворения рифмы в поэтическом тексте, что связано, естественно, со свободой метрической конструкции. Главная тема сборника: внимательное, бережное отношение к уникальному, неповторимому национальному культурному наследию. Призыв книги, названной по стихотворению, ранее опубликованному в периодике, звучит недвусмысленно: "Есть в каждом росток прорабства... Прорабы... проснуться пора бы!... Требуются прорабы духа".

По отдельным произведениям были составлены поэтические композиции-представления, сыгранные с успехом на сценах разных театров

Советского Союза. С 1981 года не сходит с афиши драматического Театра имени Ленинского комсомола в Москве современная опера Юнона и Авось, сочиненная Вознесенским (по поэме Авось) и композитором А.Рыбниковым и поставленная Марком Захаровым.

ЛИТЕРАТУРА (выборочно): а) книги поэта - Собрание сочинений в трех томах. Вступит. ст. Л.Озерова, тт. I-3, Москва, Художественная литература, 1983-1984; Тень звука, Москва, Молодая гвардия, 1970; Витражных дел мастер, Москва, Молодая гвардия, 1976; Соблазн, Москва, Советский писатель, 1978; Безотчетное, Москва, Советский писатель, 1978; Иверский свет. Стихи и поэмы, Тбилиси, Мерани, 1984; Прорабы духа, Москва, Советский писатель, 1984; Umbra sunetului. Antologie poetică. În românește și cuvînt înainte de Ion Covaci, București, Univers, 1973, 110 p. (texte paralele);

б) критика о поэте - Михайлов Ал., Андрей Вознесенский. Этюды, Москва, Художественная литература, 1970, 191 с.; Межанов-Корякин И., Поэтический мир А.Вознесенского, в сб. Изображение человека в русской классической и советской литературе, София, 1973; краткий медальон и библиографические сведения в антологии Д.Балана и А.Добре Русская советская поэзия, изд. 2-е, испр. и доп. Типография Бухарестского ун-та, 1981; Мориц Ю., Двадцать лет спустя - "Юность", № 10/1981; Новиков Вл., Философия метафоры - "Новый мир", № 8/1982; Чупринин С., Андрей Вознесенский: логика алогизма, в кн. Чупринина С.: Крупным планом, Москва, Советский писатель, 1983.

ANDREI VOZNESENSKI

Rezumat

Andrei Andreevici Voznesenski s-a născut la 12 mai 1933, la Moscova. A absolvit în același oraș Institutul de arhitectură, studiind și pictura. A debutat cu versuri în anul 1958. Reprezentant marcant al poeziei civice nonconformiste, novatoare, Voznesenski a intrat în literatură, însoțit de aura succesului imediat la publicul cititor. De-a lungul unui sfert de veac volumele poetului, deși apar în tiraje mari, de sute de mii de exemplare, nu pot fi găsite în rafturile librăriilor. În schimb, în critica literară sovietică - îndeosebi în perioada anilor 60-70 - a fost cel mai controversat poet. Tema misiunii poetului, proteguitor al valorilor umane, este predominantă în volume de referință, ca Parabola (1960), 40 de digresiuni lirice din poemul "Para triunghiulară" (1962),

Antilumi (1964), Inima lui Ahile (1966), Umbra sunetului (1970), Privirea (1972), Eliberează pasărea! (1974), Frunza de stejar a violoncelului (1975), Al vitraliilor maestru (1976), Ispita (1978), Lumina Iberiei (1984) ş.a. Poezia lui Voznesenski, inconfundabilă prin structura inedită a imaginilor, prin abundenţa şi subtilitatea metaforelor, prin măiestria ritmurilor şi savoarea rimelor, prin folosirea iscusită a ironiei şi a umorului, a reînnoit substanţial peisajul poeziei sovietice contemporane, conferindu-i noi dimensiuni ale universalităţii. Creaţiile suprarealiste(poemul Oza, ciclul Izopî etc.) sînt modulate în despletiri apollinairiene şi maiakovskiene, cu efluvii metaforice spectaculoase,păstrînd în acelaşi timp nealterate complexitatea şi dramatismul discursului poetic. Talent viguros, iconoclast, dar şi tradiţionalist, Voznesenski mînuieşte cu dexteritate registrele diverse ale marii poezii, ridicînd lirica sovietică rusă pe piscurile deplinei expresivităţi. Notabile sînt şi prozele autobiografice Am patrusprezece ani şi O. Pe versurile lui Voznesenski compozitorii sovietici M.Tariverdiev, A.Babagianian, R.Puls, V.Basner, A.Şnitke ş.a. au compus cîntece şi romanţe. Poetul se ocupă şi cu pictura, multe din tablourile sale sînt expuse în muzee.

Poezia lui Voznesenski a fost tradusă în numeroase ţări ale lumii, inclusiv în România, în unele spaţii fertilizînd creaţia tinerilor scriitori. Laureat al Premiului de stat al U.R.S.S. pe anul 1978, membru al Academiilor de arte şi literatură din S.U.A. şi Franţa, medaliat la concursuri internaţionale de poezie, Voznesenski continuă - prin opera sa valoroasă - să menţină treaz interesul,curiozitatea şi chiar pasiunea criticilor literari şi de artă, admiraţia cititorilor.

ДУХОВНЫЙ МИР САДОВЯНУ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Альберт Ковач

Встреча творческой личности - писателя, художника, артиста - с произведениями подлинного искусства всегда интересна и многозначительна. Контакты писателей, столкновение творческих энергий высекают искры, которые бросают свет на тайны искусства, притяжение или отталкивание раскрывает закономерности развития литературного процесса. В подобном контексте творчество того или иного писателя часто обнаруживает новые, иногда невообразимые грани.

Обо всем этом по-своему, точно и выразительно, говорит сам Михаил Садовяну, когда, восхищенный произведениями Гоголя, пытается отыскать тайну его гения в движениях собственной души, в полете собственной мысли: "Стиль Гоголя характеризуется такими нераскрытыми еще чертами и оттенками, с которыми следовало бы породниться нашей душе и духу. Я почувствовал это в книгах Гоголя еще в юности и мечтал о том божественном наслаждении, которое может дать чтение оригинала. Я восхищен тем, о чем догадываюсь, что предчувствую в произведениях этого исключительного художника, и живу в состоянии беспрерывного беспокойства и поисков тайны его творчества в своей собственной душе"[1].

Поэтому и отношение румынского писателя к мировой, в частности, русской литературе, смысл и сущность его откликов на произведения великих собратьев мы можем понять лишь проникнув в тайны его собственной творческой индивидуальности. В сложной, многогранной личности Садовяну-демиурга, создателя яркого художественного мира, выделяется ряд доминирующих черт. Поднимаясь

1 Mihail Sadoveanu, Opere, vol. XX, E.P.L., București, 1967, p. 571.

Cda 138/1985 Fasc. 17

на недосягаемую высоту в пространстве и времени, Садовяну-писатель уходит своими глубокими корнями в могучую, плодотворную почву родной действительности.

В юности, в период дебюта, Садовяну вырабатывал свои творческие принципы титаническим трудом, создавая в своей литературной мастерской десятки и сотни произведений различных жанров: лирические стихотворения, рассказы, романы, переводы... В его письмах, опубликованных недавно в книге Переписка периода дебюта[2] и в широко известных произведениях автобиографического характера - Признания, Годы ученичества и другие - обращение к истокам творчества обнаруживается с невиданной степенью сознательности. Жизнь народа, его прошлое и настоящее, его живой разговорный язык, фольклор - вот те черты объективной действительности, использование которых одно только может привести к созданию подлинной литературы, считает Садовяну. Разграничивая народ и касту угнетателей, писатель становится на сторону первого, доходя в некоторых теоретических заявлениях до отождествления крестьянства с нацией и его языка - с языком литературным. Неточность некоторых из этих формулировок объясняется полемическими преувеличениями; сущность же позиции писателя резко отличается от взглядов "семэнэтористов", идеализирующих патриархальный быт.

Вместе с тем корни творчества Садовяну глубоко уходят в почву румынской и мировой литературы. В период формирования таланта чтение было его страстью, время от времени захватывавшей его целиком и вступавшей в соперничество с его первым и главным увлечением - творчеством. Процесс выработки собственной поэтики, творческой

2 Mihail Sadoveanu, Corespondenta debutului: 1898-1904, București, Editura Minerva, 1977.

индивидуальности включал освоенные глубоко и своеобразно не только произведения румынских писателей во главе с Эминеску и Крянгэ, но и всю широкую сферу мировой литературы - от Античности и Возрождения до современных школ и течений. Но наибольшее родство обнаруживает он с реалистической литературой XIX века и с некоторыми писателями, творившими на рубеже двух последних веков. Блестящее знание французского языка, выученного им еще в гимназии в Фэлтичень, позволило будущему писателю познакомиться с величайшими произведениями европейской литературы. Период учебы в ясском Национальном лицее был эпохой небывалого накопления ценностей. "Я был полностью захвачен и увлечен страстью к литературе, в такой степени, что почти все свое время употреблял на рукописи и книги, - вспомнит об этом, по прошествии десятилетий, писатель. - Книги принадлежали великим европейцам: чтение их было для меня, как бесконечное погружение в волны света. У меня под матрасом лежала толстая прокладка из томов, которые я начал читать. Я перемежал Золя Диккенсом, Тургенева и Гоголя - Альфонсом Додэ, Виктора Гюго и Бальзака - Флобером. Эминеску был всегда у меня под рукой; Крянгэ также. Почетное место занимали Делавранча, Влахуцэ и Караджале"[3].

В письмах Садовяну звучат живые, оригинальные признания страстного читателя; Бальзак нравится ему "страшно". Эволюция Золя прослеживается от романа к роману: "Это великое дело - двигаться, не останавливаясь, идти вперед от книги к книге". Своему другу Энрику Фуртунэ он признается: "Я занимаюсь рыбной ловлей и литературой. Сейчас читаю <u>Огнем и мечом</u> Г.Сенкевича, французское издание. В самом деле - огонь, меч, кровь - героический роман о XVII веке. Я вижу, ты прочел множество книг. Я тоже кое-

3 Mihail Sadoveanu, <u>Opere</u>, vol. XVI, 1959, p. 486-487.

что прочел в эти каникулы; а также - из того, что читал и ты - Дым Тургенева, французское издание... Нет, я спутал: Вешние воды... И еще - превосходные переводы Иосифа из Гейне"[4].

Произведения Сенкевича названы в другом месте "замечательными", кроме En vain , который оценивается как "набросок начинающего". Зато Без догмата характеризуется как "превосходный психологический роман, интроспекция души разочарованного человека нашего времени": "Он в самом деле прекрасен; совсем в другом роде, чем Quo vadis? и все же - прекрасен. Замечательно обрисованные характеры! И все же, читая его, я невольно вспоминал четвертых героев из Трех мушкетеров Дюма... Из Ибсена я прочел в эти каникулы Нору и Столпы общества. Мне больше понравилась Нора с ее злободневной постановкой вопроса о женщине - кукле, характерной для нашего общества"[5].

Этот контекст мировой литературы чрезвычайно важен для раскрытия взглядов Садовяну на русскую литературу. Но существует и другой контекст, еще более важный; речь идет о его собственном творчестве и мировосприятии. В силу эстетических склонностей и онтологической проблематики Садовяну, из которых вытекают такие черты его творчества, как гуманизм и демократизм, реализм и то, что сегодня называют народным национальным характером искусства,- русская литература, благодаря ее глубинным свойствам, вошла в сферу его интересов самым естественным образом. На щедрость великого искусства наш писатель отвечает великой щедростью, вспоминая в одной из статей 1946 года об эпохе своей юности: "Тогда, в Национальном лицее, я познакомился во французских переводах с Достоевским и Толстым, Гоголем и Тургеневым, Пушкиным и Лермон-

4 Mihail Sadoveanu, Corespondenta debutului: 1898-1904, p. 102.
5 Mihail Sadoveanu, Ibidem, p. 107.

товым, Щедриным и Горьким, тогда я прочел Что делать? Чернышевского, Подпольную Россию Степняка, некоторые книги Кропоткина. Я был восхищен и в то же время взволнован картинами и вопросами, которые открыли моей душе эти великие художники, бесконечно будоражащие вас и вечно беспокойные, постоянно ищущие лучший мир, мечтающие о еще неясных преобразованиях. Больные, печальные герои Достоевского из Униженных и оскорбленных, Идиота, Преступления и наказания и особенно - незабываемые фигуры из Мертвого дома тревожили меня в долгие часы мучительных ночных размышлений. После чтения подобных произведений я испытывал потребность освежиться, погрузившись в светлый мир Тургенева, мягкость и поэзия которого очищала меня после библейской, бесовской бури великого больного"[6]. Более ранние отзывы о русской литературе мы находим в письмах и мемуарах Садовяну. Его восхищает поразительная художественная сила сила Толстого. В письме от 4 февраля 1901 года он рассказывает - в связи с этим - об одном своем друге: "когда он читал Хозяина и работника Толстого, стояло лето. Окончив книгу и собираясь выйти, он тепло оделся и надвинул на глаза меховую шапку: он ждал, что на дворе вьюга, а там было солнце и лето... Впрочем, нельзя сказать: "Вот как нужно писать", - продолжает Садовяну. - Пиши как угодно, и если ты чего-нибудь да стоишь, что-нибудь получится... это естественно. Талант всегда побеждает"[7]. О Горьком он упоминает в письме от 2 октября того же 1901 года, делясь с Е.Фуртунэ впечатлением от журнала "Ревиста модернэ", опубликовавшего в № 31, 32 и 33 рассказ молодого русского писателя: "Ух, до чего же хорош этот Макар Чудра! Неправда ли, он спасает целых три номера журнала?!"[8]

6 Mihail Sadoveanu, Opere, vol. XX, p. 366-367.
7 Mihail Sadoveanu, Corespondenţa debutului: 1898-1904, p.51.
8 Mihail Sadoveanu, Ibidem, p. 117.

Складывающиеся принципы искусства Садовяну можно проследить в связи с его работой над переводом-адаптацией Записок охотника Тургенева, сделанным совместно с Н.Белдичану с французского языка и опубликованным впервые под псевдонимом Илие Пушкашу в Фэлтичень, в 1901 году. Важный стимул, который привел его к этой работе, писатель раскрывает в письмах к К.Фуртунэ от 9 и 12 сентября того же года и в предисловии к изданию этого тургеневского произведения в 1909 году, в библиотеке "Минерва" (для чего текст был пересмотрен совместно с Марией Константин Стере и сверен с оригиналом).

Охотничьи рассказы по Тургеневу были, по словам Садовяну, "не переводом, но и не адаптацией; скорее все же адаптацией, чем переводом". Результат подлинно творческого труда, это произведение помогало выработке собственной эстетической платформы писателя ввиду создания самобытной народной литературы, романтической или реалистической в высшем смысле этого слова, и языка, полностью ей соответствующего : "Я хотел бы писать (хочу и пытаюсь писать) по-румынски так, как в Записках охотника, и хотел бы, чтобы люди, которые живут в моих произведениях, были румынами, чувствовали по-румынски, двигались по-румынски... Для этого нужно войти в гущу народа и научиться у него этим вещам"[9]. По сути, здесь, в соответствии с требованиями времени, сформулирован и углублен старый принцип писателя: "румын должен быть в литературном произведении румыном, немец немцем, француз французом. Крестьянин - крестьянином, горожанин - горожанином. Это - основа искусства, и другие заметили это уже сто лет тому назад"[10]. Первенствующая роль выработки собственных творческих принципов,

9 Mihail Sadoveanu, Corespondența debutului: 1898-1904, p.106.
10 Ibidem, p. 112.

занимавшей в то время писателя, еще более открыто признана в предисловии к упомянутому изданию 1909 года: "Многочисленные планы совместной работы с Белдичану не осуществились, но этот перевод сохранился и, перечитывая его сегодня, я нахожу в нем много счастливых мгновений прошлых дней... Природа была тогда так прекрасна, и годы были так полны мечтами... Тургенев оказался счастливой прелюдией. Поэтому его рассказы в некоторой мере пострадали, преобразованные нашими душами".

Со временем отношение великого писателя к переводу изменилось, о чем свидетельствует выполненный им в 1917 году перевод рассказов Мопассана (и новелл Флобера), а через несколько десятилетий он создает подлинный шедевр в этой области - новый вариант Записок охотника. В известном предисловии к новому изданию этого тургеневского произведения в 1954 году Садовяну вновь, еще более впечатляюще, подчеркивает те черты творчества русского писателя, которые его привлекли: любовь к угнетенному народу, типы и образы крестьян, поэзия бесконечно богатой, живой природы.

Но у румынского писателя были и другие контакты с русской литературой, до сих пор мало известные. Исследуя отдельные аспекты румынско-русских литературных связей, мы обнаружили, что перевод, озаглавленный Царевна вод, по Пушкину и подписанный псевдонимом М.С.Кобуз ("Ревиста модернэ", № 30, от 16/IX- 1901) сделан не в прозе, как ошибочно указывают библиография Филипа Романа и работы Валерию Чобану, а в стихах. Сравнение текстов позволило установить, что речь идет о сделанном с французского языка переводе раннего пушкинского стихотворения Русалка (1819). Французский текст из двухтомника произведений Пушкина, изданного в 1848 году в Париже, в точности воспроизводит оригинал. Стало быть, Фея вод может считаться свободным литературным переводом,

в целом соответствующим оригиналу в плане структуры, эстетического видения и идейно-образного содержания.

Обращение к этому распространенному в XIX веке романтическому мотиву свидетельствует, само по себе, об интересе румынского писателя к романтизму. О том же говорят и мотивы одиночества и поэзии природы, звучащие в этом произведении, и ночь, и романтическая луна, и тайна леса, и элемент фантастики.

Перевод Садовяну более развернут, чем оригинал, он раскрывает подтекст, скрытый смысл пушкинского произведения. Созданное в период поисков своеобразных форм творчества, произведение обнаруживает как романтические и лирические истоки, которые станут одной из постоянных координат его прозы, так и наративные эпические формы, появляющиеся на этой лирической почве и предсказывающие талант крупного прозаика.

Говоря о становлении таланта и мастерства своего отца, Профира Садовяну замечает в комментариях к I тому Собрания сочинений: "... к сожалению, большая часть ранних опытов была сознательно и умышленно уничтожена автором, а некоторые темы - использованы и развиты по-новому. Если бы они сохранились, мы могли бы сравнить художника тех времен с художником более поздним"[11]. К счастью, интересующая нас тема составляет в этом смысле исключение, так как мотив Феи вод - Русалка-Лорелея - звучит не только в случайно сохранившемся переводе пушкинского стихотворения, но и в одной из жемчужин ранней садовяновской прозы - рассказе Фея озера, опубликованном в первом томе Рассказов в 1904 году.

Ранний рассказ Садовяну сопоставим с романтическим стихотворением Пушкина благодаря ряду существенных моментов: парал-

11 Profira Sadoveanu, Note la Mihail Sadoveanu, Opere, E.S.P.L.A., București, 1954, vol. I, p. 708.

лелизму действительного и фантастического мира, фатализму страсти и гуманистической, идущей против мистицизма идее, раскрытой с помощью фигуры героя-монаха. В Фее озера выступают лишь реальные фигуры: дочь мельника с серыми глазами и автор-рассказчик. Оба они рисуются на фоне прекрасной природы. Роль мифа о фее сводится к роли первого члена сравнения - тому, с чем сравнивается само поэтическое содержание, скрытое в глубине рассказа. Возможно, что здесь впервые раскрывается та особенность прозы нашего писателя, которая определяется в критике как накладывание действительности на миф. Романтическая любовь героя-рассказчика к молодому поэтичному существу, встреченному во время переезда озера на лодке, угасает без вмешательства сверхъестественных сил, губится прозой жизни. В финале у прозаика романтическая коллизия разрешается в иной, скорее реалистической манере: "Я долго мечтал о том, чтобы вернуться на старую мельницу на Заве, но обстоятельства мне помешали. Потом, когда это стало возможным, другие увлечения удержали меня в других местах. Прошли годы, но увядший букет гвоздики и базилика я храню и поныне. И время от времени все еще вспоминаю о фее озера". Этот финал, вскрывающий за элегической тональностью торжество пошлости, прозы жизни и характерный скорее для Садовяну "более позднего", чем для "художника тех времен", показывает нам, как мотив, разработанный в фольклоре, а также у Гейне, Пушкина и многих других авторов, получает новое звучание, наполняется современным эстетическим значением.

Знакомясь с произведениями других писателей, Садовяну относится к ним по-разному, его реакции различаются как по силе впечатления, так и по своему содержанию. Произведения, лишенные художественной ценности, отвергаются им - как правило, мол-

ча. Произведения ценные, но далекие ему по духу, отмечаются и - если речь идет о современных ему румынских писателях - поддерживаются, предлагаются для печати и премий. Наиболее близкие ему по типу писатели - Эминеску и Крянгэ - глубоко потрясают его душу. Таково же и отношение писателя к произведениям зарубежной литературы. Уже на пороге зрелости и особенно - в последние десятилетия своей жизни, Садовяну создал ряд зарисовок портретов русских писателей. Речь идет не о всех его статьях: некоторые из них, содержательные, сохраняющие и сегодня известную историко-литературную ценность, тем не менее не выходят за эти рамки, не несут отпечаток личности автора. Нас интересуют здесь лишь яркие портреты, созданные в результате глубоко индивидуального, творческого восприятия близких писателю художественных натур.

Пушкин - это, для Садовяну, великий национальный поэт. В двух своих этюдах 1949 года - Пушкин и интеллигенция его века и Пушкин - автор характеризует его как певца свободы, жестоко гонимого царем. "Среди великих явлений истории человечества, - говорит писатель, - один дал мне повод для особенно горьких размышлений во время длинных бессонных ночей и вызвал у меня особенно сильные чувства. Это - драма русской интеллигенции. Уже в юности я предчувствовал величие ее судьбы"[12]. Жертва Пушкина, друга декабристов, представляется Садовяну не напрасной. Определяющими чертами русского поэта он считает отождествление с народом, лаконичное, совершенное искусство, слово, всегда идущее к цели, разнообразие жанров и форм творчества, использование фольклора. Отмечается и такая черта, как увлечение романтизмом и затем - обращение к новой художественной манере,

12 Mihail Sadoveanu, Opere, vol. XX, p. 453.

когда "собственный гений диктует ему все более верный и все более высокий взлет" - к реализму.

Восхищение румынского прозаика творчеством Гоголя можно сравнить - если оставаться в рамках русской литературы - разве лишь с чувством, испытанным им во время чтения Толстого; знакомство с Достоевским вызывает не менее страстные, но не столь длительные эмоции: автор Преступления и наказания оставляет в его воспоминаниях меньше следов, чем названные выше писатели, - как, впрочем, и Чехов, все же более близкий ему благодаря некоторым темам и интересу к жанру рассказа. Обращение Гоголя к жизни соседа румын - украинского народа, с которым у них были тесные исторические связи, к близким Садовяну темам - как, например, тема казачества или образ мелкого чиновника и, прежде всего, гоголевский "смех сквозь слезы", полный грусти и даже трагизма - являются, несомненно, наиболее важными источниками этого восхищения. В годы молодости будущего писателя видели с книгами Гоголя в кармане. В период зрелости, в 1952 году, он посвящает автору Мертвых душ небольшое литературное произведение в форме фантастического видения, Сон Гоголя, и статью Н.В.Гоголь. В первом произведении автор воображает, как в канун 1850 года Гоголь, писатель "столь любимый и - столь хулимый", видит в горячке сон: ему кажется, что его окружают персонажи Ревизора и Мертвых душ; они жалуются на непонимание, протестуют против слишком сурового приговора... "Гоголь молчал, но в молчании душа его отвечала..., что спекулянт Чичиков занимается больше мошенничеством, чем трудом, что Коробочка не оставит после себя даже тени доброго дела, что ..."; требуя смягчения приговора, герои уверяют, что они не виноваты: "Мы - продукт злого, плохо устроенного мира;

вокруг нас господствует страх и отвращение, и каждое живое существо в сегодняшней России ищет выхода в хитрости и лжи... Но порядок нашей жизни - это и сила России: общество может быть спокойно лишь тогда, когда у него, как у стада, есть пастух, когда собственники имеют крепостных...". Душа писателя склонна простить их и верит, что через покаяние сборище гротескных персонажей сможет превратиться в общество гуманных людей, творящих добро ближнему. Но они отказываются от покаяния и остаются верными сынами своего века, их волнует не будущее, а лишь собственные мелкие интересы. Тогда в душе Гоголя художник побеждает человеческую слабость, и он сжигает рукопись, в которой говорилось о возрождении Чичикова...

Гоголевский юмор и сатира вытекают, по мнению Садовяну, из его глубокой чуткости, и за ними в его произведениях стоит боль человека, страстно любящего свой народ и мечтающего для него о лучшей судьбе. Сравнение с Ионом Крянгэ, "в прозе которого блещут сокровища народного языка, метафоры, пословицы и поговорки - богатства, накопленные веками", позволяет подчеркнуть в творчестве русского писателя фольклорные источники. Пошлая, лишенная какой бы то ни было благородной цели жизнь провинциальных помещиков или трагедия жалкого чиновника раскрываются, по мнению Садовяну, с силой подлинного гения: "В сердце Гоголя горит неистощимое сочувствие славянской души к страданию, отвращение к тщете и суетности, к бессмыслице существования, к душевным метаниям, к темноте и предрассудкам, ко всему, что связывает человека в несправедливо устроенном мире. Разве Гоголь смеется над созданными им фигурами? Этому могут поверить лишь те, кто его не понимает: сердце Гоголя кровоточит".[13]. Вместе с яркой сатирой, красота народной души, прелесть русской и украинской природы, героизм

13 Mihail Sadoveanu, <u>Opere</u>, vol. XX, p. 570.

Тараса Бульбы или его сына Остапа вызывают восторг румынского писателя и приводят к сравнениям с родными ему явлениями. Восхищение "безбрежными просторами, омытыми светом" добавляют к знаменитым описаниям степи новую антологическую страницу.

Толстой - примечательный факт биографии Садовяну - делает ноты исповеди в его статьях и заметках еще глубже и проникновеннее. Место непосредственных читательских откликов занимают здесь воспоминания, имеющие, однако, тот же характер исповеди. В статье Толстой, напечатанной в 1910 году в журнале "Вьяца ромыняскэ", Садовяну говорит о Войне и мире: "Помню , я вступил в мир этой книги, как в новую страну. Я увидел новые пейзажи, услышал, как говорят, движутся и работают новые люди; я уловил голос боли, крик удовольствия, почувствовал ужас войны, радость мира и дыхание вечности".

Поражает своей близостью к взглядам Ибрэиляну оценка искусства русского романиста в статье Толстой, напечатанной в 1953 году в качестве предисловия к изданию его рассказов: "Толстой - это гений воссоздания жизни, характерных деталей, русских нравов и руской души, - пишет здесь Садовяну. - Его главные герои и второстепенные персонажи одинаково живы; их душевная глубина ни с чем не сравнима, и у читателя создается впечатление, что он лично знаком с этими людьми; эпизоды Войны и мира, облик очаровательной Анны Карениной никогда не сотрутся из нашей памяти и сердца. Это - самый великий творец среди писателей XIX века"[14].

Уже в ранней молодости фигура Максима Горького глубоко врезалась в память румынского писателя и стала неотъемлемой частью его духовной жизни. Горький живет в его письмах, воспомина-

14 Mihail Sadoveanu, Opere, vol. XX, p. 600.

ниях и - в содержательных статьях, освещающих яркий образ этого писателя в контексте русской и мировой литературы. В статье Горький (1946) он его называет продолжателем классиков прошлого века. Первый представитель нового поколения русских писателей, признанный с восхищением и любовью (Чехов присоединится к нему позднее), Горький привлекает Садовяну атмосферой, тематикой, социальным пафосом своего творчества. И румынский писатель признается: "Меня волновала поэзия моря и взлет сокола. Слово "свобода" приобретало на страницах Горького светлое, величавое значение. Но больше всего я любил его людей - крестьян, рабочих, бродяг, мудрых босяков, которые блуждают по безбрежным раздольям белого царства, изучая своих братьев-людей, ища справедливости и смысла жизни... Бродяги и деклассированные босяки из На дне выражаются удивительно смело, словно в преддверии революции"[15].

Садовяну находит у Горького и "мрачные и жестокие" страницы и сравнивает их с некоторыми страницами французских писателей - Флобера последнего периода, Мопассана или Золя, в произведениях которых суровая критика условий человеческого существования нередко сосуществует с безнадежностью и бесперспективностью. Но по Горькому, считает Садовяну, в человеке есть что-то, что мешает ему пасть окончательно, его реализм плодотворен; Горький - певец борьбы, певец нового мира - остается до наших дней самой яркой фигурой советской литературы.

Садовяну-публицист не раз проявлял живой интерес и к современной ему советской литературе. Созидатель новой культуры, организатор Союза писателей, он читает и популяризирует произведения новых поколений писателей. Встречи с Эренбургом вызывают у него размышления об изменениях, которые происходят и в новой ру-

15 Ibidem, p. 528-529.

мынской литературе; поездка в Советский Союз обновляет контакт с классической и облегчает знакомство с современной русской литературой. Панорама донского края воскрешает в его памяти давно близкие ему мотивы - мотив природы, народа, свободы и человеческого достоинства, которые оживают, пробужденные творчеством Шолохова.

Всегда отправляясь от действительности своей страны и от своих эстетических идеалов, Садовяну знал, к кому он обращается, знал, какие следует использовать аргументы. Для характеристики руских писателей он использует сравнения с румынской литературной, для характеристики румынских - с русской. Вот один-единственный пример в этом смысле. В статье 1925 года, посвященной молодому Панаиту Истрати, автор вспоминает о Леониде Андрееве - писателе, как бы вернувшемся из царства смерти и хранящем в глазах недоступную людям тайну, обрывок вечной ночи - ужас, который постоянно грызет его сердце. Но для Садовяну такая философия существования неприемлема: "Я убежден, и произведения Истрати доказывают, что это не верно. Человек, на минуту проникший в иной мир, не захочет попасть туда снова. С ужасом, но и с решимостью он старается избавиться от этого, как от чего-то ему глубоко чуждого, и понимает, что минута жизни несравненно божественнее вечности смерти. Жизнь, ужасная и на первый взгляд бессмысленная, несет в самой себе столь высокое оправдание, что нет человека, который не стремился бы прожить ее снова"[16]. Не будем принимать последнее заявление буквально, запомним главное: призыв встать на сторону жизни.

Всегда рассматривающий литературные явления в широком контексте связей и взаимодействия, Садовяну сам является составной частью таких параллелей. Диапазон сравнений, возможных для

16 Mihail Sadoveanu, Opere, vol. XIX, p. 314.

творчества Садовяну, практически неограничен. Отсюда - опасность: через нарушение соотношений, перестановку акцентов, игнорирование полисемантизма - свести его богатый, многогранный художественный мир к единому измерению. Но в творчестве писателя вырисовываются темы, мотивы, поэтические структуры, литературные жанры и формы повествования, которые дают нам нужные, эффективные координаты для выявления подлинной ценности всех художественных произведений, входящих в сферу сравнения.

Когда некоторые критики, в силу своей эстетической безграмотности, обвиняли Садовяну периода его литературного дебюта в аморализме, произведения Горького и Толстого приводились его защитниками как теоретические аргументы для подтверждения права художника на изображение, в свете эстетического идеала, преступления, уродства, зла. Затем критика обратилась к тематическим сравнениям типа: "тема крестьянства у Толстого и Садовяну", "мелкий чиновник у Садовяну и Чехова". Подобные сравнения представляются нам сегодня неубедительными. Необходимо сопоставление основных, важнейших моментов творческого мира писателей, исследование не столько тем, сколько мотивов, которые, однако, не сводятся к физической детали, предмету реквизита или душевному состоянию, а несут в подтексте широкое эстетическое видение.

Можно было бы пойти по линии, предложенной Зое Думитреску-Бушуленга в статье Толстой и Садовяну (в книге Гуманистические ценности и параллели), в которой, на общем тематическом фоне - интереса к крестьянству, к обиженному человеку, нарисованному на лоне природы, выявлены существенные грани "двух писательских судеб, различных и сходных": "Толстой - это колоссальный эпик, Садовяну - певец, древний бард"; "жизнь в творчестве Садовяну течет, словно увиденная сверху мудрым и всепонимающим демиургом,

который, однако, не может вмешаться и усмирить волнение захваченных бурей мелких листьев"... Как гениальный строитель, но гневный демиург, Толстой, по мнению исследовательницы, - это звучащая структура, в то время как мир Садовяну - структура пластичная. И вместе с тем это - "два вида реализма, создаваемые при помощи различных художественных приемов, но вытекающие из общего миропонимания и общих интересов. Глубокий гуманизм обоих писателей заставляет их собрать воедино страдания мира, страдания целой эпохи. И Толстой и Садовяну, кажется, создают свои произведения для того, чтобы проследить соотношение добра и зла, света и тьмы в обществе, структурой которого они не довольны и которое воссоздают, через индивидуальные судьбы, во всей его несправедливости"[17].

Можно было бы углубить - в рамках параллелизма - изучение отдельных мотивов. Так, более пристальное внимание к названному выше мотиву "феи озера" раскрыло бы заблуждение критика Эуджена Ловинеску, который, признавая поэзию и подлинный лиризм этого произведения, говорил, однако, о его отжившем, "запыленном" романтизме, не замечая, что старый мотив получает здесь новую интерпретацию, прокладывающую дорогу реализму. Можно было бы исследовать и другие, еще более важные мотивы, такие, как ипостаси слияния с народом; поиски правды; человеческое достоинство; развить - на их основе - сравнения с другими писателями.

Мы говорим "можно было бы" - в уверенности, что подобные исследования вскоре появятся, и параллели с представителями других литератур полнее осветят творчество Садовяну и его место в мировой литературе.

17 Zoe Dumitrescu-Buşulenga, <u>Valori şi echivalente umanistice</u>, Editura Eminescu, Bucureşti, 1973, p. 137-138.

К БИБЛИОГРАФИИ ВОПРОСА

I. Roman Filip (Teodorescu Barbu), Literatura rusă şi sovietică în limba română. 1830-1959, E.S.I.P., Bucureşti, 1959.

2. Ciobanu Valeriu, Ecoul creaţiei lui Turgheniev în literatura română, "Studii şi cercetări de istorie literară şi folclor", Anul II, Bucureşti, 1953, p. 95-140.

3. Чобану Валериу, Творчество Тургенева в Румынии. В кн.: Румынско-русские литературные связи второй половины XIX - начала XX века. "Наука", Москва, I964, стр. I2I-I44.

4. Гане Тамара, Чехов и румынские писатели Садовяну и Ребряну. В кн: Румынско-русские литературные связи второй половины XIX - начала XX века, стр. 217-227.

5. Новиков Михай, Садовяну и тургеневские "Записки охотника". В кн.: Сравнительное изучение литератур. "Наука", Ленинград, I976, стр. I64-I68.

6. Ковач Альберт, История русской литературы XIX века. Курс лекций. Бухарестский университет, T.U.B. I978, стр. 34-46; I07-I24.

7. Новиков Михай, Тургенев и румынская литература, "Romanoslavica", XXI, Bucureşti, 1983, p. 205-224.

8. Kovács Albert, Ecoul operei lui A.S.Puşkin în literatura română din a doua jumătate a secolului al XIX-lea - începutul secolului al XX-lea. In: A.S.Puşkin în contextul cultural românesc. Coordonator Virgil Şoptereanu, Universitatea din Bucureşti, 1984, p. 35-78.Cf. şi celelalte studii incluse în acest volum.

9. Ciopraga Constantin, Scriitorul şi lumea lui - studiu introductiv, Simionescu Cornel şi Băileştean Fănuş, Note şi comentarii la Mihail Sadoveanu, Opere I, Ediţie critică, Editura Minerva, Bucureşti, 1981, p. I-CXXV; 716-752.

UNIVERSUL SPIRITUAL AL LUI MIHAIL SADOVEANU ȘI LITERATURA RUSĂ

Rezumat

Formația lui Sadoveanu a implicat intens și original nu numai operele clasicilor români, în frunte cu Eminescu și Creangă, dar și un vast domeniu al literaturii universale. De la antici și perioada Renașterii și pînă la romantici, mulți scriitori au intrat în perimetrul atelierului său de creație. Corespondența sa din perioada debutului păstrează reacții vii, profund personale, de cititor. Date fiind opțiunile estetice și interpretările ontologice ale scriitorului român - în primul rînd realismul și principiile denumite astăzi caracterul popular și național al artei, umanism și democratism -, literatura rusă prin trăsăturile ei intrinsece a intrat în sfera lui de interese cît se poate de natural. Încă în liceu, Sadoveanu a cunoscut în traduceri franceze pe Dostoievski și Tolstoi, pe Gogol și Turgheniev, pe Pușkin și Lermontov, pe Șcedrin, Gorki și pe alți scriitori ruși. Cunoscuta traducere-prelucrare a Însemnărilor unui vînător de Turgheniev implică aspecte comune ale poeticii ambilor scriitori: crearea tipurilor cu specificitatea lor națională și socială, portretizarea, poezia naturii.

Experiența de traducător în cazul baladei Crăiasa apelor, după Pușkin (Rusalka) trădează foarte multe despre drumul de creație al poetului care devine prozator. Cunoscutul motiv folcloric și cult romantic Lorelei își găsește la Sadoveanu, în mica sa capodoperă Zîna lacului o reîncarnare cu totul originală într-un context realist, în care rolul motivului tradițional se reduce la rolul termenului artistic de referință.

În articolele sale despre scriitorii ruși, Sadoveanu a creionat cîteva portrete remarcabile de artiști, știind să evidențieze atît personalitatea fiecăruia dintre ei, cît și trăsăturile lor naționale. Arta creatorilor de poezie și proză totdeauna se află în centrul atenției sale și prin dezvăluiri substanțiale ne incită și astăzi la realizarea unor studii de poetică comparată.

ТВОРЧЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ ЛЬВА ТОЛСТОГО В ВОСПРИЯТИИ МАРИНА ПРЕДЫ

Георге Барбэ

Известно, что Марин Преда проявлял особый интерес к зарубежной литературе, к шедеврам мировой кульруры, к философским, эстетическим и литературным направлениям, к явлениям духовной жизни прошлого и современной эпохи. В этом контексте русская литература постоянно занимала преобладающее, центральное место[I]. Его внимание привлекали такие писатели, как Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, Достоевский, Лев Толстой, Чехов, М.Горький, Ф.Сологуб, Леонид Андреев, Вл. Маяковский, Б.Пастернак, Л.Леонов, М.Шолохов и др. Из названных авторов Марин Преда восхищался творчеством Л.Толстого, Ф.М.Достоевского, Гоголя, которое он не просто ценил, а безгранично любил.

Марин Преда - писатель самобытный по форме и содержанию своего творчества, в наивысшей степени национальный и весьма оригинальный во всей структуре своих творений. И сам подход его к русской литературе является своеобразным, очень индивидуальным и, мы бы сказали, необычным. Для него характерны не только особое восхищение русской литературой, высочайшая оценка, которую дает он этой литературе, но и критическая позиция, полемический подход по отношению к ней. Для его метода свойственно то, что он все подвергает сомнению, проверке, сопоставлению, полемике, дискуссии. Марин Преда ничего не идеализирует, ему чужда декларативность, он объективно, трезво, бесстрастно оценивает и анализирует. Другая особенность его манеры заключается в том, что, будучи по своей концепции всецело современным писателем, он органически связан с культурной сокровищницей прошлого, в которой он находит одну из главных идейных и художественных опор в утвержде-

I См. наши статьи: F.M.Dostoievski în viziunea lui Marin Preda, "Limbă şi literatură", 1983 г., том 3, с. 363-371; Marin Preda şi Lev Tolstoi, там же, 1984 г., том 3, с. 365-376; Marin Preda şi scriitorii ruşi, "Romanoslavica", XXII, 1984 г., с. 61-85.

нии своего творчества. Одной из таких основополагающих опор в формировании и проявлении его как личности и писателя явилась русская классическая литература.

По этому поводу в его публицистических выступлениях мы находим интересные высказывания, волнующие свидетельства. Мы имеем в виду его сборник статей и эссе Возврата быть не может (Imposibila întoarcere, 1971), в его конфессионально-исповедательных сочинениях, как, например, Беседы с Марином Предой (Convorbiri cu Marin Preda, 1973), изданные писателем Флорином Мугуром, в его автобиографической книге Жизнь как добыча (Viaţa ca o pradă, 1977). Ссылки на русскую литературу часто встречаются в различных статьях и сборниках литературной критики, авторы которых близко знали румынского писателя. Особое место среди художественно-литературной критики о нем занимает замечательный и волнующий сборник Время не хотело больше ждать. Марин Преда (Timpul n-a mai avut răbdare. Marin Preda), изданный в 1981 году известным нашим литературоведом и критиком Еудженом Симионом и редактором Магдаленой Попеску.

Необходимо отметить, что ссылки на русскую литературу, отзвуки этой литературы довольно многочисленны и на страницах прозы писателя, особенно в последнем его романе-трилогии Самый любимый из земных (Cel mai iubit dintre pămînteni, 1980). В этом романе творчество русских писателей, особенно Толстого и Достоевского, широко вовлекается в полемику, в диспут, в страстные дебаты о смысле человеческого бытия, об условиях человеческого существования в современном мире и т.д. Персонажи этого последнего романа (в первую очередь Виктор Петрини и Петрикэ Николау) в своих философских размышлениях часто ссылаются на таких корифеев русской литературы, как Гоголь, Достоевский, Лев Толстой и др. "Я глубоко вос-

хищаюсь Россией Достоевского и Толстого"[2] и "неплохо изучать язык Достоевского, Толстого, Ленина"[3], - говорят герои этого романа.

Любовь к русской литературе проявилась у Марина Преды еще в молодости, когда ему было лет 19-20. В его автобиографической книге Жизнь как добыча есть персонаж по имени Павел Слепой (слепой в действительности), который становится культурным, образованным, начитанным, слушая чтение книг тех, кто его посещал. И вот этот слепой Павел рассказывает о своих впечатлениях молодому Марину Преде, будущему писателю: "Откровение повседневного произошло в прошлом веке благодаря Бальзаку и Флоберу, не считая русских, которые первые исследователи фантастику действительности" (И он приводит как пример Записки сумасшедшего Гоголя и Холстомер Л.Толстого). Слепой Павел советует будущему писателю (Марину Преде) читать русских, "которые обеспокоены судьбой человека" и свидетельство которых не безразлично, "не холодно"; Павел утверждает, что в их творчестве "участь человека не безнадежна, как у Свифта, который после Гулливера пошел по нисходящей линии, а патетична, с устремленными взорами к Богу..."[4] Вспоминая о своих первых чтениях в период молодости, в годы, когда он формировался как писатель, Марин Преда отмечает: "Я был восхищен великим Гоголем..., и хотел писать как он, подобно ему запечатлеть спектакль жизни, который способен возбудить в нас то чувство спасения, освобождения, чувство свободы мысли, чувство торжества надо всем, что является уродливым и смешным... Воображение Свифта было мне чуждо, мир Гоголя был мне близок, это был мой мир..."[5] До конца жизни

2 Marin Preda, Cel mai iubit dintre pămînteni, том I, Изд-во "Cartea Românească", Бухарест, 1980 г., с. 86.

3 Там же, том II, с. 173.

4 Marin Preda, Viaţa ca o pradă, Изд-во "Albatros", Бухарест, 1977 г., с. 102, 103.

5 Там же, с. 108, 109.

Марин Преда постоянно ощущал глубокое духовное родство с великими писателями русской литературы. Стендалем и Бальзаком восхищаюсь - говорил он, - Достоевского и Толстого - люблю[6].

По его мнению, структура классического романа, художественный опыт литературы великих писателей прошлого столетия не были исчерпаны. Он считал плодотворной и модернистскую манеру прозы Фолкнера, "которая дала пленительные результаты", и классическую манеру Толстого. "Главное, - как он думает, - состоит в том, что именно сообщает, т.е., что именно говорит" писатель. Что касается приемов "экспериментаторов литературы ультрамодернизма" нашего столетия, Марин Преда не видел в них чего-то "абсолютно революционного"; они имеют свой "корни в прошлом веке, у прежних великих писателей", которые "использовали перспективные инверсии, начиная, скажем, с Гоголя (Записки сумасшедшего)", где "какие-то собаки... пишут весьма подлинные письма, так что возникает ощущение, что это их собственные выражения". Или у Толстого, где "в определенный момент возникает перед нашим потрясенным взором лошадь, которая начинает повествовать о своей лошадиной жизни", но, прежде всего, "именно Достоевский... является предшественником современной литературы такого рода"[7]. В этом же плане Марин Преда рассматривает и вопрос "новизны человеческой типологии" в "ультрамодернистской" литературе, которая, вообще, обходит деревенский мир, потому что "крестьянство - замечает с тонкой иронией Марин Преда - давно уже перестало быть сенсационным миром для читателя". Но, задает он вопрос, разве "интереснее изображать нищих, идиотов, босяков, юродивых или сумасшедших? И это, - отвечает Марин Преда, - уже не ново после Флобера и Бекета и, в конце концов, после Достоевского и Гоголя, которые затронули эти сюжеты еще раньше"[8].

6 Florin Mugur, Profesiunea de scriitor, Изд-во "Albatros", 1979 г., с. 39.
7 Timpul n-a mai avut răbdare. Marin Preda, Изд-во "Cartea Românească", 1981 г., с. 561, 562, 563.
8 Marin Preda, Imposibila întoarcere, Изд-во "Cartea Românească", Бухарест, 1971, с. 181, 182.

Будучи известным автором таких произведений, как Встреча на землях (Intîlnirea din pămînturi,1948), Разворот (Desfăşurarea, 1952), Семья Морометов (Moromeţii,I,1955,II, 1967), Расточители (Risipitorii, 1962), Мартин Борман (1966), Чужой (Intrusul, 1968). Возврата быть не может (Imposibila întoarcere,1971), Великий одиночка (Marele singuratic, 1972) и др., Марин Преда признается: "Первое потрясение нравственного характера произошло во мне, когда я читал Толстого и Достоевского"[9], в творчестве которых "есть какой-то... патетизм веры и проблем, и этот патетизм именно сделал русскую литературу способной потрясти читателей всего мира"[10].

После смерти автора Морометов и Самого любимого из земных, поэтесса Нина Кассиян с волнением писала: "Я обязана Марину Преде моим страстным и глубоким сближением с великой русской прозой XIX века, которую он знал до мельчайших тонкостей и оттенков и несомненным опекуном которой считал Толстого. Здесь, - пишет Нина Кассиян, - сказалась, конечно, и определенная стилистическая склонность, а именно, стремление к ясному, точному, гибкому, прозрачному языку"[11]. Никто, - пишет румынский поэт Петре Стойка, - не говорил, как Марин Преда о Толстом и Достоевском, тонко проникая в каждый фрагмент и раскрывая смысл, который нередко ускользает даже от исследователя[12].

x

Подход писателя Марина Преды к мировым духовным ценностям был весьма самобытным. У него своеобразно сочеталось восхищение с острой критикой, очарование с трезвой оценкой, глубокое влечение с полемикой, полное согласие с постоянным спором.

9 Florin Mugur, Convorbiri cu Marin Preda, Изд-во "Albatros", Бухарест, 1973 г., с. 67.

10 Там же, с. 64.

11 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 88.

12 Там же, с. 191.

В начале 50-ых годов, вспоминает один из наших известных литературных критиков, Марин Преда, тогда автор сборника рассказов Встреча на землях, "перечитывал с большим трудом Войну и мир, где помимо достоинств гигантской монументальности, он находил множество недочетов. Огромное толстовское сооружение он подверг критическому переосмыслению, не проявив ни малейшей склонности фетишизировать каждую страницу. Богатырская земная сила и утонченность великого классика не смутили его, напротив, он оспаривал их естественное сплетение"[13].

В книге Жизнь как добыча автор признает, что его разочаровала фаталистическая концепция Толстого, согласно которой неизвестные силы творят историю и что великие потрясения, войны совершаются не по воле людей. "Очарованный величием творчества, - пишет Марин Преда, - я был раздражен вытекающей из нее доктриной. Платон Каратаев казался мне каким-то дуралеем со своими молитвами... И Безухов восхищался им, он, который однажды, повинуясь своему инстинкту поднял мраморную доску стола, чтобы разбить голову распутной Элен: я тебя убью, взревел он тогда, страшно напугав ее... Двойственная натура толстовских героев, одновременно охваченных инстинктами и спокойно-фаталистическим отношением к ним, казалась мне терзанием человеческой натуры, а это опьяняло и, в то же время, возмущало меня. Я чувствовал, как гомерически, силой катаклизма вырвался из души человека это я тебя убью и... унизительный моральный опыт, воспринятый от Платона Каратаева... Как писатель, я долгое время часто оказывался зачарованным толстовским фатализмом"[14].

Своеобразно подходил Марин Преда к нравственным ценностям из области возвышенного, сверяя художественную правду со своим соб-

13 Liviu Călin, Portrete şi opinii literare, Изд-во "Albatros", Бухарест, 1972 г., с. 159.

14 Marin Preda, Viaţa ca o pradă, с. 307, 308, 317.

ственным опытом. Для него правдоподобность литературного факта - это один из основных критериев в эстетической оценке произведения. Он критически рассматривал, например, толстовскую повесть Отец Сергий, считая решение страстного монаха отрубить себе палец топором неестественным, неправдоподобным ("Смотри-ка, сударь, топором!"). В этом же плане писатель анализирует, - устами Виктора Петрини, героя романа Самый любимый из земных, - поступки графа Толстого: тачать сапоги и пахать землю. Толстой, как великий художник, желал разделить участь мужика, самому ощутить, что чувствует мужик, тачая сапоги, что, по словам русского писателя, важнее творчества Шекспира. Пахота, как и тачание сапог, - это лишь спорт, а Толстой оставался графом Толстым, - комментирует герой трилогии Преды[15]. Данный вопрос затрагивается и в сборнике эссе и очерков Возврата быть не может, где писатель, в образе публициста, трактует его в том же духе. "Толстой, - пишет Марин Преда, - упрощенно думал, что счастье появляется в нашей душе с того момента, когда наш труд может нас накормить и приютить. Остальное от лукавого. Но что мы будем делать с этим остальным? Как должны поступать дельцы с их огромными суммами денег, накопленными в сейфах?" Преда не без юмора (что характерно и для его прозы, как и для публицистики) ссылается также на западногерманского писателя Гюнтера Грасса, который ратует за толстовский возврат к простому удовлетворению естественных потребностей, отказываясь, например, курить дорогие сигареты, а прибегая к крестьянскому кисету, беря двумя пальцами оттуда табак и свертывая его в маленький клочек бумаги[16].

Марин Преда часто возвращался к размышлениям о смысле человеческой жизни, об участи человека перед лицом быстро меняющегося

15 Cel mai iubit dintre pămînteni, том I, с. 313.
16 Imposibila întoarcere, с. 148, 149.

облика мира и цивилизации. Он утверждал в том же сборнике Возврата быть не может, что герои Толстого и Достоевского не желали мириться с отчаянием и трагическим тупиком, мучимые подозрением, что если отказаться от божества, тогда придешь к убеждению, что все нам дозволено[17].

Все больше постигая суть толстовского творчества, только после глобального его освоения и подробного ознакомления с жизнью русского писателя из Дневника, Марин Преда действительно проникается величием искусства и осознавал колоссальную личность Льва Толстого. "Настоящая моя встреча с Толстым произойдет позже, и эпопейный размах Войны и мира напомнит мне о Гомере", - пишет он в книге Жизнь как добыча. И там же, говоря о Смерти Ивана Ильича, он сообщает, что "никогда после этого я не читал ничего более потрясающего"[18]. Глубоко восхищаясь Бальзаком, Марин Преда утверждает, что нигде этот писатель "не потрясает так, как потрясает нас в Смерти Ивана Ильича Толстой, этот "великий Толстой"[19], "творец гигант", "гениальный писатель"[20], единственный, "которому я верю больше всего, которому доверяю полностью", в то время как "Бальзак не всегда внушает мне доверие"[21]. Для Марина Преды Война и мир становится образцом искусства, наивысшим эталоном ценности, "основополагающим произведением"[22], которое, наряду с Отверженными В.Гюго и Письмами Эминеску, является творением "действительно грандиозным", где "помимо силы и глубины вдохновения, мы чувствуем высокий накал беспокойного сознания" творца[23].

I7 Там же, с. 47-49.
18 Viaţa ca o pradă, с. 205.
19 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 356.
20 Florin Mugur, Profesiunea de scriitor, с. 36.
21 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 137, 551.
22 Florin Mugur, Profesiunea de scriitor, с. 37.
23 Imposibila întoarcere, с. 65.

Литературный критик Аурел Мартин высказывает интересные суждения в своем эссе Марин Преда и тема судьбы. Книга Жизнь как добыча, по его мнению, является своеобразной метафорой борьбы того, "кто побеждает Смерть, сокрушая все препятствия на пути к планете света". а "свет приравнивается... к раскрытию Толстого"[24]. В том же эссе Аурел Мартин критикует удаление от "объективности" и толстовского "всеведения" в романе Бред (Delirul), где автор воспроизвел "односторонне... один из трагических моментов из истории Румынии". Критик упрекает Марина Преду, что в романе отсутствует реакция на "бред"."Хотелось бы, - пишет он, - встретить в Бреде, в перспективе всеведения повествователя,... аспекты проявлений и такого рода. Толстой и Мальро не обошли бы их, напротив"[25]. Известно, что во второе издание романа автор включил некоторые дополнения в этом смысле.

Публицист Александру Палеологу обращает внимание на то, что в начале романа Бред есть чудесный отрывок, где описывается ночная встреча влюбленных - в деревне, под прекрасным звездным небом: "красота этого эпизода может быть определена, без преувеличения, действительно толстовской; ... вся книга держится на этом эпизоде" и на том отрывке, где повествуется о свадьбе на окраине города, когда один из персонажей, прозванный "земной", совершенно распускается". "Когда я сказал об этом Преде, - вспоминает Ал.Палеологу, - он признался мне, что та любовная ночная встреча была написана давно, не будучи включенной ни в одно произведение, а вошла в Бред, потому что так случилось"[26].

По мнению Марина Преды, не только творчество великих людей составляет нашу точку опоры, но и вся их жизнь, особенно, когда

---

24 Aurel Martin, Acolade, Изд-во "Eminescu", 1977 г., Бухарест, с. 146-147.

25 Там же, с. 142-143.

26 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 55.

эта жизнь не является бесцветной или образцовой. Большой интерес проявляет Преда к жизни Льва Толстого, а это создает широкую перспективу в понимании и освоении сути и смысла творчества русского автора, жаждующего "жить при полном ярком свете", а его смерть, происшедшая вследствие разрыва с условиями жизни, которых он отвергал как несоответствующие его убеждениям, представляется нашему писателю "высочайшим актом", "возвышенным поступком". Тот факт, что Лев Толстой умирает "как простой человек, в бедном доме, почти без медицинской помощи" не следует рассматривать его участь "в трагическом, а в возвышенном ореоле", как подвиг[27].

Нам кажется, что обоих писателей сближает определенное глобально-светлое миросозерцание, высокогуманистическое отношение к судьбам и к смыслу человеческого существования. Несомненно, в художественном творчестве, как и в публицистике Марина Преды, вырисовывается явно критическая позиция к определенной агрессивно-негативистской тенденции в современной западной литературе, где предпринимаются всевозможные попытки "отделиться от XIX века, идеи которого еще нас питают"[28]. Основное эстетическое отношение румынского писателя приближается к толстовской концепции, так как, согласно и взглядам Марина Преды, искусство "предельно полно и таинственно, когда оно совмещает в себе силу воображения человеческой души и стремление человека к совершенству"[29].

В конце второго тома романа <u>Самый любимый из земных</u> есть сцена, где Виктор Петрини и Матильда, главные герои произведения, спокойно ведут разговор на тему любви и взаимопонимания между мужчиной и женщиной. Виктор Петрини философствует по этому поводу, расширяя рамки понятия о любви и ссылаясь на Толстого, который, - говорит персонаж романа, - "задавал себе вопрос: чем люди живы?

27 Florin Mugur, <u>Profesiunea de scriitor</u>, c. 38-39.
28 <u>Imposibila întoarcere</u>, c. 34.
29 <u>Там же</u>, c. 27.

Ответ принадлежит ему, а не мне: любовью..., потому что без любви к чему-нибудь мы стали бы вновь зверями. Или даже хуже, начали бы любить самих себя, превращаясь в чудовища"[30]. В сборнике Время не хотело больше ждать воспроизводится последняя страница романа Самый любимый из земных в последней корректуре. Финальная фраза романа в предпоследнем варианте гласила: "И до тех пор пока по этим ступеням, по которым я поднимался и спускался, будут подниматься и спускаться многие другие, эта книга не будет бесполезна". Автор вычеркивает последние слова "не будет бесполезна" и вместо них вносит: "всегда будет свидетельствовать...: если нет любви, ничего нет!..."[31] Финальная идея романа является толстовской. А почему именно толстовской? Это идея универсальна, мысль широко открытой перспективности; Марин Преда выступает здесь подлинным гуманистом, утверждая своим творчеством идею человеколюбия. "Преда, - пишет Еуджен Симион, - старался рассматривать современный мир с высокой позиции человечности"[32].

Нельзя обойти и тот факт, что огромная "крестьянская" тема является другим моментом соприкосновения Марина Преды с Львом Толстым, до которого, - по словам В.И.Ленина, - "подлинного мужика в литературе не было"[33], и который в своем творчестве выступил как великий "выразитель... идей и... настроений... миллионов русского крестьянства"[34], будучи, по утверждению М.Горького, "писателем национальным в своем истинном и всеобъемлющим значении этого понятия", потому что "он воплотил в огромной душе своей все недостатки нации, все увечья, нанесенные нам пытками истории нашей"[35]. Марину Преде

30 Cel mai iubit dintre pămînteni, том II, с. 390.
31 Там же, том II, с. 333.
32 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 140.
33 М.Горький, Собр.соч. в 30-ти томах, Москва, Гослитиздат, 1952, т. I7, с. 39.
34 Л.Н.Толстой в русской критике, Издание третье, ГИХЛ, Москва, 1960 г., с. 55.
35 Там же, с. 424-425.

принадлежат слова, что "писатели являются сознанием национального сообщества, а не святыми", что "сознание национального сообщества есть сумма наших достоинств и недостатков, а не сумма прекрасных, но мертвых концепций"[36].

Как очень часто отмечалось в нашей литературной критике, эстетическая концепция, взгляд на жизнь и человека, которые лежат в основе всего творчества Марина Преды, имеет своим истоком духовный мир румынского крестьянства. А это не выразилось в его творчестве ностальгией по патриархальному[37], а в художественном отображении современного подхода, в реалистически-трезвом отношении к судьбам деревенского быта в нашу эпоху, в изображении глубокого драматизма "исчезновения крестьянского класса" под давлением технического прогресса, который, по мнению писателя, "не должен бы преуспевать за счет разрушения жизненного устройства тысячелетней давности"[38].

Преда, для которого "поле... прекраснее неба"[39], исходит из того, что крестьянство сотворило "нравственные и духовные ценности, воспринятые впоследствии всем народом"[40], что "аграрное общество... породило духовные ценности..., которые создали культуру мирового характера, одержавшую до сих пор столько духовных побед", и "я не могу поверить, - пишет он, - что мы можем и должны будем отказаться впредь от подвига, жертвенности, героизма, от возвышенных страстей, потому что они не соответствуют или даже опровергаются контекстом современной жизни"[4I]. Назначение литературы в этих условиях состоит в том, - утверждает Марин Преда, - чтобы "выразить нравственную тревогу масс", потому что в этом - по его мнению - заключается, помимо поисков смысла бытия, условие великой литературы,

36 Imposibila întoarcere, с. 38-39.
37 Там же, с. I63.
38 Там же, с. 24.
39 Там же, с. 89.
40 Там же, с. I8I-I82.
4I Там же, с. I36-I37.

ее всемирного характера[42]. Румынский писатель действительно выражает определенное чувство беспокойства по поводу того, как бы с проникновением машин и гибелью лошадей "не потеряли бы мы и свою душу"[43], т.е. ту врожденную нравственность, взрощенную и сохраненную веками всем существом крестьянина[44]. Поэтому, замечает он, "постановка вопроса о существовании плуга или скота, забора и своего гумна, приобретает сразу трагический характер"[45].

Глубокий драматизм, которым проникнута проза писателя, вытекает, по нашему мнению, именно из неидиллического изображения этого мира, так органически близкого ему, из отказа от любой пантеистической тенденции, из осознания того, что к прежнему "возврата быть не может". Этими специфическими оттенками настроений, думается нам, вписывается Марин Преда в контекст румынской и, надеемся, мировой литературы нашего столетия[46].

Размышляя над широко обсуждаемой, еще более 30 лет тому назад, проблемой о необходимости выражения писателем передового мировоззрения, Марин Преда задавал себе вопрос: в чем же заключалось передовое мировоззрение Гоголя, Достоевского, Толстого, Караджале, Садовяну, Бальзака, Шекспира? В.И.Ленин, например, отрицательно относился к философской концепции Льва Толстого, "помещика, юродствующего во Христе". Но, - писал Преда, ссылаясь на ленинское утверждение, - "был Лев Николаевич «зеркалом революции»? Был! Превосходно!"[47]

Преда был глубоко убежден, что новое мировоззрение повышает прежние ценности в сознании настоящего, если, конечно, идет речь о подлинных ценностях[48]. По его мнению, "очарование читателя лите-

---

42 Там же, с. 43.
43 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 139.
44 Там же, с. 123-124.
45 Imposibila întoarcere, с. 183.
46 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 50-51.
47 Viaţa ca o pradă, с. 172, 174, 175.
48 Imposibila întoarcere, с. 35.

ратурным произведением происходит не вследствие его очевидных идей, принадлежащих общей идеологии, а благодаря его глубинным мыслям, делающим произведение долговечным, выходящим за узкие рамки конкретной исторической обстановки"[49]. Преда осознает, что литература связана с историей, без которой "она задыхается", поэтому он настороженно наблюдал тяготение некоторых начинающих писателей к вневременному[50]. Но он так же непоколебимо верил в "магическую силу искусства", в самостоятельность художественного произведения, которое, выйдя из-под опеки автора, "не может быть разрушено"[51], оно приобретает независимое положение и перед его творцом. "Искусство, - утверждал Преда, - как объективное явление, есть категория духа, но субъективно творческая сила художника не имеет возраста и проявляется в необычайной независимости как перед жизненно-биологическим состоянием творца, так и перед расположением его духа"[52]. Марин Преда, высказывая эту мысль устами главного героя романа Самый любимый из земных, ссылается на пример Льва Толстого, мучимого и в свои 60 лет бременем страстей его необыкновенно могучей плоти, которую он обуздал, "превратив неукротимые желания в духовность и тем самым восторжествовав"[53].

Согласно Преде, нравственность, не обращенная в искусство, снижает свою убедительность, подтачивает естественную силу очарования, присущего искусству. "Даже Толстому не к лицу, - пишет Преда, - когда он говорит, что человеку более полезна пара сапог, чем роман, или что IX симфония Бетховена не годится, так как не заключает в себе христианскую мысль"[54], что "величие творчества Толсто-

49 Там же, с. 69.
50 Там же, с. 166.
51 Там же, с. 209.
52 Там же, с. 61.
53 Cel mai iubit dintre pămînteni, том I, с. III.
54 Imposibila întoarcere, с. 47, 49.

го не исходит из нравственности, а из эпического гения"[55]. Наш писатель демонстрирует, что этическое, как и политическое, не должно подавлять эстетическое, что "главное заключается в том, чтобы произведение удалось в эстетическом плане"[56]. Секрет прочности и долговечности эпопеи Война и мир, размышляет он, заключается не в представлении на страницах романа документов и исторических фигур, происшедших событий, подлинных фактов, а в том, что Лев Толстой сумел увидеть "за документами и картами сражений высший, непреоборимый, таинственный разум, что приближает нас к философии и поэзии", внушая мысль о том, что "за описанными фактами существует дивная невидимая сила, превосходящая Наполеона и генералов и которая, в сущности, определяет настоящий курс событий". Весьма интересно, что Преда не отвергает категорически мысли Толстого относительно "бессознательного характера" исторических событий, намекающей на присутствие "таинственного разума". "Даже в наши дни, - пишет он, - мы можем задавать себе вопрос: какие закономерности, например, создают равновесие человеческой демографии и как обеспечивается равновесие между двумя полами? Несомненно, что какая-то закономерность управляет этим равновесием, закономерность, которая нам еще неизвестна"[57].

В творчестве Марина Преды, как и у Льва Толстого, судьбы персонажей тесно переплетаются с историческими событиями, которые ни в коем случае не затушевывают смысл индивидуального поступка. Подчеркивая значение для литературы индивидуального существования, Преда ссылается на Толстого, утверждавшего, что в алькове могут происходить более потрясающиеся трагедии, чем в истории. В этом смысле, Марин Преда был особенно потрясен повестью Смерть Ивана Ильича, где муки и страх перед смертью приводят героя к открытию,

55 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 554.
56 Там же.
57 Там же, с. 539, 540.

что жизнь была прожита зря, бессмысленно, к осознанию мелочности уходящего существования. "Эти муки - пишет Преда в книге Жизнь как добыча - угнетали и меня долгое время, и мне казалось, что мы живем как Иван Ильич, и я был потрясен; как живем, где свет жизни, который открывается Ивану Ильичу только перед тем, как его вталкивают в мешок смерти?"[58]. Вопросы "Как живем? Как жить?" являются стержнем творчества Марина Преды[59].

"Страх перед смертью одна из тем Расточителей", утверждает сам автор[60]. Мотив исчезновения, имея в основе толстовскую идею неудачно прожитой жизни, мы встречаем в романе Чужой и в последнем романе Самый любимый из земных. Мирча Зачу написал интересный этюд, озаглавленный Commentatio mortis, в котором, между прочим, отмечает: "Только в женщине жизнь и смерть (как и в природе) соединены, взаимообуславливаясь. Созданные писателем героини особой рельефности - прежде всего Матильда - построены вокруг этой оси. Отсюда и восхищение Преды перед глубокой толстовской интуицией (в образах Анны Карениной и Кити), подтверждающее его убеждение, что у женщин осознание жизни и смерти глубже, чем у мужчин. Не являются ли они первыми, которые, рожая, знают, что в те мгновения могут и умереть? (Флорин Мугур, Беседы с Марином Предой, с. 67)"[61].

Независимо от сюжета, внимание Льва Толстого и Марина Преды постоянно концентрируется на важнейших проблемах бытия, на "проклятых неразрешимых вопросах", среди которых счастье или несчастье человека занимают центральное место. Роман Анна Каренина начинается следующим суждением: "Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему". Марин Преда,

58 Viaţa ca o pradă, с. 205.
59 Timpul n-a mai avut răbdare, с. 506.
60 Florin Mugur, Convorbiri cu Marin Preda, с. 102.
61 Mircea Zaciu, Cu cărţile pe masă, Изд-во "Cartea Românească", Бухарест, 1981 г., с. 44; см. и Timpul n-a mai avut răbdare, с.287.

устами своего персонажа, Виктора Петрини, как бы продолжает, в постоянном обсуждении, толстовские размышления: "Если не было бы счастливой жизни других, не обращали бы внимания на нашу несчастливую жизнь... Но возникает раздирающее нас огорчение, когда мы видим дружную жизнь других, и тогда наша душа мечется и изворачивается как в толстовском мешке, в который вталкивают Ивана Ильича перед смертью"[62].

Среди персонажей романа Анна Каренина наиболее близок Толстому, по мнению Преды, был Левин, который, помимо своих обыкновенных людских занятий, стремился к высоким идеалам ("обязательно хотел жить и для Бога")[63]. В романе Самый любимый из земных, Виктор Петрини размышляет, в этой же перспективе, над участью русского писателя: "Толстой, необыкновенная личность, не понимал своей жены, обыкновенной женщины, которая любила его и очень ревновала ко всей его судьбе"[64]. София Андреевна, жена великого русского творца, ненавидела последователей писателя. И эта атмосфера ненависти и ревности - отмечает Марин Преда - была постоянной агрессией против принципов жизни Толстого, что, в конце концов, принудила его к уходу, из-за которого последовала и смерть[65]. "Il faut foûtre le camp - воскликнул Толстой, когда понял, что все конечно, что, стало быть, надо исчезнуть с лица земли, убраться во-свояси"[66].

Глава XXXVIII из книги Жизнь как добыча посвящена поэту Серджиу Филероту (Sergiu Filerot), другу военных лет, который работал редактором в издательстве "Типарул университар" ("Университетская печать"). В 1942 году, Серджиу Филерот, пренебрегая цензурой, напечатал томик стихов под заглавием Человек, направленный против войны, выражая в нем мощными, "подрывными" стихами предчувствие ко-

62 Cel mai iubit dintre pămînteni, том I, с. 356.
63 Florin Mugur, Convorbiri cu Marin Preda, с. 64.
64 Cel mai iubit dintre pămînteni, том III, с. 188.
65 Florin Mugur, Profesiunea de scriitor, с. 39.
66 Imposibila întoarcere, с. 54.

нечной катастрофы. Вследствие издания и распространения этой книги автор был арестован и приговорен военным трибуналом к смерти. Он не был расстрелян; первоначальный приговор был заменен пожизненной каторгой. Марин Преда сравнивает этого человека с Пьером Безуховым, самым светлым и благородным персонажем в творчестве Льва Толстово. Серджиу Филерот - писал Преда в указанной главе - был похож на Безухова "и по внешнему облику, и по побуждению, заставившему его самого бросится в механизм слепой машины репрессии; как и толстовский герой, он чудом спасся от расправы карательного взвода"[67]. В таком духе писали в нашей литературной критике о Марине Преде, который, по тем "ценностям, на какие он опирался и возлагал надежды, по своим приверженностям в области культуры и общественной жизни", по "глубокому чувству человеческого равноправия..., очень был похож... на Пьера Безухова"[68].

Истина в искусстве была одним из основополагающих принципов творческой концепции Льва Толстого и Марина Преды. Литературный критик Николае Манолеску - писал после смерти автора Морометов и Самого любимого из земных, - что своим творчеством Марин Преда дополнил свой талант и здравый смысл "характером, свойством более редким и более ценным", что позволило современному читателю заново открыть, "что одно из высших назначений литературы заключается именно в том, чтобы говорить правду"[69].

CREAŢIA ŞI PERSONALITATEA LUI LEV TOLSTOI
ÎN RECEPTAREA LUI MARIN PREDA
Rezumat

Dintre toţi scriitorii ruşi, asupra lui Marin Preda o fascinaţie deosebită au exercitat-o Gogol,Dostoievski şi Lev Tolstoi. Abordarea fenomenului literar rus se produce la el printr-o perma-

67 Viaţa ca o pradă, c. 300.
68 Timpul n-a mai avut răbdare, c. 56.
69 "România literară", год XIУ, нр. 23, 24 июня I98I г., с. 9.

nentă dispută și confruntare de idei, opera scriitorilor ruși servindu-i drept impuls, prin apropiere sau distanțare, pentru afirmarea propriei vocații în arta sa literară. Prezențe literare rusești întîlnim din abundență în intervenții cu caracter publicistic, în eseuri și articole de critică literară, în scrieri confesionale, ca și în opera sa artistică, unde creația autorilor ruși este implicată la gradul cel mai înalt. Referirile lui Marin Preda la literatura rusă apar în cele mai diverse ipostaze, într-un context vast și variat al preocupărilor și meditațiilor sale asupra rosturilor literaturii în epoca contemporană, al locului și rolului scriitorului în vălmășagul problemelor existențiale cu care s-a confruntat și se confruntă omenirea.

Poeta Nina Cassian scrie că îi datorează "lui Marin Preda apropierea pasionată și adîncă de marea proză rusă a secolului al XIX-lea, pe care o cunoștea pînă la nuanță și în fruntea căreia predilecțiile lui îl plasau pe tutelarul Tolstoi. Aici - este ea de părere - se includea, desigur, și o preferință stilistică, și anume pentru exprimarea clară, exactă, suplă, transparentă". Cine mai vorbea ca Marin Preda - notează poetul Petre Stoica - despre Tolstoi și Dostoievski, tîlcuind cu finețe pasaje ce scăpau pînă și exegetului? Preda va mărturisi "că o primă zguduire de ordin moral am avut-o citindu-i pe Tolstoi și Dostoievski", în a căror creație "există... un patetism al întrebărilor și al credinței, și tocmai acest patetism a făcut ca literatura rusă să zguduie cititorii din lumea întreagă", și aceasta datorită faptului că scriitorii ruși au știut să extragă toate semnificațiile și temele din timpul în care le-a fost dat să trăiască. Pentru Marin Preda <u>Război și pace</u> era modelul suprem, etalonul de valoare cel mai înalt, "opera... capitală", ce, alături de <u>Mizerabilii</u> lui V.Hugo și <u>Scrisorile</u> eminesciene, constituie o creație "realmente magnifică", care, "pe lîngă puterea și profunzimea inspirației, ne face

să simţim incendiul înalt al conştiinţei neliniştite" a creatorului. După opinia noastră, pe Marin Preda îl apropie de Lev Tolstoi viziunea globală luminoasă asupra existenţei, o poziţie superior umană faţă de destinele şi sensurile adînci ale existenţei. Atitudinea estetică esenţială a scriitorului român este înrudită cu cea tolstoiană, căci şi după Preda arta "este deplină şi misterioasă cînd cumulează puterea imaginativă a sufletului uman şi aspiraţia omului spre perfecţiune". El - scria Eugen Simion - s-a străduit să privească lumea modernă de la înălţimea umanului.

Marea temă "ţărănească" reprezintă un alt moment de apropiere a lui Marin Preda de Lev Tolstoi, dar aceasta nu s-a manifestat în opera scriitorului nostru printr-o stare de spirit idilică, cu aspiraţia spre patriarhal, ci printr-o atitudine modernă, realist-lucidă asupra destinelor lumii săteşti în epoca contemporană.

La Preda, ca şi la Tolstoi, destinele personajelor se împletesc strîns cu evenimentele istorice care nu estompează nicidecum semnificaţia actului individual. Indiferent de subiect, în raza atenţiei lui Lev Tolstoi şi a lui Marin Preda se află mereu problemele grave ale existenţei, "blestematele probleme insolubile", printre care fericirea sau nefericirea omului ocupă locul central. Adevărul în artă constituie unul din principiile fundamentale în concepţia de creaţie a acestor doi scriitori.

Un mare interes a manifestat Preda pentru viaţa lui Lev Tolstoi, care i-a lărgit enorm perspectiva în înţelegerea şi interpretarea operei autorului rus, ce avea o dorinţă nestinsă "de-a trăi într-o mare lumină" şi în a cărui moarte, datorată evadării dintr-o viaţă pe care o respingea în numele principiilor sale, scriitorul român a văzut "un act sublim", "un gest sublim".

La Freda, ca și la Tolstoi, destinul eroilor [illegible]

tesc strîns cu evenimentele istorice etc., cu schimbările [illegible]

semnificația actului individual [illegible]

exemplul lui Lev Tolstoi [illegible] la marile pro-

blemele grave ale existenței, "blestemate" [illegible]

printre care [illegible]

Adevărul în artă constituie unul din principiile [illegible]

concepția de creație a acestor doi scriitori.

Un nou izvor a [illegible] pentru [illegible]

Tolstoi, care i-a lărgit [illegible] perspectivele [illegible]

terpretarea operei autorului [illegible]

trăi într-o [illegible]

dintr-o viață pe care o [illegible]

scriitorul [illegible] a văzut [illegible]

IУ. ИЗ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ КАФЕДРЫ

MASĂ ROTUNDĂ

NOUA GRAMATICĂ ACADEMICĂ A LIMBII RUSE (1980). PRIVIRE ANALITICĂ

Sub redacţia lui Victor Vascenco

Introducere

În sala de consiliu a Facultăţii de limbi şi literaturi străine a Universităţii din Bucureşti a avut loc în ziua de 9 februarie 1983 o Masă rotundă pe tema din titlul acestui grupaj, la care a participat un numeros public: reprezentanţi ai catedrelor de limbi străine din facultate, ai instituţiilor de învăţămînt superior din Bucureşti şi alte centre universitare, cadre didactice din învăţămîntul gimnazial şi liceal, cercetători ştiinţifici ai Institutului de lingvistică din Bucureşti, reprezentanţi ai Inspectoratului şcolar municipal, studenţi ai facultăţii şi elevi din clasele terminale ale liceului "Zoia Kosmodemianskaia" din Bucureşti. La lucrările reuniunii a asistat, ca invitat, Iurii Valentinovici Gherasin, ataşat cultural al Ambasadei U.R.S.S. în R.S.România.

Reuniunea a avut loc din iniţiativa Catedrei de filologie rusă a Facultăţii de limbi şi literaturi străine (organizator al Mesei rotunde: conf.dr.doc. Victor Vascenco), urmărind punerea în evidenţă a importanţei - pentru cadrele didactice şi cercetătorii ştiinţifici - a noii gramatici academice a limbii ruse din 1980 (Akademija nauk SSSR, Institut russkogo jazyka, Russkaja grammatika, 2 vol., Moscova, Editura "Nauka", 1980, 783 p. + 709 p.) şi valorificarea unor aspecte teoretice şi pragmatice ale acestei lucrări în practica predării limbii ruse ca limbă străină.

După un cuvînt de deschidere rostit de conf. dr. Ion Oiţă, şeful Catedrei de filologie rusă, urmat de o comunicare introductivă (conf. dr. Victor Vascenco, Privire de ansamblu asupra Gramaticii ruse din anul 1980), au fost pe larg pre-

zentate 8 referate de detaliu axate, primele şapte, pe cîte un compartiment (capitol sau secţiune) din GR (vezi lista abrevierilor de la sfîrşitul grupajului), reflectînd în consecinţă ordinea firească a secvenţelor din cele două volume ale lucrării. Autorii contribuţiilor de mai jos sînt următorii: prof.dr.Ecaterina Fodor, Fonetica şi fonologia în GR; conf.dr. Maria Dumitrescu, Accentul şi intonaţia în GR; prof.dr. Ecaterina Fodor şi lector S.Wolf, Morfemica şi formarea cuvintelor în GR; lector dr. Mircea Gheorghiu şi asist.dr. Autica Braşoveanu, Morfologia în GR; lector dr. Anatol Pedestraşu, Raporturile sintactice (dintre cuvinte) şi îmbinările de cuvinte în GR; lector dr. Solomon Vaimberg şi lector Romeo Chivescu, Propoziţia în GR; conf.dr. Ion Oiţă, Fraza în GR. Seria contribuţiilor se încheie cu referatul asist. Paraschiva Şerbănescu, consacrat terminologiei lingvistice din acest tratat.

La discuţii au participat specialişti în domeniul limbii ruse, ai altor limbi slave şi ai limbilor romanice. Astfel, asist.dr. Constantin Dominte s-a referit la unele raporturi cantitative în gramatică şi fonologie; lector dr. Dimitrie Cazacu (Universitatea din Braşov) a adus în discuţie aspectul verbal rus şi slav, în general, în lumina teoriei opoziţiei privative dintre perfectiv şi imperfectiv; lector dr. Andrei Ivanov a evidenţiat faptul că referatele prezentate în cadrul reuniunii constituie importante studii de ansamblu şi de detaliu care merită să vadă lumina tiparului, iar prof.dr.doc. Pandele Olteanu a subliniat o serie de aspecte noi, interpretabile - după părerea d-sale - ca transformări radicale ale GR comparativ cu varianta acesteia din 1970.

Victor Vascenco: PRIVIRE DE ANSAMBLU ASUPRA GRAMATICII RUSE DIN 1980

Pentru a oferi o imagine de ansamblu a GR, vom încerca, în cele ce urmează, să trecem în revistă, evident pe scurt, următoarele aspecte propedeutice : structura GR (secțiuni și capitole), conceptul de gramatică în viziunea autorilor GR, tradiția academică în elaborarea tratatelor de gramatică, istoricul redactării GR, privire comparativă (inclusiv sub raport metodologic) asupra GR și a gramaticii academice precedente, probleme de metalimbaj, aspecte critice.

1. În răstimpul celor 228 de ani de tradiție academică în domeniul studiului sistematic al elementelor constitutive ale limbii ruse au apărut, din cîte știm, șase gramatici descriptive mai importante, prima fiind tipărită la mijlocul secolului al XVIII-lea (M.V.Lomonosov, Rossijskaja grammatika, Sankt-Petersburg, 1755), iar penultima în anii '50 ai secolului nostru: Grammatika russkogo jazyka, 2 vol., Moscova, 1952-1954, lucrare colectivă, reeditată în 1960.

Cea mai recentă gramatică academică (Russkaja grammatika, 2 vol., Moscova, 1980, la rîndul ei lucrare colectivă) reia o denumire mai veche, folosită de A.Ch.Vostokov în prima jumătate a secolului trecut (Russkaja grammatika po načertaniju sokraščennoj grammatiki, polnee izložennaja, Sankt-Petersburg, 1831), fiind elaborată sub egida Institutului de limba rusă al Academiei de Științe a URSS și sub îngrijirea unui comitet de redacție format din șapte membri, în frunte cu Natalija Jul'evna Švedova, redactor principal.

Lucrarea constă din două volume, care înmănunchează aproape 1500 de pagini de format mare (in-quarto: 26 x 20), gruparea și de-

numirea principalelor secţiuni fiind următoarea. În vol. I: Fonetică (p. 14-68), Fonologie (p. 69-89), Noţiuni generale privind accentul (p. 90-95) şi Intonaţie (p. 96-122); Noţiuni de bază din domeniul morfemicii (p. 123-132) şi Formarea cuvintelor (p. 133-452); în sfîrşit, Morfologie (p. 453-736). Volumul II, consacrat în întregime sintaxei, constă din următoarele secţiuni: Raporturile de subordonare (dintre cuvinte) şi îmbinările de cuvinte (p. 13-82), Propoziţia (p. 83-460) şi Fraza (p. 461-656). Toate aceste secţiuni se grupează, în ultimă instanţă, în jurul a patru mari capitole: fonetica şi fonologia; morfemica şi formarea cuvintelor; morfologia; sintaxa.

2. După cum reiese din cele de mai sus, termenul gramatică este folosit în sens larg, căci, în afara elementelor constitutive ale gramaticii propriu-zise, GR mai conţine o serie de alte secţiuni, unele dintre acestea (intonaţia, morfemica ş.a.) figurînd acum pentru prima oară într-o lucrare ca cea de faţă. Astfel stînd lucrurile, GR cuprinde mai toate nivelurile limbii: dacă i s-ar adăuga vocabularul (şi, eventual, unele secţiuni aplicative: ortoepia şi ortografia), am avea de a face cu un tratat complet de limbă rusă literară contemporană.

Dar, în afara acestei viziuni, potrivit căreia gramatica este concepută în sens larg (cf. titlul GR: Russkaja grammatika), în vol. I, la p. 8, ne întîmpină şi un alt concept, materializat în întreaga lucrare, începînd cu p. 123, potrivit căruia "... častnymi sistemami vnutri grammatiki javljajutsja slovoobrazovanie, morfologija i sintaksis" (în cadrul gramaticii se disting, aşadar, ca sisteme particulare formarea cuvintelor, morfologia şi sintaxa). Gramatica este privită, prin urmare, sub două unghiuri: lato sensu (ca în toate gramaticile academice ruseşti, inclusiv în cea de faţă, dar prin extinderea domeniului foneticii-fonologiei pe seama

intonației) și stricto sensu (morfologie, sintaxă și formarea cuvintelor, la rîndul ei capitol de sine stătător).

3. Cîteva cuvinte despre academismul gramatical (evident, în sensul favorabil al termenului), căci gramatica de care ne ocupăm se încadrează, ca spirit și orientare, în domeniul lucrărilor de tip academic. Se știe că atît cele mai vechi academii moderne, cu deosebire cele cu caracter național (de ex., Academia din Paris, datînd din secolul al XVII-lea, Academiile din Berlin și Petersburg, fondate la începutul secolului al XVIII-lea etc.), cît și cele mai noi (de ex., Academia Română, înființată în a doua jumătate a secolului trecut) au avut, la început, preocupări strict filologice, vizînd mai ales elaborarea unor dicționare și gramatici ale limbii comune, cu deosebire ale celei literare. Deși, cu timpul, sfera de interese a acestor foruri s-a extins considerabil, perfecționarea exprimării literare și codificarea ei în lucrări normative și de cultivare a limbii continuă să rămînă, în numeroase țări, o preocupare academică de căpătîi. Dar realizarea acestui deziderat, am zice unanim, se face pe baza unor opțiuni diferite: dacă aproape pretutindeni norma lingvistică se difuzează în scris mai ales prin lucrări lexicografice de tip academic (prevăzute cu un aparat din ce în ce mai perfecționat de indicații gramaticale, stilistice etc.), nu toți sînt de acord cu faptul că acest lucru ar trebui realizat și prin tratate teoretice de același tip.

E cazul să menționăm că, în țările slave, academismul gramatical (spre deosebire de cel lexicografic) se manifestă destul de diferit și, în multe cazuri, nu constituie o preocupare științifică dirijată. Într-adevăr, dacă pentru domeniile rus, ucrainean, bielorus, slovac și bulgar dispunem de gramatici academice mai

vechi sau mai noi — lucrări, de regulă, colective, elaborate din inițiativa și sub egida respectivelor academii de științe de-a lungul unei perioade de timp relativ lungi, avînd o vădită orientare teoretică și totodată normativă, de o remarcabilă corectitudine stilistică, pentru celelalte limbi (cehă, polonă, sorabă, macedoneană, sîrbocroată și slovenă), iar acestea, după cum se vede, sînt numeric dominante, nu putem semnala - cel puțin deocamdată - asemenea lucrări.

De fapt, minusul menționat mai sus este destul de relativ, căci problemele fundamentale ale gramaticii cutărei sau cutărei limbi slave sînt înfățișate, în cel de-al doilea caz, în lucrări de regulă individuale, unele de o deosebită profunzime, a căror valoare se ridică nu rareori la nivelul tratatelor academice propriu-zise. Am putea cita, de ex., pentru domeniul sîrbocroat: gramatica și stilistica lui Tomo Maretić (ed. întîi, 1899), în care sînt codificate normele limbii literare în viziunea lui Vuk Karadžić, sau lucrarea în două volume a lui Mihajlo Stevanović (ed. a doua, 1969-1970); pentru domeniul ceh: lucrarea lui B.Havránek și A.Jedlička, Česká mluvnice (ed. a treia, Praga, 1970), care a adus și aduce servicii reale mai ales învățămîntului liceal, gramatica limbii cehe literare în două volume, elaborată de Fr.Trávníček (ed. a treia, Praga, 1951, tradusă în rusă) ș.a. Evident, asemenea lucrări pot fi semnalate și în primul caz, adică în condițiile tradiției academice, și nu vom aminti aici decît o singură lucrare de acest gen, Russkij jazyk. Grammatičeskoe učenie o slove (ed. întîi, Moscova-Leningrad, 1947), pentru care autorul ei, regretatul acad. V.V.Vinogradov, a fost distins cu premiul "M.V.Lomonosov" și care, în virtutea originalității și valorii sale, și-a lăsat amprenta asupra unor secțiuni de primă importanță din ambele gramatici academice ruse.

În condiţiile lingvisticii ruse, gramaticile strict academice şi cele elaborate în afara Academiei de Ştiinţe, nu rareori chiar de către membri ai acestui for (de ex., lucrarea lui V.V.Vinogradov menţionată mai sus), au coexistat şi s-au influenţat reciproc, dînd naştere unui spirit de emulaţie, al cărui beneficiar a fost întotdeauna gramatica practică de tip şcolar şi cultura lingvistică în genere.

4. Ţinînd seama de tradiţiile îndelungate ale academismului gramatical rus, o lucrare de proporţiile celei în discuţie nu putea fi elaborată fără o pregătire minuţioasă. Într-adevăr, în cei aproximativ 25 de ani care au trecut de la apariţia penultimei gramatici academice (GRJa) s-au scris numeroase studii şi cercetări, de ansamblu şi de detaliu, pe baza cărora a fost editat un prospect, Osnovy postroenija opisatel'noj grammatiki sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (Moscova, Editura "Nauka", 1966), menit a pregăti fundamentele unei lucrări teoretice cu caracter e x p e r i m e n t a l: Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka (redactor responsabil N.Ju.Švedova, Moscova, Editura "Nauka", 1970). Această lucrare, care a stat la îndemîna specialiştilor timp de aproape zece ani şi asupra căreia s-a scris un număr apreciabil de dări de seamă (cunoaştem, personal, nouă recenzii apărute în URSS, R.S.România şi în alte ţări), poate fi considerată un exemplar "de probă" al actualei gramatici academice.

GR a fost elaborată, cu cîteva excepţii, de colectivul de autori ai lucrării experimentale din 1970, la care s-a alăturat o serie de specialişti, în general tineri, continuitatea asigurîndu-se, între altele, prin menţinerea aceluiaşi redactor principal, N.Ju.Şvedova (unul din coautorii gramaticii academice din 1952-1954 şi redactor responsabil al Gramaticii din 1970 şi al GR)

În elaborarea actualei gramatici, care, spre deosebire de varianta ei din 1970, este nu numai descriptivă, ci şi n o r m a t i v ă (prin indicaţii stilistice, ortoepice şi de altă natură, unele din ele avînd caracter permisiv, prin selectarea formelor şi recomandarea celor de uz comun), prezentarea faptelor de limbă a fost considerabil revizuită, s-au soluţionat o serie de inconsecvenţe şi nepotriviri între capitole şi, mai ales, s-a augmentat materialul faptic din gramatica-prototip, inclusiv prin redactarea unor noi secţiuni. Astfel, aspectul verbal, problemă de bază a gramaticii ruse, este prezentat acum în lumina unei viziuni omogene şi consecvente prin reliefarea caracterului său m o r f o l o g i c (caracter pe care aspectul verbal îl are în toate limbile slave), iar categoria modalităţii acţiunii verbale (rus. sposob glagol'nogo dejstvija), a cărei esenţă este semantică şi derivativă, este înfăţişată mai pe larg şi mai precis (sînt descrise 18 modalităţi: incoativă, limitativă, finitivă, instantanee, iterativă etc.). S-a revizuit şi conceptul de limbă rusă c o n t e m p o r a n ă, în sensul acceptării tezei mai vechi, potrivit căreia este vorba despre o perioadă relativ întinsă, de aproximativ 150 de ani, adică din epoca creaţiei lui A.S.Puşkin pînă în zilele noastre. Cu alte cuvinte, conceptul de limbă 'contemporană', sincronic în sinea sa, nu exclude dinamica unor prefaceri diacronice în diferite etape circumscrise acestei noţiuni, inclusiv în cea actuală.

Menţionăm, în altă ordine de idei, că, tot spre deosebire de gramatica-prototip din 1970, găsim acum şi liste bibliografice, conţinînd numeroase lucrări de referinţă ruseşti şi străine (în vol. I la p. 5, 7, 737-742, iar în vol. II la p. 657-662), de asemenea un indice de materie detaliat (în vol. I la p. 743-753, iar în vol. II la p. 663-686).

5. Am raportat pînă aici (sub 4) GR din 1980 la prototipul ei experimental din 1970 (GSRLJa). S-ar impune acum o comparaţie, fie chiar sumară, cu precedenta gramatică academică, cea din 1952-1954, reeditată în 1960 (GRJa). Evident, în acest caz gradul de contrastivitate creşte considerabil, în primul rînd sub raport m e t o d o l o g i c, căci,spre deosebire de gramatica academică din 1952-1954, tradiţională în esenţa ei, cu influenţe hotărîtoare asupra manualelor şcolare apărute pînă prin 1970, GR adoptă, ca teorie şi metodă, un punct de vedere cvasistructuralist, de intensitate şi întinderi diferite de la un capitol la altul.

Astfel, la baza fonologiei se află principiile structuralismului funcţional al Şcolii fonologice de la Moscova (R.I.Avanesov ş.a.),(spre deosebire de GRJa, în care sistemul fonematic era descris potrivit concepţiei Şcolii fonologice de la Leningrad: L.V. Ščerba ş.a.), capitolele de formare a cuvintelor, de morfologie şi sintaxă - în esenţă descriptiviste (dar fără a se neglija semantica) - conţin elemente de structuralism, am zice de structuralism moderat, vădind în majoritatea cazurilor o estompare a opoziţiei dintre lingvistica tradiţională şi cea structuralistă (tendinţă, de altfel, firească acum, după cum sublinia nu demult Eugen Coseriu, pentru ştiinţa limbii din ultimul deceniu). În toate cazurile şi la toate nivelurile limbii se adoptă o serie întreagă de realizări ale lingvisticii moderne, cu luarea în considerare a ambelor coduri (codul scris şi cel oral), de ex. în tratarea problemelor de formare a cuvintelor. În schimb, fonologia se bazează, aproape în întregime, pe varianta scrisă a limbii literare actuale, în timp ce subcapitolul de intonaţie are în vedere, fireşte, exclusiv varianta orală a limbii. Se face distincţia cuvenită între limbă ca sistem şi actualizarea sistemului, i.e. vorbirea. Sînt detaliat prezentate diferitele subsisteme, relaţiile dintre ele şi procedeele de descriere a acestora.

Deosebirile vizează şi unele aspecte c a n t i t a t i v e Spre deosebire de gramatica academică de acum 30 de ani, sintaxa - care ocupa pe atunci cele două tomuri ale volumului al doilea - este prezentată acum mult mai compact, de asemenea morfologia, care a fost degrevată de descrierea fenomenelor derivative (şi a formării cuvintelor în genere). În schimb, fonetica şi fonologia au fost amplificate în mod considerabil. Formarea cuvintelor a devenit capitol de sine stătător, iar patru secţiuni (intonaţia, morfemica, morfonologia şi raporturile sintactice dintre cuvinte) reprezintă e l e m e n t e n o i, tratate pentru prima oară în cadrul capitolului de fonetică şi fonologie, respectiv la formarea cuvintelor şi sintaxă.

Trebuie să subliniem că linia de demarcaţie dintre capitole - sau, în orice caz, dintre unele din capitolele GR - nu este totdeauna tranşantă, lucru deosebit de important, ca orientare, pentru cititorul neavizat. Astfel, problema îmbinărilor de cuvinte, în afara capitolului respectiv, mai este tratată şi în cadrul capitolului Prostoe predloženie ("Propoziţia"), şi anume la p. 137-143; unele probleme de morfologie (cum ar fi valorile sintactice ale timpurilor şi modurilor, formele cazuale ale substantivelor şi ale pronumelor substantivale) sînt examinate în capitolul Sintaksis ("Sintaxa"), şi anume la p. 245-248, 424-457 ş.a. din volumul al doilea. Acest specific a impus utilizarea unui sistem, în general judicios şi economic, de t r i m i t e r i de la un capitol la altul sau, în cadrul aceluiaşi capitol, de la o problemă la alta. Astfel, la verbele în -sja/-s', a căror formare este examinată în capitolul formării cuvintelor (vol. I, § 930), se indică spre consultare aspectul semantic gramatical al aceloraşi verbe, expus în vol. I, paragrafele 1461 şi 1469, adică în capitolul de morfologie.

Tratarea materialului în capitole de mari proporţii a impus, sub raport redacţional, inserarea unor secvenţe cu caracter c o n-

c l u s i v ş i g e n e r a l i z a t o r, în care sînt expuse sintetic principalele aspecte ale problemei. De ex., în vol. I, la p. 392-398, sînt prezentate succint şi sistematic toate sensurile derivative ale verbelor formate de la teme nominale, verbale şi interjecţionale, rezumat sui-generis obţinut prin "distilarea" semantică a chestiunilor din numeroasele paragrafe anterioare.

Avînd în vedere cele două coduri cu care se operează în GR (v. supra), materialul faptic a fost extras atît din limba vorbită, cît şi din limba scrisă, fiind puse la contribuţie – în cea de-a doua situaţie – lucrări literare aparţinînd unui număr de circa 200 de prozatori şi poeţi din secolele XIX-XX. În comparaţie cu gramatica academică precedentă (GRJa), materialul ilustrativ beletristic a crescut considerabil (cu aprox. 40 %), mai ales pe seama s c r i i t o r i l o r d i n s e c o l u l n o s t r u, inclusiv a celor de după cel de-al doilea război mondial, cum ar fi Vasilii Şukşin, Robert Rojdestvenski, Andrei Voznesenski, Valentin Rasputin ş.a. Pe de altă parte, ţinîndu-se seama de limitele istorice ale conceptului de limbă literară contemporană (deci de la A.S.Puşkin pînă în zilele noastre), s-a renunţat la extragerea materialului ilustrativ din opera unor scriitori de la sfîrşitul secolului al XVIII-lea şi începutul secolului al XIX-lea, deci din perioada precontemporană, ca G.R.Derjavin, N.M.Karamzin ş.a. (care figurau în GRJa).

6. După cum arătam mai sus (la începutul pct. 5), o trăsătură pregnantă, de principiu, a GR o constituie tendinţa autorilor de a promova modele noi de descriere, mai mult sau mai puţin formalizate, a faptelor de limbă, menţinînd însă, într-o serie de cazuri, punctul de vedere tradiţional. Acest lucru se reflectă şi în m e t a l i m b a j, domeniu în care întîlnim trei situaţii dominante, tipice:

1. Menţinerea termenilor tradiţionali, de ex.: rod 'gen', čislo 'număr', padež 'caz', vid 'aspect' şi mulţi alţii din domeniul morfologiei; podležaščee 'subiect', skazuemoe 'predicat', slovosočetanie 'îmbinare de cuvinte' ş.a. din domeniul sintaxei.

2. Introducerea unor termeni neologici, de ex.: rasprostranjajuščie členy predloženija 'părţi de propoziţie amplificatoare' (în locul termenului tradiţional vtorostepennye členy predloženija 'părţi de propoziţie secundare'), determinant 'determinant' (î.l.d. dopolnenie 'complement necircumstanţial' şi obstojatel'stvo 'complement circumstanţial') ş.a.

3. Folosirea paralelă, cu aceeaşi valoare, a termenului neologic şi a celui tradiţional, de ex.: sočinitel'nye rjady 'serii (de cuvinte) formate prin coordonare' şi odnorodnye členy predloženija 'părţi de propoziţie multiple'; komparativ 'gradul comparativ' şi sravnitel'naja stepen' 'id.' etc.

7. Desigur, în structura unei lucrări de mare întindere, la elaborarea căreia au participat numeroşi coautori (printre aceştia nu figurează, dacă nu ne înşelăm, nici un academician), în general cercetători tineri (în total 16), nu pot să nu existe şi unele limite sau părţi discutabile, cum ar fi: tratarea inegală, sub raportul importanţei, a unor aspecte de morfologie; omiterea unor chestiuni de sintaxă ca, de pildă, raporturile de coordonare (în GR se discută - la nivelul îmbinărilor de cuvinte - numai raporturile de subordonare); neglijarea unor precizări metodologice de principiu în domeniul morfemicii şi al formării cuvintelor; prezenţa unor inconsecvenţe de metalimbaj (de ex., termenul slovoforma este vehiculat cînd cu sensul de 'una din formele cuvîntului', deci uzual, cînd cu sensul de 'cuvînt', deci impropriu); pulverizarea, insuficient de justificată, a unor părţi de vorbire ca pronumele (o atitudine consecventă în aplicarea criteriului for-

mai ar fi trebuit să ducă la modificarea statutului de părţi de vorbire şi a altor clase eterogene,cum ar fi numeralul sau adverbul) etc.

Important este, însă, altceva: prin rigurozitatea ştiinţifică a expunerii, prin bogăţia şi varietatea materialului ilustrativ, prezentat în lumina principiilor normative, prin tendinţa de exhaustivitate în descrierea sistematică a modelelor morfosintactice, GR se impune ca lucrare de primă i m p o r t a n ţ ă t e o r e t i c ă[1], care deschide noi perspective în cercetarea structurii limbii ruse contemporane, justificînd pe deplin discutarea ei în cadrul unei reuniuni ştiinţifice ca cea de faţă.

*

Referatele prezentate în continuare sînt axate pe compartimente (niveluri ale limbii) şi urmează, în consecinţă, ordinea firească a capitolelor şi a unor secţiuni din cele două volume ale GR. Elaborate de specialişti ai Catedrei de filologie rusă, ele constituie monografii sui-generis, conţinînd observaţii pertinente de principiu şi totodată sugestii cu carcater d i d a c t i c, care vizează valorificarea unor aspecte ale GR în practica predării limbii ruse ca limbă străină.

---

1 Colectivul de autori ai GR I, II a fost distins cu Premiul de Stat al U.R.S.S. pe 1982 (vezi "Russkaja reč'", 1983, nr. 2, p. 16-17, unde se publică şi interviul acordat revistei, cu acest prilej, de către V.V.Ivanov, director adjunct al Institutului de limba rusă al Academiei de Ştiinţe a U.R.S.S.).

Ecaterina Fodor: FONETICA ŞI FONOLOGIA ÎN GR

1. Conform tradiţiei stabilite în decursul elaborării gramaticilor normative ale LR de tip academic, fonetica sau - în cazul GR - fonetica şi fonologia fac parte din inventarul de teme incluse în g r a m a t i c ă.

În capitolul Fonetica şi fonologia din GR, elaborat de O.N. Dmitrenko, fonetica (cap. 1-115, p. 14-68) dispune de un spaţiu mai mare decît fonologia (cap. 116-135, p. 69-89). Fonetica include următoarele paragrafe: Obiectul foneticii (cap. 1, p. 14-15), Transcrierea fonetică (cap. 2-5, p. 15-16), Caracteristica articulatorie a sunetelor (cap. 6-17, p. 16-22), Silaba şi tipuri de silabe (cap. 18-22, p. 22-24), Modificări poziţionale (cap. 23-32, p. 24-29), Îmbinările de sunete din cadrul formelor de cuvinte (cap. 33-115, p. 29-68.

Subcapitolul Fonologia cuprinde: Obiectul fonologiei (cap. 116-123, p. 69-72), Caracteristicile fonemelor (cap. 124-129, p. 73-76), Inventarul fonemelor (cap. 130-134, p. 76-88) şi Fonemele şi raportul lor faţă morfem. Transcrierea morfematică (cap. 135, p. 88-89).

2. Comparînd sumarul problemelor cuprinse în capitolul amintit din GR cu problematica analoagă din GRJa şi GSRZJa, putem constata o serie de elemente noi în interpretarea sunetelor limbii ruse şi, mai ales, în analizarea lor în cadrul fluxului verbal şi pe plan funcţional (fonologic). De pildă, în GRJa fonetica este considerată drept o disciplină lingvistică unitară, nefăcîndu-se deosebire între sunet şi fonem, iar GSRZJa nu oferă decît o prezentare succintă (p. 7-29) a noţiunilor de bază ale fonologiei LR literare contemporane.

Deci, putem considera că GR a făcut un pas înainte în descrierea nivelului fonic al limbii ruse, fapt care se datorează, fără îndoială, rezultatelor obţinute în cercetarea ştiinţifică a acestui domeniu, oglindite în numeroase monografii, studii şi articole apă-

rute în anii '60-70 în Uniunea Sovietică şi în alte ţări.

3. Fonetica este caracterizată drept o secţiune a lingvisticii "care studiază sunetele în fluxul vorbirii, combinarea lor şi modificările lor poziţionale" (p. 14). Sunetele LR sînt analizate din punctul de vedere al trăsăturilor lor articulatorii, evidenţiate prin numeroase desene şi tabele sinoptice. Din triada caracteristicilor sunetelor limbii (trăsături articulatorii, acustice şi funcţionale) autorul ia în discuţie numai două din ele: cele articulatorii şi funcţionale.

După cum se ştie, acustica sunetului a făcut obiectul unor numeroase studii în domeniul fizicii acustice (v. amplul studiu al inginerului acustician suedez C.Gunnar M. Fant /AF /,colaboratorul unor lingvişti de seamă, cum sînt, bunăoară, Roman Jakobson şi Morris Halle). Ca rezultat al colaborării lor a apărut în 1955 Preliminaries to Speech Anglysis. The Distinctive Features and Then Correlates, lucrare de referinţă în cercetările fonologice din întreaga lume.

Pe baza cercetărilor acustice au fost stabilite în PSA trăsăturile distinctive ale sunetelor. Conceptul de bază privind acestea din urmă a fost dezvoltat în lucrările de fonetică şi fonologie ale lui R.Jakobson şi M.Halle (v. de pildă, PR) şi preluate în mai multe lucrări ale fonologilor contemporani.

Printre primele cercetări ale aspectului acustic al sunetelor LR se numără lucrările lingviştilor sovietici L.A.Varşavski şi I.M.Litvak (IFS), L.V.Zlatoustova (FS), L.V.Bondarko (ZS) ş.a.

Triada caracetristicilor sunetului a devenit o axiomă în lingvistică şi, după părerea noastră, n-ar trebui să fie neglijată, mai ales, în lucrări cu caracter normativ, cum este GR. Acest concept este oglindit chiar în lucrările didactice destinate învăţămîntului superior (v., de pildă, lucrarea cercetătoarei M.I.Matusevici / FI / sau cea a lui M.V.Panov/FI/ ş.a.).

Analiza acustică este o parte integrantă a descrierii sune-

telor limbii, întrucît contribuie la determinarea mai exactă a trăsăturilor lor distinctive, la stabilirea unor interdependenţe între vocale şi consoane avînd caracter de sistem.

4. Paragrafele cuprinse în subcapitolul Silaba şi tipuri de silabe prezintă silabe deschise şi închise, accentuate şi neaccentuate, silabe la începutul cuvîntului şi în alte poziţii.

Schimbările poziţionale ale sunetelor se referă atît la schimbările vocalelor, cît şi la cele ale consoanelor. Variantele poziţionale ale vocalelor în poziţia sub accent se realizează în cele 6 poziţii tipice stabilite încă de R.I.Avanesov (FR): 1. α, αt; 2. tαt, tα ; 3. αt'; 4. tαt'; 5. t'α t, t'α ; 6. t'α t'[2].

Sînt descrise în mod detaliat şi schimbările vocalelor în poziţie protonică şi posttonică, care contribuie la schimbările cantitative şi calitative ale vocalelor.

Pentru schimbarea consoanelor sînt determinate 6 poziţii: 1. la sfîrşitul cuvîntului; 2. înaintea consoanelor surde sau sonore, cu excepţia consoanelor В, В' ; 3. înaintea consoanelor dentale palatale; 4. înaintea consoanelor labiale palatale; 5. înainte de Ч, Щ'; 6. înainte de Ш, Ж, С, З.

5. Cel mai mare spaţiu este acordat Îmbinării sunetelor în formele cuvintelor (p.29-68). In privinţa vocalelor, pentru LR sînt caracteristici îmbinări de tipul: V + V (аул), V + V + V (радиоузел). Se îmbină vocalele accentuate şi neaccentuate. Îmbinările mixte sînt prezentate prin C + V, unde C poate fi nepalatală (дым) sau palatală (век), iar V - accentuată sau neaccentuată (/дым /ный , / ды/мок) etc. Modelele de îmbinare a consoanelor sînt urmatoarele: CC, CCC, CCCC, CCCCC (стол , страна ,вспякнуть , мудрствовать

6. Fonologia are drept obiect de studiu acele unităţi ale limbii, fonemele, care participă la construirea formelor cuvintelor

---

[2] α = orice vocală sub accent; t = consoană dură; t' = consoană palatală.

şi la diferenţierea lor fonică (v. <u>Obiectul foneticii</u>). O.N.Dmitrenko exclude din definiţia fonemului funcţia lui indirect significativă, aspect discutat şi dezvoltat în lucrările fonologilor ruşi şi sovietici începînd cu lucrarea lui L.V.Şcerba (RG) apărută în 1912. L.V. Şcerba, ca şi ulterior R.I.Avanesov, au subliniat că între fonem şi sensul cuvintelor există o relaţie indirectă.

Posibilităţile de diferenţiere a fonemului sînt condiţionate de poziţia lui în formele cuvintelor. Autorul prezintă două poziţii de bază: 1. <u>poziţia de diferenţiere maximală</u> şi 2. <u>poziţia de diferenţiere minimală</u>. În primul caz se realizează cea mai mare parte a fonemelor. Pentru fonemele vocalice poziţia de diferenţiere maximală este poziţia sub accent (pentru toate fonemele), iar pentru fonemele consonantice această poziţie este considerată poziţia dinaintea vocalelor. Rezultatele realizării în aceste poziţii sînt <u>fonemele forte</u> (<u>сильные фонемы</u>) şi fonemele slabe (<u>слабые фонемы</u>). Caracterul poziţiei condiţionează realizarea <u>variantelor fonemelor forte</u> şi a <u>variantelor fonemelor slabe</u>, în strictă dependenţă de ocurenţa fonemelor (în poziţia prepusă, postpusă sau în ambele simultan).

Paragrafele referitoare la <u>trăsăturile fonemelor</u> analizează trăsăturile constitutive ale fonemelor LR literare, interpretate drept trăsături permanente,independente de poziţia lor în formele cuvintelor (p. 73). Pe această bază fonemele vocalice sînt organizate după gradul de deschidere, care este comun tuturor fonemelor vocalice din LR, şi după prezenţa sau absenţa labializării. Astfel, /a/ este o vocală nelabializată, deschisă; /o/ - o vocală labializată, cu apertură medie; /e/ - o vocală nelabializată, cu apertură medie; /y/ - o vocală labializată, cu apertură închisă; /и / - o vocală nelabializată, cu apertură închisă (v. tabelul 7).

Fonemele consonantice sînt organizate pe baza a patru trăsături constitutive: 1. sonoritate - nonsonoritate; 2. palatalizare - nonpalatalizare; 3. mod de articulare; 4. localizare (v. tabelul 8).

7. Inventarul fonemelor (v. subcapitolul omonim din GR) cuprinde atît fonemele vocalice şi consonantice, cît şi fonemele slabe (v. tabelele 9 şi 10). După cum reiese din ambele tabele, inventarul fonemelor în LR literară prezintă suma fonemelor forte şi a fonemelor slabe. În fonologia rusă modernă inventarul fonemelor se determină şi exclusiv pe baza statutului fonemelor forte[3].

Divergenţele dintre aceste două modalităţi de a aborda inventarul fonemelor LR literare au la bază modul diferit de interpretare a statutului fonemului însuşi, excluzînd sau, dimpotrivă, incluzînd în noţiune şi funcţia sa significativă indirectă. Comp. definiţia lui O.S.Dmitrenko: "Fonemele sînt unităţi fonice individuale ale limbii, care servesc la alcătuirea formelor cuvintelor şi la diferenţierea învelişurilor lor sonore" (p. 69).

De fapt, definiţia fonemului din GR se bazează pe conceptul emis de R.I.Avanesov (v. FR, p. 15). Lingvistul sovietic nu exclude însă legătura indirectă a învelişului sonor cu sensul cuvîntului: ". . . deşi între fonem şi sens există o strînsă legătură, totuşi această legătură nu este directă, ci indirectă: fonemele diferenţiază nu sensul cuvintelor, ci numai învelişul sonor al acestora" (FR, p. 15). Totodată R.I.Avanesov recunoaşte, ca un pas înainte în dezvoltarea conceptului de fonem, includerea în noţiunea lui de către L.V.Şcerba a criteriului de diferenţiere semantică a cuvintelor (FR, p. 14).

Privind inventarul fonemelor ca sumă a fonemelor forte şi a fonemelor slabe, O.S.Dmitrenko în comentariul său acordă o atenţie primordială poziţiilor fonemelor. Pentru vocale sînt relevante poziţiile sub accent ca poziţii forte şi poziţiile neaccentuate - ca poziţii slabe. În distribuirea vocalelor pe plan liniar este importantă

---

[3] Vezi, de pildă, R.I.Avanesov (RF): "Состав фонем /при наличии сильных и слабых фонем/ - это состав сильных фонем, но не совокупность сильных и слабых фонем". (p. 33)

vecinătatea consoanelor. Astfel, pentru vocalele LR literare contemporane sînt marcate 6 poziţii de bază în care se realizează fonemele forte şi variantele lor: 1. α t; 2. α t'; 3. tα t, tα ; 4. tα t'; 5. t'α t, t'α ; 6. t'α t'. În poziţia neaccentuată fonemele vocalice au variante, de fapt, diverse realizări fonice.

Inventarul fonemelor consonantice, compus din 37 foneme forte şi un număr însemnat de foneme consonantice slabe, se bazează pe distribuirea lor liniară, fiind importantă vecinătatea vocalelor sau consoanelor. Vocalele, cu excepţia fonemului vocalic e, contribuie la realizarea fonemelor consonantice forte.

Fiecare realizare a fonemului în poziţia respectivă este comentată pe baza unor exemple concrete.

8. Subcapitolul Fonologia se încheie cu pragraful intitulat: Fonemele în raport cu morfemele. Transcrierea morfematică, ultima fiind raportată la redarea fonemelor forte şi a fonemelor slabe în cadrul morfemelor, avînd poziţie identică în diferite forme ale cuvintelor. Transcrierea morfematică are caracter fonematic generalizat, făcînd abstracţie de poziţiile fonologice ale fiecărui morfem. De pildă, în seria formelor cuvintelor de tipul: воды, вода, воде, /по́/ воду, вод, водовоз morfemul / вод- / este considerat drept morfem de bază, fonematic poziţional necondiţionat. Această serie de forme ale cuvintelor va avea următoarea notaţie morfematică: /воды/, /вода/, /воде/, /по́/ /воду/, /вод/овоз. În cadrul morfemului respectiv apar în diferite poziţii fonologice foneme forte şi slabe care formează serii de tipul: /о/ /α/ /α_1/ şi /Д / /Д$_1$/ // /Т /.

9. În concluzie, capitolul Fonetica şi fonologia din GR se caracterizează prin claritatea expunerii, bogăţia materialului lingvistic, demostrînd că LR este un sistem în care un loc bine determinat îl ocupă sistemul fonetic. La baza unităţilor lingvistice superioare stau fonemele, învelişul lor sonor, fără de care n-ar exista aceste unităţi, n-ar exista limba ca mijloc de comunicare între

oameni. Acest capitol din GR prezintă încă o variantă posibilă a interpretării conceptului de fonem, a interdependenţei dintre sunet şi fonem.

Maria Dumitrescu: ACCENTUL ŞI INTONAŢIA ÎN GR

1. Ne vom opri, în cele ce urmează, asupra a două capitole de întindere mai mică, dar de real interes, ele fiind intim legate de fonetica şi fonologia propriu-zisă, de care s-a ocupat ceva mai sus colega noastră Ecaterina Fodor. Este vorba despre Noţiuni fundamentale privind accentul (p. 90-95) şi Intonaţie (p. 96-122), primul capitol fiind scris de M.S.Suchanova, iar cel de-al doilea de E.A.Bryzgunova.

2. M.S.Suchanova porneşte de la evidenţierea fonetică a silabei, adică de la conceptul de accent (în rusă, ударение sau, mai rar, акцент) şi de silabă accentuată (ударный слог). La nivelul terminologiei şi a noţiunilor domeniului se face, de asemenea, distincţia dintre fenomen (inclusiv între tipurile de accent) şi disciplina care studiază acest fenomen, accentologia.

Se subliniază faptul că în LR accentul este dinamic-cantitativ, silabele putînd fi accentuate sau neaccentuate. Două cuvinte (un auxiliar şi un cuvînt de sine stătător) alcătuiesc un cuvînt fonetic (de ex., na-gα-ré). Forma cuvîntului care nu beneficiază de accent se poate situa înainte sau după cuvîntul accentuat (distingem, aşadar, cuvinte proclitice şi enclitice). Accentul poate fi normal sau slab (secundar). Slab accentuate pot fi instrumentele gramaticale, cuvintele relative, pronumele personale sau posesive, numeralul simplu în îmbinare cu substantivul, formele verbului быть 'a fi', particulele, cuvintele incidente, unele părţi (componente) ale cuvîntului.

În cuvintele compuse se pot distinge: un accent normal (principal, propriu) şi unul secundar (de ex., дàльневосто́чный). În LR accentul nu dispune de un loc fix, deci accentul este mobil.

Accentul poate varia, oscila. Putem distinge, în cadrul normei, variante ale accentului (творо́г şi тво́рог).

Autoarea menţionează prezenţa în LR a accentului <u>final</u> şi <u>nonfinal</u>, a accentului pe <u>prima</u> silabă şi pe <u>alte</u> silabe. Tipurile de accent sînt notate cu literele alfabetului latin (A, B, C, D) şi se detaliază în cadrul părţilor de vorbire (substantiv, verb etc., deci în capitolul <u>Morfologie</u>). Se face precizarea că, pentru siguranţă, este necesar un control pe baza dicţionarelor explicative, ortoepice şi gramaticale (am adăuga aci şi necesitatea utilizării lucrării <u>Словарь сокращений русского языка</u>, Moscova, 1977).

Tipurile de accent consemnate de RG pentru substantiv, de pildă (p. 511), sînt următoarele (schema noastră - M.D.):

productive { ← A знак (зна́ка, зна́ку)
← B стол (стола́, столу́)
B_1 конь →
B_2 гора́ →
← C го́род
C_1 зуб →
D труба́ →
D_1 душа́ → } neproductive

Adjectivul dispune de un alt sistem al accentului: A/A[4], A/B, A/C, B/B, B/C (p. 567), ca şi numeralul (A, B, B_1), verbul (A, B, C, D + participiul şi gerunziul); nu dispun de indicaţii speciale cu privire la accent: adverbul, prepoziţia, conjuncţia, particulele şi interjecţia.

Capitolul se remarcă prin bogăţia exemplelor, prin detalierea situaţiilor supuse analizei, printr-un caracter normativ deosebit. Expunerea este sobră, logică şi clară. Terminologia se

[4] Litera a doua indică un <u>subtip</u>.

precizează adeseori în mod explicit, menţinîndu-se în general la nivelul celei utilizate în GSRLJa din 1970.

Mai au nevoie de precizări sub raportul accentului: numele proprii (Pётр şi Днепр nu sînt, credem, suficiente chiar pentru vorbitorii nativi), abrevierile şi lexemele care utilizează abrevieri (ex. Ингури ГЭСстрой, УкрНИИобогащение), elementele terminologice complexe (ДНК-овый реликт), unele elemente neologice, parţial împrumuturile din alte limbi.

3. Intonaţia este un capitol nou al GR (neîntîlnit în gramaticile anterioare), în care se disting două secvenţe: Noţiuni fundamentale (p. 96-99) şi Tipuri de construcţii intonaţionale (p. 99-122).

Intonaţia, conform concepţiei autoarei[5], este "un mijloc sonor al limbii, cu ajutorul căruia vorbitorul şi interlocutorul evidenţiază enunţul şi componentele semantice ale acestuia în cadrul fluxului sonor, opun cele spuse după scopul comunicării (enunţiativ, imperativ, interogativ) şi imprimă enunţului o atitudine subiectivă" (RG I, p. 96).

Formarea sunetelor şi intonaţia reprezintă un proces acustic-articulatoriu unic. Intonaţia şi sunetele au la bază aceleaşi componente: tonul de bază (principal), timbrul, intensitatea şi lungimea. Intonaţia se caracterizează prin schimbări ale tonului de bază (principal), iar direcţia schimbării acestuia poate fi egală, ascendentă, descendentă etc.

Deci, intonaţia reprezintă suma diferitelor corelaţii ale modificărilor cantitative ale tonului, timbrului, intensităţii şi lungimii sunetelor, modificări utilizate în procesul exprimării diferenţelor de sens şi afective ale enunţului.

În LR se disting în esenţă şapte tipuri de construcţii intonaţionale, care dispun de un centru (nucleu) şi de două elemente aferente: secvenţa precentrală şi cea postcentrală, ca modalitate de ex-

[5] A se vedea şi Lista bibliografica (GR, I, p. 738).

primare a diferenţelor de sens ale enunţului, se manifestă în interdependenţa dintre construcţia (structura) sintactica şi componenţa lexicală. În procesul vorbirii fiecare tip de CI se poate realiza diferit (pot fi realizări neutre şi modale). Acestea dau în final un şir intonaţional. CI se pot studia cu ajutorul analizei electroacustice şi se fixează prin grafice care utilizează caracteristici de diferenţiere (direcţia tonului, corelaţia de nivel a tonului).

În încheiere, se precizează că mijloacele intonaţionale ale LR se află în interdependenţă cu cele structurale şi cu elementele lexicale ale enunţului. Aceste relaţii de interdependenţă se descriu în cadrul Sintaxei (vol. II). Considerăm că acest alineat pe viitor, ar putea fi lărgit cu cîteva precizări. Uneori, credem, se poate vorbi de o intonaţie normală, alteori de o intonaţie deficitară (în funcţie de cauze).

Menţionăm şi aici rigurozitatea ştiinţifică a expunerii, multitudinea faptelor consemnate într-un context restrîns, precizia datelor.

4. Reflectînd asupra celor prezentate mai sus, ne permitem să lărgim discuţia. Intonaţia este şi suma unor elemente care nu participă cu expresie vizibilă, o sumă a elementelor de tip zero corelaţia acestora (în unele lucrări ele apar cu termenul de elemente suprasegmentale) putînd constitui punctul unei eventuale extinderi în viitor.

Intonaţia caracterizează varianta orală a limbii. Or, actul oral dispune şi de alte elemente (care este aportul acestora?). Intonaţia la nivel funcţional se distinge nu numai în cadrul textului narativ obişnuit. Expunerea orală are în vedere şi expunerea ştiinţifică, recitarea, cîntecul (pe baza versurilor) etc. Sînt oare pretutindeni posibile cele şapte tipuri de CI? Ce este preponderent în aceste cazuri? Care sînt diferenţele în intonaţia unui copil, adult, vîrstnic, a unei femei, a unui bărbat? Nu ex-

tindem seria întrebărilor cu privire la intonația unui străin aflat în perioada de achiziție a limbajului (aceste aspecte pot fi discutate într-o GR pentru străini). Probabil că de un interes deosebit s-ar bucura și datele privitoare la momentele devenirii (istoriei) capitolului respectiv.

Se cuvine să observăm amploarea cercetărilor actuale în domeniul intonației și să menționăm meritul autoarei, a cărei concepție stă la baza capitolului pe care îl prezentăm. Cele semnalate de noi reprezintă doar stadiul[6] cercetărilor și nu există nici o îndoială că următoarea ediție a GR va putea cuprinde atît de multe elemente noi, încît Intonația[7] va atinge probabil parametrii existenți în GR pentru morfematică.

5. Unele recomandări utile sistemului nostru de învățămînt: în școli s-ar impune un spor de atenție pentru intonație, mai ales în perioada premergătoare alfabetului (ca, de altfel, și pentru accent); în învățămîntul superior este de dorit realizarea unui capitol (scurt, dar cu mijloace moderne) tot pentru intonație (curs facultativ, special etc.), eventual și pentru accent. Se impune, de asemenea: acordarea unui spor de atenție accentului și în dicționare bilingve, abordarea unor teme adecvate în planul de cercetare al catedrelor (lucrări de seminar, licență, grad, doctorat).

Ecaterina Fodor și S.Wolf: MORFEMICA ȘI FORMAREA CUVINTELOR ÎN GR

1. Formarea cuvintelor se caracterizează printr-o rețea ramificată de legături și raporturi cu diferitele niveluri ale limbii. Astfel, ea este strîns legată de morfologie, sintaxă, le-

---

6 Vezi, de ex., N.D.Svetozarova, Intonacionnaja sistema russkogo jazyka, Leningrad, 1982.

7 A se ține seama și de o serie de paragrafe din GR II (Sintaxa): 2204, 2205, 2256 ș.a.

xicologie, etimologie, de geografia lingvistică etc. În istoria lingvisticii ruse formarea cuvintelor este considerată,de regulă, drept parte a morfologiei, alături de flexiune (GRJa I, ZSRJa), sau secţiune aparte a gramaticii,alături de morfologie şi sintaxă (GSRLJa, RG I etc.), fie disciplină de sine stătătoare strîns legată atît de gramatică,cît şi de lexicologie (ZSRJa, RJaÈ şi altele),fie, în sfîrşit, drept element constitutiv al lexicologiei (SLAJa)[8].

Profunzimea şi multilateralitatea cercetării mijloacelor şi procedeelor de formare a cuvintelor în LR au contribuit la rezolvarea unei serii de probleme teoretice şi practice ale formării cuvintelor. Printre altele, în ultimul deceniu au fost elaborate şi dicţionare ale formării cuvintelor în LR,ca material didactic auxiliar pentru elevii şi studentii-vorbitori nativi ai acestei limbi, dar şi pentru cei care care o învaţă ca limbă străină.

Deosebirile de interpretări teoretice în domeniul formării cuvintelor, evoluţia punctelor de vedere asupra acestei probleme în ultimii treizeci de ani (de la apariţia primei gramatici academice din secolul nostru pînă la cea de faţă) şi-au pus amprenta şi pe concepţia gramaticii academice din 1980.

Astfel, în Introducerea la GRJa I, p. 16 (autori L.V.Ščerba şi V.V.Vinogradov) gramatica era privită ca disciplină care se ocupă nu numai de studiul flexiunii, ci şi de "formarea cuvintelor". Potrivit acestei concepţii, formarea cuvintelor era inclusă în capitolele consacrate fiecărei părţi de vorbire în parte[9]. Implicit,

8 În lingvistica românească, formarea cuvintelor este inclusă fie în secţiunea gramaticii, fie în cea a lexicologiei (DEN, p. 100-101), după cum se are în vedere mecanismul formării cuvintelor sau rezultatul ei.

9 Acest punct de vedere şi-a găsit expresia şi în cursul de limba rusă contemporană (LRC), apărut recent în ţara noastră (1982).

GRJa adopta o abordare unilaterală a acestui fenomen lingvistic, exclusiv în planul expresiei. Or, relaţiile lingvistice de structură şi sistem exclud interpretări de acest fel. Formarea cuvintelor, cum au demonstrat cercetările ulterioare, poate şi trebuie să fie abordată atît în planul conţinutului, cît şi în planul expresiei, adică în planul semanticii şi în planul mijloacelor (şi mecanismului) de formare a unităţilor lingvistice.

GSRLJa, care constituie o etapă pregătitoare în elaborarea RG, abordează formarea cuvintelor într-o secţiune de sine stătătoare, remarcabilă ca volum (p. 37-301), fiind bazată pe o altă concepţie teoretică (autori: V.V.Lopatin şi I.S. Uluhanov), potrivit căreia sistemul de formare a cuvintelor reprezintă totalitatea tipurilor de formare a cuvintelor – productive şi neproductive – în interacţiunea lor. Sînt analizate principalele noţiuni privind formarea cuvintelor.

2. În interpretarea fenomenelor lingvistice autorii RG au ţinut seama de progresele gramaticii teoretice din ultimele decenii. Şi, cum spunea regretatul F.P.Filin, "a treia gramatică academică a limbii ruse va apărea nu mai devreme de începutul secolului următor" (FNR, p. 7). Noua gramatică a limbii ruse, care conţine, inerent, şi unele teze discutabile, fapt menţionat, de altfel, în diferite recenzii (vezi, bunăoară, JaRG), este fără îndoială un eveniment de seamă în domeniul rusisticii. În problema care constituie obiectul referatului nostru, RG reprezintă, de asemenea, o etapă nouă în dezvoltarea teoriei lingvistice.

A căpătat aici o interpretare mai profundă şi mai amplă problema morfemicii. Din GRJa lipseşte acest capitol, iar în GSRLJa sînt prezentate destul de sumar noţiunile morfemicii (de altfel, capitolul este intitulat acolo Introducere în morfemică, p. 30-36). În secţiunea Noţiunile fundamentale ale morfemicii din

RG (p. 123-132) morfemele sînt descrise sistematic şi detaliat, subliniindu-se sensul şi funcţionalitatea lor, precum şi legătura strînsă a morfemicii cu formarea cuvintelor, morfologia şi fonomorfologia.

După cum se ştie, problema interpretării noţiunii de morfem şi a segmentării morfematice a unităţilor lingvistice prezintă o mare varietate de puncte de vedere şi modalităţi de abordare (DEN, p. 90-112). Definind morful drept "unitate liniară a limbii", iar morfemul ca "unitate neliniară, generalizată, ai cărei reprezentanţi sînt morfii" (p. 125), autorii secţiunii respective din RG (V.V.Lopatin, I.S.Uluhanov, S.N.Dmitrenko) descriu diferite tipuri de morfi afixali, folosirea alomorfilor, distribuţia lor. Secţiunea se încheie cu enumerarea principiilor de prezentare a morfilor şi a morfemelor. Elementul cel mai important al morfemicii — metodologia segmentării morfematice — rămîne, însă, neelucidat. Or, acest lucru este deosebit de important atît pentru rusiştii-teoreticieni, cît şi pentru practicieni (profesorii de limba rusă) care trebuie să aibă o imagine exactă nu numai a mijloacelor structurale ale limbii, ci şi a procedurii segmentării lor.

3. Secţiunea Formarea cuvintelor ocupă mai bine de 300 de pagini (p. 133-452) din volumul total de peste 700 pagini ale primului tom. La început se analizează unele noţiuni fundamentale ale formării cuvintelor, ca: formant derivativ, tip de formare a cuvintelor, sens derivativ, regularitate derivativă, caracterul productiv al formării cuvintelor, procedee de formare a cuvintelor şi altele. În continuare, materialul este expus pe părţi de vorbire, secţiunea încheindu-se cu o descriere a fenomenelor fonomorfologice derivative.

Procesul de formare a cuvintelor în cadrul fiecărei părţi de vorbire este abordat atît sub aspectul mecanismului său (procedeele de formare a cuvintelor aparţinînd respectivei părţi de vor-

bire şi afixele derivative care participă la acest proces), cît şi sub aspectul rezultatului privit în plan semantic. De exemplu, după caracterul gramatical al cuvîntului primitiv, se disting substantive derivate de la verbe, adjective, substantive şi de la alte părţi de vorbire. Aceste substantive se împart în diferite grupe lexico-semantice Sînt descrise formaţiile cu fiecare sufix. Astfel, în cadrul grupului lexico-semantic al substantivelor cu sensul "exponent al unei însuşiri procesuale" sînt analizate formaţiile care conţin în structura lor sufixe ca: -тель, -ник, -щик, -льщик, -льник ş.a. Se indică caracterul productiv sau slab productiv al cutărui sau cutărui sufix, procesele fonetice care apar la jonctura fonemelor, particularităţile accentologice şi altele.

RG deschide noi perspective în faţa profesorului practician. Astfel, problemele legate de semantizarea cuvintelor pot căpăta un impuls suplimentar, dacă ele vor fi îmbinate cu analiza derivaţională. Evidenţierea părţilor componente ale cuvîntului şi definirea încărcăturii lor funcţionale facilitează înţelegerea noii unităţi lexicale, însuşite deseori într-un alt context afixal (cf. стол, столица, столовая).

4. În opoziţie cu V.N.Jarceva (JaRG), considerăm ca fiind utilă şi pozitivă clasificarea semantică detaliată a tipurilor de formare a cuvintelor. Ea nu împiedică, ci dimpotrivă, uşurează găsirea unui răspuns la unele probleme colaterale, care se referă la structura şi semantica unui grup chiar mai restrîns de cuvinte. Sistemul de expunere utilizat de autorii RG este, după opinia noastră, deficitar din alt punct de vedere. Ca şi la capitolul Morfemica, lipseşte descrierea metodologiei analizei derivaţionale. Descrierea modelelor de formare a cuvintelor pe afixe diluează, am zice, conceptele de regularitate - neregularitate, productivitate - neproductivitate ale modelelor respective. Cu alte cuvinte, este

foarte dificil să se obţină o reprezentare completă a ceea ce se constituie într-un proces pasiv. Tendinţa de reactivare pe care o manifestă astăzi unele afixe, în trecut puţin productive, nu-şi găseşte, la rîndul ei, o interpretare corespunzătoare.

Mircea Gheorghiu şi Aurica Braşoveanu: MORFOLOGIA ÎN GR

1. Secţiunea din GR I consacrată morfologiei (p. 453-736) conţine descrierea acelei părţi a structurii gramaticale a LR, care reuneşte clasele cuvintelor (părţi de vorbire), categoriile şi formele gramaticale aparţinînd acestor clase. Se poate afirma că morfologia plasează cuvîntul, cu schimbările şi însuşirile gramaticale ale acestuia, în centrul preocupărilor sale.

Introducerea (p. 435-459; V.A.Plotnikova) cuprinde definirea morfologiei, a cuvîntului ca obiect de studiu al lexicologiei şi totodată al gramaticii, valoarea morfologică a cuvîntului şi a formelor sale, paradigmatica, precum şi categoriile morfologice, părţile de vorbire şi clasificarea lor.

Urmează descrierea substantivului (p. 460-530; V.A.Plotnikova şi N.Ju.Şvedova), a pronumelui substantival (p. 531-539; V.A.Plotnikova), a adjectivului (p. 540-572; V.A.Plotnikova), a numeralului (p. 573-581; V.A,Plotnikova), a verbului (p. 582-702; V.A.Bondarko, N.S. Avilova, V.A.Plotnikova), a adverbului (p. 703-705; V.A.Plotnikova) a prepoziţiei (p. 706-712; N.Ju.Şvedova), a conjuncţiilor şi a cuvintelor conjuncţionale (p. 713-722; I.N.Krucinina şi M.V.Liapon), a particulelor (p. 723-731; N.Ju.Şvedova) şi a interjecţiilor (p. 732-736; I.N.Krucinina).

După cum se vede, autorii mențin, în linii mari, clasificarea tradițională a părților de vorbire. Toate cuvintele sînt grupate în clase, denumite părți de vorbire, caracterizate prin următoarele însușiri:

1. Valoare generalizată, dedusă prin abstractizare din valorile lexicale și gramaticale ale tuturor cuvintelor clasei respective.

2. Prezența unor categorii morfologice determinate.

3. Sistem paradigmatic comun.

4. Identitatea principalelor funcții sintactice.

2. Se știe că la baza actualelor repartizări pe clase a părților de vorbire din LR contemporană se află, în numeroase cazuri, clasificarea dată de regretatul academician V.V.Vinogradov în cunoscuta sa lucrare Russkij jezyk. Grammatičeskoe učenie o slove, Moscova-Leningrad, 1947, p. 38-44 (vezi și ediția a II-a, 1972). Acesta considera că toate cuvintele limbii ruse se grupează în 4 mari categorii lexicale și totodată gramaticale (leksiko-grammatičeskie kategorii slov): părți de vorbire (časti reči), cuvinte modale (modal'nye slova), particule (časticy reči) și interjecții (meždometija). În cadrul acestora rolul hotărîtor îl joacă prima categorie de cuvinte, care e denumită părți de vorbire (časti reči) și include 7 clase: substantivul, adjectivul, numeralul, pronumele, verbul, adverbul și așa-numita categorie a stării. O altă categorie de cuvinte, care reunește mai multe clase, este aceea a particulelor, care include: particulele propriu-zise (časticy), prepozițiile (predlogi), conjuncțiile (sojuzy) și copulele (svjazki). În total, deci, 13 clase de cuvinte.

Şi în prezent, în marea majoritate a cursurilor, tratatelor universitare şi în lucrările de specialitate se păstrează această clasificare, în diferite variante uşor modificate.

RG I, GRJa I, GSRLJa menţin însă clasificarea în zece părţi de vorbire, care îşi are izvorul în tradiţia greco-latină iniţiată încă de Aristotel. În consecinţă, în RG I lipsesc ca părţi de vorbire categoria stării, cuvintele modale şi copulele.

Cuvintele din categoria stării sînt trecute în marea lor majoritate (în RG I) la adverbe sub denumirea de adverbe predicative (p. 705), înţelegîndu-se prin ele acele cuvinte care în propoziţii monomembre (odnokomponentnye 'cu un singur component') indică o stare a subiectului sau nonsubiectului, ceea ce le apropie de adjectivele şi participiile pasive cu formă scurtă. Aceste cuvinte:

a) fie nu pot fi corelate cu adverbe calitative; cf. sovestno, stydno, tošno;

b) fie se corelează cu adverbe calitative, cf. grustno, smešno, plocho.

O altă parte a cuvintelor din fosta categorie a stării este inclusă, tot la adverbe, în grupa predicativelor (predikativy), cuvinte cu valoare modală, necorelate cu adverbele calitative sau cu adjectivele cu formă scurtă. Cf. možno, nado, nel'zja, nužno (vezi RG I, p. 705).

În sfîrşit, o ultimă parte a acestora figurează la substantive, dar tot ca predicative. Cf. pora, grech, len' (vezi RG I, p. 465).

O altă parte de vorbire "dispărută" din RG I sînt cuvintele modale, utilizate cu funcţie de cuvinte incidente, care apar în GR la substantiv cu funcţii netipice acestuia. Cf. pravda, slovom, v častnosti, k sožaleniju (vezi p. 465 şi vol. II, p. 229).

GSRLJa, care a constituit, după cum se știe, o etapă pregătitoare în elaborarea RG, grupa predicativele, pe de o parte, în cadrul substantivului (vremja,pora), iar pe de alta, în cadrul adverbului (veselo, grustno), iar așa-numitele cuvinte modale (verojatno, glavnoe, pravda, slovom, priznajus', razumeetsja) în cadrul adjectivului, substantivului și verbului, denumindu-le derivate sintactice (sintaksičeskie derivaty; vezi GSRLJa, p. 304).

Un statut asemănător îl au copulele (svjazki) în cadrul verbului ca grup de cuvinte cu funcții determinate în formarea predicatului nominal.

Cele zece părți de vorbire din RG I sînt, în general, identice cu cele din GRJa I. O situație deosebită o prezintă pronumele. Autorii RG I practic desființează partea de vorbire cunoscută tradițional sub numele de pronume și rețin din această clasă ca parte de vorbire de sine stătătoare doar pronumele substantival (mestoimenie-suščestvitel'noe; vezi RG I, p. 531-539).

În funcție de criterii structural-formale și sintactice (vezi RJaŠ, p. 138-139), iar aceasta constituie principala inovație în domeniul părților vorbirii, marea majoritate a "fostelor" pronume trec la clasa adjectivelor, restul — la numerale și adverbe. O obiecție (vezi JaRG, p. 135-139), la care ne asociem, este aceea că autorii GR I ar fi putut găsi, poate, criterii care să permită menținerea coerenței cuvintelor-substitute[10].

În consecință, pe seama fostelor pronume, volumul adjectivelor crește considerabil și alături de tradiționalele adjective calitative și de relație, mai apare, pe lîngă fostele numerale ordinale

10 O încercare, demnă de luat în considerare, de a găsi criterii de acest gen vezi în RG I (Praga), p. 350-351.

(de tipul pervyj, pjatyj), și numeroasa grupă a adjectivelor pronominale (mestoimennye prilagatel'nye) cu subdiviziunile provenite de la pronume: personale, posesive, reflexive, demonstrative, determinative, interogative, nehotărîte și negative.

3. În plan didactic-metodologic, înclinăm să credem că prezentarea în școala noastră a părții de vorbire pronume substantival în locul fostului pronume n-ar facilita studiul practic al limbii ruse, întrucît aparenta identitate terminologică pe plan bilingv: adjective pronominale – mestoimennye prilagatel'nye nu-și găsește acoperire în realitatea lingvistică a celor două limbi. Cf. acest om / acesta: același cuvînt poate apărea în română cu valoare de adjectiv pronominal sau de pronume și, corespunzător, cu variate funcții sintactice. În LR, același cuvînt nu poate apărea fie ca pronume substantival, fie ca adjectiv. Vezi, de pildă: ètot care este numai adjectiv (pronominal), iar kto numai pronume-substantiv.

În GR I categoriile verbale sînt prezentate mai riguros, fiind totodată mai consecvent sistematizate. Astfel, aspectul verbal este considerat drept categorie m o r f o l o g i c ă a verbului (p. 583); Cf. GSRLJa, unde aspectul apărea fie ca o categorie gramaticală (p. 337), fie ca o categorie lexical-gramaticală (p. 338-339)[11].

O oarecare inconsecvență se poate observa în tratarea perechii verbale, elementele ei fiind considerate, pe drept cuvînt, drept două cuvinte diferite (p. 585). În diverse enunțuri din text ele par a fi considerate, însă, ca forme ale aceluiași cuvînt.

Modalitatea verbală (sposob dejstvija) este detaliat descrisă (p. 596-604), indicîndu-se aproape 20 de modalități[12].

---

11 Vezi recenzia lui Victor Vascenco asupra GR, în SCL XXXIII (1982), nr. 2, p. 183-185.

12 Ibidem.

Multe dintre faptele de limbă, care se tratau tradițional în morfologie, sînt trecute în RG la alte secțiuni. Astfel, formele superlativului în -*ejš*/-*ajš*, care se corelează prin indicarea gradului de manifestare a unei însușiri cu alte adjective cu valoare analogă, nu servesc la exprimarea unei valori gramaticale deosebite și, în consecință, sînt trecute ca tipuri derivaționale; Cf. *čistejšij*, *veličajšij* și *bol'šuščij*, *zdorovennyj*, *premilyj*, *neiuvažaemyj* ș.a. (vezi p. 301, 307, 547).

Formele cazuale ale substantivului, ale pronumelui substantival, valorile sintactice ale timpurilor și modurilor verbale ș.a. au fost trecute în paradigma propoziției (simple), deci la *Sintaxă* (vol. II), deplasare pentru care credem că o justificare este dificil de găsit (vezi p. 424, 454 ș.a.).

4. În privința metodelor lingvistice utilizate, *Morfologia* din RG I poate fi caracterizată ca fiind descriptivă cu elemente moderate de structuralism (în special în paradigmatică), beneficiind totodată de datele furnizate de lingvistica statistică și de sociolingvistică.

Materialul ilustrativ pus la contribuție include un considerabil volum de opere clasice și actuale, proză și versuri, cu un larg registru stilistic, aparținînd atît codului scris, cît și celui oral.

Pentru cadrele didactice din învățămîntul gimnazial și liceal, RG reprezintă o sursă bogată de exemple morfologice din limba contemporană și, mai ales, un ghid sigur în materie de paradigmatică (declinare, conjugare etc.).

Anatol Pedestrașu: RAPORTURILE SINTACTICE (DINTRE CUVINTE) ȘI ÎMBINĂRILE DE CUVINTE ÎN GR

1. Îmbinările de cuvinte sînt tratate, în cel de-al doilea volum al RG, în capitolul Relațiile de subordonare dintre cuvinte și îmbinările de cuvinte (p. 13-82; autoare N.Ju.Švedova), capitol în care sînt supuse analizei raporturile de subordonare existente în cadrul îmbinărilor de cuvinte, și anume acordul, recțiunea și atașarea paratactică. Discutarea îmbinărilor de cuvinte se face pe baza caracterului lexical-gramatical al cuvîntului regent, scoțîndu-se în evidență tipurile de subordonare specifice fiecărei părți de vorbire. În cadrul fiecărui tip de relații de subordonare se analizează diversele lui subclase. Astfel, recțiunea verbală poate fi simplă și dublă, cea simplă poate fi cu și fără prepoziții, iar recțiunea simplă cu prepoziții se împarte în recțiune forte și slabă (p. 25-31). La sfîrșitul capitolului se propun diferite clasificări ale îmbinărilor de cuvinte: după apartenența morfologică a cuvîntului dominant (îmbinări verbale, substantivale, adjectivale și adverbiale), după structură (îmbinări simple, compuse și combinate) ș.a.

În afară de capitolul menționat, problemele îmbinărilor de cuvinte se tratează și în cadrul capitolului Propoziția (la care se vor referi, mai jos, S. Vaimberg și R.Chivescu), și anume în subcapitolele Îmbinarea de cuvinte în structura propoziției (p. 137-143; N.Ju. Švedova) și Topica îmbinărilor de cuvinte (p. 203-208; I.I.Kovtunova). În primul din cele două subcapitole se analizează modificările contextuale pe care le pot suferi îmbinările de cuvinte în propoziție. Aceste modificări sînt următoarele:

a) Extinderea sferei semantice a cuvintelor care formează îmbinarea. Astfel, verbele принести, прочитать, нарисовать ş.a. nu fac parte din grupul lexical-semantic al cuvintelor care indică o acţiune săvîrşită în folosul cuiva şi care, deci, se construiesc cu cazul dativ. În unele situaţii însă, atunci cînd îmbinările cu aceste verbe se folosesc în anumite contexte, aceste cuvinte pot indica o acţiune săvîrşita pentru cineva ori în folosul cuiva sau adresată unei anumite persoane. De exemplu: Мальчик принёс сестре подарок, прочитал ей сказку, нарисовал ей картину.

b) Substituirea unui substantiv, existent într-o îmbinare de cuvinte, cu un pronume sau adjectiv. Astfel, în îmbinarea верить в дружбу substantivul poate fi înlocuit cu pronumele она /верить в неё/ atunci cînd această îmbinare face parte dintr-o propoziţie în care există o altă îmbinare ce conţine acelaşi substantiv. De exemplu, prin folosirea îmbinării ценить дружбу, alături de cea de mai sus, în cadrul aceleiaşi propoziţii, se obţine enunţul: Он ценит дружбу и верит в неё.

c) Folosirea îmbinărilor de cuvinte într-o formă cu structură incompletă.

2. În gramaticile tradiţionale ale limbii ruse sînt descrise, între altele, aşa-numitele "propoziţii cu structură incompletă"[13] (adică propoziţii eliptice). În RG nu există nici un capitol sau subcapitol consacrat acestei unităţi sintactice. Analiza structurii incomplete a propoziţiilor se face parţial în subcapitolul Îmbinarea de cuvinte în structura propoziţiei şi în capitolele: Modurile de realizare a propoziţiei (p. 119-120) şi Enunţurile relativ independente, a căror structură nu-şi găseşte un corespondent în tipurile de propoziţii existente (p. 419-421). Propoziţiile cu structură incompletă sînt considerate fie "modalităţi con-

13 Vezi, de ex., GRJa II, partea a II-a, p. 88-120.

textual incomplete de constituire a propoziţiei", de exemplu:
- Кто этот человек? - Мой друг.(p. 120), fie propoziţii care conţin îmbinări de cuvinte cu structură incompletă (de ex.: Это сознание сближало её с людьми, делало равной её им и их ей p. 142), unde îmbinarea равными их ей este înlocuită cu cea incompletă - их ей).

3. În subcapitolul Topica îmbinărilor de cuvinte se analizează topica în îmbinările substantivale, verbale şi adjectivale. În timp ce în secţiunea consacrată ordinii cuvintelor în propoziţie se prezintă probleme precum: tema şi nucleul (rema), locul grupului subiectului faţă de grupul predicatului, locul grupului determinantului faţă de grupul subiectului ş.a., în subcapitolul amintit se analizează locul atributului acordat şi al celui neacordat, al complementului direct şi indirect, precum şi al complementului circumstanţial faţă de cuvîntul determinat.

4. După cum se ştie, problema îmbinărilor de cuvinte este tratată în mod diferit, şi uneori chiar contradictoriu, în lingvistică şi, în speţă, în rusistică: pe de o parte, nu există o unanimitate de păreri în ceea ce priveşte faptul că aceste construcţii sintactice constituie un obiect de studiu al sintaxei, pe de altă parte, există păreri divergente în privinţa relaţiilor care există între cuvintele care formează o îmbinare. De aici rezultă faptul că însăşi definiţia îmbinărilor de cuvinte constituie un element controversat, întrucît definiţia are în vedere tocmai aceste relaţii.

Autorii unora dintre gramaticile existente nu analizează îmbinările de cuvinte, considerînd că obiectul de cercetare al sintaxei îl formează propoziţia şi fraza (vezi, de ex., RG II (Praga) sau GLR II). Spre deosebire de acest punct de vedere, autorii RG consideră că "sintaxa... reuneşte unităţile care formează în mod nemijlocit un enunţ sau care servesc drept componente ale

unui enunţ. Astfel de unităţi sînt îmbinarea de cuvinte, propoziţia şi fraza" (p. 6).

După cum am arătat, însăşi definiţia îmbinărilor de cuvinte este pasibilă de interpretări diferite. Astfel, autorii GRJa definesc îmbinarea de cuvinte drept o unitate gramaticală formată prin unirea a două sau mai multe cuvinte cu sens lexical de sine stătător (vol. II, partea I, p. 6), în timp ce autorii RG II consideră că între componentele unei îmbinări de cuvinte pot exista n u m a i relaţii de subordonare (p. 6; 79-80 ş.a.). De aceea, autorii RG n u a d m i t existenţa aşa-numitelor "îmbinări formate pe baza relaţiilor de coordonare (sau îmbinări omogene, deschise)"[14]. Acelaşi punct de vedere îl regăsim şi în principalele lucrări de rusistică din ultimele două decenii (vezi, de ex., GSRLJa, p. 536, sau RJaE, p. 309).

Clasificarea îmbinărilor de cuvinte după modul lor de formare, pe care o găsim în RG, diferă şi ea de clasificările din lucrările similare. În timp ce în GRJa II clasificarea are ca punct de plecare cuvintele dominante, fără a ţine seama de tipurile de relaţii de subordonare (analizîndu-se, ca urmare, îmbinările verbale, substantivale etc.)[15], clasificarea din GSRLJa se bazează pe tipul de relaţii din cadrul îmbinărilor (descriind îmbinări formate cu ajutorul acordului, a recţiunii şi a ataşării paratactice)[16].

Autorii RG îmbină cele două moduri de a aborda problema, prezentîndu-ne o reuşită clasificare bazată pe caracterul lexical-gramatical al cuvîntului regent, clasificare care stabileşte, în cadrul fiecărei clase de îmbinări (verbale, substantivale, adjectivale şi adverbiale), tipurile de relaţii de subordonare. Această

---

14 Descrierea acestor îmbinări poate fi găsită, de ex., în GRJa II, partea I, p. 37, 41-44 ş.a.

15 GRJa II, partea I, p. 113-350.

16 GSRLJa, p. 536-540.

clasificare permite, de asemenea, o comparare a potenţelor de îmbinare a diferitelor părţi de vorbire cu alte cuvinte. Acest mod de a aborda problema ni se pare, în comparaţie cu clasificările existente, mai riguros şi mai concis.

Această clasificare indică şi relaţiile variabile existente în cadrul fiecărui tip de relaţii de subordonare (exemple de recţiune variabilă: брать у кого/от кого; мобилизовать на что-нибудь/для чего-нибудь ş.a., p. 38), precum şi relaţiile variabile care cumulează diverse tipuri de relaţii (разрешить ехать/поездку; приняться читать/ за чтение, p. 40; грохот трамвая/трамвайный, p. 70; борщ по-флотски/флотский, p. 72 etc.). Problema care în GRJa II fusese doar amintită (sub denumirea "corelaţia sinonimică dintre diferite tipuri de îmbinări de cuvinte", vol. II, partea I, p. 62-64) este tratată în RG sistematic şi pe larg.

Autorii GR includ, în seria îmbinărilor de cuvinte formate cu ajutorul acordului, şi a p o z i ţ i i l e, cum ar fi: художница-природа, судно-холодильник, студент-отличник, месяц март, мальчик Петя, тётя Катя.

În ceea ce priveşte apoziţiile care constituie denumiri de localităţi, munţi, ape, staţii, ziare şi reviste, magazine, instituţii şi întreprinderi etc., autorii disting patru cazuri:

a) În cadrul apoziţiilor город Мурманск, река Колыма, газета "Правда", гостиница "Москва", дача "Дружба" ş.a. se constată tendinţa de a se folosi substantivul propriu invariabil, la cazul nominativ: в газете "Правда", около гостиницы "Москва".

b) În unele cazuri folosirea celui de-al doilea termen al apoziţiei la cazul nominativ a devenit o normă a limbii literare: озеро Байкал - на озере Байкал; аэропорт Шереметьево - к аэропорту Шереметьево; издательство "Знание" - у издательства "Знание.

c) În alte cazuri, mai ales cînd este vorba de denumiri geografice, se observă o oscilaţie în folosirea numelor proprii (fie la forma acordată, fie la cea de nominativ): в селе Горки alături de в селе Горках; к станции Мытищи şi к станции Мытищам.

d) În cazul unor denumiri mai vechi, care sînt foarte cunoscute şi care au o mare frecvenţă în limba scrisă şi cea vorbită, continuă să se aplice regula acordului obligatoriu cu cuvîntul determinat: город Париж - в городе Париже; город Лондон - к городу Лондону; город Москва - для города Москвы; река Нева - на реке Неве.

5. Izvoarele materialului ilustrativ sînt variate. Autorii folosesc în calitate de exemple, în majoritatea covîrşitoare a cazurilor, diferite îmbinări ale substantivelor cu adjective, ale verbelor cu substantive sau cu adverbe etc. Se utilizează, de asemenea, fragmente din beletristică, publicistică, emisiuni de radio, mostre din limbajul colocvial ş.a., ceea ce face ca întregul material ilustrativ să fie variat din punct de vedere stilistic.

Clasificarea îmbinărilor de cuvinte propusă de RG are toate şansele de a se impune, fiind riguroasă, concisă şi uşor de reţinut. De aceea, credem noi, ea poate fi folosită cu succes în învăţămîntul superior de specialitate (în cadrul cursului de LR contemporană).

Ea este utilă şi pentru cadrele didactice care predau în învăţămîntul liceal şi gimnazial, nu pentru a fi folosită în procesul instructiv-educativ (deoarece programele învăţămîntului de cultură generală, gimnazial, liceal şi profesional nu prevăd această parte a sintaxei), ci pentru a înţelege mai bine şi a studia mecanismul, destul de complex uneori, de constituire a propoziţiei şi a frazei.

Solomon Vaimberg şi Romeo Chivescu: PROPOZIŢIA ÎN GR

1. Propoziţia, "unitate gramaticală centrală a sintaxei" (RG II, p. 7), ocupă circa jumătate (p. 83-421) din volumul II (656 p. de text propriu-zis, 712 p. cu anexele). Este semnificativ, în această ordine de idei, faptul că, din cei nouă autori ai volumului II, nu mai puţin de şapte s-au ocupat de propoziţie: în primul rînd, redactorul principal N.I. Şvedova (care a elaborat noţiunile de bază ale teoriei propoziţiei), apoi, în ordine alfabetică, E.A.Brîzgunova (căreia îi aparţin toate paragrafele consacrate intonaţiei), K.V. Gabucean("Negaţia în structura propoziţiei", p. 402-418), V.A.Iţkovici ("Izolarea părţilor de extensiune ale propoziţiei", p. 180-189), I.I.Kovtunova ("Ordinea cuvintelor", cu întinse aplicaţii ale conceptului de segmentare actuală a propoziţiei, p. 190-213), F.A.Priiatkina ("Legături de coordonare şi de subordonare în cadrul propoziţiei", p. 166-175) şi I.I.Sveatogor ("Propoziţiile interogative", p. 386-401). Mărturie a modului nou, original, în care au abordat autorii problematica propoziţiei stau titluri de capitole ca: "Scheme structurale (tipuri) de propoziţii noninterogative: organizare formală şi semantică" (p. 92-97); "Extensiunea propoziţiei" (p. 136-166); "Sistemul propoziţiei: organizare gramaticală, paradigme, realizări uzuale..." (p. 237-385).

2. Pentru analiza propoziţiei ca unitate de comunicare este definitorie noţiunea de schemă structurală a propoziţiei (sau tip de propoziţie) "model formal abstract... destinat ... construirii unei unităţi de comunicare relativ încheiate, după acest model putînd fi construit un număr nelimitat de propoziţii cu aceeaşi structură formală" (RG II, p. 84). Schemele structurale, abstrase, la rîndul lor, dintr-o mulţime nelimitată

de propoziţii concrete, sînt constituite din cîteva (de obicei două) forme aflate în relaţie sintactică (propoziţii bicomponenţiale libere şi frazeologizate), dar şi dintr-o singură formă a unui cuvînt (propoziţii unicomponenţiale), cf.: Завод работает 'Uzina funcţionează.', Времени хватает 'Timp e destul' şi Зима 'Iarnă', Холод 'Frig'. Modelele abstracte de propoziţii din LR contemporană, care se disting prin deosebita stabilitate a mărcilor lor structurale, formează un număr finit.

Propoziţia e supusă, pe de o parte, unor schimbări cu caracter p a r a d i g m a t i c (cf.: Завод работает/работал 'Uzina funcţionează/ a funcţionat'), iar pe de altă parte, unor schimbări legate de r e a l i z ă r i l e sale uzuale, cf.: Мастер работает 'Meşterul lucrează', care se poate realiza eliptic ca: - Хорошо работает. - Кто? -Мастер'. - Lucrează bine. - Cine? - Meşterul!', sau Москва - столица 'Moscova este capitală', care admite şi realizări cu ajutorul copulei, de genul: Москва - это столица 'id'. Realizările uzuale alcătuiesc şi ele un număr finit de propoziţii.

Cele de mai sus se referă la propoziţiile n o n i n t e r o g a t i v e, spre deosebire de cealaltă clasă principală de propoziţii după scopul enunţului, i n t e r o g a t i v e l e.

Precum se vede, această tratare a propoziţiei se deosebeşte profund de cea din precedenta gramatică academică, de factură clasică, a LR, GRJa II. O etapă intermediară faţă de noua gramatică a constituit-o GSRLJa, în care, deşi sînt elaborate schemele structurale ale propoziţiei, însoţite de realizările lor uzuale (p. 546 ş.u.), şi se dă paradigma propoziţiei (p. 577 ş.u.), totuşi interogativele mai sînt încă opuse enunţiativelor (alte specii de propoziţii după scopul comunicării nu se disting) şi se mai păstrează — ca, dealtfel, şi în RG II (Praga), p. 681 — îm-

părțirea în "două clase, de maximă generalitate, de scheme structurale ale propoziției: bimembre (subiectiv-predicative) și monomembre" (p. 541). Totodată, termenii de scheme uni- și bicomponențiale, care se întîlnesc acum pentru prima dată, notează aici doar specii de propoziții monomembre constînd dintr-una sau două forme ale cuvîntului sau cuvintelor alcătuitoare.

3. Un merit incontestabil al RG – ca și al prototipului acesteia (GSRLJa) – rezidă în delimitarea consecventă a limbii de vorbire: apărînd în vorbire ca un segment liniar al ei, propoziția, în realizările ei uzuale, se constituie pe baza schemelor structurale, a paradigmelor și a valorilor preexistente în sistemul limbii.

Se poate aprecia, totodată, că tendința de a opera cu opoziții structurale nete, neambigui, negrevate de valori secundare, laterale, a jucat, poate, un anumit rol în reliefarea în RG, numai a două clase de propoziții după scopul enunțului: interogative și noninterogative. E acceptabilă, în principiu, aserțiunea că distingerea altor clase "nu se sprijină pe complexe de mărci gramaticale de sine stătătoare și unitare" (p. 88), deși, pe de altă parte, se admite că, într-un șir de cazuri, "limita dintre întrebare și afirmare e imprecisă"[17] (p. 387). Drept urmare, probabil, pentru explicitarea conținutului propozițiilor interogative, se recurge suplimentar la o caracteristică – în ultimă instanță, credem, – de ordin diacronic: "Propozițiile interogative în funcțiunea lor p r i m a r ă (spațiat de noi - aut.) exprimă căuta-

17 Ca să nu mai vorbim de opinia unor cunoscuți cercetători, după care însăși definirea întrebării se dovedește "aproape imposibilă" (R.B.Lees, [rec. la] D.D.Bolinger, Interrogatives Structures of American English, University of Alabama Press, 1957, în "Word" XVI (1960), nr. 1, p. 120; apud Per Restan, Синтаксис вопросительного предложения, Oslo-Bergen-Tromsö, 1972, p. 28).

rea unei comunicări (поиск сообщения)" (p. 87). Să mai adăugăm la aceasta că într-o limbă ca rusa multe propoziţii interogative sînt organizate formal aidoma noninterogativelor, deosebindu-se de acestea doar pe plan suprasegmental, prin intonaţie.

Cît priveşte clasificarea schemelor structurale în bi- şi unicomponenţiale, la baza opoziţiei dintre ele se află un criteriu simplu şi clar: numărul formelor - una sau două - cuprinse în structura respectivă. Avantajul unei asemenea diviziuni pur formale rezidă, probabil, în caracterul ei prin excelenţă intralingvistic, în faptul că se circumscrie strict sistemului limbii "în sine şi pentru sine", fără a mai necesita expres corelarea structurii propoziţiei[18] cu cea a judecăţii logice[18] (de vreme ce bicomponenţialele, alcătuite literalmente din d o u ă forme ale cuvintelor, pot corespunde şi celor considerate tradiţional monomembre: Воды убывает 'Apa scade'; Несчастья не случилось 'Nenorocirea nu s-a întîmplat'; Следует подождать 'Trebuie să aşteptăm'). Este de crezut totuşi că, în alt plan, mai puţin formalizat, nu e lipsită de perspectivă nici continuarea studiului propoziţiilor mono- şi bimembre, cu luarea în considerare a corelaţiei dintre structura şi conţinutul lor.

Toate exemplele de pînă acum, precum lesne se poate constata, reprezintă propoziţii s i m p l e, înfăţişînd o structură minimală, constituită numai din părţi principale de propoziţie. În

---

18 "Actul de gîndire exprimat de propoziţie este totdeauna bimembru... Subiectului şi predicatului ideii-judecată îi corespund în structura propoziţiei, ca regulă generală, două centre de organizare ale acesteia... Caracterul bimembru al propoziţiei este, astfel, însuşirea ei necesară... Sensul propoziţiilor "monomembre" rezidă în referirea predicaţiei la ambianţa înconjurătoare, receptată de vorbitori "aici" şi "acum"...: На дворе (за окном, здесь) мороз (морозно/морозит) 'Afară (aici) este ger". (G.A.Zolotova, К вопросу об объекте синтаксических исследований, "Известия Академии наук СССР", Серия лит. и яз., vol. 38, 1979, 1, p. 17-18).

limbă acţionează însă un sistem ramificat de reguli de e x t e n s i u n e a p r o p o z i ţ i e i s i m p l e, adică de introducere în cuprinsul ei a unor elemente – numite părţi de extensiune ale propoziţiei – purtătoare şi ele de informaţie, fie suplimentară, secundară, fie esenţială, mai însemnată cîteodată chiar decît cea încorporată în părţile principale, de pildă, valoarea de subiect al stării: У меня болит голова 'Mă doare capul', unde important e nu că "doare capul", ci că "<u>mă</u> doare capul". Cu toate acestea, sub raport formal, propoziţia dezvoltată se divide totdeauna în părţi principale, identice cu componentele schemei sale structurale, şi părţi de extensiune, din afara modelului gramatical elementar al propoziţiei. Ansamblul acestora din urmă nu formează un tablou unitar. Între ele se pot deosebi sub raport gramatical: 1) cele nemijlocit dependente de cutare sau cutare parte de propoziţie (de ex., în cazul exprimării obiectului acţiunii: Мальчик читает книгу 'Băiatul citeşte o carte'); 2) cele numite determinanţi, care amplifică întreaga propoziţie (Сейчас мальчик читает книгу 'Acum băiatul citeşte o carte'); 3) cele care amplifică simultan ambele părţi principale de propoziţie (cf.: Он с бородой выглядит стариком 'El, cu barbă, arată bătrîn', în care <u>с бородой</u> se referă concomitent şi la subiect şi la predicat). Toate aceste distincţii, <u>enunţate</u> încă în GSRLJa (p. 615 ş.u.), nu sînt utilizate de gramatica rusă clasică (în speţă de GRJa II), care, pe alocuri, nu delimitează tranşant părţile de propoziţie secundare între ele, admiţînd existenţa fenomenelor de graniţă. Cf.:

Поговорим перед ужином 'Să stăm de vorbă înainte de cină', în care <u>перед ужином</u> poate fi complement indirect, dacă punem întrebarea <u>перед чем?</u> 'înainte de ce?', sau complement circumstanţial de timp, dacă punem întrebarea <u>когда?</u> 'cînd?'

4. Cele de mai sus ne permit să caracterizăm metoda lingvistică de tratare a propoziţiei în GR ca structurală moderată, ţinînd seama că "opoziţia dintre aşa-numita lingvistică tradiţională" şi aşa-numita lingvistică structurală (sau "funcţională"), atît de accentuată acum 20 de ani, poate fi socotită azi în mare măsură depăşită. Reprezentanţii lingvisticii tradiţionale au adoptat, tacit sau declarat, numeroase concepte structuraliste, iar structuraliştii şi-au descoperit izvoarele în curentele tradiţionale. S-a lămurit, de asemenea, că obiectul de studiu al adepţilor tradiţiei şi al structuraliştilor nu reprezintă domenii care se exclud reciproc, ci mai curînd ipostaze diferite ale fenomenului lingvistic"[19].

Intr-adevăr, adoptarea şi aplicarea efectivă a unui şir întreg de realizări ale lingvisticii moderne, ca şi forma accesibilă de expunere, susceptibilă să asigure succesiunea firească între diverse generaţii de cercetători, ridică şi mai mult valoarea ştiinţifică a acestei lucrări fundamentale de gramatică rusă, menită să slujească drept carte de căpătîi pentru rusişti.

Aceasta, desigur, nu înseamnă că ideile şi tezele din GR ar trebui nemijlocit introduse în procesul predării limbii ruse ca limbă străină. Se poate apriori afirma ca, în condiţiile învăţămîntului superior nefilologic, orientarea teoretică a GR în materie de propoziţie nu are probabil cum să se repercuteze asupra stăpînirii practice a LR, cu atît mai mult, cu cît poziţiile noii gramatici sînt vădit incongruente cu multe din conceptele şi categoriile tradiţionale din gramatica limbii materne a elevilor (studenţilor). Alta este însă situaţia studenţilor cu specialitate A sau B limba rusă, care trebuie treptat introduşi, mai cu seamă la cursurile teoretice, în litera şi spiritul acestei din urmă gramatici academice, fireşte, fără a se neglija prezentarea dezvoltării anterioare a gîndirii gramaticale ruse. Pe toate treptele de învăţămînt ni se pare, totodată, de dorit antrenarea în practica predării şi, în genere, în exprimarea elevilor şi studenţilor a cît mai multor propoziţii din tipurile în care abundă LR colocvială şi care alcătuiesc, dealtfel, o parte însemnată a materialului ilustrativ vehiculat în GR.

---

19 E.Coşeriu, Современное положение в лингвистике, ibid., vol. 36 (1977), 6, p. 514.

Ion Oiţă : FRAZA ÎN GR

Capitolul despre frază în general din GSRLja este scris de prof. V.A.Beloşapkova, iar cel din GR - de mai mulţi autori, după cum urmează: I.N.Krucinina - Fraza: "Introducere"; "Frazele formate prin subordonare indivizibile"; "Îmbinările propoziţiilor prin juxtapunere"; N.V.Lispon - "Fraza": "Frazele formate prin subordonare cu structură divizibilă"; "Frazele formate prin coordonare". Am ţinut să facem această precizare, deoarece considerăm că într-o mare măsură diferenţele în ceea ce priveşte interpretarea şi clasificarea (sau clasificările) la nivelul frazei dintre cele două gramatici se explică prin concepţiile şi punctele de vedere diferite ale autorilor amintiţi mai sus.

În continuare vom semnala cîteva situaţii mai deosebite în legătură cu modul cum este interpretată fraza în GR.

1. Prima întrebare care s-ar putea pune ar fi: care este criteriul sau principiul ce stă la baza clasificării frazelor? În ceea ce priveşte principiul, credem că s-ar putea afirma că GR este poate singura în care nu se respectă cu rigurozitate nici un principiu. Aceasta însă nu înseamnă neglijarea unei analize profunde şi multilaterale structural-semantice a frazei. Sub acest aspect avem impresia că GR este cea mai reuşită gramatică. În ceea ce priveşte criteriul care stă la baza clasificării frazelor în fraze formate prin coordonare şi fraze formate prin subordonare, acesta este redus iniţial la conjuncţii. În legătură cu aceasta iată ce se afirmă la p. 462 (vol. II): "Între propoziţiile care intră în componenţa unei fraze există un raport de coordonare sau subordonare. Raportul se numeşte de coordonare, dacă joncţiunea propoziţiilor frazei se realizează prin conjunc-

ţii coordonatoare, iar cel de subordonare - dacă legătura dintre propoziţii se realizează cu ajutorul conjuncţiilor subordonatoare sau a locuţiunilor conjuncţionale". "Corespunzător tipului de raport sintactic toate frazele se împart în două grupe: fraze formate prin coordonare şi fraze formate prin subordonare"[1]. Un astfel de punct de vedere este foarte asemănător cu al lui A.M. Peşkovski, care în mare măsură "reduce" analiza frazei la analiza conjuncţiilor şi locuţiunilor conjuncţionale[2].

2. Cele afirmate mai sus nu înseamnă o repetare identică a punctului de vedere al lui A.M.Peşkovski. Dacă A.M.Peşkovski, pornind de la identitatea intonaţiei cu conjuncţiile coordonatoare sau subordonatoare, clasifică frazele paratactice în fraze formate prin coordonare şi fraze formate prin subordonare, în GR frazele paratactice, formate prin juxtapunere sînt scoase în afara capitolului despre frază, deoarece între propoziţiile care intră în componenţa acestora nu există o legătură exprimată formal, gramatical , adică prin conjuncţii (p. 465).

Frazele formate prin juxtapunere sînt tratate, firește, dar într-un capitol separat, intitulat "Îmbinările paratactice (prin juxtapunere) ale propoziţiilor" (p. 634-657). Avem impresia că o astfel de tratare a frazelor paratactice, formate prin juxtapunere, este exagerată, mai ales că ea se sprijină pe argumentul că în astfel de fraze nu există ca elemente de joncţiune, de exprimare a raportului sintactic conjuncţii sau locuţiuni conjuncţionale. Dar există, aşa cum de mult s-a demonstrat, alte elemente de structură, care concură la îmbinarea propoziţiilor

1 Traducerea citatelor (aici şi în continuare) ne aparţine.

2 Vezi А.М.Пешковский, Русский синтаксис в научном освещении, изд. 7-ое, М., 1956, с. 462-470; 480-499; 470-471.

şi exprimarea diferitelor raporturi sintactice. Si totuşi rămîne şi se analizează în cadrul capitolului despre frază acel tip de fraze paratactice în care raporturile sintactice dintre propoziţiile frazei "sînt exprimate precis printr-o anumită corelare a formelor predicatelor (" Не пригласи я его, он обидится"; "Окажись рядом настоящий друг, беды бы не случилось" (c. 465).

3. Consecvenţa cu care se urmăreşte demonstrarea faptului că criteriul primordial aplicat în clasificarea frazelor este şi trebuie să fie conjuncţiile şi nu relaţiile semantice dintre propoziţiile frazelor este ilustrată şi argumentată de aşa-zisa contaminare a relaţiilor, raporturilor semantice dintre subordonare şi coordonare. Astfel la p. 463 se afirmă că "dacă în cadrul subordonării relaţiile concesive, cauzale, condiţional-consecutive se exprimă prin conjuncţii specializate, univoce, cu un singur sens, ca, de ex.: хотя, потому что, если, în cadrul coordonării toate aceste sensuri pot fi exprimate prin una şi aceeaşi conjuncţie copulativă и (" Можно быть прекрасным врачом - и в то же время совсем не знать людей" (Чех.); "Ты пришла - и светло, зимний сон разнесло..." (Блок); "Малейшая ошибка - и вы в воде" (Троснол.).

Tot aşa conjuncţiile adversative а şi но pot exprima, defini raporturi concesive: "Мальчишка, а разговаривал и держался с достоинством" (Триф.); consecutive: "Я знаю, все это вы говорите в раздражении, а потому не сержусь на вас" (Чех.)." (p. 463-464).

Trebuie să subliniem că problema interferenţelor, aspectelor de "contaminare" a relaţiilor semantico-gramaticale dintre frazele formate prin coordonare şi cele formate prin subordonare ocupă un loc aparte şi de aceea i se acordă o deosebită pondere în comparaţie cu alte gramatici ale limbii ruse.

4. Dacă segmentarea actuală la nivelul propoziţiei a fost pe larg dezbătută, analizată în articole, studii şi chiar monografii, segmentarea actuală la nivelul frazei nu s-a bucurat de prea multă atenţie din partea specialiştilor. Unul din marile merite ale GR este că acordă o atenţie deosebită a aspectului segmentării actuale a frazei în întregime. La p. 466-457 se atrage atenţia asupra faptului că "în descrierea frazelor cu structură indivizibilă o atenţie deosebită se acordă topicii propoziţiilor sub aspectul segmentării actuale a frazei. În frazele cu structură divizibilă..., datorită absenţei analogiei topicii cuvintelor din propoziţie cu topica propoziţiilor din frazele cu structură indivizibilă..., aspectul segmentării actuale este înlăturat". În legătură cu segmentarea actuală în frazele cu structură indivizibilă am reţinut două situaţii: a) În frazele, în care propoziţia principală prepozitivă conţine un pronume, la care se referă subordonata, una din funcţiile pronumelor este aceea de a accentua nu atît poziţia subordonatei, cît conţinutul său: "Учителя огорчило то, что дети не хотели его слушать"; "И странно то, что я сам принял его сначала за господина" ←——→ (p. 482); Un alt mod de exprimare a segmentării actuale, discutat în GR, este topica propoziţiilor frazei, mai ales în frazele cu subordonate subiective şi completive (după clasificarea tradiţională). Propoziţia principală este prepozitivă, dacă ea reprezintă partea iniţială a comunicării (tema), şi postpozitivă - dacă exprimă din punct de vedere comunicativ partea centrală, conţinutul esenţial (rema). Comp.: "Всем известно, что он хороший работник"; "Что он хороший работник, всем известно". ←——→ (p. 487-488). Segmentarea actuală a frazei mai este tratată şi în alte locuri, ca, de exemplu: la p. 510 este analizată dependenţa segmentării

actuale de tipurile de subordonate şi de semantica cuvintelor la care se referă subordonata.

5. In GR se subliniază că între propoziţie şi frază nu întotdeauna se poate face o delimitare precisă. Sînt cazuri cînd una şi aceeaşi construcţie poate fi interpretată şi ca propoziţie şi ca frază. Aici este vorba mai ales de propoziţiile în care pe lîngă unul şi acelaşi subiect există mai multe predicate, ca, de ex.: "Он простился и пошел домой"; "Она то посидит, то походит". (p. 461). Iar la p. 462, par. 1 se precizează că "In GR propoziţiile cu cîteva predicate, care se referă la un singur subiect sînt considerate fraze".

6. La p. 8 se precizează că unităţile lingvistice sînt privite ca o unitate dintre formă şi conţinut şi că descrierea lor se realizează astfel: "de la formă la sens, la conţinut". În legătură cu analiza frazei se pune întrebarea: care este forma frazei? Dacă conţinutul ar fi relaţiile de coordonare şi subordonare, care se exprimă prin conjuncţii coordonatoare şi subordonatoare, atunci forma s-ar reduce la conjuncţii, deci la cuvinte care nu au formă. Deci, cum s-ar putea numi clasificarea frazelor din GR? Tot structural-semantică? Greu de precizat, mai ales că prin clasificarea structural-semantică s-au păstrat cu sensul lor doar termenii: fraze cu structură indivizibilă (нерасчленённые конструкции) şi fraze cu structură divizibilă (расчленённые конструкции). Termenii respectivi se referă numai la frazele formate prin subordonare. Dar clasificarea în grupe şi subgrupe în cadrul celor două tipuri de structuri fundamentale diferă radical de cea din gramaticile precedente în care clasificarea structural-semantică a fost descrisă de V.A.Beloşapkova. Şi totuşi concluzia cu privire la analiza frazei în GR (1980) este optimistă: în această gramatică întîlnim una dintre cele mai ample, profunde şi multilaterale analize a frazei din punctul de vedere al structurii şi, mai ales, din punct de vedere semantic.

Paraschiva Şerbănescu: TERMINOLOGIA LINGVISTICĂ ÎN GR

Metalimbajul GR este condiţionat de sarcinile pe care şi le-au propus autorii (vezi Introducere, vol. I, p. 3), şi anume să îmbine descrierea ştiinţifică a structurii gramaticale a LR literare contemporane cu recomandări şi aprecieri normative. Limbajul GR, spun autorii ei, este un limbaj ştiinţific, adică în descrierea diferitelor fapte de limbă se foloseşte terminologia de specialitate contemporană, dar în acelaşi timp autorii se străduiesc să facă expunerea materialului cît mai accesibilă (prin eliminarea unor termeni de strictă specialitate şi prin explicarea termenilor noi la prima lor întrebuinţare). Astfel, în GR terminologia tradiţională (din gramaticile normative: manuale şcolare, GRJa etc.) se împleteşte cu terminologia nouă, folosită, în general, doar în lucrări lingvistice de specialitate şi oglindită parţial în GSRLJa (1970). După cum se va vedea mai departe, noutatea multor termeni este doar noţională (de cele mai multe ori nu se folosesc complexe sonore noi), vădindu-se de fapt o "reintegrare" a termenilor existenţi în limbă.

În conformitate cu cele arătate mai sus, termenii lingvistici din domeniul morfologiei (ne vom ocupa, aici, numai de acest capitol al GR I) pot fi grupaţi în următoarele cinci categorii: 1) Termeni tradiţionali care denumesc noţiuni tradiţionale; 2) Termeni tradiţionali care denumesc noţiuni noi (modificate); 3) Termeni-sintagme de factură nouă, formaţi din termeni tradiţionali, denumind noţiuni noi; 4) Termeni neologici, care denumesc noţiuni noi; 5) Termeni neologici, întrebuinţaţi în calitate de sinonime ale unor termeni tradiţionali, pentru a denumi noţiuni tradiţionale.

1. Termeni tradiţionali care denumesc noţiuni tradiţionale

Din această grupă fac parte termenii care denumesc majoritatea părţilor de vorbire şi a grupurilor lexical-gramaticale din cadrul lor, a categoriilor morfologice (număr, caz, gen, aspect etc.). Nu vom insista asupra acestei chestiuni. Remarcăm doar faptul că trebuie să fie incluşi în această grupă, de ex., termeni de tipul морфологическая категория числа 'categoria morfologică a numărului', deoarece noua abordare a problemelor şi noua terminologie folosită în definirea noţiunilor respective nu le modifică esenţa.

2. Termeni tradiţionali care denumesc noţiuni noi (modificate)

Redistribuirea unor grupe lexical-gramaticale de cuvinte între diferite părţi de vorbire (vezi, mai sus, expunerea făcută asupra capitolului Morfologie din GR I) a dus la modificarea conţinutului unor termeni ca: имя прилагательное 'adjectiv', имя числительное 'numeral', наречие 'adverb', deoarece aceste părţi de vorbire cuprind acum un număr diferit de grupuri de cuvinte comparativ cu clasificările tradiţionale. De asemenea, s-a schimbat conţinutul unor termeni care denumesc aceste grupuri de cuvinte ca, de ex.: относительные прилагательные 'adjective de relaţie', качественные наречия 'adverbe calificative' etc. Atît pentru aceşti termeni, cît şi pentru grupele următoare nu ne vom opri asupra conţinutului lor noţional (prezentat pe larg în comunicarea privind Morfologia).

3. Termeni-sintagme de factură nouă, formaţi din termeni tradiţionali, denumind noţiuni noi

În această categorie pot fi incluşi termeni ca местоимение-существительное 'pronume-substantiv', порядковые прилагательные 'adjective ordinale', местоименные прилагательные 'ad-

jective pronominale', acestea din urmă cu toate subgrupele respective, etc.

În schemele şi clasificările din GR I aceşti termeni au conţinut semantic clar, dar în cadrul analizei categoriilor morfologice flexionare ale respectivelor grupuri de cuvinte termenul complet nu se foloseşte, autorii apelînd de regulă la termeni prescurtaţi, iar uneori chiar la folosirea termenilor din clasificările tradiţionale: местоимение 'pronume' în loc de местоимение-существительное 'pronume-substantiv' sau указательные местоимения 'pronume demonstrative' în loc de указательные местоименные прилагательные 'adjective pronominale demonstrative'. Credem că, în cazul termenilor din această grupă, folosirea lor în formă sintagmatică completă ar contribui la fixarea în memoria cititorului atît a complexelor sonore (planul expresiei), cît şi a noţiunilor respective (planul conţinutului).

4. Termeni neologici, care denumesc noţiuni noi

Unul din exemplele concludente pentru această categorie de termeni, în morfologie, este termenul предикативы 'cuvinte predicative'. Faţă de GSRLJa (1970), unde acest termen era dat ca sinonim pentru предикативные наречия 'adverbe predicative', în GR I este precizat noul lui conţinut, şi anume: 'grupuri restrînse de substantive şi adverbe cu valoare de parte principală de propoziţie în propoziţii monomembre' (§ 1132, 1653). Din păcate, în Sintaxă termenul este folosit în sens mai larg, de 'cuvînt predicativ': причастный предикатив 'cuvînt predicativ participial' (GR II, § 2580, 2581, 2584).

5. Termeni neologici, întrebuinţaţi în calitate de sinonime ale unor termeni tradiţionali, pentru a denumi noţiuni tradiţionale

În această categorie pot fi incluse îmbinări de cuvinte în structura cărora unul din elemente, de factură rusă, este înlocui-

cu un termen de factură (circulație) internațională - a) fără modificarea sensului: видовая пара (оппозиция) 'pereche (opoziție) aspectuală', несовершенный (имперфективный) şi совершенный (перфективный) вид глагола 'aspectul imperfectiv şi, resp., perfectiv al verbului' etc.; b) adăugînd noi sensuri: полные (атрибутивные) şi краткие (предикативные) прилагательные 'adjective atributive (cu formă lungă) şi, resp., predicative (cu formă scurtă)', спрягаемые (предикативные) şi неспрягаемые (атрибутивные) формы глагола 'forme verbale conjugabile (predicative) şi, resp., neconjugabile (atributive)'. Lexemele terminologice атрибутивный şi предикативный precizează funcția sintactică a respectivelor forme (verbale şi adjectivale).

Un alt termen şi anume компаратив este introdus de autori ca sinonim, pare-se, absolut, pentru форма сравнительной степени 'formă de comparativ'. Deoarece însă aceşti doi termeni, folosiți alternativ, nu acoperă de fapt decît forma s i n t e t i c ă a gradului comparativ tradițional, credem că întrebuințarea consecventă a termenului nou ar ajuta la fixarea noțiunii respective (noi) şi în felul acesta s-ar evita confuziile ce se pot ivi prin folosirea în continuare a termenului tradițional.

Introducerea în GR a noilor realizări din domeniul lingvisticii moderne atît în ceea ce priveşte teoria generală, cît şi metodele de cercetare, a atras după sine şi schimbări în metalimbaj. Prin exemplele prezentate mai sus am încercat să ilustrăm doar un domeniu, terminologia m o r f o l o g i c ă din GR I. O analiză completă a terminologiei întregii lucrări (GR I şi II) ar putea oferi un tablou de ansamblu şi, evident, mai exact al terminologiei lingvistice vehiculate în acest tratat academic.

ABREVIERI

AF R.I.Avanesov, Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka, Moscova, 1956.

AT Fant, C.Gunnar M., Acoustic Theory of Speesch Production, Mouton, S'Gravenhage, 1960, trad. în limba rusă: G.Fant, Akustičeskaja teorija pečeobrazovanija, Moscova, 1964.

DEN Paula Diaconescu, Evoluția noțiunii de morfem și stadiul actual al analizei morfemice, în: Elemente de lingvistică structurală, București, 1967.

F Matusevici, M.I., Sovremennyj russkij jazyk. Fonetika, Moscova, 1976.

FNR F.P.Filin, Na rubeže novoj pjatiletki, în "Russkaja reč", 1981, nr. 1.

FR Avanesov, R.I., Fonetika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka, Moscova, 1956.

GR I, II (sau RG I, II) Gramatica rusă = Russkaja grammatika, vol. I, II, Moscova, Editura "Nauka", 1980, 783 p. + 709 p. (reeditată, fără modificări, în 1982).

GRJa Grammatija russkogo jazyka, vol. I, II, Moscova, Editura Academiei de Științe a URSS, 1952-1954 (reeditată, fară modificări, în 1960).

GSRLJa Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka, Moscova, Editura "Nauka", 1970.

IFS Varșavski, L.A., Litvak, I.M., Issledovanija formantnogo slova i nekotoryh drugih fizičeskih harakteristik zvukov russkoj reči, în Problemy fiziologičeskoj akustiki, vol. III, Moscova-Leningrad, 1955.

JaRG V.N.Jarceva, /Rec. la/ Russkaja grammatika, în "Voprosy jazykoznanija", 1982, nr. 2.

LRC Ivan Evseev, Alexe Bán, Marin Bucă ş.a., Limba rusă contemporană, Bucureşti, Editura didactică şi pedagogică, 1982.

PF Panov, M.V., Sovremennyj russkij jazyk. Fonetika, Moscova, 1979.

PR Roman Jakobson, Morris Halle, Phonology in relation to phonetics, în Manual of phonetics, edited by L.Keiser, Amsterdam, 1957; capitolulu a fost tradus în limba rusă sub titlul: Fonologija i ejo otnošenie k fonetike, în Novoe v lingvistike, vol. II, Moscova, 1962.

PSA Roman Jakobson, C.Gunnar M.Fant, Morris Halle, Preliminaries to speech analisis. The distinctive features and thein Correlates, "Tehnical Report", nr. 13, June, 1955; trad. în limba rusă: R.Iakobson, G.M.Fant, M.Halle, Vvedenie v analiz reči, în Novoe v lingvistike, vol. II, Moscova, 1962.

RF Avanesov, R.I., Russkaja literaturnaja i dialektičeskaja fonetika, Moscova, 1974.

RG I, II (Praga) V.Barnetová, H.Běličová-Křížková ş.a., Russkaja grammatika, vol. I, II, Praga, 1979.

RG Şcerba, L.V., Russkie glasnye v kačestennom i količestvennom otnošenii, în Jazykovaja sistema i rečevaja dejatel'nost', Leningrad, 1974.

RJaE Russkij jazyk. Enciklopedija. Glavnyj redaktor F.P. Filin, Moscova, 1979.

SLAJa Smirniţki, A.M., Leksikologija anglijskogo jazyka, Moscova, 1956.

ZS Bondarko, L.V., Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka, Moscova, 1977.

ZSRJa Zemskaia, E.A., Sovremennyj russkij jazyl. Slovoobrazovanie, Moscova, 1973.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Cuvînt înainte . . . . 3 - 4

I. ЛИНГВИСТИКА . . . . 5 - 89

Обогащение словаря современного русского языка путём метоминизации слов /Екатерина Фодор/ . . 7 - 25

Критерии классификации сложноподчинённых предложений /Ион Оицэ/ . . . . 26 - 44

Структурные средства сложных предложений /Ион Оицэ/ . . . . 45 - 83

Опыт и очередные задачи лексикографии /Мария Думитреску/ . . . . 84 - 89

II. ЛИНГВОДИДАКТИКА . . . . 91 -247

Школьный кабинет иностранных языков и его роль в повышении эффективности преподавания русского языка /Михаил Маринеску/ . . . . 93 -108

Неопределённые местоимения и прилагательные в современном русском языке /Анатол Педестрашу/ 109 -123

Причастные обороты в русском языке и их румынские эквиваленты /Ромео Кивеску/ . . . . . . 124 -142

Употребление видов глагола /Зигфрид Вольф/ . . . 143 -154

Особенности атрибутивных словосочетаний в научно-техническом стиле /Мирча Георгиу/ . . . . 155 -166

Выражение пространственных отношений в русском и румынском языках /Мария Оицэ/ . . . . 167 -188

Вопросы семантизации русской лексики /Фёдор Кирилэ/ . . . . 189 -206

Бесприставочные глаголы движения /Андрей Иванов/. 207 -226

Семантические, грамматические и стилистические признаки полных и кратких форм прилагательных /Аурика Брашовяну/ 227-235
Структурные схемы безличных предложений в русском языке и их эквиваленты в румынском языке /Михаела Морару/ 236-247
III. РУССКАЯ И СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА 249-359
Alexei Nikolaevici Tolstoi. 100 de ani de la naştere /Virgil Şoptereanu/. 251-254
Характер и функции повествовательных структур в творчестве А.Н.Толстого /Вирджил Шоптеряну/. . 255-268
Слово в повести А.Н.Толстого "Голубые города" /Анета Добре/ 269-278
Метафора в трилогии А.Н.Толстого "Хождение по мукам" /Екатерина Фодор и Мрия Арвинте/ . . . 279-287
Некоторые аспекты языка и стиля трилогии А.Н. Толстого "Хождение по мукам" /Аурика Брашовяну/ 288-3o1
Андрей Вознесенский /Думитру Балан/ 3o2-32o
Духовный мир Садовяну и русская литература /Альберт Ковач/ 321-338
Творчество и личность Льва Толстого в восприятии Марина Преды /Георге Барбэ/ 34o-359
IУ. ИЗ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ КАФЕДРЫ 361-362
MASA ROTUNDA. Noua Gramatica Academică a limbii ruse (1980). Privire analitică. Sub redacţia lui Victor Vascenco 369-418
Introducere 363-364
Privire de ansamblu asupra Gramaticii Ruse din 1980 (Victor Vascenco) 365-375
Fonetica şi fonologia în GR (Ecaterina Fodor).. 376-382
Accentul şi intonaţia în GR (Maria dumitrescu).. 382-386

Morfemica şi formarea cuvintelor în GR (Ecaterina Fodor şi Siegfried Wolf . . . 386-391

Morfologia în GR (Mircea Gheorghiu şi Aurica Braşoveanu) 391-396

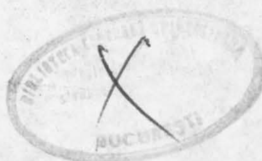
Raporturile sintactice (dintre cuvinte) şi îmbinările de cuvinte în GR (Anatol Pedestraşu) 397-402

Propoziţia în GR (Solomon Vaimberg şi Romeo Chivescu) 403-408

Fraza în GR (Ion Oiţă) 409-413

Terminologia lingvistică în GR (Paraschiva Şerbănescu) 414-417

Abrevieri 419-420

Bun de tipar 2.X.1985 Apătur Oct.1985
Tiraj 783 ex. Coli tipar (Fasc.) 21

Tipar executat sub Comanda nr. 13[illegible]/985
Tipografia Universității din București

Lei 51,40